

Колдовские

Миры

ВЫБОР ШАТЕРЫ

Яна Ясинская

Он вырос в роскоши дворца, она — в поселке каторжников. Он — залог шаткого перемирия в войне трех галактических империй, она — взбалмошная авантюристка, мечтающая только о свободе. Они встретились волей судьбы — принц и нищенка, принадлежащие к разным расам и разным мирам, и детская дружба переросла в отчаянную любовь. Любовь, у которой не может быть будущего. Любовь, которая поставит их перед страшным выбором: долг или счастье. Любовь, которая изменит ход истории Вселенной.

- [Яна Ясинская](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ» УТРО](#)
 - [2. МАЛЬЧИШКА-АЛЬТАИРЕЦ](#)
 - [3. МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ](#)
 - [4. «СВЕЖЕНИНА»](#)
 - [5. СКАЖИ «ДА»](#)
 - [6. ДОЧЬ СВОЕЙ МАТЕРИ](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РУАР!](#)
 - [2. НОЧНОЙ ГОСТЬ](#)
 - [3. НЕСКАЗКА](#)
 - [4. ПОБЕГ](#)
 - [5. КАСТА ВОИНОВ](#)
 - [6. КУКЛА](#)
 - [7. НЕ ХОЧУ!](#)
 - [8. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА](#)
 - [9. ПЯТНО](#)
 - [10. НЕДОВОЛЬСТВО ГОСПОЖИ БОРО](#)
 - [Часть третья](#)
 - [1. ТЕНИ ПРОШЛОГО](#)
 - [2. ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ И ЧЕХАРДА](#)
 - [3. ДВУЛИКАЯ АДЕЙРА](#)
 - [4. ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ](#)
 - [5. СУМРАЧНЫЙ ЛЕС](#)
 - [6. ОТГОЛОСКИ](#)
 - [7. ДЕРЕВНЯ-ПРИЗРАК](#)
 - [8. СЕРДЦЕ ИЛИ ДОЛГ?](#)
 - [9. ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД](#)
 - [10. ВЕЩИЙ СОН ГЛЭДИС](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [1. ВА-БАНК](#)
 - [2. У СУДЬБЫ СВОЯ ПЕЧАТЬ](#)
 - [3. АТАРКСИС](#)
 - [4. ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ](#)

- [5. ВЫБОР ШАТЕРЫ](#)

- [Эпилог](#)

Яна Ясинская
ВЫБОР ШАТЕРЫ

Пролог

Яркая вспышка. Взрыв. И пугающая тишина. Безмолвная, всепоглощающая — как сама вселенная. Вот уже несколько столетий в межгалактическом пространстве шли бои. Кто начал эту войну, что послужило первопричиной — не помнили даже старики. Но каждый день, каждый час гибли люди, и не было этому конца.

Дарий, Альтаир, Земля — три планеты, три великие империи — делили пограничные территории между собой. Топливные кристаллы уже давно стали драгоценней человеческих жизней. И цель всегда оправдывала средства.

По крайней мере так думали те, кто стоял на вершинах власти: Дэмонион — владыка Дарийской империи, Иоанн — император Альтаира и Айлит Боро — Верховная правительница Земного Альянса.

Однако существовали и другие, оставшиеся за ширмой официальной истории, но все же сумевшие переписать ее страницы. Подчас люди случайные, непрошенные. Волей рока оказавшиеся не в том месте, не в то время. Родившиеся не под той звездой. У каждого из них был свой путь и свой крест. Они взбирались на недостижимые высоты, падали и вновь устремляли взоры ввысь, веря, что однажды им все-таки удастся дотянуться до звезды и навсегда изменить свою судьбу.

Часть первая
КАТАР

1. «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ» УТРО

Ледяные порывы северного ветра больно били в лицо. Снежные хлопья застилали глаза. Но страж Дэбэра, суровый, грозный мужик, словно не замечал разбушевавшейся стихии. Настырно пробираясь сквозь бурелом Сумрачного леса, он искренне радовался не на шутку разыгравшейся озлобленной метели, которая заметала отпечатки его сапог, преследующие стража от моста императорской тюрьмы.

Если честно, Саяр сам до конца не верил в происходящее. За всю свою жизнь он не сделал ни одного доброго дела по отношению к чужим ему людям. Ни одного! Если бы кто-нибудь однажды сказал Саяру, что он, рискуя собственной шкурой, попытается вынести из Дэбэра рожденного узницей младенца, страж бы рассмеялся ему в лицо.

Но сейчас Саяру было не до смеха. В руках, словно драгоценную ношу, мужчина нес мешок, в котором на тряпках, снятых с покойников, мирно посапывал младенец. Это просто чудо, что ребенок не проснулся и не закричал в караулке! Тогда бы им точно обоим не жить.

Нет. Он не собирался оставлять мальчика себе. План был прост: отдаст мальчика повитухе, и дело с концом! Пусть пристроит к какой-нибудь новоиспеченной мамаше. Иначе дитя помрет с голодухи, и тогда поступок Саяра, пожалуй, единственный добрый в жизни, окажется напрасным.

Впрочем, кому он врет? Спасая младенца из Дэбэра, страж руководствовался отнюдь не добротой. Даже здесь, в Катаре, испокон веков существует неписаное правило: долги надо отдавать. А Саяр и вся его семья в неоплатном долгу перед матерью этого заморыша. Но сегодня он сумеет обнулить долг. Если только малец не помрет от холода и голода прежде, чем найдется повитуха.

* * *

Истошные женские вопли. И психованный голос старой повитухи:

— Тужься, я тебе говорю! Тужься, Акраба! Тужься!

Сугробы намело почти под крышу старой покосившейся хижины, затерянной на самой окраине Катара — закрытого поселения каторжников и военнопленных. Возле очага на грязной кровати в родовых муках корчилась молодая женщина. Возможно, еще совсем недавно красивая, но сейчас грязная, беременная, невменяемая от боли. Половину лица уродовали страшные ожоги, правая рука отрублена по локоть.

— Ненавижу! Ненавижу этого выродка, — то и дело скулила она. — Дай мне выпить, Кара! Дай мне порошка! Дай хоть что-нибудь! Я не могу больше... А-а-а-а... — слова превращались в вой.

Стук в дверь, громкий и настойчивый, заставил повитуху оторваться от роженицы.

— Кого еще принесла нелегкая?!

Раздосадованная тяжелыми затяжными родами повитуха распахнула дверь и тут же, охнув, отступила, обнаружив на пороге огромного хмурого стража Дэбэра.

Бородач бросил сумрачный взгляд на извивающуюся в муках роженицу, после чего молча вытащил едва живую от страха повитуху из хижины.

* * *

Путь от столицы Дария, Адейры, до императорской тюрьмы Дэбэр был неблизким и пролегал через Катар — через вечно заснеженный, до пугающего неуютный Катар. Пышно разодетый Верховный Лекарь Бэр, бросив на серебряный поднос последнюю косточку от жареной дичи, вытер белоснежным платком испачканные птичьим жиром губы и тоскливо вздохнул. Еда — единственная отрада в этом нудном путешествии — похоже, подошла к концу, а до Дэбэра еще ехать и ехать. Чтобы убедиться в этом воочию, толстяк выглянул из окна кареты, на дверце которой золотом отливали императорские вензеля. Сплошной серый непролазный Сумрачный лес и бесконечный снег, будь он неладен!

Бэр задернул шторы, поживившись, посильнее закутался в богатый плащ на меховой подкладке. Он терпеть не мог Сумрачный лес, через который шла кратчайшая дорога! Если бы таинственное силовое поле леса не выводило периодически из строя все технические приборы, он добрался бы до Дэбэра и быстрее, и комфортнее — на планолете или флайере. А так приходится по старинке трястись в доисторической коробке, запряженной троицей черных дарэбов, мощных боевых полуконей-полудраконов. Кстати, еще одно существенное неудобство для чувствительного обоняния: дарэбы жутко смердят и одежду после путешествия можно смело выбрасывать. Впрочем... Смерд от дарэбов не шел ни в какое сравнение с «ароматом» горы трупов, которая накопилась в Дэбэре за прошедшую пару недель. Смерть узников и предстояло запротоколировать изнеженному и жеманному толстяку Бэру.

Раньше Верховный Лекарь посещал императорскую тюрьму лишь раз в месяц. Умерших за это время узников складировали в холодном подвале, где они спокойно дожидались его приезда. Но времена, увы, изменились. За решеткой все чаще стали оказываться те, кто еще недавно числился среди приближенных к власти. Причем не одни, а вместе со всей родней.

Чистка. По-другому и не назовешь. Император Дария с завидной педантичностью убирал с пути тех, в ком подозревал хоть каплю крови Древних.

Крови, дающей право на трон соправителя Дарийской империи.

Дэмониону не нужен был соправитель, поэтому количество неугодных ему росло — а Бэру прибавлялось работы. Да еще эта смерть императрицы Арасэли...

— Совсем некстати, совсем некстати, — в который раз пробурчал Бэр, впиваясь задумчивым взглядом в меланхолично заснеженные пейзажи Сумрачного леса. — Совсем озвереет. Как бы каждую неделю в Дэбэр не пришлось приезжать...

Словно в подтверждение невеселых мыслей взгляд Бэра упал на изъеденный зверьем и хищными птицами труп каторжника, чей «смеющийся» оскал впечатлял. Местные, видать, ради шутки насадили его на дорожный шест, привязав к костышкам рук табличку с надписью «Катар». Получился весьма оригинальный дорожный указатель.

— Шутники, — хмыкнул Бэр.

Пожалуй, этот смеющийся труп с табличкой как нельзя лучше олицетворял забытый земным Богом и дарийским Отаром Катар.

Поселение проклятых. Бандитов, изгоев, неугодных, инакомыслящих.

Странное местечко, странное.

Единственное на Дарии, где можно смело хаять власть. Потому что тебе за это уже ничего не будет — ты и так уже в Катаре. Поселение, где дарийцы в кабаке играют в карты со своими заклятыми врагами — военнопленными землянами. Вместе пьют и веселятся. Потому что смысла враждовать здесь, в обледелом поселении, окруженном Сумрачным лесом, Северными горами и океаном, уже нет. Отсюда не выбраться: ни дарийцу, ни землянину. Так что в Катаре нет победителей. Здесь живут одни проигравшие. Хотя «живут» — слишком громко сказано. Скорее уж — доживают.

Опоясанный скалами, в недрах которых хранятся столь драгоценные для империи

топливные кристаллы, Катар всегда производил на дэуса Бэра весьма гнетущее впечатление. Могильник с еще живыми людьми. Полуразрушенные хижины, погребенные под сугробами. Измученные горняки со страшными ожогами — следами от излучения топливных кристаллов, — бредущие в запыленных облезлых телогрейках в трактир, чтобы там, напившись крепкого эля, хотя бы на время забыть о своей незавидной судьбе. Уродливые кабацкие девки, готовые на все ради дозы порошка забвения. Собаки, разгрызающие на дороге труп очередного несчастного, погибшего от поножовщины или просто от голода... Одним словом — Катар.

Как ни странно, но высокомерный баловень судьбы дэус Бэр, несмотря на высокое положение при дворе и приличное состояние, сколоченное за годы службы императору, неплохо понимал нищий сброд Катара. Он, как и эти горняки, сам предпочитал с помощью эля прятаться от жизни в пьяном тумане. Так было проще и легче. Эль давал забвение, столь желанное порой даже Верховному Лекарю Дарийской империи.

Словно в подтверждение своих мыслей Бэр отхлебнул большой глоток из инкрустированной брильянтами фляжки. Поморщился.

Это так странно: у него есть все — и в то же время нет ничего.

Год назад, по обвинению в причастности к роду Древних, на Плато Семи Ветров вместе с еще тридцатью подозреваемыми были казнены его жена и единственная дочь. Доказательств, что в крови Элены и Изолины Бэр текла хоть капля крови Древних, никто так и не смог предъявить, но император Дэмонион предпочитал не рисковать. Он уничтожил всех, кто мог хотя бы теоретически прикоснуться к Жезлу Власти.

Бэра заставили лично зафиксировать смерть жены и дочери. Это входило в обязанности Верховного Лекаря. И он не осмелился возразить. О! Как же Бэр в тот момент ненавидел Дэмониона и презирал себя! Но страх перед императором оказался сильнее. А еще трусость... Бэр так и не отважился выпить яд, чтобы последовать к Отару за семьей.

Впрочем, справедливости ради, Бэр особо и не рвался вслед за Эленой и Изолиной. Хотя по семье определенно скучал. Его брак, как и многие браки дарийской знати, заключался исключительно по расчету. Поначалу не было даже особой симпатии. Елена никогда не слыла красавицей, зато Бэр всегда симпатизировал ее богатому приданому. Жена стала спасением для Верховного Лекаря, который на тот момент по уши погряз в карточных долгах. Это был счастливый взаимовыгодный союз: Елена закрывала глаза на финансовые «шалости» игрока-мужа, а Бэр, в свою очередь, успешно делал вид, что верит жене, будто дочка от него.

О том, что ребенок от другого, дэус Бэр знал совершенно определенно. Он обладал уникальным даром: мог с одного взгляда определить степень родства между людьми. Поэтому со временем и стал столь неприлично богат. Знать при дворе императора весьма любила походить «налево», так что тайн происхождения «приплода» у дворян хватало. А тайны, как известно, всегда ценились очень дорого.

Бэр с пьяненькой усмешкой взглянул на увесистое кольцо, украшающее его средний палец. Плата за еще одну маленькую шалость одного из министров. Однако, несмотря на столь щедрый подарок, от этой сытой жизни его все равно тошнило.

Верховный Лекарь снова отхлебнул из фляги.

— Разрази тебя Отар, Дэмонион. Лучше бы ты отправился к Отару, а не Арасэли... — Перед глазами дэуса Бэра невольно вспыхнула картина, как императрица умоляла мужа пощадить Элену и Изолину, которой едва исполнилось пятнадцать. — Лучше бы ты умер, Дэмонион... Лучше бы ты...

Карета выехала на мост, ведущий к Дэбэру. Верховный Лекарь поспешно отвернулся от окна, задернул штору. Высоту он не выносил, а когда вдобавок внизу бесновался ледяной океан, Бэру и вовсе становилось не по себе. Эта неприступная крепость возвышалась на скалистом

острове, посреди бушующей стихии. Неудивительно, что за всю историю отсюда так никто и не смог сбежать.

По крайней мере так думал Бэр...

*Императорская тюрьма Дэбэр.
Несколько часов назад*

Противный скрежет лязгающих замков. Ее избитое, окровавленное тело упало на каменный пол сырой камеры.

— Дурная работенка, — не выдержав, буркнул один из стражей напарнику, выходя из камеры.

Не успели их тяжелые шаги стихнуть в лабиринте коридоров императорской тюрьмы, как неприметная прислужница, копошащаяся неподалеку в груде грязных тряпок — одежде умерших за сегодняшний день узников, — поспешила к покойнице в надежде поживиться.

Через крошечное зарешеченное окошко, расположенное под самым потолком, в темную камеру просачивался тусклый серебристый свет двух ночных светил Дария — Туса и Наоки, освещающая тело мертвой узницы, валяющееся на каменном полу в неуклюжей, неестественной позе.

Из раны все еще сочилась кровь. Лица не видно из-за мешка на голове. Но прислужницу мало волновало, кто перед ней. Единственное, что интересовало, — огромный живот, заметно выпирающий под одеждой покойницы.

Нерожденный! Большая удача! Местная повитуха, живущая неподалеку от Дэбэра — в Катаре, — даст за него не меньше десяти дар! А это огромные деньги! Хватит, чтобы отправить сыну, который вот уже год как учится в самой столице! В Адейре! Можно, конечно, обойтись и без посредничества повитухи и напрямую продать нерожденного горным ведуньям. Они бы заплатили за ингредиент, без которого не изобразишь эликсир молодости для богатых дариек, вдвое больше, но... Связываться с горными ведуньями чревато.

Не теряя время, прислужница достала небольшой нож, вспорола одежду покойницы. Живот был достаточно большой. Ребенок явно уже сформировался. За такого, возможно, заплатят и все пятнадцать дар!

Женщина довольно улыбнулась, тут же представив, как сын покупает на вырученные деньги новую ученическую форму и учебные свитки. О, как она гордилась своим мальчиком! Он был первым из детей прислужников Дэбэра, кто получит образование. Первый, кому удалось вырваться из этого проклятого места! В отличие от нее самой и мужа, который всю жизнь служил здесь же, в Дэбэре, стражем. И все благодаря благословенной императрице Арасэли, которая добилась разрешения у своего сурового супруга, императора Дэмониона, открыть школы и училища для детей простолюдинов. Удручало лишь одно — несколько дней назад в Дэбэр пришла дурная весть. Доброй императрицы не стало. Арасэли скончалась при преждевременных родах, так и не произведя на свет долгожданного наследника. Вот уже три дня в империи стоял траур. Народ искренне оплакивал ту, что была светом для всего темного и мрачного Дария.

Прислужнице, несмотря на изрядно зачерствелую в стенах Дэбэра душу, тоже было искренне жаль молодую правительницу, которая дала ее сыну шанс на другую, более счастливую жизнь. Женщина панически боялась, что со смертью доброй императрицы обозленный на жизнь Дэмонион закроет новые школы и училища. Дай-то Отар, чтобы это было не так!

Где-то вдали послышался приглушенный, тяжелый звон колокола. Он гулким эхом покатился по скалам, растворяясь в бурной морской пучине беспокойного Северного океана, окружающего крепость Дэбэр. Плакальщик на главной башне завел свою еженощную заунывную

песнь-восхваление Великому Отару.

Прислужница вздрогнула. Надо было спешить. Песнь Отару возвещала приближающийся рассвет. Еще немного — и звезда Сатаба сменит на небосклоне ночные светила блеклый Тус и лучезарную Наоки.

С трудом перекатив уже начавшее коченеть тело пленницы на спину, прислужница взялась за нож.

Неглубокий длинный надрез.

Тошнотворный, сладковатый запах крови.

Копаться во внутренностях покойницы — дело не из приятных, но мысль о наживе грела душу и придавала энтузиазма.

Наконец нерожденного удалось вытащить.

Крошечное, еще не успевшее посинеть тельце.

— Что ты здесь делаешь?!

Заставший врасплох сумрачный голос тюремного стража заставил прислужницу с перепугу подскочить на месте.

— Саяр! Это ты... — выдох облегчения. — Как же ты меня напугал!

Сегодня явно ее ночь! Сегодня она везучая! Как хорошо, что дежурным по крылу оказался собственный муж.

— Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не промышляла в этом крыле! Ты же знаешь, здесь особые узники, — пробурчал бородатый громоздкий страж, нервно выглядывая за дверь. — Живо убирайся!

Но прислужница не собиралась уходить из камеры без добычи.

— Смотри! Здесь дар на десять, а то и на пятнадцать будет! Вот увидишь, повитуха не поскупится! Ведуньям перепродает! А мы... Мы сыну отправим!

Упоминание о единственном сыне заставило стража поубавить гнев. Мальчику действительно было сложно вдали от родителей. Как и им без него. Дары точно лишними не будут.

— Поторопись. Я сам вынесу. Тебя на проходной иначе обшманают. Эркиль дежурит.

Эркиль — это плохо. Дотошный. Злой. Нет, он бы, конечно, выпустил. Но пришлось бы делиться. А зачем делиться, когда муж и сам спокойно вынесет из тюрьмы нерожденного. Только надо поторопиться. Пока не передумал.

— Я сейчас. Сейчас.

— В мешок какой-нибудь заверни. Не в руках же тащить.

Легко сказать: «мешок». Где его взять-то в пустой камере? Взгляд прислужницы упал на замотанную голову покойницы. Нет! Удача точно сегодня на ее стороне! Как раз то, что надо! Достаточно прочный, вместительный и не слишком большой — такой не привлечет лишнее внимание. Все уже давно привыкли, что нищие прислужницы и стражи каждый день выносят из Дэбэра тряпье покойников. А к Саяру — начальнику стражи в Северном крыле — и вовсе никаких вопросов не будет.

Тесемка мешка на шее покойницы была завязана слишком крепким узлом. Ее пришлось разрезать все тем же окровавленным ножом, которым еще несколько минут назад женщина вспарывала убитой живот.

— Дай я сам. — Видя, что жена слишком долго копошится с узлом, страж отобрал у нее нож. Один ловкий надрез, и мешок уже в руках у женщины. — Быстрее давай.

Прислужница повернулась, чтобы запихать тело младенца в мешок, а страж тем временем от нечего делать бросил взгляд на убитую.

Уже в следующее мгновение он понял: зря он это сделал. Ой, как зря!

— Сара... — одними губами ошарашенно прошептал он, обращаясь к жене. — Сара...

Прислужница обернулась. Ее взгляд скользнул по синюшно-бледному, искаженному болью лицу совсем юной покойницы.

Сердце на мгновение остановилось. Откуда-то изнутри внезапно для самой прислужницы вырвался сдавленный не то стон, не то всхлип.

— Нет... Только не она... Саяр... Как же так? Саяр! Это не может быть она!

Отчаяние. Боль. Горе... Неподдельное горе обрушилось на ту, чья душа, казалось бы, давно должна была полностью заledenеть в застенках императорской тюрьмы.

И в это самое мгновение заплакал младенец.

Едва слышно, но с упрямой настойчивостью.

Ошарашенные прислужница со стражем перевели взгляд с мертвой матери на младенца, который, внаглую игнорируя все законы природы и саму смерть, явно собирался жить.

Супруги перепуганно переглянулись. Оба прекрасно понимали: как только младенец сделал первый самостоятельный вдох, он потерял для ведуний всякую ценность. За него теперь не заплатят и полдары.

Никому не нужное дитя.

Его оставалось только утопить в бочке с дождевой водой, которая стояла в тюремном дворе. Так поступали со всеми детьми, рожденными в Дэбэре. Прислужница сама топила таких, и не раз.

Но рядом с внезапно ожившим младенцем лежало еще не до конца остывшее тело его матери...

Инстинкт самосохранения кричал обоим: «Бегите прочь!» Однако ни прислужница, ни страж не сдвинулись с места. Странно, но, оказывается, даже у людей с самыми очерстевшими от тяжелой жизни душами иногда внутри вспыхивает свет, который называется «благодарность».

Императорская тюрьма Дэбэр.

Настоящее время

Это была последняя камера. И последний покойник. Точнее — покойница. Дэусу Бэру хватило одного взгляда, чтобы понять: странно все как-то. Очень странно.

В отличие от остальных узников, чьи тела обычно как попало валялись на полу, тело женщины аккуратно лежало на нарах. Руки сложены на груди.

Надо же! С каких пор стражи Дэбэра проявляют такое уважение к покойникам?

Заинтригованный Бэр подошел ближе, жестом приказывая безмолвному стражнику, стоящему за спиной, осветить на труп. Слишком дорогая ткань для простолюдинки. Как пить дать — дворянка. Из знатных. И когда только Дэмонион угомонится?

Лица убитой не видно. На голове подобие мешка. Зачем? С чего это вдруг стражи Дэбэра стали такими чувствительными? С каких пор они не хотят, убивая, смотреть своим жертвам в глаза?

Хотелось домой — в Адейру. Принять ароматную ванну, плотно поужинать и в мягкую постельку. Подальше от жуткого зловония. Так что...

— Отар поberi эту работенку! — в который раз выругался Верховный Лекарь, в тысячный раз жалея, что по закону он лично должен освидетельствовать смерть узников Дэбэра. — Почему я должен каждый раз сам ковыряться в вашем дерьме?

Толстяк покосился на сопровождающего его безмолвного стража. Конечно, он не ждал ответа от своего вынужденного «попутчика», да тому и по чину не положено общаться с вышестоящей знатью. Верховный Лекарь сделал брезгливый жест рукой.

— Пошел прочь!

Страж поспешно удалился, и дэус Бэр продолжил работу. Беглый осмотр тела показал, что женщина умерла от жестокого избиения. Хотя нет... Кто-то по доброте душевной незаметно проткнул ей кинжалом сердце. Видать, пожалел. Чтобы долго не мучилась.

— Что здесь вообще происходит? — Недоумение Верховного Лекаря невольно возрастало.

Пробежавшись еще раз взглядом по телу покойницы, Бэр, наконец, понял, что его смущает — «сдвигшийся» живот. Женщина еще совсем недавно была беременна. Откинув окровавленный подол, Верховный Лекарь внимательно изучил рваный разрез.

Не кесарево. Ребенка вырезали грубо, явно не пытаясь сохранить жизнь ни матери, ни малышу.

— Нерожденный! — догадался Верховный Лекарь.

Что ж, такое в Дэбэре не в первой. Он слышал, что за нерожденных детей ведуньи хорошо приплачивают местным прислужницам. Что ж, может, оно и к лучшему. Что ребенка вырезали. Не придется возиться с бумагами — оформлять еще один труп.

Оформив свидетельство о смерти (не став, правда, выдавать сердобольного прокалывателя сердца), дэус Бэр направился к двери, но вдруг притормозил, запоздало сообразив, что в графе покойницы стоит только номер камеры. Имени нет.

Непорядок! Только не хватало еще приезжать сюда повторно на опознание, если доскребутся до бумаг! Понимая, что страж, сопровождающий его, вряд ли знает личность покойницы, и не желая искать надзирателя, Верховный Лекарь решил пойти наудачу. Возможно, он раньше встречал эту несчастную при дворе. Уж больно богатый наряд. Или сможет благодаря своему дару определить степень ее родства с кем-то из знакомых. Бэр, брезгливо поморщившись и натянув белоснежную перчатку, снял с головы покойницы тряпку.

Сердце остановилось.

Волна ледящего ужаса сковала тело. Верховному Лекарю потребовалось минут десять, чтобы оправиться от шока.

Нет никакой нужды искать ее родственников. Он слишком хорошо знал — они все уже давно мертвы. Как не надо узнавать и ее имя. Бэр все равно не осмелился бы записать его в документы.

Верховный Лекарь отошел от покойницы, рассеянно огляделся. В голове роилась куча вопросов, но среди них доминировал лишь один: ребенок! Родился ли он мертвым, или...

И это «или» сводило его с ума!

* * *

Паршивое утро. Паршивая жизнь.

Кое-как открыв глаза, Акраба с трудом приподнялась на локте. Одним. Второго, увы, не было. Перед глазами все тут же поплыло. Тело противно и нудно ныло от боли.

Не то чтобы она не хотела этого ребенка. Напротив! Беременность была заранее спланирована. Но ребенок требовался Акрабе для вполне определенной цели. Она хотела получить его кровь. Сильную, как у его отца. Вот только задумка, увы, не выгорела. Поэтому она и здесь, в ненавистном Катаре. Изуродованная, нищая, с чужим именем, посаженная сволочью Глэдис на эль и тандурим — порошок забвения. Акраба прекрасно понимала: ее жизнь кончена. Единственный вариант побега из Катара, да и из обреченной жизни в целом — самоубийство, но трудно перерезать вены на единственной уцелевшей руке. К тому же Акраба на дух не выносила кровь, так что...

— Еще поживу, — с трудом сползая с грязной окровавленной кровати, процедила женщина, направляясь к люльке.

Любопытство все же распирало. Интересно, кто хоть родился? Мальчик? Девочка? Пусть лучше пацан. Им живется легче. Девкам на Дарии заведомо уготована нерадостная судьба. Они здесь никто и звать их никак. Акраба ли не знать этого...

Люлька стояла в углу единственной в доме комнаты, стены которой уже давно прокоптились от гари, исходящей из печи. Хижина топилась по-черному, так что гари хватало. Не самое лучшее место для новорожденного младенца, но другого жилья нет.

Акраба, пошатываясь, подошла к старой люльке, которую на днях притащил сосед — сердобольный святоша Марк, священник-миссионер с Земли. Чокнутый! Вот оно ему надо — помогать чужому человеку? Торчит в этом забытом Отаром месте по собственной воле! Да если б она, Акраба, могла преодолеть силовой купол Катара, ее бы уже давно здесь не было!

Идиот!

Размышления о недалекости святоши-землянина на пару минут отвлекли спутанное сознание Акрабы. В реальность ее вернуло детское гугуканье.

— Значит, все-таки живой, — умозаключила «сердобольная» мамаша, которая в душе надеялась, что у ребенка хватит ума и инстинкта самосохранения за минувшую ночь помереть самостоятельно и тем самым существенно облегчить ей жизнь. Чего греха таить, материнских чувств у Акрабы роды не вызвали.

Ведомая отнюдь не любовью к ребенку, а исключительно любопытством, Акраба все же заглянула в люльку.

И оторопела!

Двое.

На дне лежали двое новорожденных: мальчик и девочка. И это при том, что Акраба точно помнила, что родила только одного! И как теперь понять, кто родной, а кого отправить к Отару? Ей лишний рот ни к чему! Самой жрать нечего! В Катаре так всегда поступали повитухи — сбрасывали новорожденных с обрыва, когда новоиспеченные мамашки просили их (за дополнительную плату, разумеется) избавиться от нежеланного рта.

— Повитуха! Драгова подстилка! Это она подбросила! — со злостью озвучила Акраба первую разумную мысль, мелькнувшую в пропитом мозгу.

Напрочь забыв о том, что босая, разъяренная роженица бросилась к двери.

— Ну стерва, я тебя...

Угроза потеряла смысл сразу же, как только возмущенная Акраба оказалась на заснеженном крыльце.

Застыв больше от удивления, чем от страха, беспутная с неподдельным интересом впилась взглядом в дерево, растущее неподалеку от дома. Радовало одно — долго искать «драгову подстилку» точно не придется. Не радовало другое — висящая на ветке с высунутым синим языком повитуха вряд ли уже сможет поведать Акрабе, откуда взялся второй ребенок и какой из двоих ее родной.

— Зашибись! Замечательное утро! — фыркнула Акраба, возвращаясь в хижину.

Беспутная стала возле люльки, в которой от голода надрывались оба младенца, чем несказанно раздражали новоиспеченную мамулю.

— Заткнитесь! — рявкнула Акраба.

Но дети не замолкали. На пропитом лице женщины отчетливо читалась нерешительность. Она пыталась понять, кого же из двоих отправлять к Отару. Выкармливать чужого в ее планы не входило. Может, сразу обоих, чтобы не усложнять себе жизнь? Этот вариант Акраба тоже вполне серьезно рассматривала.

2. МАЛЬЧИШКА-АЛЬТАИРЕЦ

13 лет спустя.

Нейтральное межгалактическое пространство.

Дипломатический крейсер Земного Альянса

Изумрудно-синяя светящаяся точка на черном межгалактическом полотне — Дарий. Таинственный и непредсказуемый. Странная смесь средневековья и сверхсовременных технологий. Нищеты плебеев и роскоши знати.

Планета-загадка.

Планета-«исходник».

Самая древняя.

Самая нецивилизованная.

И в то же время самая богатая на топливные кристаллы, без которых в космосе не продержится ни один звездолет.

Полвека назад залежи топливных кристаллов были обнаружены и на нескольких других диких планетах и их спутниках, находящихся на границе Дарийской империи. Они-то и стали истинной первопричиной затяжной межгалактической войны между тремя империями. Однако рано или поздно наступает момент, когда человеческие и военные ресурсы всех сторон подходят к концу. Возникает необходимость в передышке. Тогда и появляется такое долгожданное и желаемое простыми смертными слово — перемирие.

Хрупкое. Ненадежное. Но все же — пауза в затяжной и кровавой войне. Перемирие, за которое Иоанн, правитель Альтаирской империи, лично заплатил весьма высокую цену.

Высокий, светловолосый, с мудрыми пронзительно-синими глазами, он стоял возле огромной прозрачной стены, разделяющей конференц-зал дипломатического крейсера с открытым космосом, и задумчиво смотрел вдаль. Туда, где необычным и таким манящим светом сияла изумрудно-синяя планета, на которой находился его младший третий сын, ставший по своей воле залогом перемирия между Дарием и Альтаиром.

— Иоанн?! Вы слышите, что я говорю? — Раздражающе слащавый голос Айлит Боро, Верховной Земного Альянса, заставил императора оторваться от невеселых размышлений о судьбе пятнадцатилетнего сына, которого не видел вот уже долгие два года.

— Да, конечно, — нехотя отозвался Иоанн, так и не повернувшись к симпатичной рыжеволосой женщине лет сорока пяти со строгим каре и выразительными миндалевидными глазами.

Айлит чинно восседала в кресле, стоящем во главе длинного стола переговоров. Педантичная во всем, что касается дипломатического этикета, она даже не заметила столь невежливого ответа своего высокопоставленного «коллеги». Все ее внимание сосредоточилось на огромной голограмме третьего собеседника — Стива Ромеро, посла Земного Альянса на Дарии. Худого, невысокого, с абсолютно незапоминающейся внешностью. Тень, по-другому и не скажешь.

— Неужели все так просто?! — во второй раз восторженно воскликнула Боро. Ее лицо вновь озарила идеальная улыбка. Та самая, фирменная, которая никогда и не сходила с губ Айлит. Женщина улыбалась постоянно: когда благодарила, хвалила, ругала... Порой складывалось ощущение, что мышцы кукольного личика Верховной просто не могли не улыбаться. И это порой несказанно раздражало. В частности — Иоанна. По искусственно красивому лицу Боро никогда нельзя было понять, что она чувствует и думает на самом деле.

— Да, — вновь подтвердил Стив Ромеро. — Стоит вывезти Жезл Власти за пределы Дария, и защитное силовое поле планеты исчезнет. Смотрите сами.

Иоанн обернулся. Слова посла заинтриговали и его.

В центре стола образовалась новая голограмма — миниатюрное изображение Дария с его впечатляющими подземными залежами топливных кристаллов, которые для наглядности искусственно высвечивались графикой изнутри планеты, порождая чарующий изумрудно-синий свет.

— Позвольте объяснить схему действия Жезла Власти. — Посол взмахнул рукой, и голограмма начала меняться.

Возникло графическое изображение причудливо выкованного Жезла, увенчанного крупным кристаллом, похожим на топливный. Кристалл олицетворял сам Дарий.

— Сам Жезл только проводник, — начал Ромеро. — Он в разы усиливает силу кристалла, в котором и сокрыта настоящая мощь Дария. Потому что это, так сказать, объединяющий кристалл.

Над столом возникла сияющая планета, и из всех подземных залежей топливных кристаллов к Жезлу Власти протянулись изумрудно-синие лучи, которые и сгенерировали своей паутиной мощное силовое поле Дария.

— Пока кристалл находится на Дарии, планета неуязвима, — описал ситуацию посол. — Ни одно наше оружие не сможет пробить защитное поле. Но! Если кристалл каким-то чудом покинет планету...

Ромеро ловким жестом изъясил голографический кристалл с Жезла Власти. Связь связующего кристалла с рудниками тут же оборвалась. Силовое поле лопнуло как мыльный пузырь.

— И Дарий наш.

Пожалуй, впервые за все время на лице Айлит возникла искренняя восторженная улыбка.

— И тогда мы сможем наконец-то помочь бедным дарийцам скинуть гнет тирана! Освободить народ от императора Дэмониона! Показать дарийцам не словом, а делом, что на свете есть демократия!

Голос Боро звучал настолько громогласно и убежденно-пафосно, что Иоанн не выдержал, скептически усмехнулся. Видимо, Верховная Земного Альянса забыла, что выступает не перед толпой землян с их уже давно промытыми агиткой мозгами, а перед таким же правителем, который прекрасно понимает, как на самом деле обстоят дела во вселенной.

— Демократия, — чуть слышно произнес Иоанн.

От Айлит не укрылась откровенная издевка в голосе императора Альтаира.

— Вы с чем-то не согласны, мой дорогой друг? — с невинной улыбкой вежливо поинтересовалась она. — Право же, Иоанн, вам не кажется, что существующий расклад несколько нечестен: почему одна планета должна обладать основным запасом топливных кристаллов? Надо уметь делиться. Это было бы справедливо! Вы так не считаете? — с невинной улыбкой поинтересовалась Боро, с трудом скрывая раздражение в голосе.

Иоанн не ответил. Он всегда сильно сомневался, что Земной Альянс в случае их совместной победы станет делиться с Альтаиром ресурсами завоеванного Дария. Скорее уж эта победа породит новый виток агрессии.

Межгалактическая война, доставшаяся Иоанну в наследство от отца, уже давно набила ему оскомину. В отличие от Айлит Иоанну хотелось мира и покоя. Поэтому подтекст слов Верховной Земного Альянса был откровенно неприятен. Он слишком хорошо понимал: Боро спала и видела, что однажды сумеет завоевать Дарий. И тогда мировое господство окажется полностью в руках Земного Альянса. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: после завоевания Дария Земной Альянс неминуемо захочет подмять под себя и своего вечного союзника — Альтаирскую

империю. Такая перспектива абсолютно не устраивала Иоанна. Альтаир всегда был свободной и самостоятельной территорией. И он никому не позволит диктовать альтаирцам условия, говорить, как им жить!

Айлит, не дождавшись ответа, бросила на императора предупредительно-вопросительный взгляд и настойчиво повторила:

— Вы с чем-то не согласны, ваше величество?

Отвечать напрямую не хотелось, да и не было смысла. Старая истина «худой мир лучше доброй ссоры» была актуальна во взаимоотношениях Альтаира с Землей, как никогда раньше. Поэтому Иоанн решил пойти обходным путем.

— С тем, что легко сказать «Дарий наш». Даже если не брать в расчет то, что Жезл Власти охраняется воинами Руара и ведуньями, вы прекрасно знаете, что к нему невозможно прикоснуться, не сгорев при этом заживо. Его может взять только сам Дэмонион. Либо прямой наследник престола. Тот, в чьих жилах течет кровь Древних. А таких на Дарии, насколько мне известно, уже не осталось. Так как вы собираетесь изымать кристалл? Чьими руками?

Слова Иоанна произвели на Боро действие неприятного холодного душа. Улыбка мертвым грузом застыла на фарфоровом лице женщины.

— Вот увидите, я найду выход, ваше императорское величество. Рано или поздно на Дарии появится тот, кто сможет взять в руки Жезл, и тогда...

Лицо Айлит озарила торжествующая лучезарная улыбка.

О да! И тогда Дарий неминуемо окажется в ее руках. Уж она, Айлит Боро, Верховная Земного Альянса, лично позаботится об этом!

Дарий. Катар

Ада

Руки трясутся от холода. Искры от огнива ни в какую не хотят разжигать отсыревшие щепки в старом прокопченном камине. Спасибо, мамуля! Не могла уследить за огнем хотя бы три часа, пока я убиралась в доме священника. Теперь вот мучься — разводи пламя заново.

Из-за бесконечных суровых катарских зим оставлять дом без тепла нельзя и на несколько часов. Иначе промозглый холод моментально проберет до костей. Только зазеваешься — проворонишь потухший ночью огонь — и пожалуйста, утром уже можешь не проснуться. Замерзнешь замертво.

Мамуля это прекрасно знает. Только ей давно уже на все и на всех плевать: и на себя, и на нас с Анигаем. Мне порой кажется, будь ее воля, она бы с удовольствием наложила на себя руки, но куда там! Для того чтобы покончить с собой, нужна крепость духа, а ее-то у нашей пропащей мамы Акрабы как раз и нет.

Физически сбежать из Катара — поселения каторжников и военнопленных, где мы и живем, тоже не получится. Катар накрыт силовым куполом. Каждый год по весне по периметру поселения стражи Дэбэра то и дело собирают «жареные» останки беглецов. При столкновении с силовым полем любое живое существо сгорает за считанные секунды. Беглеца и не опознаешь. Как правило, остается только догадываться, кто это был. Вдобавок за долгую зиму останки хорошо подъедаются местным зверьем... В общем, жуть.

Оборачиваюсь. Исподлобья смотрю на пьяную мать, которая в одежде валяется на своей замызганной кровати. Сваленные от грязи волосы закрывают половину лица — ту самую, которая обезображена страшными ожогами. Мой взгляд падает на ее безвольно свисающую культипку правой руки.

У матери нет руки до локтя. В пьяном угаре она часто рассказывает всем подряд бредовую историю о том, что когда-то была сногсшибательной красавицей — шатерой Руара, а руку ей отрубил сам император Дэмонион, потому что она якобы осмелилась претендовать на Жезл Власти... В общем, пьяный бред человека, который хотел бы прожить другую — куда более яркую жизнь.

Мечтать, как говорится, не запретишь. Вот только в Катаре мечтать вредно. Зачем лишний раз беречь душу, если и так знаешь, что вся твоя жизнь уже predetermined с самого начала. Родился у сапожника — будешь сапожником, у тюремной прислужницы — станешь прислужницей или стражем, в семье каторжника — каторжником, в семье проститутки... Вот здесь я, пожалуй, не соглашусь.

Профессия мамули меня категорически не устраивает, так что лучше уж я нарушу традиции и поработаю и дальше служанкой у отца Марка — священника-миссионера с Земли, который знает нас с Анигаем с детства и по мере сил опекает. Даже пристроил компаньонами к своему гостю — альтаирскому мальчишке, который живет у него уже года три. Чтобы тому не было одиноко, отец Марк и попросил нас с братом составить ему компанию. Платит, правда, едой. Зато не голодаем, как другие!

Альтаирца зовут Эван. Старше нас с братом года на два. Первое время сторонился. Тяжело ему к Катару привыкалось. И здоровье у него слабенькое — местный воздух не идет. Сам-то мальчишка, как выяснилось, неплохой. Немногословный совсем, зато на скрипке красиво играет. Это музыкальный инструмент такой. С Земли. Люблю слушать, как его скрипка то плачет, то смеется. За три года, что мы знакомы, Эван успел стать мне то ли другом, то ли еще одним братом. Сама не пойму. Странно, конечно, как-то: он альтаирец, я дарийка. Наши империи всю жизнь воевали, а мы дружим. Благо, перемирие вот уже несколько лет держится. Не люблю войну. Да и кто ее любит?

Ловлю себя на мысли: надо будет к Эвану еще успеть заглянуть, проверить, все ли там у него в порядке, а потом уже в шахту к Анигаю идти. А то еще заловят нас в рудниках, не дай бог, а я даже со своим альтаирцем попрощаться не успею.

С горем пополам развожу камин. Комната моментально наполняется дымом от сырых веток. Подбрасываю в огонь побольше дров. По моим подсчетам тепла должно хватить еще часа на три, как раз пока я буду отсутствовать. Какая-никакая, но Акраба все же мать. Не хочу, вернувшись вечером, обнаружить дома ее застывший труп. Тем более в такой день.

День нашего с братом рождения. Сегодня нам исполняется тринадцать лет. Но мама об этом даже и не вспомнила.

Ежась от холода, быстро переодеваюсь. Свое единственное платье аккуратно вешаю на спинку стула. Вместо него напяливаю старую одежду брата, из которой он уже давно вырос. Несмотря на то что мы с Анигаем двойняшки, кто не знает — никогда бы не поверил, что мы родственники.

Брат высокий, сильный. Выглядит значительно старше своего возраста. Прямые черные волосы, карие глаза, довольно смуглая кожа — типичный дариец-южанин.

Я, напротив, мелкая, бледная. Как поганка. Волосы — темный каштан. Длинные, вьющиеся, непослушные. Прячу их всегда под шапкой, чтобы все принимали меня за мальчишку. Так безопаснее. В Катаре не так много женщин, зато куча каторжников. Лучше не выделяться.

Глаза у меня странного фиалкового цвета. Я таких ни у кого не видела. Наверное, они мне от папаши достались. Кто наш отец, мы не знаем. Из-за того, что мы с братом настолько не похожи друг на друга, над нами даже посмеиваются: мол, наша беспутная мамаша умудрилась нас зачать от двух разных мужчин сразу.

Я с этим и не спорю. С Акрабы станется.

Запасы еды уже почти подошли к концу. Я это обнаружила лишь сегодня утром. Все, что я оставляла нам с Анигаем на праздничный стол (если его можно назвать таковым), куда-то исчезло. Видимо, мать, болеющая с похмелья, вытащила из кладовки последнее вяленое мясо, чтобы обменять на бутылку эля. Теперь она лежит пьяная и довольная, а у меня под ложечкой от голода подсасывает так, что хоть вой. Хорошо еще, что Эван не знает. Отругал бы. Он меня постоянно подкормить пытается. А я не люблю чужой хлеб есть, но приходится. Иначе бы давно с голоду сдохла. Этого бы мне Эван точно не простил!

Смотрюсь в старое мутное зеркало. Посильнее надвигаю на глаза объемную шапку, под которую прячу волосы. Так-то лучше. В одежде брата да еще в дурацкой шапке никто меня за девчонку не примет. Так, за мальчика лет десяти. Такой не вызовет подозрения, если будет ошиваться возле копий рудников. А именно это мне и надо.

Терпеть не могу воровать. Очень нервничаю, когда приходится. Тем более что ни для кого не секрет: за разворовывание национального достояния Дария — кражу топливных кристаллов — любого ждет неминуемая казнь. Но вся фишка в том, что таких «любых» очень мало. Потому что далеко не каждый сможет взять в руки топливный кристалл и не заработать жуткий ожог до костей. Даже через кожаные перчатки.

Горняки работают в копиях в специальных свинцовых рукавицах, защиты которых хватает лишь на двенадцать часов. Не успеешь сменить — останешься в прямом смысле без рук.

Я — другое дело. Не знаю уж, откуда и почему так получилось, но у меня на кристаллы иммунитет. Я спокойно могу брать их голыми руками, и никаких ожогов. Они для меня словно лед. Даже как-то странно. Я, конечно, об этом не распространяюсь. Знают только брат и Эван.

Мать говорит, что я толстокожая. Меня ничем не прошибешь. Может, поэтому я и не чувствую кристаллы.

Наверное, так оно и есть.

Не важно. Главное, что моя толстокожесть позволяет моей семье выжить.

Мы продаем ворованные кристаллы местному ушлому контрабандисту дэусу Сину. Платит, конечно, гроши по сравнению с реальной ценой (кристаллы в большом дефиците на Черном рынке, ведь ими заправляют звездолеты), но и тех дар, что удастся за них выручить, хватает нам троим на еду на месяц.

Правда, с именем не повезло. Меня зовут Ада маек. На древнедарийском мое имя означает «та, которой не должно было быть». Мамуля — еще та острячка — более жизнерадостного имени придумать, конечно, не могла. Впрочем, близкие меня зовут просто Ада. И это меня вполне устраивает.

В Катаре говорят: как назвали — так и проживешь. Но я не согласна. Как и с тем, что мне на роду написано повторить жизнь своей пропащей мамыши. Мне кажется, человек вправе сам выбирать судьбу. Хотя вряд ли кто в Катаре с этим согласится.

* * *

Острые камни то и дело норовят выскользнуть из-под ног. Один неосторожный шаг — и окажешься в пропасти. Как же я ненавижу горы! Недаром их в народе прозвали Хребтом мертвецов. Каждый раз неизменно натыкаюсь здесь на обглоданный зверьем труп. Вот и сейчас, безгласно морщась, отвожу взгляд от торчащей из-под глыбы снега наполовину съеденной руки. Судя по болтающемуся на кости массивному черному браслету — военнопленный каторжник. Видимо, попытался сбежать с императорских рудников. Глупец! От стражей Дэбэра не сбежишь. М-да... Не хотела бы я оказаться на месте этого несчастного. Не хотела бы...

Северный катарский ветер, как обычно, лютует. Обледелено все: промерзшая земля, горы, редкие деревья. Кажется, еще немного, и я сама покроюсь коркой льда. И это называется весна!

Зелень в горах Катара появляется лишь в середине лета, а пока разве что мох встретишь. Темно-зеленый. Многолетний. Или карликовые кустарники, тоскливо пробивающиеся сквозь многовековые скалы. В этом, пожалуй, и есть весь Катар. Здесь все, включая людей, живет не столько «благодаря», сколько «вопреки» суровой северной природе, то и дело норовящей похоронить живое под непролазными метровыми сугробами и толстой заветренной коркой льда.

Отдельными островками среди Северных гор выделяется ярко-зеленая хвойная тайга — часть Сумрачного леса. Она начинается метрах в пятнадцати от меня, но лично я туда ни ногой! Что я — дура? Опасное местечко, скажу я вам! Там запросто можно наткнуться на призраки-отголоски, которые неминуемо заманят тебя в чащу, где сведут с ума. Поэтому даже сейчас, опаздывая, я все равно не рискую идти к шахте через хвойные заросли, предпочитая более длинную, обледелую горную тропку. Конечно, мало приятного пробираться по краю опасного ущелья, но уж лучше так, чем чокнуться в Сумрачном лесу.

С каждым шагом дышать все труднее. Чем выше в горы, тем более разряженным становится воздух. Уж поскорей бы спуститься к копиям, там хоть и висит рудниковая пыль, но дышится все равно легче.

Небо пронзительно-синее. Ни облачка. Вот не везет, так не везет! Лучи звезды Сатаба — дневного светила Дария — безжалостно отражаются от ледяной корки, покрывающей, словно стеклянным панцирем, горы, заставляя глаза до боли слезиться. Лучше бы грели, чем ослепляли.

— Лысый драг! Лучше бы грели, чем ослепляли, — в который раз сказала я.

Звезда Сатаба расположилась аккурат посреди небосклона. Полдень. Опаздываю примерно на час. Брат точно меня убьет! Особенно узнав причину опоздания — моего спутника, который идет, запыхавшись, следом. Дышит тяжело. Впрочем, чему удивляться: если уж мне, дарийке, не по себе от разреженного воздуха, то что взять с мальчишки-альтаирца, которому кислорода Дария и в низине-то не особо хватает.

— Ада, я давно хотел тебе сказать...

Договорить мой алтаирец не успевает — заходится в очередном приступе кашля.

Ну сколько раз ему говорить, чтобы теплее одевался и не открывал лишний раз рот на морозе?! Ведь знает же — климат Катара вреден для его слабых легких.

Худенький, бледный, болезненный. До несуразности долговязый. Белобрысая ворона на фоне крепких темноволосых дарийцев. И без того здоровьем не блещет, так еще додумался увязаться за мной в горы! Говорила же: не ходи! Но кто бы меня слушал?! Эван хоть и физически хилый, зато по характеру упертый! Вот загнется не ровен час в этих промозглых горах, и тащи его потом на себе! Подозреваю, он только с виду такой щупленький, а попробуй поднять — и с места не сдвинешь! Тем более я — тощая недокормленная тринадцатилетняя девчонка. Объясняйся потом перед его опекуном-священником, почему у его подопечного опять приступ случился! Еще и виноватой останусь!

И надо же мне было додуматься заглянуть к нему перед дорогой! Я должна была догадаться, что алтаирец одну меня в рудники не отпустит, увяжется следом. Будто помочь чем может! Только лишнее внимание привлечет. Представляю лица стражей Дэбэра, если те обнаружат, что возле императорских шахт алтаирец шляется. Впрочем, нет... Лучше не представлять.

Я младше Эвана почти на три года, ростом едва достаю ему до плеча, но роль старшей в нашей странной дружбе негласно отводится именно мне. Эван, будучи родом из довольно состоятельной, насколько я поняла, алтайской семьи, совершенно не приспособлен к реальной жизни, особенно в Катаре. Вот и приходится его постоянно опекать. Без меня бы он давно пропал.

— Увязался на мою голову, — ворчу, поднимаясь на цыпочки, чтобы посильнее укутать шею альтаирца теплым шарфом, заодно потуже завязываю тесемку его мехового плаща. — Не хватало только, чтобы ты опять воспаление легких, как в прошлом году, подхватил! Две недели возле твоей кровати проторчала!

Произношу быстрее, чем успеваю сообразить — зря я такое брякнула. Ну вот. Обиделся. Последнее время мой альтаирец стал каким-то уж больно нервным и чувствительным. Никогда раньше таким не был. Слово поперек сказать нельзя — сразу замыкается в себе. А ведь еще совсем недавно мы могли с Эваном без проблем болтать обо всем на свете. Честно: не понимаю, что происходит с моим другом.

— Я не просил тебя возле меня торчать, — тихо произносит мальчишка, отводя от меня пронзительно-синий взгляд. — Извини, что создал тебе проблемы.

Улавливаю нотки задетого самолюбия. Ну надо же! Не просил он! Как же! Не помнит просто, как в бреду постоянно звал: Ада, Ада, Ада... Я чуть с ума тогда не сошла от беспокойства за него. Боялась, что и вправду помрет. Как я тогда жить без него буду?

— Извини, — бурчу я. Ненавижу извиняться! — Я не то хотела сказать...

Всю оставшуюся дорогу мы идем молча. Говорить не хочется. От странных размышлений на тему, что происходит с Эваном, меня в какой-то момент отвлекает возмущенный голос братца.

— Где ты шлялась?! А он что здесь делает?! — шипит возмущенный Анигай, буравя недовольным взглядом настырного альтаирца. Эван отвечает тем же.

За три года нашего знакомства брат так и не смог смириться с мыслью, что я, чистокровная дарийка, дружу с «заклятым врагом» — альтаирцем. Хотя надо отдать должное Эвану, он тоже повышенной симпатией к Анигаю не страдает. Мальчишки! Что тут еще скажешь! И не важно, какой расы. Все одинаковые! Того и гляди подерутся! Каждый раз между ними вставать приходится! Вот и сейчас...

— Извини, это я виновата. Я его попросила со мной пойти. Мне одной страшно было... — неуклюже пытаюсь выгородить Эвана перед скептиком-братом.

— Тебе?! Страшно?! — Кажется, еще немного — и Анигай прыснет от смеха. — Сама-то веришь в такой бред?

Мы двойняшки — но на этом наши родственные связи, пожалуй, и заканчиваются. Взаимопонимания между нами ноль, как, впрочем, и внешнего сходства. На фоне высокого черноволосого тирана-братца я выгляжу бледной мелкой молью. Правда, Анигай всегда слушается эту «моль», когда речь идет об очередной афере под названием «Как раздобыть дары, чтобы не сдохнуть с голоду в проклятом Катаре». Тут я ас!

Например, мне принадлежит гениальная идея воровать прямо под носом стражей Дэбэра из императорских шахт топливные кристаллы и продавать контрабандистам. О том, что если нас заловят, то непременно казнят, мы предпочитаем не думать. Какая разница, где сдыхать: на плахе или от голодухи в нашей обледенелой хижине? На плахе, может, и не так мучительно будет.

— Я хочу помочь! — уперто повторяет Эван.

— Помочь он хочет! — Возмущению Анигая, кажется, нет предела. — Да из-за тебя нас в шахте сразу поймают! Ты же как бельмо на глазу! Неужели не понимаешь?

Анигай прав. Эван сильно выделяется на фоне дарийцев. Мы почти все темноволосые, глаза либо карие, либо черные. Мои фиалковые — исключение из правил. Альтаирцы, наоборот, — блондины или рыжие. И глаза у них синие, зеленые или голубые. У дарийцев таких не бывает.

На Дарии все альтаирцы наперечет. Их здесь редко встретишь. Только среди военнопленных, которых заметно поубавилось за время перемирия. Но Эван не военнопленный. Он — другое дело. Типа гость. Правда, кого и зачем, я не знаю. В чужие дела не лезу. Вопросы не задаю. Недаром у нас в Катаре говорят: чем меньше знаешь, тем дольше живешь!

— Я хочу помочь! — упрямо повторяет он. — Могу на страже постоять. Или внимание охраны отвлечь.

Анигай недоверчиво хмыкает:

— Это точно! Запросто отвлечешь! А нам потом перед святошей за твой труп оправдывайся! Чувствую, назревает очередная ссора. Как же они меня оба достали!

— Все! Хватит! Пошли лучше, а то пересменок закончится, и останемся без кристалла. А значит — без еды!

Растущему организму Анигая есть хочется всегда, поэтому брат не прекословит. Ведет нас одному ему известным новым путем к заброшенной шахте. В прошлый раз мы промышляли в другом месте, но после очередного землетрясения (они в горах не редкость) старую тропинку вместе с шахтой завалило огромным скальником, так что Анигаю пришлось искать новое место добычи кристаллов.

Не люблю я рудники. Когда иду к шахте, стараюсь не глядеть на работающих здесь каторжников: болезненных, забитых, изможденных. Несмотря на официальное перемирие, в рудниках полно забытых, «списанных в утиль» военнопленных. Их легко узнать по широкому черному металлическому браслету на руке. У каторжников-дарийцев точно такие же, только красные. Их статус считается повыше. Содержание получше. Но ненамного.

Военнопленные в основном земляне. Слышала однажды, как один страж Дэбэра жаловался спьяну в кабаке (я искала там нашу беспутную мамашу, когда та три дня дома не появлялась), что алтайрцы на шахтах не приживаются. Сильные, буйные, свободолюбивые, они доставляют слишком много хлопот. Вот стражи и спешат от них избавиться. Земляне наоборот. Не гордые. Отлично приспосабливаются к любым условиям. Пожалуй, в этом они походят на нас — дарийцев. Умудряются выживать даже здесь, в Катаре, в вечных снегах, под неусыпным надзором, в кандалах...

— Смотри! Смотри! — в голосе брата звучит неподдельный восторг. — Воины Руара! Интересно, что они здесь делают?

Слежу за взглядом Анигая. Действительно, возле центрального входа в шахту стоят два высоких мощных воина в кожаных доспехах и плащах. Им и ледяной ветрюга нипочем! Они будто и не замечают режущих порывов северного ветра.

Из шахты выходит инспектор. По холеному виду и дорогой одежде сразу видно — из Адейры. Его скорее всего и охраняют руарцы — элита императорских слуг. Иначе их бы в нашу глухомань не занесло.

— Это и есть дред? — Эван показывает Анигаю на небольшую крестообразную рукоятку, висящую на поясе каждого воина.

Завороженный брат кивает.

Мальчишки! Как только речь заходит об оружии, они тут же умудряются найти общий язык!

— Вот бы мне такой! Да я бы тогда... Я бы... — От восторга у Анигая перехватывает дыхание.

Нет, мой братец точно чокнулся на этом оружии!

— Размечтался! — фыркаю я, поражаясь его наивности. — Дреды подчиняются только воинам Руара. Тебе никогда такой не займеть.

На самом деле я прекрасно понимаю интерес мальчишек к дредам. Это весьма необычное оружие. Крестообразная рукоятка, с противоположных сторон которой в любую секунду может возникнуть острое копье или меч. Дред управляется силой мысли хозяина и подпитывается его энергией. Как только воин хочет воспользоваться дредом, из оружия с противным шипением появляется серебряная цепочка-змея, обвивает руку хозяина и впивается острыми клыками в кожу. Дред оживает.

Например, как сейчас...

У нас на глазах один из каторжников внезапно набрасывается на чиновника. Но добраться до инспектора не успевает. Воин Руара молниеносно останавливает нападавшего дредом. Пронзенный насквозь каторжник падает. Бьется в конвульсиях, из вспоротого живота вываливаются кишки, от которых на морозе идет невероятный пар. Чувствую, как к горлу резко подкатывает тошнота. Чудом не успеваю закричать. Ладонь альтаирца моментально закрывает мне рот и тем самым спасает нам троим жизнь. Эван притягивает к себе, чуть ли не силой заставляя меня отвернуться, чтобы я не видела, как стражи Дэбэра добивают мужика, валяющегося в луже собственной крови.

— Тише, тише, — голос Эвана успокаивает.

— Фу! Телячьи нежности, — раздраженно ворчит Анигай. — Будто трупов никогда не видела. Пошли давай.

Нехотя отстраняюсь от Эвана. Неудобно как-то получилось. Я не привыкла на людях показывать слабость, а тут... Просто неожиданно как-то вышло. А насчет трупов брат прав. Нам к ним не привыкать. Ближе к лету, когда с улиц Катара сходят сугробы, то и дело на улице на «подснежники» натыкаешься. Если зима выдалась особо голодная и холодная, так и вообще труп на трупе бывает. Кто от голода помер, кто еще от чего — проломанный череп тоже не редкость. На такие «подснежники» я уже давно не обращаю внимания. Но на глазах у меня все же не каждый день живым людям животы вспарывают.

Остаток пути до шахты Анигай без умолку восхищается воинами Руара. Брат всегда мечтал стать одним из них. Глупо, конечно. Мечта-то заведомо неосуществимая. Все знают: чтобы попасть в Руар — таинственную закрытую обитель, где готовят императорских слуг: воинов, шатер, лекарей и ведуний, — там надо родиться. По-другому никак.

Впрочем, по-своему, я понимаю Анигая. Я бы тоже многое отдала, чтобы стать одной из шатер Руара — безумно красивых, образованных женщин, которые служат придворными дамами в свите императора. Я не совсем понимаю, чем конкретно они занимаются, но видела несколько из них. Они сопровождали какого-то высокопоставленного вельможу, инспектировавшего Дэбэр. Как раз проезжали мимо нашей лачуги.

Шатеры завораживающе великолепны! Неудивительно, что мужики от них тут же теряют голову. Невольно вспоминаю Акрабу. Усмехаюсь. Мать всю жизнь вторит в пьяном бреду, что когда-то она сама была одной из них. Как же! Интересно, красавица Акраба давно на себя в зеркало смотрела? За нее в местном кабаке-то больше полдары никогда не давали, а тут — шатера! Все-таки правильно говорят в Катаре: вредно мечтать. Потому что нет мечты — нет разочарования.

Мы осторожно пробираемся к входу в заброшенную шахту. Она уже отработана, поэтому здесь нет охраны. Анигаю потребовалось несколько недель, чтобы незаметно прорыть в ней небольшой лаз в расположенную рядом действующую шахту. Там-то мы и собираемся добыть кристалл — во время короткого пересменка, когда шахту покидают все каторжники и стражи. Эван остается сторожить на входе, а мы с Анигаем ныряем внутрь. Ловлю себя на мысли, что, может, и не так уж плохо, что альтаирец увязался за мной. В случае опасности хоть предупредит, чтобы мы спрятаться успели.

В шахте темно, хоть выколи глаз. Но мне свет и не нужен. Наоборот, даже лучше, что ничего не отвлекает. Закрываю глаза. Прислушиваюсь. Анигай стоит рядом. Старается не дышать, чтобы не сбить мой настрой.

Я слушаю не звуки, а себя. Интуицию. Именно она всякий раз безошибочно подсказывает, в какой части стены надо искать кристалл. Иногда процесс нахождения топливного кристалла напоминает мне детскую игру «холодно — жарко». Вот и сейчас, проведя ладонями вдоль стены,

в какой-то момент чувствую едва уловимое покалывание. Значит, рыть надо здесь.

Стараясь шуметь как можно тише, мы с братом минут через десять упорного труда добираемся до кристалла, после чего Анигай отходит в сторону. В отличие от меня, прикосновение к топливному кристаллу для брата чревато серьезными ожогами. Дальше я должна уже вытащить стекляшку из твердой горной породы сама без чьей-либо помощи. А сделать это, скажу я вам, ох как не просто. Кристалл, скользкий и холодный на ощупь, ни в какую не желает поддаваться.

Анигай стоит рядом. То и дело морщится, наблюдая, как я пытаюсь вытащить кристалл из камня. Откуда-то снаружи издалека слышатся мужские голоса. Каторжники возвращаются с пересменка.

— Ада, быстрее, быстрее, — торопит взволнованный Анигай.

Психую. Я и без него знаю, что надо быстрее. Но не получается. Кристалл словно слился с горной породой. Понимая, что счет идет уже чуть ли не на секунды, судорожно оглядываюсь. Замечаю возле входа в пещеру забытую кем-то кувалду. Брат моментально угадывает мои мысли. Хватается за нее. С размаху бьет по кристаллу. Удар оказывается достаточно мощным, чтобы в стене образовалась трещина. Вцепившись руками в кристалл, упершись ногой в стену, со всей дури тяну добычу. Наконец топливный кристалл поддается, судорожно прячу его за пазуху. Там ни у кого точно не хватит ума его искать, ведь всем известно: топливные кристаллы моментально прожигают ткань. Несусь вслед за братом к нашему тоннелю. И очень вовремя, потому что в тот самый момент, когда мы с Анигаем ныряем в проход, в шахту заходит новая смена.

3. МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Наивная! Я искренне считала, что приключения в шахте будут самым сложным испытанием для меня в этот день! Но я опять недооценила пройдоху-брatца, который не придумал ничего лучшего, чем притащить Эвана к нам домой. Чтобы тот подождал, пока мы спрячем кристалл, после чего, по плану Анигая, мы бы вместе отправились обедать в дом соседа-священника. В отличие от меня брат не прочь поуплестать за обе щеки чужой хлеб.

— А что?! Пусть посмотрит, как мы живем! Ты же у нас ни разу не был? А еще сосед называется! — Анигай с ехидной улыбочкой распахивает перед слегка растерянным мальчишкой-альтаирцем дверь нашей убогой хижины. — Не стесняйся, проходи! Обещаю — зрелище будет незабываемым!

Ну почему всем братья как братья достаются, а мне болван какой-то выпал?! Хочется выть от злости, но я молчу. Не стоит доставлять удовольствия Анигаю, показывая, что я на него рассержена. Ведь он только этого и добивается, стервец!

Стою рядом со слегка смущенным Эваном на пороге нашей развалюхи и готовлюсь провалиться со стыда. За годы, что мальчишка-альтаирец числился у нас в соседях, он ни разу у нас не был. Я сама не хотела его приводить, потому что по сравнению с Эваном мы живем в такой нищете, что даже думать неприятно.

— Ада, очнись! Надо кристалл перепрятать, — брат по-свойски силком затаскивает меня в дом, — не можешь же ты вечно его на себе таскать. Вдруг он действовать начнет? Он же в тебе дыру прожжет.

В словах брата есть логика. Мы знаем, что я какое-то время могу безболезненно держать кристалл при себе, но как долго это может продолжаться — большой вопрос. Я никогда не ходила с ним дольше часа.

— Я тоже могу зайти? — растерянно переспрашивает Эван.

Проницательный альтаирец понял, что я не в восторге от идеи брата пригласить его к нам домой. Ему явно не хочется меня смущать. Ну да ладно... Чего уж там? Перед смертью все равно не надышишься.

— Заходи уж, — отмахиваюсь я.

Эван послушно переступает порог нашей убогой хижины. Удивленно, если не сказать ошарашенно, оглядывается.

Хоть одно радует — у нас всегда чисто. Лично выдраиваю все углы! Но чистота, увы, не компенсирует невероятную убогость, вернее — откровенную нищету. У нас ведь даже нет возможности стены побелить! Все в гари, потому что топим по-черному.

Осматриваю свое жилище глазами Эвана. М-да... Зрелище плачевное. Небольшая комнатуха с до неприличия древней, сломанной мебелью, на единственном окне — лично мною заштопанная штора, больше похожая на кусок какой-то старой тряпки (в принципе так оно и есть). Почерневший от времени очаг отмывать бесполезно. Пробовала. Только еще больше грязь разводится. Кстати, надо бы дров подбросить, а то Акраба опять ушла, не соизволив позаботиться о затухающем очаге. Затухнет — комната тут же заледенеет. Задолбаешься потом отогревать.

Перевожу взгляд на Эвана. Мальчишка-альтаирец явно в шоке, хотя и пытается из вежливости скрыть. Заторможенно проходит в центр комнаты. Озирается по сторонам с таким видом, будто не может поверить, что кто-то в такой норе может жить.

— Вы что, правда здесь живете? — наконец изумленно выдыхает он, переводя на меня не на шутку... ну надо же! возмущенный взгляд.

Анигай ржет, похоже, он добился от гостя желаемого эффекта. Зато мне не до смеха. Как же я ненавижу нищету!

— Да! И что?! — подбоченившись, с вызовом интересуюсь я.

Взгляд Эвана становится растерянным.

— Ада! Но ты не можешь так жить! Я не хочу этого! — с искренним возмущением выпаливает он.

С недоумением взираю на альтаирца. Наивный человек! А я, можно подумать, хочу! Только выбора-то у меня нет! Потому что в Катаре все для всех предопределено. Тот, кто родился в убогой хибаре, в ней же и помрет. Выше головы не прыгнешь! От судьбы не уйдешь!

И осознание злит меня еще больше. Эван даже не представляет, как бы дорого я заплатила, чтобы променять свою Убогую, как наша лачуга, жизнь на другую, куда более яркую и сытую. Ту, о которой в пьяном угаре так часто рассказывает нам Акраба. Но правильно все же говорят в Катаре: мечтать вредно. Надо просто смириться с тем, что есть, и жить... точнее — существовать дальше.

* * *

— Как же это здорово — быть богатым! Иметь власть! Вот это счастье! — вдохновенно размышляет братец по дороге к дому священника. — Как бы я хотел стать одним из воинов Руара, чтобы служить в личной охране самого императора. Получать кучу дар! Да я бы тогда...

— Деньги и власть не всегда приносят счастье, — внезапно подключается к разговору задумчивый Эван, который обычно не встречается в наши с братом споры.

Мы с Анигаем переглядываемся и тут же прыскаем от смеха. Мальчишка-альтаирец, похоже, совсем не знает жизни! Это дары-то не приносят счастья?! Какая глупая глупость!

Эван мрачнеет. Видимо, его задевает наш смех.

— Я знаю, что говорю, — упрямо повторяет он. — Власть — это ответственность. А за ответственность всегда надо платить. И как правило, не деньгами, а собственной жизнью.

Это уже что-то новенькое! Обычно наш неконфликтный альтаирец никогда не спорит, а тут... Надо же! Разошелся! Да еще несет какую-то откровенную чушь!

— Ты не знаешь жизни, альтаирец, — самоуверенно заявляет Анигай. — Ты живешь под колпаком. Прямо как мы в Катаре. Только твой колпак сытый и безопасный. У тебя нет ни забот ни хлопот! За тебя все святоша решает. Пылинки сдувает! Мне бы твои проблемы!

Эван невесело усмехается.

— Поверь, Анигай, тебе не нужны мои проблемы.

Возможно, спор продлился бы и дальше, но на горизонте показался дом священника. Дым из трубы явственно говорил о том, что повариха Мария уже приготовила обед. Пустой желудок при одной только мысли о еде начинает предательски урчать. Невольно сглатываю слюну. Не люблю есть чужой хлеб, но периодически отчаянный голод все же пересиливает мое принципиальное «не люблю».

Как только мы переступаем порог дома, Анигай тут же тащит меня на кухню, а вот Эван обедать отказывается. Говорит, что нет аппетита. Молча уходит к себе.

Станный он все-таки, этот альтаирец. И чем дальше, тем страннее.

Вопрос, что происходит с Эваном, не покидает меня, и после обеда я, наевшись до отвала наваристой похлебки, довольная и умиротворенная, откидываюсь на спинку стула.

Перебрав возможные варианты и так и не найдя ответа, решаю напрямую расспросить Эвана. Не факт, что скажет, но попробовать стоит.

Однако сделать это оказывается не так-то просто, потому что альтаирец, никого не предупредив, куда-то ушел. Облазив весь коттедж и убедившись, что Эвана точно нигде нет, не на шутку встревоженная, хватаюсь за плащ. Ну вот кто его просил выходить без сопровождения из дома?! Не дай бог попадется на глаза пьяным катарским мужикам или, того хуже, — стражам Дэбэра. Уж большей радости, чем отправить к своему Отару альтаирца, они точно не придумают!

С трудом поборов подступающую панику, стараюсь мыслить логически. Куда мальчишка-альтаирец на ночь глядя мог пойти? Ответ приходит сам собой: скорее всего в наше тайное место. Там хорошо думается. Я сама в свое время показала его Эвану. Но обычно мы ходим туда вместе. Мог бы и меня с собой позвать!

Бросаю взгляд на вечерний небосклон. Стоит поторопиться. Еще немного — и звезда Сатаба окончательно исчезнет за горизонтом. Лучше вернуть домой Эвана до темноты, чтобы отец Марк не успел заметить отсутствия подопечного, иначе нам с Анигаем достанется на орехи за то, что не усмотрели за альтаирцем.

Кутаясь по сильнее в старый плащ, пробираюсь сквозь сугробы к дому местного лекаря Мазэды. С пугающей скоростью подступает темнота. В Катаре вообще темнеет рано. Теперь для меня главное, чтобы драги — огромные дикие волки — не додумались выбраться из Сумрачного леса в поселение в поисках «подснежников». Эти твари чуют околевшие трупы, валяющиеся под толщей снега, за версту. Впрочем, драги не побрезгуют и живой «человечинкой». Например, мной. И такая мысль совсем не радует.

Наконец вдали забрезжил свет окон дома Мазэды. Эван должен быть где-то поблизости. Приглядываюсь. Точно! Сидит, закутавшись в меховой плащ, на низенькой каменной изгороди. Задумчиво смотрит в большое светящееся окно дома лекаря. Когда Эвану плохо, он всегда приходит сюда. Значит, сейчас у него на душе еще та катарская метель.

Молча сажусь рядом. Какое-то время мы оба завороченно наблюдаем, как дружная семья лекаря с радостью встречает толстенького главу дома. Не красавица, но в целом довольно миленькая жена помогает снять плащ лысенькому мужу-коротышке. Смотрит на него такими влюбленными глазами! Дети — один другого меньше — смеясь, пытаются забраться к счастливому отцу на руки. Идиллическая картина семейного счастья, которое мы с Эваном только и видели, что здесь, сидя на холодном заборчике.

Зависть, обида и злоба на свою незавидную судьбу — вот какие чувства вызывает у меня свет, идущий от их семейного очага.

И похоже, не у меня одной.

— У меня никогда не будет такой семьи, — внезапно тихо говорит Эван. — У меня вообще никогда семьи не будет. Ни жены. Ни детей.

В его голосе слышится такая тоска, что у меня невольно щемит сердце. Нет! С моим альтаирцем явно что-то происходит!

С удивлением смотрю на мальчишку. Ему шестнадцать лет, а он о семье думает! Ну, точно на голову больной! О девках бы лучше думал. У нас в Катаре мальчишки возраста Эвана ни одной юбки уже не пропускают, а он...

— Зачем тебе семья? — не выдерживаю я. — Семья — это ответственность. А ответственность... Ты сам говорил, что не любишь ее.

Эван поднимает на меня пронзительно-синий грустный взгляд. Свет от дома лекаря Мазэды освещает его бледное уставшее лицо. И тут происходит нечто совсем уж странное. Похоже, я сама начинаю сходить с ума...

Я вдруг неожиданно для себя ошарашенно замечаю, что... какой же он все-таки красивый — этот мальчишка-альтаирец. И уже почти совсем взрослый! Не понимаю, когда он успел так

вырасти?! Почему я сразу не заметила?! Черты лица — правильные. Мужественные. Я бы даже сказала, аристократические. Нос прямой. Губы... Словно отточенные. К ним так и хочется прикоснуться. Конечно, Эван довольно худенький. Он еще только подросток. Повариха Мария все время жалуется, что не в коня корм: растет ввысь, а не вширь. А еще бледный: кожа белая, волосы светлые. Сразу видно — не дариец. Зато взгляд такой проникновенный. Словно в душу смотрит. Вот как сейчас: гляжу в его бездонные синие глаза и падаю, падаю, падаю...

— Ада... Ада... — голос Эвана, доносящийся откуда-то издалека, возвращает меня к действительности.

И что это было?! Я в шоке от самой себя! Альтаирец словно загипнотизировал меня взглядом!

— Ты меня совсем не слушаешь, Ада, — с легкой обидой говорит он и отворачивается.

Похоже, я и вправду немного засмотрелась на Эвана и прослушала все, что он говорил. Хотя... Что мой альтаирец мог такого важного сказать?

— Пошли домой. — Эван встает, берет меня за руку. Замечает, что я пытаюсь посильнее укутаться в свой старенький плащ. Дубак такой, что зуб на зуб не попадает. Недолго думая Эван снимает меховой плащ и накидывает его на меня. Я пытаюсь остановить его, но все бесполезно.

— Ты чего?! Ты же простынешь! Тебе же нельзя...

— Ничего со мной не будет. А вот ты продрогла совсем.

— Мне не привыкать! — Пытаюсь вернуть плащ, но Эван не дает мне этого сделать. — Но если тебя из местных мужиков кто увидит... Особенно если поддаты будут... Ты же альтаирец! Они же тебе голову сразу отвертят!

— Темно уже. Если кого и встретим, все равно не поймут, что я альтаирец, — упрямо отзывается мальчишка. — Пошли, а то отец Марк нас скоро схватится.

Явно не желая слушать мои возмущения на тему того, что он сам без плаща заболает-умрет и что мне потом с его трупом прикажете делать, Эван направляется к церкви, крепко держа меня за руку. Понимая, что спорить с упертым бараном бесполезно, сдаюсь. Мне ничего не остается, как послушно последовать за своим альтаирцем.

* * *

Всю дорогу до дома священника мы идем молча. Эван держит меня за руку, словно боясь потерять в кромешной тьме. Останавливаемся возле входа во двор. Сразу же пресекаю попытки мальчишки проводить меня до моей хижины. Я живу недалеко от церкви, к тому же, если честно, мне хватило и дневного унижения, которое я испытала, когда Анигай показал Эвану наше нищее жилье.

Хочу вернуть плащ, но Эван не берет.

— Замерзнешь.

Какое-то время стоим молча возле двери. Эван все еще держит меня за руки, греет мои ледяные ладошки дыханием.

— Может, все-таки объяснишь, что с тобой происходит? — не выдерживаю я. — Ты последнее время сам не свой.

Альтаирец не поднимает глаза.

— Я не понимаю, о чем ты...

Вот всегда он так! Если не захочет — слово из него не вытянешь! Но только не сейчас.

— Ты никогда не умел врать. Сам скажешь, что случилось, или мне у отца Марка спросить? Он наверняка в курсе дела.

Эван знает: я настырная. Если что в голову вбила, просто так не сдамся, поэтому...

— Перемирие заканчивается, Ада.

— И? — Я совершенно не понимаю, какое отношение перемирие между двумя империями имеет отношение к моему мальчишке-альтаирцу. — Ты-то здесь при чем?! Нет, я, конечно, понимаю, что в войне нет ничего хорошего. Опять в Катаре будет полно военнопленных, но...

Обрываюсь на полуслове. До меня запоздало доходит, о чем пытается сказать мне друг.

— Ты улетаешь! Ты возвращаешься домой! На Альтаир!

Меня переполняет восторг! Я так счастлива за Эвана! Может, хоть на родной планете не на шутку расшатавшееся здоровье пойдет на лад, а то я уже вся извелась из-за его непрекращающегося кашля.

— Господи, Эван! Как же я за тебя рада! Ты же так мечтал вернуться к своей семье!

Мои восторги постепенно идут на убыль. Запоздало замечаю, что, в отличие от меня, Эван совсем не веселится. Скорее наоборот...

— Но ты не рад... Почему? Ты же летишь к своей семье. В чем проблема?

Мальчишка едва заметно грустно усмехается. Поднимает на меня синие глаза. А дальше... Наверное, это и были те самые слова, которые я прослушала, сидя рядом с ним на заборчике напротив дома лекаря Мазэды.

— Проблема в том, Ада... Ты и есть моя семья.

* * *

Не понимаю. Честно. Ничего не понимаю. Бреду домой, не обращая внимания ни на разыгравшуюся метель, ни на холод.

Что значит «я его семья»? Эван сам-то хоть понял, что сказал?!

Я не могу быть его семьей! Потому что я дарийка, а он альтаирец. И формально мы враги. Мы принадлежим разным империям, разным расам. Да, я могу быть его соседкой, компаньонкой, другом, в конце концов, но семьей?! Это уже какой-то перебор! Это же такая ответственность! Вон, взять хотя бы моего непутевого братца. Мы хоть и собачимся постоянно, но все равно приходится о нем заботиться, переживать. Еду готовить, одежду стирать... Потому что мы — семья. И другой родни у нас просто нет. Беспутную мамулю, которая живет своей жизнью, в счет можно не брать. Не лезет к нам, и слава богу! Я дочерний долг перед ней исправно выполняю: кормлю раз в день. А Эван... Это же совсем другое дело! Он сам рассказывал: у него родители есть, два старших брата. Вот она — настоящая семья! Я столько раз наблюдала, как альтаирец с ними по видеосвязи общался. Им не плевать на него, они его любят. Не понимаю, почему он не хочет лететь к тем, кому так дорог? Да я бы на его месте...

Но я, увы, не на его.

Подхожу к нашей старой заснеженной хижине. Зеваю. Как же я устала за сегодняшний денек! Все, чего я сейчас хочу, — завалиться в подсобку на боковую. Мы с братом спим в крошечной комнатухе (если этот «шкаф» так можно вообще назвать), на сколоченных Анигаем нарах. Правда, у нас есть два одеяла, матрацы, подушки. Спасибо отцу Марку — снабдил ими тайком от нашей мамули, которая считает, что нельзя брать ничего от того, кто поклоняется земному Богу, а не дарийскому божеству Отару. Да если бы не отец Марк, мы бы с братом еще в младенчестве от голода и холода сдохли. Чего уж греха таить, Акрабе всегда было плевать на своих детей. Сосед-священник, считай, в одиночку нас и вырастил. Сколько себя помню, мы с Анигаем больше времени проводили в церкви землян, чем у себя в промерзлом доме. Чего теперь удивляться тому, что я хорошо знаю Священное Писание — отец Марк учил нас по нему

читать — и в одном весьма конкретном месте вижу дарийского Отара, который, в отличие от Господа, не оставляющего нас даже в этом захолустье, никогда ничего хорошего лично для меня не сделал!

Однако мечте о том, чтобы выспаться, быстро приходит конец, когда я замечаю в окне хижины тусклый огонек свечи. Прекрасно! Только этого и не хватало! Похоже, у нашей мамыши очередной гость.

Меня передергивает от злобы и раздражения. Сколько раз ей говорить, чтобы не таскала «работу» на дом. Цепляешь мужиков в кабаке, ну и кувыркайся там же! Лично у меня сейчас нет никакого желания еще с час блуждать в ночи по морозу возле хижины в ожидании, когда они там закончат развлекаться.

С психа без стука открываю дверь. Захожу в дом, однако высказать мамуле все, что думаю, не успеваю. К горлу почти сразу подкатывает неприятная тревога. Оглядываюсь: брата до сих пор нет, зато заметно поддатая Акраба распивает за столом эль на пару с кузнецом — громоздким пренеприятным типом, ее постоянным клиентом. Кузнец бросает на меня оценивающий взгляд.

— Ничего так. Хотя ни спереди, ни сзади...

Ох, не нравится мне все это. Совсем не нравится!

— Ну да ладно... Чистенькая вроде. Сойдет, — выносит вердикт кузнец, после чего кидает на стол перед довольной Акрабой сразу десять дар. Заметно, что мать таких больших денег давно в своей единственной руке не держала. Суется пересчитывая дары, мамуля тут же сообщает мне «радостную» новость:

— Я тебе первого клиента привела. С днем рождения, доченька! Хорошо, когда смена растет!

И только сейчас до меня доходит весь ужас ситуации! Мой день рождения, будь он трижды проклят!

Твою мать! Я так забежалась с кристаллом и альтаирцем, что и забыла: сегодня в ночь нам с Анигаем исполняется тринадцать лет, а это значит, что я могу отправляться работать в кабак с моей беспутной мамашей. И Акраба, конечно же, не упустит шанс. Еще бы! Мамуля пойдет на все, чтобы достать побольше дар себе на выпивку и на покупку обожаемого тандурима — порошка забвения. И не важно, что для этого придется подложить под клиентов родную дочь. Вот послал же Отар мамочку! Ну и за что мне благодарить дарийское божество?

4. «СВЕЖЕНИНА»

Я хорошо знаю местного кузнеца. Премерзкий тип с вечно беременной женой, которая каждый год по весне приносит мертворожденного. Правда, повитуха как-то обмолвилась, что дети все как один рождаются живыми да крепкими. Кузнец сам потом топит их в бочке с талой водой. В целях экономии: лишний рот ему не нужен, да и зачем повитухе доплачивать за относ ребенка на обрыв, когда и сам прекрасно может справиться с этой грязной работенкой. После каждых родов кузнец пристраивает жену кормилицей в семью побогаче, чтобы молоко без дела не пропадало. А на заработанные ею деньги потаскушек типа моей мамыши покупает. Сейчас вот на меня позарился. Хотя с меня и взять-то еще толком нечего. Плоская как доска. На пацана похожу. Но нет... Старому козлу «свежинины» подавай.

Медленно отступаю к двери. Увы, кузнец предугадывает мое желание сбежать. Для такого громилы у него слишком быстрая реакция. Не успеваю сообразить, как оказываюсь в его лапах. Не кричу и не плачу, так как понимаю — бесполезно. Мать на помощь не придет, а силы заведомо не равны. Но и сдаваться без боя я не собираюсь.

Изловчившись, со всей дури тыкаю пальцами в глаза кузнецу. Мужик орет, хватается за лицо, а я несусь в подсобку. Там под полом спрятан топливный кристалл. Он мое единственное оружие в этом доме.

— А ну стой, су...

Сволочь Акраба даже не пытается мне помочь. Сидит за столом и как ни в чем не бывало опять пересчитывает дары. Кузнец хватается за меня как раз в тот момент, когда я успеваю оторвать от пола нужную доску. До кристалла, увы, дотянуться не могу.

А дальше все происходит, как в кошмарном сне.

Разъяренный кузнец тащит меня к кровати, бросает на грязное вонючее покрывало Акрабы. Испуганно отползаю к стенке, наблюдая, как этот самодовольный жлоб расстегивает ремень. Бросаю взгляд на мать, но та лишь отворачивается, будто меня здесь и нет. Как же я ненавижу ее сейчас! Гораздо сильнее, чем уroda-кузнеца.

Мужик хватается за ногу. И только теперь до меня доходит весь ужас ситуации. Паника перемешивается с удушающим отчаянием. И я начинаю истошно орать. Мужик пьяно смеется. Мои вопли и сопротивление только сильнее заводят его. Кузнец хочет раздеть меня, но...

— Отпусти ее, — тон человека, который привык отдавать приказы и уж точно не подчиняться сам.

Я не сразу понимаю, чей голос слышу. Но точно не Анигая. А когда до меня доходит, я просто отказываюсь верить в происходящее.

— Я сказал — отпусти.

Тихий юношеский голос заставляет кузнеца нехотя отстраниться от перепуганной меня, обернуться. Смотрю за спину вонючего уroda и пугаюсь еще больше. Моя абсурдная догадка подтверждается. В нескольких шагах от кровати стоит бледный как мел разъяренный Эван.

Ну зачем он пришел?! Ему же нельзя попадаться на глаза дарийцам!

И тут меня накрывает вторая волна паники. Но уже не за себя, а за моего альтаирца.

Самоубийца! Неужели Эван не понимает, что кузнец с превеликим удовольствием отправит его к своему долбаному Отару и никто в Катаре и слова против не скажет! Потому что за убийство альтаирца на Дарии любому честь и хвала.

— Уходи! — кричу я, пытаюсь заставить Эвана убраться из хижины и тем самым спасти ему жизнь, которая, судя по разъяренной морде кузнеца, уже висит на волоске. — Я тебя не звала! Проваливай! Не смей вмешиваться в мою жизнь! Ты не моя семья!

Но Эван не двигается с места. Впрочем, чему удивляться? Мальчишка не дурак. Знает меня как облупленную. Вряд ли он поверил хотя бы одному моему слову. А это значит, что Эван уйдет либо со мной, либо...

О втором «либо» думать не хочется.

— Отдайте ее мне, — настаивает Эван, срывая с пояса кожаный кошелек и бросая его Акрабе. — Считайте, что я выкупил ее. Ада, иди сюда.

Альтаирец протягивает мне руку. О! Как бы я дорого отдала, чтобы в эту секунду оказаться рядом с ним, но между нами все еще стоит кузнец, который явно обдумывает, что ему сначала сделать: свернуть шею зарвавшемуся мальчишке-альтаирцу или для начала на его глазах оприходовать меня.

Мамуля с азартом высыпает содержимое кошелька на стол. Присвистывает. Похоже, столько дар она не видела за всю свою жизнь! Да... Эван не поспешил.

— Забирай хоть насовсем! Она твоя! — торопливо сгребая деньги, смеется счастливая Акраба.

У меня из груди невольно вырывается вздох облегчения. Неужели кошмар закончится?

Как же! Размечталась!

В планы кузнеца явно не входила дележка меня с альтаирцем.

— Я первым за нее заплатил! — взрывается мужик. — Девка моя!

— Ой, разбирайтесь сами, — отмахивается мать, старательно сгребая монеты в кошелек.

Отчетливо понимаю: дело начинает принимать куда более опасный поворот. Появление в доме альтаирца лишь сильнее раззадорило кузнеца.

Мой первый порыв — рвануть к Эвану, но кузнец отбрасывает меня к стене с такой силой, что я не уверена, целы ли ребра. Охаю. Сползаю на кровать. А дальше... Эван пытается прийти мне на помощь, но кузнец отшвыривает моего альтаирца. Мальчишка падает возле камина и ударяется головой о каменный пол. Вижу кровь, стекающую с его разбитого виска. Такую же алую, как и у нас, дарийцев.

Комнату наполняет чей-то истошный вопль. Лишь спустя пару секунд понимаю — кричу я сама.

— Эван!

Я словно одержимая рвусь к нему, но кузнец не дает слезть с кровати. Пытается стянуть с меня штаны.

До смерти перепуганная за Эвана, за себя, я продолжаю истерично орать и брыкаться. И плевать, что никто из соседей не слышит мои вопли, а даже если бы и слышали, то вряд ли бы пришли на помощь. Крик сейчас единственное, что я могу сделать. Я не могу бездействовать. Не могу! Все происходящее сводит меня с ума. Я должна... Я просто обязана сопротивляться! Не только вонючему уроду кузнецу, который пытается навалиться на меня, но и всей этой долбаной жизни в целом! О! Как же я ненавижу свою жизнь!

— Твою мать! — не то изумленный, не то испуганный вскрик Акрабы на пару секунд заставляет кузнеца переключить внимание на нее.

— Что еще?

Кузнец осекается.

— Эван! — испуганно выдыхаю я.

— Какого?!.. — единственное, что успевает сказать кузнец, когда обнаруживает, что мальчишка-альтаирец стоит рядом с ним.

С окровавленной головой.

И с неестественно горящими синими глазами.

А дальше начинает происходить нечто совсем невообразимое. Кажется, я начинаю

понимать, почему стражи Дэбэра предпочитают как можно быстрее избавляться от альтаирских военнопленных.

Уже в следующее мгновение громила-кузнец, описав дугу в воздухе, отлетает на другой конец комнаты, где вписывается в старый кухонный шкаф. Грохот падающего тела, звон битой посуды, стон кузнеца, вопли моей не на шутку перепуганной и резко протрезвевшей мамыши... И не то крик, не то рык альтаирца:

— Ада, беги отсюда! Беги!

Я бы и рада, но не могу. Мое тело словно парализовано от страха. Никогда раньше я не видела Эвана в гневе. Пожалуй, сейчас он сам страшнее кузнеца.

Я и раньше слышала, что сила мужчины-альтаирца, особенно когда он в ярости, в разы превышает силу любого дарийца или землянина. Говорят, если альтаирца довести, то У него «сносит крышу». Они сами не знают, что творят. Могут в запале поубивать всех, кто окажется рядом. Всем хорошо известно: безопасный альтаирец — мертвый альтаирец. К разъяренному альтаирцу под руку лучше не подлезать. Но я никогда... Никогда не думала, что мой Эван тоже может превратиться в такое чудовище. Для меня он всегда был всего лишь худеньким, болезненным мальчишкой. Но этот худенький и болезненный только что умудрился впечатать в шкаф здорового мужика.

Эван начинает тяжело дышать. Закашливается. Как же я ненавижу его кашель! Огонь в синих глазах постепенно затухает, а значит, сила идет на убыль — догадываюсь я.

Тем временем, грязно ругаясь, злой, как стая драгов, кузнец поднимается на ноги, направляясь к обессилевшему мальчишке, который, видимо, и сам не ожидал от себя такой прыти.

И тут я, наконец-то, выхожу из ступора. До меня отчетливо доходит: нельзя терять ни секунды!

Нет. Я не бегу на помощь Эвану. Напротив, соскакиваю с кровати и несусь в противоположном направлении — в подсобку. Подспудно замечаю, что мой альтаирец даже не пытается оказать сопротивление кузнецу, когда тот поднимает его за грудки.

Разъяренный кузнец хватает Эвана, а я — кристалл.

Счет идет на секунды.

Кузнец размахивается огромным кулачищем, чтобы разmozжить мальчишке-альтаирцу голову. Эван со смирением закрывает глаза.

— Ада! Беги!

Ну уж нет! Если я и уйду из дома, то только со своим альтаирцем!

Подлетаю к кузнецу, подпрыгиваю и... бросаю кристалл ему за пазуху.

Через пару секунд комната наполняется истошным воплем кузнеца и запахом горелого мяса.

Хотел свеженины, гад? Ну так получай!

* * *

Не могу отдышаться и в то же время не могу дышать. Вонь в доме стоит такая, что еще немного — и вырвет. Пахнет жженым человеческим мясом, палеными волосами. Кристалл за считанные секунды прожег брюхо кузнеца насквозь, и теперь его громоздкое тело со страшно выпученными глазами валяется прямо у нас посреди дома.

— Что ты наделала?! — как резаная визжит мать. — Он же свободный! Его нельзя убивать! Теперь нам прямая дорога в Дэбэр?! Тебе же нет пятнадцати! Значит, отвечать за тебя придется мне!

Наконец-то мамуля вспомнила, что я еще ребенок. Жаль, что запамятовала, когда пыталась подложить меня под этого жареного урода.

— Что делать?! Что делать?! Что делать?! — Акраба, словно заведенная, начинает метаться из угла в угол. — Куда эту тушу девать?! Мы же его из дома даже вытащить не сможем! Здоровый боров!

— Пусть здесь тухнет, — мрачно огрызаюсь я.

Мамулины паника и нервное мельтешение раздражают меня не меньше, чем валяющийся в комнате зажаренный труп.

Сию без сил, прислонившись к стене, положив голову на плечо заторможенного Эвана, который неуклюже обнимает меня. Вообще-то я не люблю, чтобы ко мне кто-то прикасался, но Эван исключение. Только рядом с ним я чувствую себя спокойно, в безопасности. С ним, ну еще и с Анигаем.

Кстати, об Анигае. И где только моего непутевого братца носит?! Вечно его нет рядом, когда он нужен!

Мальчишка-альтаирец хоть и храбрится, но видно — сам держится из последних сил. Все еще не может отдышаться после перенапряжения. Похоже, в отличие от меня, выросшей в Катаре, где смерть приходит в дома чаще заезжих продавцов, Эван никогда раньше не видел так близко трупы. Ему явно не по себе.

— Надо что-то сделать с телом. — Эван первым нарушает затянувшееся молчание. — Твоя мать права. Лишние неприятности со стражами Дэбэра вам ни к чему.

— Конечно, я права! — визжит перепуганная Акраба. — Я всегда права! Ладно бы хоть каторжник был... Его никто и не хватился бы! А с этой тушей что делать прикажете?! Его Долбанутая истеричка-женушка уже завтра утром спохватится!

Мать никак не может успокоиться: мечется вокруг прожженного тела кузнеца, пытаясь понять, отчего тот все же умер. В какой-то момент любопытство Акрабы берет верх над истерикой.

— Как ты это сделала?!

Хороший вопрос. Но ответ мамочке вряд ли понравится. А уж стражам Дэбэра и подавно.

А вообще я просто поражаюсь! Мама спрашивает таким тоном, будто я только что не мужика заживо сожгла, а лепешку испекла. Вот уж кого точно видом обугленного трупа не испугать. И смотрит на меня как ни в чем не бывало! Она уже и забыла, что пыталась продать меня кузнецу. Интересно, в Акрабе вообще хоть что-то материнское есть?

С трудом поднимаюсь на ноги. Чувствую, как трясется все тело. Закрываю нос и рот полотенцем. Подхожу к еще дымящемуся трупу. Заглядываю внутрь дыры в животе.

Жуть!

Но кое-что мне все-таки надо сделать. Если у нас дома обнаружат труп — конечно, ничего хорошего. Но если в трупе найдут топливный кристалл — вот здесь уже точно пиши пропало. Потому, зажмурившись, засовываю руку в горячие внутренности несостоявшегося насильника. Брезгливо достаю кристалл, после чего бегу к бочке с талой водой. Тщательно мою кристалл. Не хочу прикасаться, зная, что на нем кишки этого урода.

Не сразу обращаю внимание на мать, которая, словно замороженная, не спускает изумленных глаз с кристалла в моей руке. Плевать. Пусть видит. Все равно никто не поверит пьянчужке Акрабе, вечно сочиняющей небылицы про Руар, в то, что ее дочь может спокойно прикасаться к топливным кристаллам. А с учетом наличия в нашем доме трупа ее постоянного клиента — раскрывать на людях рот Акрабе и совсем невыгодно. Если она, конечно, сама не хочет провести остаток жизни в Дэбэре.

— Но это же... Это... Это топливный кристалл, — сдавленно шепчет она.

Дошло наконец-то!

Акраба, словно заколдованная, приближается ко мне, не сводя глаз с кристалла. Кажется, еще секунда — и мать просто задохнется от восторга.

— Поддержать хочешь? — мрачно интересуюсь я, всерьез подумывая кинуть его мамаше в надежде, что та поймает здоровой рукой. А что?! Нечего собственную дочь мужикам продавать!

Акраба отшатывается. Видимо, инстинкт самосохранения не до конца пропит. К тому же она знает: с меня станется.

— Значит, это все же ты. Ты моя дочь. А я-то думала — мальчишка... — бормочет мать, глядя на меня такими глазами, будто видит впервые.

По ходу, у мамули окончательно поехала крыша. Что значит «ты моя дочь»?! А кто я была ей раньше? Нет, с элем и тандуримом Акрабе точно пора завязывать.

А дальше происходит нечто уж совсем из ряда вон выходящее, после чего я окончательно убеждаюсь: мать рехнулась.

Акраба резко отворачивается, подходит к труп и со всей дури пинает его в лицо.

— Урод! — В голосе матери звучат непривычные нотки высокомерия, брезгливости и... гнева. — Все вы уроды! Ты хотел, чтобы моя дочь повторила мою судьбу?! Ну уж нет! Выкуси! — Еще один смачный удар сапогом по отекающей морде кузнеца. — Туда вам всем и дорога!

Истеричный радостный смех матери, которая, приплясывая, начинает носиться по комнате вокруг еще дымящегося тела, не оставляет у меня сомнения: Акраба съехала с катушек. Напряженно переглядываемся с Эваном. И что теперь с этой чокнутой делать прикажете?

— У меня получилось! Получилось! — то и дело восторженно повторяет мать.

Резко останавливается. Заметно, что ее, видимо, не до конца пропитые и прокуренные мозги пытаются что-то судорожно соображать.

— Я просчиталась в сроке. Ну да! Конечно! Четыре месяца было слишком мало, чтобы... Мне надо было немного подождать. Плод бы окреп, и тогда... О! И тогда... Глэдис была права! Я слишком нетерпелива! Всегда хочу получить все и сразу. А все, что надо было... подождать. Чуть-чуть. Месяц, другой...

Сожаление переплетается с неподдельным восторгом. Мать поднимает на меня безумные глаза.

— О, моя девочка! Как же я рада, что ты у меня есть! Никуда не уходи! Будь здесь! Я скоро вернусь! Дочка... — Нервно смеясь, словно пробуя на вкус это чуждое для нее доселе слово, счастливая Акраба отступает к двери. — Дочка! У меня дочка!

Мать исчезает в завьюженной мгле. Через распахнутую дверь в комнату врываются порывы ледяного ветра, которые хоть немного выветривают вонь, исходящую от паленого человеческого тела.

— С ней все в порядке? — спрашивает удивленный Эван.

Отрицательно качаю головой.

Нет! С моей мамашей абсолютно ничего не в порядке. Потому что впервые за тринадцать лет она назвала меня «дочкой».

* * *

Не важно, что вокруг крошечная тьма. Что ледяной холод пробирает до костей. Что снег застилает глаза, а ноги утопают по колено в сугробах. Счастье настолько переполняет Акрабу, что ни пурга, ни заунывный вой голодных драгов, доносящийся из Сумрачного леса, мимо которого несется беспутная, не могут остановить ее. С каждым шагом она становится все ближе

к своей заветной цели — к горам Обреченных, обители горных ведуний. Ни один вменяемый катарец не сунется сюда ночью. Да и днем постарается обойти подальше неприветливое местечко. Но Акрабе плевать.

Теперь ей есть что предложить старухе Глэдис в обмен на свою долгожданную свободу! Наконец-то Отар сжалился над ней и дал то, чего она желала всем сердцем.

Дочка! Родная дочка, в которой течет кровь ее отца!

Мощная! Сильная! Дающая право на свободу!

Нет! Акраба никогда не была дурой! Некогда лучшая шатера Руара — она не просчиталась и в тот раз, когда решила тайно зачать от дальнего родственника самого императора Дэмониона! У Акрабы все получилось!

Вернее, у Таисьи.

Уже почти забытое, но такое желанное имя.

Настоящее имя беспутной Акрабы.

Все, что ей надо было, — сохранить в ребенке часть крови Древних, которых на Дарии почти не осталось. Крови, дающей право на безграничную власть! И не важно, что кровь уже была сильно разбавленной. Главное, генетический код удалось сохранить!

Дэмонион вырезал всех возможных претендентов на трон соправителя. И тем ценнее становилась ее дочь! То, что в жилах Адамаск течет кровь Древних, у Акрабы не оставалось сомнений. Иначе как объяснить, что девчонка может спокойно прикасаться к топливным кристаллам? Это подвластно лишь избранным!

Ветер становился все сильнее, но Акраба совершенно не чувствовала холода. Внутри ее пылала надежда. А надежда, как известно, согревает сильнее любого огня.

А еще душу обжигал вопрос. Один-единственный, не дающий покоя.

Сможет ли ее дочь взять в руки Жезл Власти, который венчает похожий на топливный, но гораздо более мощный по силе кристалл? В свое время она, Таисья, не смогла, хоть уже и вынашивала ребенка. Она так надеялась, что кровь плода смешается с ее и даст ей силу...

Увы, Таисья ошиблась. Этого не произошло. Ей удалось удержать в руках Жезл Власти лишь пару секунд, а потом... пальцы начали каменеть. Какая же была дикая боль! Она не забудет ее никогда! До сих пор при одном воспоминании о том злополучном дне женщину передергивало.

Амбициозная попытка юной шатеры обрести абсолютную свободу, став соправительницей Дария, увы, закончилась сокрушительным провалом. За свою мечту самоуверенная Таисья поплатилась рукой, некогда прекрасным лицом, растоптанным самоуважением и сломанной жизнью. Верховная Ведунья Дарийской империи знала, что смерть для ее зарвавшейся подопечной была бы слишком легким наказанием, поэтому и отправила ее, изуродованную, в Катар, отдав на растерзание элю, тандуриму, нищете и пьяным мужикам из трактира. Акраба даже не пыталась считать, сколько «клиентов» прошло через нее беременную в первые дни. И как она не потеряла ребенка — до сих пор загадка. Видимо, дочка слишком уж хотела жить. Слишком сильная текла в ней кровь.

Неудивительно, что после всего пережитого Акрабе не хотелось возвращаться в реальность. Может, она и наложила бы на себя руки, но жажда жизни даже в Катаре оказалась сильнее желания смерти.

День, когда император Дария Дэмонион на Плато Семи Ветров раскаленным шаром отсек ей руку и обжег лицо, стал днем похорон мечты Таисьи о столь желанной свободе. Но сейчас... Мечта на глазах воскресала из пепла сожженных дотла надежд.

Добравшись до начала гор, Акраба торопливо начала карабкаться по узкой тропке, ведущей к вершине. Туда, где в крошечной тьме мерцал слабый огонек дома из окна хижины горной ведуньи.

Пожалуй, только Таисья — бывшая любимая воспитанница Верховной Ведуньи имела наглость так громко и беспардонно посреди ночи тарабанить в дверь одной из самых опасных обитательниц Катара — горной ведуньи Кары. Сюда и стражи Дэбэра-то лишний раз предпочитали не соваться, но Акрабе было плевать. Она уже точно ничего не теряла.

Дверь после очередной порции долбежки распахнулась сама собой. Акраба перешагнула через порог. Огляделась.

Надо же! Жилье оказалось куда более мрачным и убогим, чем дом самой Акрабы. А она уж думала, что хуже не бывает.

— Кара! — Акраба бросилась к уродливой сухенькой старушке, которая, сгорбившись, грелась возле очага. — Кара! Это я — Таисья! Скажи своей сестре Глэдис, этой старой стерве: мне есть что ей предложить в обмен на мою свободу! Только скажи сегодня же! Сейчас!

Ведунья медленно подняла на взбудораженную Акрабу выцветшие от времени глаза, от которых, казалось, остались лишь черные зрачки.

— Ты уверена, Таисья? Ты же знаешь, Верховная Ведунья не любит, когда ее беспокоят по пустякам.

Таисья! Акраба уже и забыла, как звучит на слух ее истинное имя.

— В моем «пустяке» течет кровь Древних! Так и скажи этой старой перечнице! — надменно бросила Акраба, на мгновение забыв, что она давно уже не прекрасная шатера Руара, а всего лишь изуродованная, состарившаяся раньше времени кабацкая девка.

Горная ведунья зашлась то ли в смехе, то ли в кашле.

— Таисья, Таисья, жизнь так ничему тебя и не научила! Ты всегда тянешься за пирогом, который заведомо не сможешь съесть. И поменяй тон. Забыла, с кем разговариваешь? Гордыня — плохой советчик. Тебе ли не знать.

Акраба молчала. Она, конечно, могла бы ответить Каре, но... Себе дороже — прекрасно понимала женщина. К тому же горная ведунья кое в чем была, увы, права. Все беды в жизни Таисьи произрастали как раз из-за гордыни. И даже здесь, в Катаре, именно гордыня подтолкнула ее стать кабацкой потаскушкой, заливающей память элем вместо того, чтобы попробовать просто жить. Гордыня и непокорность — вот что всегда бурлило в отравленной душе Таисьи, не позволяя забыть старые обиды. И тем самым не давая шанса начать жизнь с нуля.

Прозорливая Кара прекрасно понимала это. Спорить с ней было бессмысленно. Как, впрочем, и останавливать решительно настроенную Акрабу.

— Будь по-твоему, — наконец нарушила затянувшуюся тишину горная ведунья. — Я скажу сестре, что ты ее звала.

— Буду премного благодарна, Кара. — И поразительно не гармонирующий с нищей обстановкой хижины и замызганным видом Акрабы элегантный реверанс, явно из прошлой жизни шатеры Руара.

Счастливо смеясь, пританцовывая, мать Ады отступила в заснеженную тьму. Где-то поблизости раздался протяжный вой драгов. Но Акрабе было глубоко плевать на гигантских волков. Она уже давно уяснила, что в жизни есть куда более страшные вещи, чем какие-то драги или смерть от их клыков.

— Не там ты ищешь свободу, девочка. Не там, — пробормотала горная ведунья и легким жестом, не вставая с кресла, закрыла за непрошеной гостьей дверь. — Свобода никогда не бывает снаружи. Потому что она всегда внутри.

— Какого?!.. — Возмущенный Анигай стоит на пороге хижины и переводит растерянный взгляд с изуродованного трупа кузнеца на меня, а затем на бледного Эвана. — Вы что тут творите? Совсем рехнулись, а? Вы... Вы зачем его так?!

— Акраба продала ему Аду. — В мрачном голосе Эвана звучит нескрываемый упрек в адрес Анигая, который, по его убеждению, недосмотрел за мной.

Только сейчас замечаю, что Эван все еще держит меня за руку. Невольно отстраняюсь. Ни к чему сейчас все эти, как говорит братец, «телячьи нежности». Не люблю я этого.

— Но он же не?.. — формулировка вопроса дается перепуганному брату с трудом.

— Нет. Эван вовремя пришел на помощь, — торопливо отзываюсь я.

Растерянный Анигай переводит взгляд на хмурого мальчишку-альтаирца.

— Спасибо...

Ну надо же! Чтобы брат кого-то за что-то поблагодарил! Да еще Эвана... Однако молчу, прекрасно понимая, что сейчас не время и не место ерничать.

Ошарашенный Анигай с нескрываемым интересом осматривает изуродованный труп кузнеца. У брата в голове явно не сходится, как хилый мальчишка-альтаирец, чуть выше меня ростом, смог справиться с таким громилой.

— Интересно, чем это ты его так?

Ну точно, вопрос адресован Эвану, не мне.

Переглядываемся с альтаирцем. Скрывать от Анигая причину смерти кузнеца нет смысла.

— Это я. Кристаллом.

Анигай нервно хмыкает.

— Похоже, я пропустил все самое интересное. Ладно... Что с трупом делать будем? — прозаично интересуется братец, безрезультатно пытаюсь за руку сдвинуть тушу с места. — Тяжелый, гад.

Пожалуй, в этом и есть весь мой брат. Он с поразительной скоростью отходит от всех потрясений. Наверное, и правильно. Иначе в Катаре просто не выжить.

Вопрос о трупе, увы, не праздный. Я представления не имею, как можно незаметно для соседей избавиться от такой огромной туши. Мы пытаемся поднять его втроем, но бесполезно. Сдвинуть удастся лишь на несколько сантиметров. Мы такими темпами год его до оврага по дороге тащить будем. Но и оставлять здесь тоже нельзя. Не дай бог обнаружат стражи Дэбэра, и тогда нам всем не избежать виселицы!

И тут на меня накатывает. Силы, физические и духовные, кончаются. Накрывает пугающее отчаяние.

Как же я устала от всего этого! От всей этой долбаной жизни! Иногда кажется, что мне не тринадцать, а сто лет. Еще парочка таких потрясений, и я точно умру от душевной старости.

— Нам его отсюда не вытащить. — Я в изнеможении сажусь на вонючую кровать матери. К глазам подступают предательские слезы. А ведь я почти никогда не плачу. Дура! Мне нельзя разреветься при Эване! Я же всегда с ним за старшую была!

Но я и правда представления не имею, что делать. Как дальше жить? Даже если мы каким-то чудом избавимся от трупа, завтра же мамуля притащит нового клиента... Мне что теперь — их всех убивать? И куда трупы складировать прикажете? А если тело кузнеца обнаружат и поймут, что причиной смерти стал топливный кристалл? Сразу же возникнет вопрос, откуда он взялся. Стражи Дэбэра перевернут весь Катар, чтобы найти похитителя кристаллов. И я знаю точно — они быстро нас вычислят. И не таких находили. В общем, куда ни глянь, везде одна безысходность.

Перевожу взгляд на мальчишек. Похоже, они думают точно так же, как я.

— Здесь его оставлять нельзя. — Эван, морщась, подходит к трупу. — Стражи Дэбэра сразу

поймут, что его кристаллом прожгло. По-другому такую дыру в животе не сделаешь.

— И что ты предлагаешь? — Брат заметно нервничает и по привычке начинает злиться на альтаирца, в котором почему-то всегда видит соперника. — Позвать соседских мужиков, чтобы они помогли перетащить его в овраг к остальным «подснежникам»?

— Нет. Мне кажется, есть идея получше.

Поднимаю на альтаирца удивленный взгляд. Мне казалось, у нас полностью безвыходная ситуация.

— Какая?

— Все просто. Если мы не можем вынести труп из хижины, значит... надо ее сжечь. Вместе с телом, разумеется, — на полном серьезе говорит Эван.

Мы с братом растерянно переглядываемся.

— А нам где после пожара жить прикажешь? — первым нарушает затянувшуюся тишину Анигая.

По интонации брата понимаю: идея ему по душе, но если мы устроим пожар, то неминуемо окажемся на улице. В Катаре не принято помогать погорельцам. Здесь выживают только сильнейшие.

— Об этом не беспокойтесь. Будете жить у нас при церкви. Отец Марк точно не будет против. Я обо всем договарюсь.

Заметно, что дариец Анигай не в восторге от предложения жить при храме земного Бога, но ради безопасности меня — его сестры — он готов пойти даже на это.

— Хорошо, — бурчит брат.

— А мать? — невольно вырывается у меня.

Знаю: я неправа. Акраба никогда не испытывала к нам материнских чувств, но... Другой матери, как ни крути, у нас нет.

— Ничего с ней не случится. Поживет в кабаке, — зло отзывается Эван. — Или у одного из своих клиентов. Ада, смирись: ты все равно здесь жить не будешь. Я забираю тебя, хочешь ты того или нет. И не думаю, что твой брат будет против.

Самое любопытное, что в данной ситуации Анигай на стороне альтаирца. Да они что, впервые в жизни сговорились?!

Невольно изумляюсь. Никогда раньше не думала, что обычно очень добрый Эван умеет злиться. Но видимо, я все же не настолько хорошо знаю моего альтаирца, как мне казалось.

— Большое счастье жить при церкви под присмотром святоши! — ворчит Анигай, одновременно с деловым видом осматривая комнату. — Интересно, что здесь лучше всего горит?

С той самой злополучной ночи я не люблю огонь. Пламя неминуемо воскрешает во мне воспоминания о том убийстве. Которое совершила я.

Мальчишки не дали мне участвовать в поджоге, решив, наверное, что на сегодня мне приключений уже хватит. Эван, отведя меня на безопасное расстояние от хижины и закутав в свой теплый плащ, возвращается в дом. Я вижу через мутное окно, как мальчишки стаскивают к телу кузнеца все, что может гореть в комнате. Чтобы дров было побольше, умудряются сломать даже старую кровать. Затем выливают на груды тряпья и дерева нашу последнюю заготовку горючей смеси, которой я пользуюсь, когда дрова в камине оказываются совсем уж отсыревшими, и...

...Вспыхивает пламя, уносящее с собой не только изуродованное тело кузнеца, но и мою прошлую жизнь.

5. СКАЖИ «ДА»

Эван

Никогда раньше не видел обычно спокойного и все понимающего отца Марка таким сердитым. Если не сказать больше — злым. Священник, словно загнанный зверь, мечется по кабинету, не находя себе места, и без конца читает мне нотации, признаться, уже изрядно поднадоевшие.

— Эван, смирись! Вы не можете спасти всех страждущих! Эта дарийская девочка... Я понимаю: за эти три года вы привязались к Аде... Вы знаете, как она дорога и мне. Я практически воспитал их с братом, но... у детей Акрабы своя судьба.

Я просто отказываюсь верить собственным ушам! Похоже, отец Марк слишком долго служит в Катаре. Видимо, он так наслушался местных бредней про судьбу, которую нельзя изменить, что уже сам уверовал в это.

— То есть, по-вашему, я должен позволить ее матери продать Аду не одному, так другому клиенту? — При одном только воспоминании о кузнеце, лапающем мою Аду, чувствую, как закипает кровь. Мне стоит большого труда сдержать нарастающий гнев.

— Возможно! Как бы жестоко и дико ни звучали мои слова! Это ее жизнь, Эван. Всех не спасешь! Это надо понять и принять!

— И такое говорит мне священник!

Знаю, сказал довольно грубо, но нет ни сил, ни желания проявлять толерантность.

Осознав, что криками и нотациями меня не проймешь, опекун устало садится в старое кожаное кресло. Тяжело вздыхает. Я вижу, как отец Марк обдумывает очередную порцию нравоучений, подбирает доводы, аргументы. Неужели он не понимает: его слова ничего не изменят. Я не брошу Аду в беде.

— Ваше высочество!..

Признаться, я уже отвык в Катаре от своего злополучного титула... Отец Марк упоминает его, только когда по-другому воздействовать на меня не получается.

— Неужели вы не понимаете, что поставили сегодня под удар не только себя! Вы поставили под удар целую империю! Перемирие и так на волоске.

Ну вот. Так я и думал. В ход пошла тяжелая артиллерия Священник начал взывать к моему долгу перед подданными, который я и так с лихвой отдаю в Катаре вот уже третий год подряд.

— Какое отношение пожар в доме Акрабы имеет к перемирию?

— Прямое! — взрывается отец Марк. — Если хоть кто-то узнает о случившемся... Оно станет последней каплей! Дэмонион только и ищет повод, чтобы разорвать перемирие и в то же время остаться «чистеньким»! Сегодня вы собственноручно дали ему такую замечательную возможность! Вы хоть представляете, как подаст это происшествие император, если узнает о нем?! Алтайрский принц, младший сын императора Иоанна, который должен быть залогом и гарантом перемирия между империями, убил дарийского верноподданного! Свободного человека! И все! Перемирию конец! — В голосе появляются обреченные нотки. — Как и вашей жизни! Эван, неужели вы не понимали всего этого, когда вступались за нее?!

Ну почему же... Прекрасно понимал. Но верни время вспять, я бы поступил точно так же...

— Я никого не убивал.

— Да какая разница?! — Отец Марк из последних сил старается сохранить самообладание. — Убивал, не убивал! Вы были в доме в момент убийства. Вы помогли замести следы. Уже более чем достаточно, чтобы...

Священник встает с кресла. Подходит к окну. В комнате зависает напряженное молчание. На самом деле я прекрасно понимаю, что в словах отца Марка есть большая доля здравого смысла, но прошлого не вернешь. Ничего не изменишь. Да я и не дал бы изменить.

— Вам надо срочно уехать из Катара, — слова священника звучат тихо и безапелляционно. — Я давно уже говорил, что вам лучше жить в Адейре. Там будет комфортней, к тому же... В столице наши люди. Если перемирие внезапно рухнет, У нас будет хоть небольшой, но все же шанс вытащить вас с этой чертовой планеты.

Да... Как должна довести жизнь священника, чтобы он начал выражаться такими крепкими словечками...

— Я никуда не поеду. По крайней мере без Ады.

Отец Марк смотрит уставшим взглядом. Я понимаю, он пытается быть тактичным, насколько вообще возможно, но следующие слова все равно заставляют меня смутиться.

— Эван, я знаю, что эта маленькая дарийка значит для вас, но поймите... Она еще совсем ребенок. Она даже не догадывается о ваших чувствах... И я абсолютно уверен, что узнай Ада правду — не обрадуется. Это лишь создаст проблемы. Вам обоим. У вас нет совместного будущего. Вы принадлежите к разным расам, имеете разное положение в обществе. Альтаирец и дарийка!.. Вы несовместимы! Ни социально, ни физически. Я уже молчу про то, что вы сын своего отца, а она дочь своей матери. И тут уже ничего нельзя поделать. Я понимаю, первая подростковая любовь — она самая сильная, но... Но в вашем случае это заведомо обреченное чувство. Вам стоит найти в себе силы и забыть ее. К тому же, извините за прямолинейность, но вы для Ады всего лишь добрый друг.

— Им и останусь, — жестко отрезаю я. — Меня вполне устраивает такая роль.

Священник, понимая, что меня не переубедить, опускает взгляд.

— Я виноват. — В его голосе звучит неподдельное раскаяние. — Мне следовало настоять, чтобы вы продолжали принимать антиэмпатическую вакцину здесь, на Дарии. Тогда не возникло бы проблем. Препарат бы блокировал ваши эмоции. Я должен был прислушаться к рекомендациям вашего доктора.

О да! Не возникло бы ни привязанности, ни дружбы, ни любви. В моей душе стоял бы полный эмоциональный штиль, устраивающий всех, кроме меня. К сожалению, я слишком хорошо знаком с этим штилем. Он царит в душе моего отца, который посчитал приемлемым отправить собственного ребенка на враждебную планету в качестве залога перемирия. Конечно, долг перед государством куда важнее долга перед семьей. О любви я уж и вообще молчу. И плевать, что в случае конца перемирия твоего младшего сына убьют. Спасибо, но я лучше воздержусь от антиэмпатической вакцины, блокирующей душу. Может, я проживу и недолго, но по крайней мере ПРОЖИВУ!

«Эмоции мешают в принятии важных решений. Они делают вас морально уязвимыми», — часто повторял отец, обосновывая нам с братьями необходимость принятия вакцины.

А еще живыми — об этом отец почему-то забыл нам сказать.

Парадокс: но именно здесь, в отнюдь недобром Катаре, отказавшись от вакцины, от императорских регалий, позволив себе быть простым человеком, я впервые в полной мере почувствовал себя живым и свободным.

Отец на удивление не возражал.

Впрочем, думаю, эту мою прихоть он приравнял к последнему желанию приговоренного к смертной казни. Ни для кого из нас двоих не было секретом: живым я с Дария не выберусь. Я не дурак, прекрасно понимаю: перемирие нужно обеим сторонам лишь для передышки, чтобы накопить военный потенциал и начать новую, куда более масштабную военную кампанию за дележку территорий.

Но я благодарен перемирию, потому что именно оно привело меня сюда — на Дарий, в Катар. К Аде, сумевшей пробудить во мне то чувство, о существовании которого я даже раньше и не подозревал, — любовь.

Никогда не забуду день, когда отец Марк привел домой двух десятилетних соседских детей, чтобы они стали моими компаньонами. Священник очень переживал, что я все время нахожусь в одиночестве. Конечно, Ада и Анигай младше почти на три года и вряд ли могли составить мне полноценную компанию, но других дарийских детей, которым бы родители позволили играть с альтаирским ребенком, в Катаре просто не было. Двойняшки оказались исключением. Их фактически вырастил по-соседски сам отец Марк, поэтому к землянам и альтаирцам они относились со здоровой долей симпатии, не видя в них врагов. Насколько я понял, мать никогда не заботилась о двойняшках. Скорее уж, они о матери. За «дружбу» со мной отец Марк платил им едой, чего не скрывал. Деньги давать боялся — отберет мать. Поэтому я не испытывал никаких иллюзий насчет бескорыстной привязанности Ады и Анигая ко мне. Главное — что я сам испытывал к Аде.

Странное, ошеломляющее чувство, которое возникло в моей душе, когда я впервые взглянул в ее насмешливые фиалковые глаза. Взглянул и... пропал. Навсегда. Нет, это не была юношеская влюбленность или детская симпатия. Нечто другое. Ошеломляющее. Необъяснимое. Сильное. Не поддающееся контролю. словно оно всегда жило во мне и наконец-то вырвалось на свободу.

Я стоял как дурак напротив незнакомой дарийки, не в силах вымолвить и слова, смотрел ей в глаза и отчетливо понимал, что передо мной — моя половинка. Родственная душа. Судьба. Можно назвать как угодно. Даже физически, она словно мое продолжение. Когда она рядом — я могу легко дышать, невзирая на враждебный дарийский воздух. Мне надо, чтобы Ада постоянно была рядом. Была только моей. Знаю: я эгоист, но ничего не могу поделать. И я не собираюсь отказываться от нее. Ни за что!

Сейчас, как никогда, я отчетливо понимаю, почему на родной планете люди добровольно, с помощью антиэмпатической вакцины стараются держать чувства и эмоции под контролем. Эмоциональные, буйные, искренние, не умеющие вполнину любить и ненавидеть — вот истинная сущность альтаирцев, о которой мало кто подозревает. Наверное, поэтому любовь на Альтаире и не в чести.

Ирония: лишь здесь, на мрачной, вечной холодной, но обуреваемой страстями планете, я впервые почувствовал себя по-настоящему свободным и живым. Враждебный Дарий подарил мне то, что не мог дать родной Альтаир. Любовь, которая согревала меня все эти годы в промерзлом Катаре.

Отвожу взгляд от священника. Интересно, как давно он знает о моих чувствах к Аде? Я думал, мне удавалось их скрывать. Хотя чему удивляться. Отец Марк всегда был проницательным.

— Я не откажусь от Ады. Я хочу спасти ее.

— От чего? — Священник устало вздыхает. — От ее собственной судьбы?

Пусть будет так.

— Да.

Подхожу к окну. Вглядываюсь в ночную тьму. Вдали виднеется пламя затухающего пожара. Думаю, мы с Анигаем неплохо постарались. Облили горючей жидкостью все, что только смогли. Дом должен сгореть дотла.

— Я так устал, что от меня ничего не зависит. Мне надоело смиряться с судьбой.

Священник подходит ко мне. Какое-то время мы молча наблюдаем за догорающим домом.

— От вас зависит судьба двух империй.

Хочется быть вежливым, но не получается. Нет сил.

— Нет... Они зависят не от меня. Не от Эвана. Они зависят от Иоанна Дрогварда Второго — младшего сына императора Альтаира. — Невесело усмехаюсь. — Кто я? Третий, «запасной» сын? Нужный как раз на случай вот такого межгалактического ЧП, когда кого-то надо отправить на планету врага в качестве залога перемирия. Пустить в расход! Только в этом и есть моя ценность! Сиди тихо и не высовывайся, Иоанн Дрогвард Второй! И тогда все будет хорошо, да?

Меня разбирают такая досада и отчаяние, что хочется кричать.

— Да, — тихо отвечает отец Марк.

В этом опекун походит на моего отца. Разница лишь в том, что для отца превыше всего интересы Альтаирской империи, а для священника — мир во вселенной.

Но я-то еще живой! Я не статуэтка, которую можно поставить на полку и забыть. Хорошо... Пусть моя жизнь заведомо обречена. В конце концов, я сам согласился стать залогом перемирия. Но Ада... Она должна жить.

— Я должен ей помочь. — Внутри меня поднимается бунт.

— Вы уже достаточно помогли этой девочке...

— Я могу сделать больше! — Понимая, что мой юношеский максимализм лишь раздражает опекуна, я пытаюсь воззвать к его логике, к здравому смыслу. — Давайте начистоту, отец Марк. Перемирие вот-вот рухнет. Как только это произойдет, меня убьют. Но перед смертью я хочу успеть сделать хотя бы одно доброе дело. Не потому, что я сын императора Альтаира, а потому, что я — это я. Эван. Не уверен, что вы меня поймете...

За окном с новой силой завьюжила метель. Пламя горящего дома уже не видно в ночной мгле. Надеюсь, хижина выгорела дотла вместе с останками кузнеца. Но даже это не дает никаких гарантий, что пьяная Акраба не попытается повторно продать дочь другому клиенту.

— Я не могу бросить Аду, — уже откровенно умоляю я. Сил спорить со священником не осталось. — Надо вывезти ее отсюда. Отец Марк, подскажите... Вы же хорошо знаете дарийские законы. Что надо сделать, чтобы вывезти ее из Катара? Чтобы купол пропустил Аду. Ее можно отправить в Адейру. К нашим людям. Они позаботятся о ней. Она будет в безопасности. И тогда я сделаю все, что вы хотите! Обещаю, я больше не доставлю вам никаких хлопот. Только помогите мне вывезти Аду из Катара.

— Это невозможно, Эван. — Священник, сам того не замечая, вновь начинает звать меня по имени. — Пройти сквозь силовой купол может только свободный человек, а Ада... Ты знаешь, чья она дочь. Я сам уже не раз думал о том, чтобы вывезти из этого забытого Богом места двойняшек. Не забывай, они выросли у меня на руках. Я выкармливал их, когда Акраба уходила в запой. Я был рядом, когда они болели. Поэтому... Не думай, что мне все равно. Будь моя воля, я бы вывез из Катара сразу обоих, но они дети каторжницы. Ада и Анигай не свободны. По закону Отара Ада принадлежит матери и должна будет пойти по ее стопам...

— Она никому ничего не должна, — сухо обрываю священника.

— Не я написал этот закон, Эван, — по-доброму напоминает опекун.

Похоже, отец Марк слишком долго живет на Дарии. Он стал забывать, что закон дарийского божества Отара не есть истина в последней инстанции.

— Но должен же быть хоть какой-нибудь выход! Что надо сделать, чтобы Ада стала свободной? Неужели рожденная несвободной никогда не сможет поменять свой статус?

Священник пожимает плечами.

— Если подходить к вопросу чисто формально... Ада может выйти замуж за свободного человека. Тогда в Книге Судеб изменится ее имя, а вместе с ним и судьба. Только для нее такое замужество нереально. Дарийцы верят, что судьба матери отголоском ударит по будущим детям дочери. Поверь, ни один свободный не согласится взять в жены дочку беспутной каторжницы. Даже за деньги.

Как же я сам не подумал о браке раньше! Слова священника вселяют в меня надежду.

— Отец Марк, а я знаю мужчину, который согласится взять Аду в жены.

Мои слова окрыляют священника.

— Ну так это же замечательно, сын мой! Аде как раз исполнилось тринадцать. Их можно спокойно обвенчать, и тогда...

До отца Марка запоздало доходит, о ком я говорю. Улыбка застывает на его лице.

— Ваше высочество, но вы же не собираетесь?!..

Ада

Стою посреди кухни и тупо смотрю на мальчишку-альтаирца. Если честно, даже не знаю, как реагировать на бредовое предложение, которое он мне только что сделал.

— Ада, вы... выходи за меня замуж. Чисто формально, конечно, — торопливо поясняет заикающийся от волнения бледный Эван.

— Альтаирец, ты что, с перепугу совсем с катушек слетел? — встревает в наш разговор не менее обескураженный Анигай, отрываясь от миски с похлебкой. От пережитого у него проснулся зверский аппетит. — На кой она тебе сдалась? С нее же взять нечего! Одни неприятности. Сам сегодня видел.

Закатываю глаза. Мой несносный братец не меняется! Но и я не могу поверить, что Эван говорит на полном серьезе.

— Не понимаю. Зачем тебе?

— Это нужно не мне, а... тебе, — честно признается мальчишка, весь бледный от волнения. — Понимаешь... Отец Марк сказал: если ты выйдешь замуж за свободного, то станешь свободной. Силовое поле Катара перестанет на тебя действовать. Ты сможешь уехать отсюда. Куда захочешь! Даже в Адейру! Я помогу. У меня там друзья. Они позаботятся о тебе. Тебе опасно оставаться в Катаре. Мать продаст тебя другому. Или спяну проболтается про топливный кристалл в кабаке. Тебя упекут в Дэбэр.

— Скорее сразу казнят, — встревает в разговор жующий хлеб братец.

По Эвану заметно, что он благодарен Анигаю за такую «поддержку».

— Но если ты выйдешь за меня, то обрешь свободу. Понимаешь? — продолжает убеждать альтаирец. — Свободу, Ада! Силовое поле перестанет для тебя существовать. Изменится твое имя. А значит, изменится судьба.

Мое сердце замирает от одной волнительной мысли, что я могу обрести свободу. Раньше я боялась об этом даже мечтать! И уж тем более никогда не рассматривала вариант с замужеством. Во-первых, я еще слишком мала. А во-вторых, прекрасно понимаю, чья я дочь. Ни один свободный дариец в здравом уме не женится на дочери потаскушки. Это же клеймо на весь род! Но Эван другое дело. Он альтаирец. Ему должно быть все равно, хотя...

Смотрю на худенького, бледного мальчишку и удивляюсь его самоотверженности. Никогда не думала, что так много значу для него, раз он решился предложить замужество. По-хорошему я должна незамедлительно принять его предложение. Второго такого шанса мне точно уже в жизни не выпадет, но...

— Эван, мне кажется, ты не совсем понимаешь, что предлагаешь. Если ты женишься на мне, то никогда не сможешь завести семью... По крайней мере по закону.

И говорю чистую правду. Книга Судеб соединяет две жизни лишь единожды. Ни переписать, ни зачеркнуть нельзя. Но кажется, Эвана это несколько не смущает.

— Ада, у меня и так никогда не будет жены и детей. Поверь, я ничего не теряю, — с невеселой усмешкой отзывается Эван.

Мне трудно поверить, что мальчишка, которому нет и шестнадцати, говорит всерьез. Откуда у него такая уверенность в своем не слишком приятном будущем?

— Сегодня тебе исполняется тринадцать, — продолжает убеждать альтаирец. — По закону ты уже можешь выйти замуж. Книга Судеб одна на всю вселенную. И хотя браки между дарийкой и альтаирцем не приняты, но по межгалактическому закону нет никакого запрета. Ведь биологически мы один вид. Да, у наших рас есть свои физиологические особенности, но в целом... чисто технически мы совместимы.

— Совместимы? — вновь встревает в разговор возмущенный Анигай. — Эй, парень, ты что удумал?! Ты же говорил, что женишься на моей сестре... — вспоминает. — Как его там? «Чисто формально»!

Эван поворачивается к Анигаю. В голосе альтаирца звучит усталость. Видимо, мой не слишком умный братец за минувшие годы успел достать его не меньше, чем меня. Лучше бы мозги, а не мышцы качал.

— «Совместимы» — это значит, что для нашего брака с Адой по закону нет препятствий. Мне пятнадцать. Я тоже уже могу жениться. Конечно, у нас на Альтаире столь ранние браки случаются крайне редко, но... Всякое в жизни бывает.

— А что потом? — выпытывает Анигай. — После свадьбы?

Эван невесело усмехается.

— Не беспокойся, я не буду навязывать твоей сестре свое общество. Каждый из нас пойдет отдельной дорогой. Никому не обязательно знать о том, как Ада стала свободной. Если Ада захочет, отец Марк отвезет ее в Адейру к нашим друзьям. Поверь, там о ней хорошо позаботятся.

— Ты тоже туда поедешь? — не унимается брат.

— Если Ада захочет, то да.

Переглядываюсь с Анигаем. Не хочу принимать решение о замужестве, пусть и фиктивном, в одиночку. Ведь оно касается и брата. Если я уеду, он останется в Катаре один. Да и я не представляю жизни без этого нахального зануды.

— Соглашайся, — решительно говорит Анигай, поняв мой немой вопрос. — Второго шанса свалить отсюда у тебя уже точно не будет. Альтаирец прав: в Адейре тебе будет куда безопасней.

— А ты?

— Останусь здесь, — сдержанно улыбается брат. Усмехается. — Не бойся, с голода не помру, — демонстративно откусывает от булки. — За мной святоша приглянет. Жить мне теперь негде, так что тут обоснуюсь. Если плату хорошую предложат, даже служкой при храме устроюсь. А что, я не гордый!

Анигай ржет, а мне хочется плакать. В этом и есть весь мой несносный братец. Умудряется устроить представление даже там, где совсем не до веселья.

— Как только Анигаю исполнится пятнадцать и он сможет покинуть Катар, я позабочусь о том, чтобы его привезли к тебе в Адейру, — подключается к нашему разговору Эван.

Я и забыла, что у мужчин в Катаре куда больше прав, чем у девчонок. Анигай принадлежит матери только до совершеннолетия. Отец Марк, будучи свободным, может официально нанять его к себе в услужение и добиться получения пропуска через силовой купол.

Что ж, дело остается за малым. За мной. Вот уж не думала, что когда-нибудь пойду под венец. Да еще с кем! С альтаирцем!

— Хорошо. Я согласна.

Перевожу взгляд на Эвана. Мне кажется или он по-настоящему счастлив?

Мы венчаемся утром следующего дня. Тихо, незаметно для соседей. Короткую простую церемонию проводит сам отец Марк. Священник, конечно, не в восторге от решения своего подопечного столь скоропалительно жениться, да еще на ком! На дарийке! Дочери беспутной каторжницы! Но сделать уже ничего не может. Эван очень упрямый. Если что вбил себе в голову, его не переубедить.

Мы стоим возле алтаря. Анигай и Мария держат над нашими головами позолоченные церемониальные короны. Священник нараспев читает какие-то не слишком понятные мне молитвы. Если честно, жутко нервничаю. Наверное, поэтому никак не могу собраться с мыслями. В голове вертится бог знает что.

Например, я думаю о том, что нам с Эваном еще повезло — перед свадьбой мне не пришлось менять веру. В отличие от дарийцев, которые поклоняются Отару, земляне и альтаирцы — христиане. Мне не пришлось проходить обряд отречения, потому что я уже крещеная. Как, впрочем, и Анигай. Отец Марк, минуя Акрабу, окрестил нас с братом еще в младенчестве. Сделал он это от отчаяния. В Катаре в ту злополучную весну буйствовала чума, и другого способа спасти нас от заразы, кроме как отдать в руки своего земного Бога, священник просто не видел. Анигай, считающий себя истинным дарийцем, конечно, до сих пор возмущается и тщательно скрывает от катарцев, что по вероисповеданию христианин. Но как бы то ни было, чума в тот год выкосила почти всех младенцев в поселении. Умерли даже дети из богатых семей, не помогли дорогостоящие лекарства, зато наш дом смертельная зараза каким-то чудом обошла стороной. Брат хорошо знает это, потому лишний раз старается и не выступать против земного Бога.

Краем глаза с интересом разглядываю новоиспеченного жениха. Впервые вижу Эвана в официальном альтаирском наряде. Кстати, он ему очень даже идет. Чем-то напоминает одежду воинов Руара. Тоже, по-моему, военного покроя. Только значительно богаче.

Мне, конечно, далеко до жениха, но сегодня, впервые в жизни, я выгляжу вполне нарядно. Эван с Анигаем даже обомлели, когда увидели меня в длинном подвенечном платье, да еще с белоснежной тонкой вуалью на голове.

Платье, конечно, простенькое. Традиционное дарийское. И если судить по застиранному краю подола, в нем уже выходили замуж, и не раз, но все равно я очень рада наряду. Где его умудрилась раздобыть в ночи заботливая кухарка Мария, для меня загадка. Но именно благодаря ее хлопотам у нас с альтаирцем получилась почти настоящая свадьба. И не важно, что платье размера на три больше, чем нужно. Хозяйственная Мария сумела ловко подогнать его под мою худенькую фигурку. Почти и незаметно, что платье с чужого плеча.

Конечно, мы могли бы обвенчаться с Эваном, и не переодеваясь в свадебные наряды, но... Вчера ночью я вспомнила, с какой болью мой мальчишка-альтаирец говорил о том, что у него никогда не будет семьи. К сожалению, он оказался прав. Настоящей, законной семьи у него точно уже не будет. И все из-за меня. Ведь, спасая мою шкуру, он лишает себя возможности в будущем жениться на девушке своего круга. На той, кого полюбит. Потому я и захотела, чтобы церемония осталась в его памяти именно как свадьба. По-моему, получилось не так уж и плохо.

Отец Марк спрашивает, добровольно ли мы вступаем в брак. Получив утвердительные ответы, священник кладет наши ладони на Книгу Судеб. Как только руки касаются древнего кожаного переплета, откуда-то изнутри Книги вспыхивает яркий, теплый золотистый свет, полностью обволакивающий нас с Эваном. Слегка испуганная, но больше удивленная, я смотрю в пронзительно-синие глаза мужа и неожиданно для себя отчетливо понимаю: это навсегда.

Две судьбы, отныне и вовек сплетенные в одну.

И это пугает.

Золотое сияние исчезает. На распахнутом листе Книги Судеб внезапно рядом с довольно

длинным полным именем Эвана, которое я не успеваю прочитать, возникает еще одно — мое. Буквы прочерчивает пронзительно золотое свечение, исходящее изнутри книги. Мое имя оказывается еще более длинным, чем у Эвана. Странно. У нас в Катаре у простолюдинов нет даже фамилий. Мое полное имя — Адамаск, и все, но Книга Судеб почему-то посчитала иначе. Я хочу прочитать свое новое имя, но тоже не успеваю. Отец Марк захлопывает Книгу. Теперь она откроется лишь во время другого свадебного обряда и совсем на другой странице. Так что мне, видимо, не судьба узнать свое полное имя.

После венчания мы все идем пить чай. И старательно делаем вид, что ничего особенного в церкви не произошло. Таков был наш уговор с мальчишкой-альтаирцем: обвенчались и сразу забыли. Вот только получается откровенно плохо. Мы с Эваном то и дело украдкой переглядываемся. После того золотого свечения, что окутало нас во время обряда, я отчетливо понимаю: возможно, в реальной жизни наш брак и останется фиктивным, но там — на небесах — он точно в глазах Господа таким являться не будет.

Странная у меня вышла свадьба. Впрочем, она вполне гармонично вписывается в мою не менее странную жизнь.

* * *

Я просыпаюсь далеко за полночь в гостевой комнате священника, отведенной нам с Анигаем. Просыпаюсь оттого, что на меня кто-то смотрит.

Приподнимаюсь. Глаза с трудом привыкают к темноте. Тело сковывает страх, когда я понимаю, что в комнате, помимо меня и спящего на соседней кровати брата, находятся еще двое.

Две женщины. Одна из них Акраба. Вторая... Я не знаю ее. Низенькая, сторбленная, с клюкой, с головы до ног закутанная в старый дорожный плащ.

— Это она? — тихий старческий голос, от которого мне моментально становится не по себе.

— Да. — Мать отвечает с легким придыханием, почти благоговением.

— И ты отдашь ее мне?

— В обмен на мою свободу.

— Будь по-твоему, Таисья. Будь по-твоему!

Почему она зовет мою мать чужим именем?! Однако ответ меня перестает волновать уже в следующую секунду. Женщина в плаще поднимает руку. В ее ладони вспыхивает огонек, мягким светом освещающий комнату.

Чувствую, как от страха по коже начинает ходить мороз.

Ведунья!

Любой дариец знает — от ведуний добра не жди! Бросаю хмурый взгляд на непрошеную гостью. Благодаря тусклому свету я могу получше рассмотреть ее. Невольно передергиваюсь от неприязни. Какая же она старая! Я бы даже сказала — древняя. Кожа вся сморщенная, глаза почти белесые — выцветшие от времени. Неприятное острое лицо обрамляют жидкие, сероседые мышинные волосы.

— Ну здравствуй, Адамаск, — на удивление приветливый тон. — Это правда, будто ты можешь прикасаться к топливным кристаллам?

— Да, — с трудом заставляю себя выйти из оцепенения и ответить старухе.

Я прекрасно понимаю, что врать ведунье нет смысла. Мать наверняка уже все выболтала. К тому же если ведунья захочет, то по-любому узнает правду. Другой вопрос — какими способами. Не уверена, что они будут приятными, потому лучше ничего не усложнять.

Тонких, почти незаметных губ ведуньи касается легкая улыбка. Незнакомка поворачивается к Акрабе.

— Какая у тебя храбрая и умная девочка.

— Еще та зараза. Скоро сама убедишься, — прозаично хмыкает мать, но по интонации я понимаю, что похвала ведуньи в мой адрес пришлась Акрабе по вкусу. — Дом, сволочь, сегодня спалила, чтобы труп скрыть.

И тут же, усмехаясь, не без гордости добавляет:

— Вся в меня!

Старуха с нескрываемым интересом продолжает сверлить меня пугающим белесым взглядом. Мне окончательно становится не по себе. Нет! С этими смотринами однозначно надо заканчивать.

— Что вам от меня нужно?

Прозвучало, конечно, грубее, чем я планировала, ну да ладно, и так сойдет.

— Я хочу забрать тебя с собой в Руар, девочка. Чтобы ты воспитывалась там же, где и твоя мать.

Такого поворота событий я точно не предполагала. От удивления у меня даже на пару минут пропадает дар речи. Так что же получается? Мать не врала? Она и правда воспитывалась в Руаре?! Акраба была шатерой?!

Разрази меня гром! Да такого просто не может быть!

— Забирай ее, и дело с концом, — тем временем раздраженно бросает моя нетерпеливая мамаша. — Не понимаю, Глэдис, с каких пор ты рассусоливаешь с воспитанницами?

Глэдис?! Уже одно только имя вызывает у меня благоговейный страх. Если передо мной стоит та, о ком я думаю... Ох, чую, зря я ей нагрубила. Верховная Ведунья Руара?! Та самая Глэдис! Бывшая правой рукой еще у отца императора Дэмониона?! Не понимаю: что она забыла здесь, в этом проклятом Отаром месте?

Неужели... меня?!

Тем временем Верховная Ведунья и Акраба продолжают как ни в чем не бывало разговаривать обо мне, словно забыв, что я присутствую в комнате. Я вся превращаюсь в слух. Знаю, подслушивать нехорошо, но только не сейчас. Ведь речь, похоже, идет о моей судьбе! К тому же я никуда и не прячусь от говорящих.

— Ты же сама сказала, Таисья. Девочка с характером. Будет лучше, если она пойдет со мной по своей воле, чем... Мне не нужна еще одна серая прислужница.

Представления не имею, о какой «серой прислужнице» идет речь.

Любопытство берет верх над осторожностью.

— Извините, но зачем я вам? Вы что, из меня ведунью сделать хотите? Так это... Ничего не получится.

Я говорю достаточно громко в надежде, что меня услышит брат и проснется. Тогда мне было бы не так страшно. Но обычно очень чуткий Анигай на удивление крепко дрыхнет. Невольно возникает мысль о том, что ведунья вполне могла наложить на него сонные чары. Я слышала: они запросто такое делают.

— Вы это... Имейте в виду. У меня нет никаких ваших магических способностей. Я только кристалл держать могу. Небольшой. И то не знаю, как долго.

— Не ведунью, так шатеру, — спокойно отзывается старуха. — Твоя мать из их касты. Значит, и тебе туда.

Шатеру! Еще день назад я могла об этом только мечтать! Но сейчас, когда я стала свободной...

— Я должна подумать, — выпаливаю прежде, чем успеваю сообразить, что и кому я говорю.

Глэдис переводит удивленный взгляд на прыскающую от смеха Акрабу. Видимо, старухе никогда раньше никто не давал отказа.

— Я тебя предупреждала, Глэдис. Девчонка с норовом. Подумай хорошенько, прежде чем забирать ее в Руар. Оно тебе надо? Как бы эта шельма тебе всю обитель вверх дном не перевернула. Мой тебе совет: используй ее вне Руара.

— И не таких укрощали. — В голосе Глэдис звучит сама доброта, но от слов мне становится не на шутку жутко. — Тебе ли не знать, Таисья.

Видимо, слова ведуньи очень точно попадают в цель — мать моментально затыкается.

— Сколько тебе надо времени, девочка, чтобы принять решение?

— День, — выпаливаю я. — Мне надо поговорить с братом.

— Братом?! — Старуха поворачивается к Акрабе. — Ты не говорила, что у тебя двое детей.

— Какая разница? Кристалл может держать только она, — беззаботно отмахивается Акраба.

Но старуха уже не слушает. Медленно подходит к спящему Анигаю. Мое первое инстинктивное желание — броситься наперерез, чтобы не дать причинить брату зла.

— Успокойся, — словно читая мои мысли, шелестит старуха. — Я не причиню ему зла. Только посмотрю. Хочу почитать его сны. Заглянуть в мечты, чтобы понять, что он за человек.

— Разве такое возможно? — Я вновь не в силах сдержать приступ любопытства.

— Да. Спящий для меня — открытая книга.

Пару минут ведунья пристально вглядывается в Анигая. Затем, закрыв глаза, проводит ладонью над его головой. Усмехается.

— Сильный мальчик, из него может получиться хороший воин, — наконец умозаключает старуха, оборачиваясь ко мне. — Твой брат мечтает стать воином Руара. Ему снится, что он один из них. Одерживает победу в битве. Если ты захочешь, я дам ему такой шанс наяву.

Изумленная словами ведуньи, я не знаю, что ответить.

— Если завтра вечером ты скажешь мне «да», то я заберу в Руар вас обоих. Мечта твоего брата сбудется. Я отдам его на воспитание лично Карлу — Верховному Воину Руара.

От волнения у меня перехватывает дыхание. Это уже даже больше, чем просто мечты! Смотрю на старуху и отказываюсь верить, что все происходит наяву! Неужели мечты сбываются?! Я открываю рот, чтобы ответить старухе «Да», но заявляю другое:

— Хорошо. Я поговорю с Анигаем.

Старуха с нескрываемым любопытством смотрит на меня. Словно пытается понять, что делается в моей бедовой голове, но, к своему искреннему изумлению, почему-то не может.

— Будь по-твоему, — наконец, соглашается она. — Завтра на закате я буду ждать вас у подножия горы Обреченных. Если придете, это и будет значить «да». Главное, помни, девочка, второго шанса попасть в Руар у вас уже никогда не будет, Я не делаю таких предложений дважды.

Огонек в руке ведуньи гаснет. Вместе с ним исчезают старуха и моя мать. Растерянно озираюсь по сторонам, пытаясь привыкнуть к крошечной тьме. Одновременно судорожно соображаю: сон это только что был или явь?

Неужели наши с Анигаем мечты и правда сбываются?!

6. ДОЧЬ СВОЕЙ МАТЕРИ

Сажу на подоконнике в комнате Эвана и, зажав дыхание, слушаю, как мальчишка-альтаирец играет на скрипке. Для меня. В последний раз. Грустная мелодия, щемящая душу, растворяется в вечернем небе. Мне уже надо уходить, но я не могу исчезнуть вот так: не попрощавшись, не дослушав, как плачет скрипка, а вместе с ней и душа Эвана.

Знаю: мой мальчишка-альтаирец не умеет красиво говорить. Особенно о том, что творится у него на душе. В этом мы похожи. Эван всегда начинает волноваться и заикаться, когда пытается сказать мне о чем-то личном. Но сегодня его скрипка разговаривает со мной лучше всяких слов.

Мелодия обрывается. Эван поднимает на меня грустные синие глаза.

— Значит, ты все уже решила?

— Да. Ты же знаешь, Руар — это наша с Анигаем заветная мечта. Я даже думать не смела, что однажды она станет реальностью.

— Ада, ты же знаешь, как дорога мне. Ты могла бы поехать со мной в Адейру! Быть свободной!

— Я — да. Но Анигай — нет. — Мне приходится напомнить Эвану, что мой брат привязан к Катару. — Я не могу оставить его здесь, когда есть шанс нам обоим выбраться из этой проклятой дыры.

— А как же я? — Тихая, такая искренняя, жалобная фраза вырывается у мальчишки-альтаирца быстрее, чем он успевает сообразить, что говорит.

От его слов сжимается сердце. Только сейчас до меня в полной мере доходит, что я стала для него действительно родным человеком.

— Прости. Я не должен был так говорить. — Эван быстро берет себя в руки. Невесело усмехается. — Веду себя как конченный эгоист. Думаю только о себе. Правда, прости... С моей стороны было глупо надеяться, что однажды ты...

Альтаирец обрывает фразу на полуслове. И что за дурацкая привычка постоянно недоговаривать?! Хочу отругать его, но не решаюсь. Вижу, что мальчишке и так плохо от нашего неизбежного расставания. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: по-своему Эван любит меня. Ведь за три года мы стали настоящими друзьями.

И я... Я тоже люблю его.

— Можно, я тебя хотя бы провожу? — робко спрашивает он.

— Нет. — Я спрыгиваю с подоконника. — Не стоит. Расставание не слишком приятная штука.

— Это я знаю, как никто другой, — грустно усмехается он. — Мне будет не хватать тебя, Ада.

— Мне тоже.

Повинуясь внезапному порыву, встаю на цыпочки и целую мальчишку-альтаирца в щеку.

Эван с удивлением смотрит на меня. Невольно касается щеки, куда я его только что поцеловала. По-моему, он от неожиданности немеет. Улыбаюсь. Забавный он все-таки, мой альтаирец. Отступаю к двери, но в последний момент останавливаюсь. Снимаю драгоценное обручальное кольцо, которое Эван надел мне на безымянный палец во время церемонии.

— Чуть не забыла! Возьми. Возвращаю.

Но мальчишка наотрез отказывается забирать его.

— Нет, Ада. Оно твое.

— Ты с ума сошел?! Оно же целое состояние стоит! К тому же оно мне большое! Смотри!

Кольцо действительно болтается на моем пальце.

— Это потому, что ты сама еще маленькая, — с улыбкой объясняет Эван, зачем-то снимая с шеи цепочку с крестом. Крестик прячет в карман, а затем, забрав у меня кольцо, нанизывает его на цепочку, словно кулон.

— Вот так будет лучше. Наденешь его на палец, когда вырастешь, а пока...

И Эван собственноручно вешает мне цепочку с кольцом на шею.

— Эван! Не сходи с ума! Я не могу это принять! Они слишком дорогие! Кто я такая, чтобы...

— Ты моя жена. По крайней мере перед Богом и людьми, — тихо обрывает меня на полуслове альтаирец. — Ада, это кольцо моей матери. Она просила отдать его той, кто станет моей супругой. Что я и сделал.

— Но я же не настоящая... — предпринимаю еще одну попытку образумить Эвана, но все тщетно.

— Об этом знаем только мы с тобой, — шепчет мальчишка и отступает к окну. — Ада, только, пожалуйста, помни обо мне.

— Обещаю, — шепчу я, с ужасом понимая, что на глаза вот-вот навернутся слезы. Не хочу, чтобы Эван видел их. Не хочу, чтобы он думал, что я на самом деле слабая. Поэтому я просто молча разворачиваюсь и убегая. Навсегда.

* * *

Метель разыгралась не на шутку, но мы с Анигаем, стараясь не обращать на нее внимания, настырно пробираемся к горе Обреченных, порой проваливаясь почти по пояс в снег. Брат то и дело нервно поглядывает на горизонт. Звезда Сатаба уже почти села. Малиновый закат на глазах превращается в сиреневый, затем в темно-фиолетовый.

Только бы успеть!

Корю себя за то, что не додумалась выйти раньше. И приспичило же попросить альтаирца в последний раз сыграть для меня на скрипке! Но кто мог предположить, что обычный снегопад превратится чуть ли не в буран?!

Наконец, преодолев последний поворот, мы оказываемся под защитой первой скалы, похожей на гигантские каменные перья. Дальше дорога должна пойти легче. Снега здесь мало, да и ветрюга уже не тот.

— Ты уверена, что тебе не примерещилось? — в который раз, ворча, переспрашивает Анигай.

Брат до сих пор не может поверить, что я ночью разговаривала с Акрабой и Глэдис.

— Да ни в чем я не уверена! — огрызаюсь, стараясь не отставать. — Даже если и приснилось, то что? Прогуляемся до гор да вернемся обратно в дом к священнику.

— Ага, как два полных дурака! В Руар им, видите ли, захотелось, — ерничает продрогший брат.

Так бы и дала ему по лбу, да времени нет. Надо спешить.

Опасения Анигая насчет моего сна не подтверждаются. Очередной поворот, и мы оказываемся на небольшой поляне возле каменистой пещеры. В центре поляны весело отплясывает приличного размера костер. Что характерно — без дров. Мы с братом удивленно переглядываемся. Не сразу замечаем, что по ту сторону костра на небольшом валуне сидит Акраба. Греет руки. Надо же! Так непривычно видеть мать абсолютно трезвой! Акраба замечает нас, застывших от удивления на краю поляны. Здраваться она явно не собирается. Вместо этого начинает орать на всю округу:

— Эй, Глэдис! Они пришли! Я же говорила: прибегут — никуда не денутся. Девчонка свой

шанс не упустит.

На пропитый голос Акрабы из пещеры выходит ведунья, замотанная с головы до ног во все тот же дорожный плащ. Чувствую, как брат испуганно сжимает мою руку. Мне и самой не по себе, но я изо всех сил стараюсь держаться. Вряд ли Руару нужны трусливые шатеры. Делаю шаг вперед, увлекая за собой Анигая. Все так же не разнимая рук, подходим к костру.

— Ты обещала освободить меня, — хмуро напоминает Акраба, вставая между нами и Глэдис. — Сначала сдержи слово.

— Сначала отдай их мне, — шелестит Верховная Ведунья, протягивая Акрабе сморщенные ладони. — Отдай мне своих детей.

Акраба, помедлив пару секунд, все же делает это: кладет ладони в руки ведуньи. Огненная вспышка, и довольная улыбка Глэдис.

— Теперь они мои.

— Как же! — невольно хмыкаю я. Акраба только что передала Глэдис права на Анигая, но не на меня. Потому что со вчерашнего утра я завишу совсем от другого человека — от моего законного мужа, а он дал мне право на свободу.

При воспоминании о мальчишке-альтаирце к душе подступает предательская тоска. Я знаю, это неправильно, но почему-то хочется все бросить и убежать к Эвану. Так! Стоп! Надо держать себя в руках! Это просто нервы! Но мне и правда будет сильно не хватать его.

— Теперь ты! — настойчиво напоминает Акраба. — Верни мою свободу, чтобы я наконец-то смогла уйти из проклятого Катара. Верни мне меня!

— Будь по-твоему, Таисья! Надеюсь, ты знаешь, чего просишь, — шелестит старуха, проводя рукой по воздуху.

Тут же в нескольких метрах от нас возникает зеркальная стена. Это и есть силовой купол Катара, догадываюсь я. Обычно он невидимый. Это одна из причин, почему катарцы боятся заходить далеко в лес, чтобы ненароком не наткнуться на силовое поле и не быть сожженным заживо. Кстати, я и не подозревала, что мы подошли так близко к краю поселения! На всякий случай мы с Анигаем пятимся подальше от опасной для жизни зеркальной поверхности. Запоздало вспоминаю, что мне теперь купол нипочем. Я замужем за свободным человеком, а значит, могу спокойно преодолевать зеркальный барьер. Но проверять почему-то не хочется. Вдруг что-то пойдет не так? Зачем лишний раз рисковать? Да и не хочу я афишировать свой новый статус перед матерью и Глэдис. Пусть лучше он до поры до времени останется тайной.

— Верни мне меня, Глэдис. — Голос Акрабы отвлекает меня от размышлений.

Старуха усмехается, а затем... С отражением Акрабы в зеркальном куполе начинает происходить нечто странное. Оно меняется прямо на наших глазах, но самое поразительное — вместе с отражением меняется и тело самой Акрабы.

Я не могу оторвать глаз. Какое-то волшебство! Грязные, коротко стриженные, засаленные волосы нашей беспутной мамы внезапно выпрямляются и спадают ниже пояса густой, черной как смоль волной. С тела Акрабы исчезает въевшаяся за годы жизни в Катаре грязь. Если бы я не видела собственными глазами, никогда бы не поверила, что у моей матери такая белоснежная кожа. Но главное... Акраба поднимает правую руку и, безудержно смеясь от счастья, любуется новой ладонью, которая появилась вместо привычной культипки. И лицо... Это нечто невероятное! Я смотрю, затаив дыхание. С лица матери исчезают все ожоги и шрамы. Они испаряются вместе со старой, грязной, вонючей одеждой. Несколько мгновений, и... перед нами уже стоит безудержно красивая, в длинном алом платье, шитом золотом, с шикарными распущенными волосами, молодая и прекрасная... Нет... Не Акраба.

Таисья. Шатера Руара.

Акраба не соврала. Она действительно была одной из них.

Я смотрю на почти незнакомую мне красавицу и только сейчас понимаю, что мама совсем молодая — ей от силы лет тридцать. Осознание этого вводит меня в ступор. А я-то всегда считала мать почти старухой.

Единственное, что сохранилось в прекрасной шатере от нашей беспутной мамыши, так это, пожалуй, поведение. Акраба, словно сумасшедшая, бегаёт возле зеркальной стены, истерично смеется, не может налюбоваться на себя.

— Я вернулась, Глэдис! Я вернулась! — бросает на ведунью вопросительный взгляд. — Я могу?..

— Да, — кивает старуха.

Акраба нерешительно протягивает правую руку к зеркальной поверхности. Она ожидает, что силовое поле обожжет ее, но рука спокойно проходит через зеркало.

— Я свободна! Свободна! — визжит от счастья Акраба, ныряя через стену купола.

Мгновение, и зеркальная поверхность исчезает. Нет, силовое поле купола остается, просто оно снова становится невидимым. Иллюзия заканчивается. Вновь в свои права вступает реальная жизнь. И в ней, увы, нет места волшебству. При виде Акрабы, валяющейся на снегу, у меня невольно сжимается сердце. Как же все-таки страшно, когда мечта была так близка, а ты... Невольно делаю шаг по направлению к матери, но Анигай предусмотрительно останавливает меня.

— Не стоит...

Обескураженная Акраба с трудом поднимается из сугроба. Растерянно смотрит на культипку руки, старую грязную одежду, засаленные волосы. Проводит единственной ладонью по уродливым шрамам лица. Таисья вновь превратилась в ту, кто она есть на самом деле.

— Глэдис! Сволочь! Ты же обещала! — Словно обезумев, мать бросается к старухе, но ударяется о невидимую преграду, вновь отлетает в сугроб.

Хорошо еще, что с той стороны купол просто не пропускает людей, не причиняя физического вреда.

— Ты не сдержала слова! Значит, договор расторгнут! Я не отдам тебе своих детей!

— Ты неправа, Таисья. Я выполнила условия нашего договора, — как ни в чем не бывало отзывается ведунья. — Ты хотела свободу? Ты ее получила. Можешь идти на все четыре стороны.

— Разве это свобода?! — вопит как резаная Акраба. — Я изуродована! Нищая! Больная! Кому я такая нужна? Куда я пойду?!

— Раньше надо было думать, Таисья. Раньше. Но ты всегда сначала делаешь, а лишь потом думаешь. И в этом твоя беда.

Глэдис останавливается возле нас с Анигаем.

— Ну что, дети? Пора отправляться в Руар. Надеюсь, вы еще не передумали?

Надо же! Голос Глэдис прямо-таки пропитан добротой.

— Нет, — эхом отзываемся мы.

— Тогда следуйте за мной.

Верховная Ведунья идет впереди нас, направляясь прямо к не на шутку разгоревшемуся костру. Мы с братом, толком не понимая, что происходит, послушно следуем за ней. Изуродованная Акраба бьется в истерику, идет параллельно с нами вдоль купола. Я стараюсь не смотреть на нее. И так страшно. Но не смотреть не получается.

— Адамаск! Не верьте ей! — истошно орет мать. — Руар не даст вам свободы! Это такая же тюрьма, как Катар! Только с позолотой! И платить за ту позолоту придется тройную цену. Не верьте ей! Не ходите! Бегите! Спасайтесь! Посмотрите на меня! Вот что со мной сделал Руар! Он сделает с вами то же самое!

— Это сделал не Руар. — Глэдис останавливается в метре от пламени, оборачивается к уже

иступленно рыдающей Акрабе. — Это сделала ты сама, Таисья. Это был твой выбор, шатера. И ты за него заплатила. Все по справедливости. Ты прекрасно знала, на что шла.

Мать замолкает. Видимо, в словах старухи есть доля правды. Теперь Акраба уже просто тихо скулит на краю купола, рассматривает грязную культяпку руки и жалеет себя, напрочь забыв о нас — своих детях.

Глэдис переводит уставший взгляд на нас с братом.

— Прежде чем вы пойдете за мной, я хочу, чтобы вы четко понимали: Руар не терпит неповиновения. Вы должны будете во всем слушаться наставников. Если вы согласны... Если это ваш выбор, то тогда следуйте за мной.

Дальше начинает происходить нечто невероятное: старуха как ни в чем не бывало заходит в бушующий костер и... растворяется в пламени. Мы с Анигаем испуганно переглядываемся. После вчерашнего пожара мне, если честно, не очень хочется иметь дело с огнем. Да и брату, похоже, тоже.

— Она что, хочет, чтобы мы тоже того? — Брат ошарашенно показывает на пламя. — Старуха сумасшедшая! Мы же сгорим! Я не хочу стать таким же обугленным, как кузнец!

Стараясь унять подступающую панику, еще раз бросаю взгляд на бушующий костер. Вновь обращаю внимание на то, что огонь горит без дров. Решаю рискнуть — быстро провожу рукой по пламени. Огонь не жжет. С восторгом смотрю на брата.

— Не сгорим. Он не настоящий. Просто видимость костра!

Анигай верит не сразу. Сначала тоже для верности проводит рукой по пламени.

— Щекотно, — хмыкает он, затем, собравшись с духом, добавляет: — Ладно, я пошел первым. Если что... Ну ты, это... Понимаешь...

И хоть мы с братцем оба на дух не выносим «телячьи» нежности, не выдерживаем. Кто знает, что нас ждет там, на другом конце пламени. Выберемся ли мы из него живыми? Брат первый порывисто обнимает меня, после чего, не говоря ни слова, исчезает в огне. Я остаюсь на поляне одна. Вернее — с Акрабой, про которую я напрочь забыла из-за манипуляций с ложным костром.

— Ты сильная. Может, и выживешь.

Мать произносит это прежде, чем я успеваю шагнуть в огонь. В усталом голосе звучит нечто, похожее на смирение и... разумность. Так странно слышать, что твоя спившаяся беспутная мать может говорить вполне разумные вещи.

— Только не повторяй моей ошибки. Не бросай вызов Руару. Не бунтуй. Смирись. Пусть это и будет твоим выбором. Иначе... — Акраба невесело смеется, демонстрирует мне культяпку своей обрубленной руки. — Закончишь так же, как и я. Ну? Что ты стоишь? Передавай привет Руару.

— Хорошо. Передам.

Поворачиваясь к Акрабе спиной и зажмурившись, шагаю в огненную неизвестность.

Часть вторая
РУАР

1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РУАР!

— Кого ты привела, Глэдис? — Дэус Карл, пугающе мощный Верховный Воин Руара, с высоты своего немалого роста с недоумением взирает на нас с Анигаем. — Надеюсь, ты пошутила? Мы не берем в Руар детей старше трех лет. Эти же совсем взрослые. Они помнят прошлую жизнь! Они слишком хорошо знают, что такое свобода. Глэдис, будь реалисткой! Они не приживутся здесь!

Карл испепеляет нас возмущенным взглядом.

Анигай стоит, с почтением опустив глаза. Еще бы! Легендарный Верховный Воин Дарийской империи всегда был его идеалом. Я же, наоборот, внаглую с интересом рассматриваю блестящую лысую голову дэуса Карла с искусно сделанной на ней татуировкой змеи. Наверное, точно такая же появляется из дреда. Что толку опускать глаза? Если Верховный Воин решит избавиться от нас, так все равно избавится, хоть смотри, хоть не смотри.

— Эта даже глаза опустить не удосуживается, — возмущается Карл, показывая на меня рукояткой дреда.

При виде оружия в руках воина у меня все же срабатывает инстинкт самосохранения. На всякий случай торопливо опускаю голову. Зачем лишний раз нарываться на неприятности? Но поздно. Проницательный дэус Карл, кажется, уже успел сообразить, с кем имеет дело, и тут же проникся ко мне обширной антипатией.

— Карл, я в тебя верю. Ты и не из такого материала великих воинов лепил. — В голосе Верховной Ведуньи звучит плохо прикрытая лесть, но она, как ни странно, срабатывает. Видно, Акраба все же была права, когда говорила, что все мужики одинаковы.

— Из мальчишки, может, толк и выйдет. — Верховный Воин бросает оценивающий взгляд на Анигая. Замечаю, как у брата от похвалы Карла тут же распрямляются плечи. — А вот из этой шельмы — сильно сомневаюсь.

— Почему ты так думаешь? — с улыбкой шелестит Глэдис.

По ней заметно — заранее знает ответ, но почему-то ведунье хочется, чтобы воин сам его озвучил. Мне кажется или Глэдис забавляет происходящее?

— Взгляд больно нахальный, — мрачно отрезает дэус Карл. — Непохоже, чтобы она умела подчиняться. Глэдис, тебе легче сразу сделать из девчонки серую прислужницу и избавить нас всех от лишних проблем.

— И все же я рискну.

На мое счастье, в Руаре последнее слово всегда остается за Верховной Ведуньей.

— Как знаешь, — фыркает Карл. — Под твою ответственность. Мальчишку я, так и быть, забираю, но при условии: никто в Руаре не должен знать, что они родственники. Здесь каждый сам за себя. Если проговорятся — избавлюсь от обоих.

Глэдис переводит на нас вопросительный взгляд. Мы с братом торопливо киваем. Мне уже нравится в Руаре — огромном замке с кучей башен и переходов, шикарных залов и тренировочных площадей. Уходить отсюда по доброй воле лично я не собираюсь. По крайней мере в ближайшие несколько лет.

— Вот и чудесно! Договорились!

Карл забирает Анигая. Глэдис жестом приказывает идти за ней.

Мы вместе пересекаем центральную площадь Руара. С нескрываемым любопытством рассматриваю огромную глубокую яму, со дна которой торчат бревна, вперемишку с острыми железными кольями. По бревнам ловко прыгают мальчишки-воины, сражаясь на дредах. Рисковые ребята. Если оступиться и упасть, тут же будешь насквозь проткнут колом. Но их,

кажется, это мало беспокоит.

Рядом с ямой в светло-серых мантиях и смешных колпаках толкутся ученики-лекари. По сравнению с воинами — они все как один тощие хлюпики. Хотя нет, среди них есть и один толстяк. Видимо, в Руаре неплохо кормят! Это обнадеживает. В Катаре толстяков почти не встретишь. Разве что только кого из чинуш. Подмечаю, что среди лекарей, как и среди воинов, тоже нет ни одной девчонки.

— Не женское дело — лечить, — словно угадывая мои мысли, бегло бросает мне Глэдис.

Кстати, о женщинах! Чуть в стороне от ямы с кольями хихикают совсем юные шатеры. Видимо, им нравится наблюдать за статными мальчишками-воинами. А те словно специально выделяются перед шатерами, стараясь произвести впечатление каким-нибудь залихватским приемом. Да... Похоже, мальчишки — они и в Руаре мальчишки.

С любопытством рассматриваю шатер. С удивлением замечаю, что без макияжа они выглядят как самые обыкновенные девчонки. У нас в Катаре и посимпатичнее найдутся! Так что же получается? Одень меня красиво да лицо краской размалуй — и я тоже ничего буду? Ну то есть когда вырасту?

Несколько в стороне от беспечных шатер держатся ведуньи в черных мантиях с остроконечными капюшонами. Вот уж кого точно никакая краска не спасет! — невольно фыркаю от смеха. Маленькие ведуньи все до единой неуловимо похожи на Глэдис. Вот уж кого Отар точно внешностью обидел! Носы почти у всех с горбинкой, глаза маленькие, недобрые. Губы тонкие — их почти и нет. Теперь я понимаю, почему ведуньи всегда такие злые. На фоне симпатичных шатер, перед которыми выделяются мальчишки-воины, немудрено кучу женских комплексов схлопотать.

Про эти самые комплексы я читала в одной умной книге из библиотеки отца Марка. Я там у него вообще много чего интересного поначиталась. Детских-то книг при церкви никогда не было, вот и пришлось сразу взрослые читать. Эван говорит, что благодаря чтению у меня неплохое образование. Неженское, правда, и «разбросанное», или как там правильно называется. Ну, когда человек начитался всего без разбору.

Эван... Эван. Эван. Вот о ком мне точно лучше здесь не вспоминать! А то сразу же начинаю скучать, хотя и виделась, казалось бы, совсем недавно. Нет, Ада! Остановись! Если ты выбрала жизнь в Руаре, то будь добра, выкинь из памяти и сердца все, что осталось за его стенами. Потому что ты все равно никогда больше не увидишься с людьми из своего прошлого. Это было твое личное решение, так что имей мужество идти до конца!

К тому же мне определенно нравится в Руаре! Даже несмотря на неприятный инцидент, который происходит, когда мы с Глэдис уже почти пересекли площадь. Один из мальчишек-воинов лет четырнадцати все же оступает во время учебного боя и с криком падает на колья. Мой первый порыв — броситься на помощь, но Верховная Ведунья вовремя останавливает меня:

— Нельзя. В Руаре каждый сам за себя. Ему просто следовало быть более подготовленным и осторожным.

На моих глазах с будничным видом ученики-лекари с помощью воинов снимают еще живого руарца с железного кола. К ним тут же подходят два наставника: лекарь и воин. Лекарь быстро оглядывает окровавленного мальчика, бьющегося в предсмертных конвульсиях, отрицательно качает головой, после чего воин-наставник одним точным движением дреда добивает парня.

Не то чтобы я не видела смерть и трупы... За последние несколько суток у меня в жизни такого добра было хоть отбавляй, но это уже перебор. Они даже не попытались спасти мальчишке жизнь!

— Руару не нужны слабые и больные, — ответ Глэдис, как всегда, опередил мой вопрос.

Почти сразу, словно из ниоткуда, появляются прислужницы-тени в длинных серых одеяниях

с полузакрытыми лицами. Мне видны лишь их глаза: бездумные, стеклянные, пустые. Никаких эмоций. Серые прислужницы с механической точностью выполняют приказ наставника-лекаря, — кладут мертвое тело мальчика на носилки и куда-то уносят. Не проходит и минуты, как на площади возобновляются тренировочные бои, праздные разговоры, тихое хихиканье, и лишь кровавое пятно, оставшееся от убитого мальчика на каменной брусчатке, напоминает о том, что здесь только что произошла трагедия — умер человек. Но пятно торопливо заmyвает серая прислужница, незаметно появившаяся с тряпкой и ведром воды.

Нет кровавого пятна — нет трагедии. Вскоре я четко уясню. — в этом и есть весь Руар.

Теперь я понимаю, почему Карл сказал, что здесь каждый сам за себя.

Так что добро пожаловать в Руар, Ада. Добро пожаловать в Руар...

* * *

— Это моя комната?!

Сказать, что я в восторге — не сказать абсолютно ничего!

Как только я переступила порог спальни в крыле шатер, где теперь мне предстоит жить, напрочь забыла об инциденте, который произошел несколько минут назад на площади.

Отар меня побери! Да это же не комната, а настоящий дворец! Просторная, с дорогой мебелью. На полах и на стенах ковры. Спальня словно состоит из двух зеркальных половинок, в каждой стоят широкая мягкая кровать под балдахином, письменный стол, кресло, большой шкаф для одежды, книжные полки, тумбочка, туалетный столик с большим зеркалом.

— Твоя половина левая. В правой живет Мэдлин, — спокойно объясняет Глэдис. Похоже, ее несколько забавляет моя столь эмоциональная реакция на новый дом.

— Это что... Все мне?! Я что, правда здесь буду жить?!

Старуха едва заметно кивает.

— Йо-у-у! — не выдерживаю, кричу как сумасшедшая, прыгая на месте от радости.

Открывается вторая дверь, и в комнату заходит красивая кареглазая девушка лет пятнадцати в довольно строгом темно-зеленом длинном платье. Она с удивлением взирает на меня, но вопросов не задает, потому что замечает Верховную Ведунью. Незнакомка тут же опускает глаза и склоняется в почтительном поклоне. В таком явно неудобном положении она замирает, как статуя. Я все жду, когда она выпрямится, но девчонка упрямо не меняет позу. Перевожу вопросительный взгляд на Глэдис.

— Чего это ее так перекосило?

— Со временем ты тоже так научишься, — мягко отвечает Верховная Ведунья.

— Зачем? — вопрос вылетает на автомате.

Глэдис удивленно приподнимает бровь. Чувствую на себе напряженно-изумленный взгляд девушки. Видимо, я опять сморозила глупость. Тороплюсь исправить положение:

— То есть... Я хочу сказать, что да... Конечно, научусь.

— Думаю, Мэд тебе поможет. Оставляю тебя на ее попечение. Мэдлин, объясни новенькой правила Руара и, — старуха слегка брезгливо шевелит костлявыми пальцами в моем направлении, — приведи ее в надлежащий вид. Покажи, как работает ванна.

Верховная Ведунья удаляется прежде, чем я успеваю возмутиться насчет ванной. Да! В Катаре в нашей хижине не было ванной, но зато она была в доме священника. Раз в неделю, а то и чаще я навещалась к Эвану,ставляла мальчишку из его же спальни (благо он никогда не сопротивлялся) и не меньше часа с превеликим удовольствием отмокала в его ванне. Так что не надо! Я прекрасно умею пользоваться ванной комнатой!

Еще раз с удовольствием осматриваюсь.

— Красота! — оборачиваюсь к уже распрямившейся девчонке, явно недовольной появлением в ее комнате столь странной соседки. — Я Адамаск. Но можно просто Ада. Глэдис сказала, мы теперь будем жить вместе.

— Не Глэдис, а Верховная Ведунья! — возмущенно шипит шатера. — Как ты вообще здесь оказалась?! В Руаре не бывает новеньких!

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — хмыкаю я и с разбега плюхаюсь на мягкую кровать. Падаю спиной, раскидывая руки в разные стороны. Как же мягко! Вот это, я понимаю, жизнь! Это тебе не наши с Анигаем деревянные холодные настилы в Катаре.

— Встань сейчас же с постели! — ругается соседка. — Ты же грязная! Все замараешь! У тебя наверняка и вши имеются!

— Чего?! Какие еще вши?! — Меня захлестывает возмущение от такого откровенного высокомерия. — Да я мылась совсем недавно! Перед...

Вообще-то мылась я перед «свадьбой», но, думаю, шатере не стоит о ней знать.

— Иди за мной! — командует выскочка и направляется к той самой двери, откуда недавно вышла сама.

С недовольным видом плетусь следом. Вовсе не потому, что я такая послушная. Просто мне очень любопытно, что там за дверью. Оказывается, настоящая ванна! Раза в два больше, чем у Эвана! Вот повезло так повезло!

— Здесь холодная вода, а здесь горячая, — начинает объяснять Мэдлин.

Беззаботно перебиваю ее:

— Я и без сопливых прекрасно знаю, как этим пользоваться!

Подхожу к ванной, нажимаю наугад на рычажок и тут же получаю на голову порцию холодного душа. М-да... Немного не под рассчитала. Ну ничего. Разберусь.

Мэд высокомерно хмыкает. Вручает белоснежное махровое полотенце. Затем, исчезнув на пару минут, приносит платье и белье.

— Надеюсь, ничего здесь не затопишь. — Одарив меня брезгливым взглядом, соседка выплывает из ванной. — И поторопись. Ужин через полчаса.

О да! Ванная с горячей водой, да еще еда, за которую, похоже, не надо платить! Да я о таком и мечтать-то не смела! Нет! Однозначно с каждой минутой Руар мне нравится все больше и больше.

* * *

Мы ужинаем в огромном зале. Каждая каста сидит за отдельным длинным столом. Нам подают еду и убирают грязные тарелки все те же серые прислужницы со стеклянным взглядом. Пытаюсь заговорить с одной из них, но бесполезно. Девушка в сером одеянии словно не видит и не слышит меня.

— Ты что, с ума сошла? — испуганно одергивает Мэд, и не пытаюсь скрыть недовольство тем, что ей под опеку подсунали проблемную девчонку. — С серыми прислужницами нельзя разговаривать!

— Ну извините! Я-то откуда знала? Ты же вовремя не предупредила! — огрызаюсь в ответ.

Отворачиваюсь от этой зазнайки. Как, впрочем, и она. С каждой минутой соседка раздражает все больше и больше. А мне с ней в одной комнате жить! Я, конечно, могу попробовать попросить Глэдис, чтобы она переселила меня к кому-нибудь другому, но сомневаюсь, что из такой затеи выйдет что-то хорошее. Во-первых, не хочу лишний раз

беспокоить по пустякам Верховную Ведунью, а во-вторых, глядя на остальных шатер, которые даже не удосужились со мной поздороваться, сильно сомневаюсь, что хоть одна из них чем-то лучше воображалы Мэд.

М-да... Похоже, в Руаре о слове «дружба» никто никогда и не слышал! На душе внезапно становится так тоскливо и одиноко, что хочется все бросить и оказаться рядом с Эваном. Вот с ним мне всегда хорошо! Можно было бы залезть, например, на подоконник и попросить, чтобы мальчишка-альтаирец сыграл на скрипке мою любимую мелодию. Или, закутавшись в теплый плед, устроиться вместе перед камином и слушать, как он старательно читает вслух книгу. Вспоминаю друга и тут же стараюсь как можно быстрее прогнать мысли о нем. Зачем беречь старую рану? Все равно мы уже никогда не встретимся.

Жаль, конечно, что мой толстокожий братец совсем не похож на Эвана. Впрочем, на безрыбье и Анигай — родная душа. Брат, конечно, у меня не эталон дружеской поддержки, но сейчас я обрадовалась бы и ему.

Бросаю взгляд в сторону стола воинов. Осторожно высматриваю Анигая. Наконец нахожу его взглядом. Сидит в одежде воина-ученика с самого края. На какое-то мгновение наши взгляды пересекаются. Я улыбаюсь, а вот брат... Анигай торопливо отворачивается. Видимо, помнит наказ Карла — никто в Руаре не должен знать, что мы родственники. Братец не хочет ради меня рисковать мечтой. Вот эгоист! С каких пор он стал играть по чьим-то правилам?! Не хочет общаться со мной — прекрасно! Я тоже не буду его замечать!

Утыкаюсь в тарелку с жареным мясом. Ароматным, вкусным. Хочу побыстрее забыть о предателе-брате, который так шустро променял меня на Руар, но не получается. На душе внезапно становится так пакостно и тоскливо, что я даже перестаю чувствовать вкус рагу. Вот дожила! А ведь еще совсем недавно я искренне считала, что счастье напрямую зависит от роскоши и сытости, которые мне может дать Руар.

2. НОЧНОЙ ГОСТЬ

— Ты все понял?

Мальчишка-воин лет шестнадцати, высокий, поджарый с небольшими, близко посаженными черными глазами кивает. Он даже не пытается скрыть от Верховного Воина довольную высокомерную улыбку.

— Да, дэус Карл.

— Тогда иди.

Подопечный исчезает в лабиринте коридоров Руара. Карл подходит к окну. Его холодный взгляд блуждает по толпе учеников, пока наконец не останавливается на новенькой. Девчонка, то и дело вертясь от любопытства, спешит вслед за недовольной Мэд после ужина в крыло шатер.

— Если ты думаешь, что надолго здесь удержишься, девочка, то сильно ошибаешься, — недобро усмехается Верховный Воин, глядя вслед Адамаск.

* * *

— Поздно уже, спать ложись. Завтра рано вставать на занятия.

Переодевшись в длинную ночнушку, Мэдлин забирается на кровать. Бросает недовольный взгляд на Аду, которая, зачитавшись книгой, все еще сидит за рабочим столом.

— Надо же! Не думала, что чернь читать умеет, — ехидничает шатера.

— Сама дура, — даже не соизволив обернуться, с откровенным безразличием отзывается Ада, перелистывая книгу. — Хм... Ничего себе, как все перековеркали! Вот у писателя фантазия-то!

— Ты это о чем?

Девочка сосредоточенно пробегает глазами по очередной странице книги.

— Здесь написано, что после заключения перемирия на Дарии не осталось ни одного военнопленного.

— Ты ставишь под сомнения слова главного историка императора?! — в шоке ахает шатера. — Ты вообще понимаешь, что говоришь?! Да как ты смеешь?!

— А чего бы мне не сметь? — Ада захлопывает книгу, брезгливо кидая ее на стол. — На Дарии до сих пор полно военнопленных. Поверь, я знаю, что говорю. Лично видела. Одному из них, кстати, воин Руара на моих глазах на днях вспорол живот.

— Что за бред ты несешь?! — Возмущению Мэд, кажется, нет предела. — Я сейчас же найду Верховную Ведунью и расскажу ей, что ты сеешь смуту! За такое дэуза тут же сделает из тебя серую прислужницу. И тогда мне не придется больше терпеть тебя у себя в комнате!

Ответ Ады застает Мэдлин, когда та уже подлетает к двери.

— Я родилась и выросла в Катаре, — спокойно объясняет девочка. — Часто бывала на рудниках. Военнопленных там хоть отбавляй. Не меньше, чем каторжников Дэбэра. Не веришь мне — спроси Глэдис. Старуха прекрасно это знает. Или дэуса Карла — его подопечные частые гости у нас на катарских рудниках. Особенно когда там проходит очередная инспекция.

— Да как ты смеешь называть Верховную Ведунью старухой?! — от возмущения у Мэд перехватывает дыхание.

В ответ Ада лишь нахально смеется.

— Ты сама только что назвала ее точно так же. Может, мне сообщить об этом Верховной...

старухе? Чтобы та тут же сделала из тебя серую прислужницу и вся комната досталась мне! — ехидно интересуется новенькая.

Понимая, что один Отар знает, что творится в бедовой голове странной девчонки, Мэдлин решает не рисковать. И хотя в Руаре заложить друг друга даже по мелочам считается делом первостепенной важности и всячески приветствуется (во избежание смуты), шатера предпочитает смолчать, опасаясь, что донос может ей самой выйти боком. Новенькая явно находится в привилегированном положении у Верховной Ведуньи, иначе бы та не привела тринадцатилетнюю в Руар.

Разобиженная Мэд возвращается в кровать. Гасит ночник. Скоро ложится спать и Ада. Вот только выспаться этой ночью у девчонок так и не получается.

Ада

Холодно.

Холодно, мерзко и темно.

Кровь...

Да... Запах запекшейся крови. Как я раньше не поняла? А еще истошные женские крики.

Ее вой.

Как же эти вопли бьют меня по ушам и нервам. Хочется спрятаться, убежать подальше от проклятого места, но не могу...

Так странно... Все звуки доносятся до меня как эхо. Словно я нахожусь в воде. Нет, я не тону, а просто лежу и слушаю. Как же мне хочется сбежать отсюда, но не могу, не могу, не могу...

И снова темнота и тишина.

Такая страшная, мертвая тишина. Она еще страшнее тех криков.

Мне самой хочется кричать, но в горле парализующий ком. Чувствую, как сознание, а вместе с ним и жизнь ускользает от меня. И только знакомый плач скрипки, внезапно доносящийся неведь откуда, заставляет вспомнить и осознать: все это лишь сон. Страшный сон, который я вижу с самого детства.

Значит, чтобы выбраться из кошмара, мне надо просто проснуться.

Пытаюсь сделать глубокий вдох, но... не получается. Нос не дышит. Хочу схватить ртом глоток воздуха, но чувствую лишь вкус подушки. И только тут до меня запоздало доходит: кто-то пытается меня задушить. И не во сне, а наяву.

Ну не сволочь ли эта Мэд?!

Первое инстинктивное желание — забиться в истерике, но, прислушавшись к остаткам разума, замираю. Делаю вид, что уже задохнулась. На мое счастье, обман срабатывает. Давление подушки ослабевает. Усилием воли заставляю себя не схватить сразу же судорожно воздух.

Потерпи, Ада, потерпи.

Чьи-то тихие шаги. Точно не женские. Идут по направлению к кровати Мэд. Слегка приоткрываю глаза и вижу мужскую фигуру, которая зажимает рот моей спящей соседке, а затем наваливается на нее всем телом. М-да... Похоже, моя беспутная мамуля все же была права, когда говорила, что всем мужикам нужно только одно.

Нет, я, конечно, могла бы просто полежать молча, пока незнакомец сделает свое дело с зазнайкой Мэд, но... Нет никаких гарантий, что, закончив, он не придушит соседку так же, как меня.

Недолго думая соскакиваю с кровати, хватаю стоящую на тумбочке тяжеленную вазу и, прежде чем незваный гость успевает что-то сообразить, разбиваю цветочный горшок о его

голову. К моему несчастью, парень оказывается крепколобым. От удара, увы, не отключается, однако хватку ослабляет. До смерти перепуганная Мэд выскальзывает из его рук.

— В ванную беги, дура! — ору я. — Запирайся!

Видимо, Мэд настолько привыкла в Руаре к приказам, что в минуту опасности беспрекословно подчиняется — мигом залетает в ванную. Слышу, как щелкает замок. К сожалению, мне в ту безопасную комнату путь, увы, отрезан. Между мной и дверью в ванную стоит разъяренный незнакомец. Хоть на нем и нет одежды ученика-воина, но по висящему на поясе дреду я прекрасно понимаю, что он из их касты. Интересно, он сюда по собственному желанию появился или кто-то надоумил? В Руаре же без приказа сверху и ученики чихнуть боятся.

Конечно, замечательно, что Мэд в безопасности, но что делать с бугаем, явно планирующим свернуть мою шею? Радует лишь одно: пацан раза в четыре мельче того кузнеца, с которым мне еще совсем недавно пришлось иметь дело. Так что есть хиленькая надежда, что и с ним я тоже как-нибудь справлюсь. Вот только как?

— Тебе не жить, — шипит он, хватаясь за дред.

Многообещающее начало! С парнем я, может быть, и справлюсь, а вот с дредом — точно нет.

Отступаю к двери, ведущей в коридор, испуганно озираюсь в поисках чего потяжелее, но, увы, ничего подходящего так и не нахожу. Что еще хуже — дверь заперта. Парень, видимо, заранее продумал все возможные пути моего отступления. Что ж, тогда остается лишь одно проверенное средство... Зря я, что ли, столько лет с братцем дралась?

Такой прыти незваный гость от меня явно не ожидал. Вместо того чтобы и дальше вжиматься в дверь, я резко подлетаю и бью в пах. Прежде чем тот успевает сообразить, что к чему, выхватываю из его руки дред... На самом деле я просто хочу выкинуть оружие в окно, чтобы парень не смог меня им прирезать, но вместо этого происходит нечто совсем уже из ряда вон выходящее: дред оживает в моей руке. С одного его конца с противным едва слышным шипением выползает металлическая змейка. Я настолько пугаюсь, что теряю бдительность.

Неприятель хватает меня за волосы и со всего маху бьет головой и стол. Господи! Как же больно! Нос разбит. Лицо все в крови. Не успеваю прийти в себя, как его пальцы смыкаются у меня на шее. А вот теперь, кажется, мне действительно пришел конец!

Из последних сил пытаюсь отбиться, но тщетно. С каждой секундой сил остается все меньше. Я уже начинаю проваливаться в бездну небытия, когда внезапно чувствую, как прохладная цепочка обвивает мое запястье. Укус, и...

Хватка парня резко ослабевает. Не сводя с меня маленьких изумленных глаз, несостоявшийся убийца оседает на пол. И причина тому — зияющая кровоточащая дыра в шее, из которой торчит лезвие ожившего в моих руках дреда.

3. НЕСКАЗКА

— Плохая идея! Очень плохая идея! — Мэдлин трясущимися руками помогает мне вытащить на балкон тяжелый труп нашего незваного ночного гостя.

Ледяной ветер пронизывает насквозь, но я не чувствую холода. Я сейчас вообще ничего не чувствую. В голове пульсирует лишь одна мысль: надо как можно быстрее избавиться от тела, иначе нас самих отправят к Отару. Что-то подсказывает мне, что дэус Карл с удовольствием лично свернет мне шею, если узнает, что я убила одного из его воспитанников. И попробуй доказать Верховному Воину, что не я продырявила парню горло, а дред сделал это сам. Все равно не поверит.

Мы с трудом вытаскиваем тело на обледенелый балкон. На наше счастье, окна спальни выходят на обрыв. Смотрю вниз, на бушующие волны Северного океана. Высота такая, что тут же отступаю назад. Ненавижу высоту.

— Они будут его искать! — В голосе соседки отчетливо слышатся нотки приближающейся истерики. — Воины куда ценнее шатер. Нас обеих убьют! Нас точно убьют!

— Заткнись. Истерить будешь потом. Лучше помоги его поднять.

С грехом пополам нам удастся затащить мальчишку на перила. Тяжелый, сволочь!

Переглядываемся с Мэд, а затем, не сговариваясь, сбрасываем труп в бушующую бездну.

Отступаем. Вновь переглядываемся.

Так же не сговариваясь, бросаемся в ванную, хватаем тряпки и начинаем с остервенением оттирать кровь: с пола, со стола, с балкона, с перил. Когда от кровавых пятен не остается и следа, Мэдлин бросает хмурый взгляд на меня. Подходит к столу, достает коробку с какими-то бутылками и бинтами.

— Садись.

Понимаю, что она хочет сделать. Послушно плюхаюсь на кровать. Мэд осматривает мой разбитый нос, вытирает кровь, делает примочки. Затем бежит на балкон, набирает в платок снега. Кладет мне на лицо обжигающе холодный компресс.

— Не сломан вроде. Но синяк все равно будет.

— Скажем, что в ванной с непривычки поскользнулась и упала.

— Так нам и поверят!

— А чему им тогда верить? Что дред воина послушался мыслей какой-то девчонки и перерезал своему хозяину горло?

Мэдлин хмурится. В моих словах есть разумное зерно.

— Как ты это сделала? — наконец, не выдерживая, интересуется она.

Отвечаю честно:

— Не знаю.

— Ты его тоже выбросила?

— Конечно. Зачем он мне? — вру я.

Что я, дура — избавляться от оружия, живя в таком беспокойном местечке? А что, если завтра ночью еще один незванный гость объявится?

Переглядываемся. Мэд делает вид, что верит мне. Молча ложимся спать, будто ничего и не было. Вот только заснуть я больше не могу. Меня всю трясет. На всякий случай сжимаю дред, который держу под подушкой. Силы окончательно оставляют. Хочется плакать от страха и одиночества, но я сдерживаюсь. Потому что понимаю — слезы ничем не помогут. До меня начинают доходить слова Акрабы. Руар действительно оказался не сказкой, и в этой несказке мне придется теперь жить.

Утро выдалось на редкость жизнерадостным. Яркие лучи звезды Сатаба разливаются на чистом синем небе. На удивление тепло. Неужели наконец-то пришла весна? Невольно задумываюсь, как далеко Руар расположен от Катара. Возможно, именно потому погода здесь значительно мягче и приятнее, чем в моем Богом и Отаром забытом поселении.

До сих пор гадаю, забрался ли тот парень к нам ночью по своей инициативе или его кто-то подослал. Уж лучше бы он сам, потому что в противном случае есть все шансы, что моя жизнь в Руаре будет насыщенной, но очень короткой.

Как я и подозревала, переполох начинается сразу после завтрака, когда наставники недосчитываются одного из учеников-воинов. Мэд тоже заметила нервную беготню в касте воинов. Украдкой переглядываемся и тут же отворачиваемся друг от друга. Странно, но за одну ночь мы научились с соседкой понимать друг друга без лишних слов.

На людях мы с Мэд почти не общаемся. Впрочем, в комнате наше общение многословным тоже не назовешь. Каждая из нас вновь сама за себя.

Сегодня у меня первые занятия. Наставница, строгая и чопорная шатера в возрасте — дэуза Кэролайн, опрашивает меня на предмет моих знаний. Пытается определить, в какую группу шатер можно направить. Отвечаю рассеянно — мысли заняты другим: доживу я до завтрашнего дня или нет? Чуть позже понимаю: зря я так поверхностно отнеслась к опросу и сдуру выложила все, что знаю. А знаю-то я, как выяснилось, немало!

Наш сосед, отец Марк, до того как принял сан, был на Земле профессором. Поэтому у него даже в Катаре имелась прекрасная библиотека, которую я перечитала от нечего делать раза два. Кроме того, священник с удовольствием, когда выпадало свободное время, занимался со мной и Анигаем. Братец, конечно, всегда отлынивал от уроков, предпочитая шляться с катарскими мальчишками по рынку, приворовывая там чего-нибудь. А мне, наоборот, нравилось учиться. Когда в Катаре появился Эван, мне позволили присутствовать на его занятиях, как правило, проводившихся дистанционно. Их вели разные преподаватели. Они общались с мальчишкой-альтаирцем через большой экран, висящий на стене классной комнаты. Так что неудивительно, что в голове скопилась куча разрозненных знаний. Если прибавить сюда еще мою склонность к языкам — знаю межлингву, язык землян (особенно матерный), вдобавок вполне сносно изъясняюсь на алтаирском (спасибо Эвану), — то становится понятно, почему дэуза Кэролайн выходит из класса в полной растерянности, не зная, что со мной делать.

Когда работаешь в одном и том же месте долгие годы, рано или поздно жизнь превращается в рутину. Этого не избежать, даже если ты Верховная Ведунья. Ученики, как правило, ходят друг на друга. Их жизни и судьбы повторяются. Редко, когда встречается что-то по-настоящему интересное. Что-то выбивающееся из привычной рутины.

Что-то или... кто-то.

Адамаск.

Странная. Очень странная девочка. По-своему забавная. Сама того не подозревая, новенькая стала для Верховной Ведуньи глотком свежего воздуха, неким развлечением, позволяющим разнообразить однотипные дни Руара. Пожалуй, именно в свежести, что Адамаск привнесла в ее жизнь, и крылась истинная причина покровительства Глэдис. В противном случае Аду можно

было просто запереть в одной из подземных камер Руара до нужного момента, а когда девочка выполнит то, для чего изначально и предназначалась, пустить ее в расход.

Но, на счастье Адамаск, она оказалась весьма интересной Глэдис. Именно поэтому, к великому недовольству дэуса Карла, и не только его, Верховная Ведунья весьма открыто взяла строптивую девчонку под свое крыло.

— Я не знаю, что делать с девочкой, Глэдис! — докладывает дэуза Кэролайн. — У нее явно не дарийское образование. Оно вообще не женское! Ощущение, что ее воспитывали как мальчишку-землянина. Адамаск знает такие вещи, о существовании которых женскому уму и подозревать не положено! Она изучала геометрию! Физику! При этом у девочки весьма поверхностные знания истории Дарийской династии! Она представления не имеет о придворном этикете и прочих основополагающих дисциплинах, изучаемых шатерами на первом уровне. Я в растерянности! Я не знаю, на какой уровень ее определить.

Глэдис хмыкнула. Надо же! Девчонка оказалась полна сюрпризов! Это какие надо иметь мозги и тягу к знаниям, чтобы умудриться получить весьма неплохое образование, находясь... Подумать только! В Катаре! Там же даже начальной школы нет! Дэуза Кэролайн, как и все остальные преподаватели, видимо, еще до конца не поняли, что в их руки попал весьма необычный ребенок.

— Вот и займись этим, Кэролайн. Заполни пробелы. Пусть пока побудет на индивидуальном обучении. Как только знания Адамаск выровняются, отправишь к ровесницам-шатерам.

Дэуза Кэролайн едва заметно стискивает тонкие губы. По ней заметно: она явно не в восторге от приказа Глэдис, но перечить Верховной Ведунье — значит рисковать жизнью. Потому шатера-наставница лишь склоняется в покорном поклоне.

— Как скажете, дэуза.

Что ж, если Глэдис хочет сделать из девочки шатеру, она, Кэролайн приложит массу усилий, но... Вот уже полвека, как она является Верховной наставницей для шатер и успела неплохо изучить человеческие души, страсти, порывы. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: этот ребенок уже не поддастся воспитанию, девочка слишком хорошо знает, что такое свобода. И любит ее. А значит, из новенькой никогда не выйдет путной шатеры. Легче уж сразу сделать ее серой прислужницей, потому что рано или поздно тем дело и кончится.

Но кто она, Кэролайн, такая, чтобы давать советы Верховной Ведунье? Никто. Всего лишь покорная, «правильная» шатера.

Громкий стук в дверь заставляет прервать разговор. На пороге запыхавшийся наставник-воин.

— Простите за беспокойство, дэуза...

— Надеюсь, у тебя что-то очень срочное, Феликс, раз ты осмелился помешать мне, — недовольно отзывается старуха.

Взволнованный мужчина склоняется в почтительном поклоне. Заметно: Верховная Ведунья вызывает у него благоговейный трепет.

— Мы нашли сбежавшего мальчишку.

— И где же, интересно знать?

— Его тело полчасика назад выбросило на скалы.

Глэдис удивленно приподнимает бровь. Самоубийство в Руаре — довольно редкое явление. Юных руарцев с пеленок учат цепляться за жизнь ради великого служения императору Дэмониону. И они цепляются, правда, не столько из-за повелителя, сколько из банального страха перед смертью. Ведь по учению дарийского божества Отара слуга императора, наложивший на себя руки, в загробной жизни будет подвергаться вечному мучению за то, что предал своего

повелителя. Эта прописная истина с малолетства вбивается в головы воспитанников, так что самоубийство в Руаре? Да такого просто не может быть!

— Он сам сбросился в океан? Наложил на себя руки?! Мне что-то слабо верится, Феликс.

Воин хмуро качает головой.

— У мальчишки перерезана шея. Произошло убийство, моя дэуза. Но вы не извольте беспокоиться, Верховный Воин сказал, что знает, кто это сделал. Виновного ждет смерть.

— Правильно, — едва заметных губ Глэдис касается легкая задумчивая усмешка, — но прежде я хотела бы знать имя виновного. Как только все выясните, приведите его ко мне.

— Как скажете, дэуза.

Воин исчезает, оставив Верховную Ведунью в легком недоумении. Преднамеренные убийства за все века существования Руара случались еще реже, чем самоубийства. Странно. Очень странно.

* * *

Я уже окончательно запуталась, куда меня тащит взволнованная Мэд. Бесконечные коридоры, комнаты, наконец, старая галерея. На стенах картины разных эпох. Преимущественно женские портреты. Шатеры, догадываюсь я. Видимо, лучшие из лучших, раз их решили увековечить кистью художника. Мельком замечаю, что один из портретов почему-то закрыт плотной тканью. Хочу подойти поближе — разглядеть, но Мэдлин не дает. Ей сейчас точно не до портретов. Моя соседка вновь близка к истерике.

— Что нам делать?! Дэус Карл приказал обыскать все комнаты, окна которых выходят на океан. — Мэд вцепляется в меня мертвой хваткой. — Делать-то что будем?! Если он сам подослал этого воина к нам, то наверняка знает, что именно мы избавились от его любимого ученика!

Ее модно стриженные короткие волосы, кажется, от ужаса стоят дыбом. Делаю попытку успокоить, заранее не особо веря в успех.

— Главное — не паниковать. Делать абсолютно ничего не нужно! Запомни раз и навсегда: ночью ты просто крепко спала. Ничего не видела и не слышала!

— Предлагаешь соврать Верховному Воину?! — В голосе юной шатеры звучит неподдельный ужас.

Меня разбирает псих. Я вообще не понимаю, как она умудрилась выжить в Руаре, если ни разу не врала наставникам? В Катаре Мэд точно бы и недели не продержалась.

— А у нас что, есть выбор? В конце концов, не мы с тобой заявили ночью в касту воинов и устроили там погром! И дыши глубже. Обычно помогает.

Загнанная в угол Мэдлин и правда начинает глубоко дышать, пытаясь взять себя в руки.

— Это все неправильно! Это все не по правилам! — нервно шепчет она.

Какие на фиг правила, когда речь идет о спасении собственной шкуры?! Нет! Мэд однозначно не знает законов и правил реальной жизни! Наивная, я-то думала, что это я тринадцать лет под силовым колпаком Катара прожила. Ан нет! Вот кто под настоящим колпаком всю жизнь проторчал!

— Да плевать я хотела на ваши дурацкие правила! Если от них нет толку! — огрызаюсь я, все же подходя к портрету и облачиваясь на него.

Только несколько неуклюже. В результате пыльное покрывало, закрывающее картину, падает мне прямо на голову. Отчаянно чихая, барахтаясь, сбрасываю его на пол.

— Серые прислужницы здесь что, никогда не убираются? — ворчу я. — Хотя бы пыль

стряхнули. Задохнуться же можно!

— Что ты наделала?! — Соседку охватывает новая волна паники. — Здесь нельзя ничего трогать!

— Ой, подумаешь, проблема, — беззаботно отмахиваюсь я. — Накинем полотно обратно. Делов-то...

Оглядываюсь в поисках стула или лестницы. Картины повешены довольно высоко, просто так до них не дотянуться. Наконец нахожу небольшую табуретку. Она подойдет. Тащу ее к картине, поднимаю голову и... обмираю.

Прямо на меня с портрета надменным взглядом взирает безумно красивая девушка в алом платье, в которой, признаться, не без труда, узнаю... собственную мать.

— Акраба, — выдыхаю я.

Уйдя из Катара, я думала, что никогда больше не увижу ее.

Мэд выхватывает у меня покрывало, встает на табуретку, торопливо завешивает портрет.

— Какая еще Акраба? Это Таисья. Некогда любимая шатера дэуса Карла.

Зашибись! Моя блудливая мамуля умудрилась крутить шашни и с этим лысым верзилой. Надеюсь, нам с Анигаем не его гены достались?

— Почему ее портрет висит здесь?

Заметно, что Мэдлин колеблется. Наверное, в другой ситуации она бы не ответила на мой вопрос, но сейчас, когда мы обе по самое «не хочу» в неприятностях, соседка решает нарушить еще одно правило Руара и... посплетничать.

— Таисья была одной из лучших шатер за всю историю Руара. Ей прочили большое будущее, но она...

Мэдлин затихает, не отваживаясь произнести вслух, что за номер выкинула моя мамаша, из-за чего мы с Анигаем родились в проклятом промозглом Катаре, а не в сытом Руаре. Зато меня распирает любопытство.

— Что она сделала, Мэд?

Шатера оглядывается, переходит на шепот:

— Осмелилась бросить вызов самому императору!

— Чего?!

Это уже слишком даже для меня. Нет, я, конечно, всегда знала, что наша мамуля с головой не очень дружит, но не до такой же степени.

Да я просто отказываюсь в это верить! Чтобы беспутная Акраба, у которой отродясь не было никаких амбиций и все мысли заняты только тем, как раздобыть эль и тандурим, пошла против самого Дэмониона?! Такого просто не может быть!

— В День Солнцестояния Таисья вышла на Плато Семи Ветров и затребовала Жезл Власти! — замороженным шепотом рассказывает Мэд. — Она хотела стать соправительницей Дария! Представляешь?! Простая шатера возомнила себя императрицей!

— Ну и как? Получилось? — скептическим тоном интересуюсь я, заведомо зная отрицательный ответ.

— Почти, — уклончиво отзывается Мэд.

Ее ответ вгоняет меня в ступор. Что значит «почти»?! Побери меня Отар, получается, что я совсем не знаю свою собственную мамашу!

— Таисье удалось удержать Жезл пару секунд, но потом... Жезл отторг ее. Рука, которой она держала Жезл, начала каменеть. И тогда император добил Таисью огненным шаром. Ей оторвало руку. Говорят, шатера умерла в страшных муках на глазах у всего народа. — И тут же высокопарно добавляет: — Ее смерть стала назиданием для всех безумцев, кто мечтал покуситься на второй трон. После того случая больше не нашлось ни одного желающего

попробовать взять Жезл Власти.

М-да... Теперь мне есть над чем поразмышлять на досуге. Вот только в этой истории слишком много «белых», непонятных мне пятен.

— Не понимаю... Если Таисья была такой проблемной шатерой, почему ее портрет отсюда не сняли?

Мэдлин смотрит на меня как на сумасшедшую, только что сказавшую откровенную крамолу.

— Ты что?! Как можно?! Это же история Дария! Она — легенда!

— Дура она, а не легенда, — раздраженно фыркаю я.

Интересно, повторила бы Мэд восторженные слова о моей мамочке, если бы увидела беспутную Акрабу пьяной и грязной в кабаке Катара, когда та пристаёт к очередному мужику, предлагая свои услуги? Подозреваю, что вряд ли. Потому как моя пропитая мамуля походит в тот момент на кого угодно, но только не на легенду.

Задумываюсь. Теперь, когда я знаю всю историю матери, ее слова, сказанные мне напоследок, начинают обретать новый смысл.

Не бунтуй. Не высовывайся. Не иди против... Акраба знала, что говорила. И самое странное, что, предупреждая, она... желала мне добра. Мать вполне искренне пыталась предупредить об опасности, таящейся в Руаре.

Надо же! Оказывается, правду говорят, что материнское сердце — еще те потемки. Даже в самом темном иной раз находится проблеск любви.

* * *

Переступаем порог нашей спальни и застываем от испуга. Возле распахнутой двери балкона стоит дэус Карл. Задумчиво смотрит вдаль. Резкие порывы ветра развевают его плащ. Не надо иметь семи пядей по лбу, чтобы понять — это начало конца. Карл прекрасно знает — а если и не знает, то наверняка догадывается, — что именно мы избавились от его ученика. В противном случае его бы здесь не было.

Верховный Воин медленно поворачивается. Смотрит в упор на меня.

— Слышал, у вас ночью был гость?

На мое счастье, Мэд оказывается прекрасной актрисой. Она переводит невинный недоумевающий взгляд с воина на меня. Теперь я понимаю, как она выживала в Руаре. Главное правило: не показывай свое истинное лицо и не дай никому понять, что делается у тебя в душе.

— Простите, дэус Карл, я не понимаю, о чем вы... — лепечу я, и уже в следующее мгновение чувствую, как сильная мужская рука хватает меня за одежду и тащит на тот самый злополучный балкон. Секунда, и пол уходит из-под ног.

Верховный Воин на вытянутой руке держит меня над пропастью. За его спиной стоит парализованная от страха Мэд.

Ледяной ветер стекает мое тело. Слышу, как внизу об острые скалы разбиваются мощные волны океана. Всерьез подумываю закрыть глаза, но внезапно понимаю, что не хочу умирать вот так, во тьме и страхе. Хватит с меня и того, что я всю жизнь прожила во мраке Катара.

Терять все равно уже нечего, поэтому в упор, с вызовом смотрю в лицо дэуса Карла. Пусть запомнит меня такой. Может, и жила я в Катаре с опущенной головой, но погибать буду с гордо поднятой. Наши взгляды пересекаются, и тогда...

* * *

— Я не смог ее убить.

Злой, раздраженный, ошарашенный дэус Карл сидит, сгорбившись, обхватив голову, в старом кресле напротив камина в личной обители Глэдис. Его задумчивый взгляд блуждает по пламени.

Старуха, вольготно расположившись в кресле напротив, с нескрываемым интересом слушает воина. Нечасто Карл приходит к ней с такими душевными излияниями.

— Я уже был готов разжать руку. Я хотел сбросить это отребье в пропасть. Уверен: именно она убила моего воспитанника. Видела бы ты, с какой наглостью она врала! С каким вызовом смотрела прямо в глаза! Вися над пропастью! В паре секунд от своей смерти... Она не боится смерти, Глэдис. А значит, ее нельзя взять под контроль. Девчонка не пригодна для Руара. Но что еще хуже...

Верховный Воин не выдерживает. Встает. Нервно прохаживается по каменному полу. Гулкое эхо твердых шагов разлетается под высоким потолком. Ему непросто дается признание.

— Я уже видел раньше такой взгляд. Только не могу понять, где и у кого? Это какая-то магия... Дурная магия. Я не смог разжать пальцы, Глэдис... Впервые в жизни не смог убить... И знаешь почему?

Карл переходит на шепот. Безумный шепот, в котором звучит неподдельный ужас, смешанный со смятением.

— Если бы эта зарвавшаяся рвань полетела в пропасть... Я бы бросился следом за ней. Я ничего не понимаю, Глэдис! Что со мной происходит?! Где ты взяла ее?! Кто она?! Почему я не смог убить ее?! Почему мои инстинкты кричат, что я должен защищать ее даже ценой собственной жизни?!

Конечно, Верховная Ведунья подозревала, что Карл, возможно, инстинктивно почувствует ту разбавленную толику крови Древних, что течет в жилах Адамаск, но... Признание воина становится откровением даже для нее.

Ясно лишь одно: с конфликтной ситуацией пора заканчивать. Ей надо, чтобы девчонка дожила до следующего Дня Солнцестояния еще несколько лет — потому лучше примирить Карла с воспитанницей. Глэдис прекрасно понимала: Верховный Воин не успокоится. Если он не может убить новенькую сам, то подойдет к Аде другого убийцу. На сей раз девчонке несказанно повезло, но удача не всегда будет на ее стороне. Потому лучше сказать ему правду. Точнее — половину правды.

— Она дочь Таисьи, Карл, — тихо шелестит Верховная Ведунья. — Возможно, девочка напомнила тебе мать. Поэтому ты и не смог убить ее.

— Таисьи?!

Имя из прошлого. Такое желанное и болезненное для Карла. И Глэдис это прекрасно знает.

Верховному Воину требуется время, чтобы осмыслить услышанное.

Чушь! Бред! Чудо...

— Но это невозможно! Таисья умерла! Там! На Плато Семи Ветров! В тот проклятый день! У меня на глазах! — неподдельная боль. — И я ничего... ничего не смог сделать! — Шокированный Карл, сам того не замечая, вплотную подходит к старухе. Кажется, еще секунда, и он схватит ее за грудки, чтобы вытрясти из ветхого тельца правду и душу.

— Той Таисьи, которую ты помнишь, действительно больше нет, Карл. — В голосе Глэдис угадываются нотки сожаления. — От нее осталось лишь изуродованное тело и сломленный дух. А еще дети. Двойняшки. И теперь только от тебя будет зависеть, выживут они в Руаре или нет.

— Мальчишка и эта пигалица?

На несколько минут в комнате воцаряется тишина, прерываемая лишь треском сухих дров в камине да завыванием ветра за окном.

Глэдис знает: Карла нельзя торопить. Он сам должен принять нужное решение.

— Хорошо. Я возьму пацана под опеку.

— Но она тоже ее дочь, Карл.

Голос Верховного Воина становится жестче.

— Помяни мое слово, Глэдис: хлебнем мы с оторвой еще проблем. Нутром чую: она куда хуже Таисьи. Та хотя бы боялась смерти. Эта же, похоже, не боится вообще ничего.

— Ты позаботишься о ней, Карл?

— У меня есть выбор?

Тонких губ ведуньи касается едва заметная улыбка.

— Нет.

О том, что, когда придет время, ему собственноручно придется избавиться от заносчивой девчонки, Глэдис умалчивает. Всему свое время.

Всему свое время.

4. ПОБЕГ

Ада

Ну уж нет! Я не собираюсь спокойно сидеть и ждать, когда очередной сумасшедший решит отправить меня к Отару! Достаточно и сегодняшних впечатлений от висения над обрывом! И это при моей-то боязни высоты!

Мечусь по спальне, собирая в дорожный мешок самое необходимое. В основном беру теплую одежду. Не хватало еще в Сумрачном лесу, который окружает Руар, околеть! Не забываю прихватить и парочку драгоценных украшений, найденных в комодке Мэд. А что? Жить-то в Адейре как-то надо.

Хочу сбежать именно в Адейру. Я много слышала об этом удивительном городе. Мой расчет прост. Во-первых, в мегаполисе можно легко затеряться. А во-вторых... Что греха таить, в глубине души я надеюсь на чудо: вдруг встречу там моего мальчишку-альтаирца, и тогда жизнь точно наладится! В день нашей свадьбы я слышала, как отец Марк договаривался по видеосвязи о переезде. Уж кто-кто, а Эван меня в обиду не даст. Какая же я все-таки дура, что не послушалась его! Не стоило ехать в Руар! Надо было остаться с моим альтаирцем. Навсегда.

Дождавшись, когда Мэд крепко заснет, вылезаю из кровати. Скидываю ночнушку, остаюсь в дорожной одежде. Хватаю рюкзак, плащ и растворяюсь в темноте коридора. Конечно, по-хорошему надо бы попрощаться с братцем, предупредить его о своем уходе, но я принципиально не хочу это делать. Со мной он точно сбежать не захочет, можно даже и не пытаться уговаривать. Потому что он предал меня, бросил. Променил на свой обожаемый Руар. Вот и пусть живет здесь, а я...

Спускаюсь на кухню.

Мне везет. Никого нет, зато еще пылает очаг, и благодаря его свету я легко нахожу еду: пару хлебов, вяленое мясо. Прихватываю бурдюк с водой. Тяжеловато, конечно, но подышать с голодухи в дороге в мои планы не входит.

Покинув кухню, направляюсь к восточной стене крепости. Там я видела вполне приличный лаз. Руар особо не охраняется, так как сверху он, как и любое поселение Дария, накрыт силовым полем, пройти через которое может только свободный человек. В Руаре таких раз-два и обчелся! Глэдис да Карл. Даже наставникам необходимо спецразрешение. Я — другое дело. Формально я замужем и поэтому считаюсь свободной. Спасибо Эвану! Как же я все-таки правильно поступила, что согласилась на абсурдный брак!

Небольшой лаз расположен несколько дальше, чем я думала. Чтобы пройти к нему, приходится пробираться через задний двор касты воинов. Здесь всегда выставлена стража, но мне удастся пройти мимо них незамеченной. По крайней мере я так искренне считаю до тех пор, пока за спиной не раздастся сердитый голос моего несносного братца.

— И далеко собралась?

Медленно оборачиваюсь. Передо мной в одежде стража стоит хмурый Анигай. И угрозило ему дежурить именно в сегодняшнюю ночь!

— Совсем с ума сошла?! — шипит брат, хватая меня за руку. — Хочешь, чтобы тебя убили?! Знаешь, как в Руаре наказывают шатер за попытку бегства и вообще за любое неповиновение?! Ты серых прислужниц видела? Мечтаешь стать одной из них?!

— Отпусти! Вы здесь и так все серые прислужницы!

Дергаю руку, отступаю, а затем без предупреждения ловко ныряю в лаз.

Перепуганный Анигай, помедлив пару секунд, не выдерживает и бросается следом.

Со всех ног несусь к границе силового купола. Только бы успеть! Только бы успеть! Я точно знаю, что брат не сможет пройти через него. А смогу ли я? Этот предательский, внезапно возникший вопрос заставляет притормозить буквально в метре от прозрачного, мерцающего силового поля.

— Не подходи! — предупреждаю брата, на всякий случай выхватывая дред.

Глупо, конечно. Анигай прекрасно знает, что я никогда не применю против него оружие. Но дред-то не в курсе! Змея-цепочка тут же оживает, больно впиваясь мне в кожу.

— Убить — не убью, но ногу точно продырявлю! — угрожаю я. Правда, звучит как-то не очень уверенно.

Анигай, словно замороженный, наблюдает за дредом. У брата еще нет такого оружия. Оно выдается лишь ученикам-воинам, прошедшим обряд инициации. У меня дред оказался лишь потому, что я его случайно отобрала у хозяина в схватке. Оказывается, таким образом дред тоже может поменять своего господина.

— Откуда он у тебя? И почему подчиняется тебе... — Изумленный Анигай поднимает на меня взгляд. — Значит, это все-таки была ты? Это ты убила Малькольма?

— Никого я не убивала. Больно надо! — огрызаюсь я, осторожно отступая назад, поближе к силовому полю. — Дред сам убил его.

— Он подчиняется мыслям своего хозяина!

— Значит, этот ваш Малькольм был мазохистом-самоубийцей, раз приказал дреду убить себя, — ёрничаю в ответ.

— Но дред подчиняется тебе!

Ого! В голосе братца читается неприкрытое уважение.

— Да я-то откуда могла знать, что рехнувшийся дред посчитал меня хозяйкой?! — срываюсь я.

Понимая, что отступать дальше некуда, решаю рискнуть. Пятясь от брата, дотрагиваюсь рукой до силового поля Руара. Панически боюсь заработать ожог, но рука свободно проходит сквозь купол.

Значит, Эван был прав! Мое имя и судьба переписаны, и я... Я свободна!

Не теряя драгоценных мгновений, тут же прыгаю по ту сторону силового поля. Анигай не успевает меня остановить. Отшатывается от мерцающей преграды в самый последний момент.

— Я свободна! Свободна! — визжу, хватая рюкзак. — Прости, братец, но мне пора. Счастливого оставаться в твоём любимом Руаре!

Поворачиваюсь спиной к Анигаю. Осматриваюсь: вдаль, чуть севернее, мерцают огоньки деревеньки. Заманчиво, конечно, но туда нельзя. Там будут искать в первую очередь. Остается лишь Сумрачный лес. Если идти по нему на юг, то рано или поздно я должна буду выйти к Адейре. Зря я, что ли, в обед проштудировала учебник Мэд по географии и даже вырвала страницу с картой? Собираюсь двинуться в путь, но меня останавливает голос брата. Теперь в нем нет агрессии. Только испуг и тоска.

— Ада, подожди! А как же я? Без тебя я им не нужен.

Пропади он пропадом, этот Анигай! Меньше всего на свете я сейчас хотела слышать такое. Брат озвучивает то, о чем я не хотела даже думать. Его действительно взяли в Руар только из-за меня. Потому что иначе бы я просто отказалась сюда ехать.

— Ты сильный. Умный. Старуха сама сказала. Из тебя выйдет хороший воин. Ты сын шатеры. Они не убьют тебя, — пытаюсь обмануть саму себя.

— Очень сомневаюсь, — невесело усмехается Анигай. — Ты сама видела, как легко здесь пускают учеников в расход. Как только ты уйдешь, они избавятся и от меня, как от ненужного хлама.

О! Умеет же братец давить мне на жалость! А я?! Как же я?!

— Если я останусь, то убьют меня. Я не нравлюсь Карлу. Сегодня он собственноручно чуть не отправил меня к Отару.

— Но не отправил же. Значит, есть надежда.

— Ты сам-то веришь, что говоришь? Какая может быть надежда здесь, на Дарии?! — невесело хмыкаю я.

— Старуха не допустит, чтобы с тобой что-то случилось, — убежденно говорит брат. — Ты ей нужна. Не знаю зачем, но нужна. И очень. Иначе бы она нас сюда не притащила. Думаю, она уже вправила дэусу Карлу мозги. Мне кажется, никто в Руаре не посмеет причинить тебе зло, пока этого не допустит Глэдис.

Смотрю на брата и ругаюсь про себя на чем свет стоит. Я уже почти ушла. Почти стала свободна. Почти счастлива...

Почти.

Но как быть свободной и счастливой, зная, что цена этому — жизнь хоть и несносного, но родного тебе человека?

В Руар мы с братом возвращаемся вдвоем. Анигай, ворча, тащит мою сумку.

* * *

Дождливый пасмурный день. Ливень вперемишку с градом. Дарийская весна неторопливо вступает в свои права. Из-за разбушевавшейся непогоды занятия на тренировочных площадках под открытым небом отменены. За исключением старших воинов. Те продолжают сражаться на дредах, не замечая ни промозглого холода, ни хлещущего дождя.

На душе пакостно и тоскливо. Сажу на подоконнике. Смотрю, как по стеклу тарабанят капли. На мне красивое шерстяное платье. Новенькие туфли. Казалось бы, чего еще желать для счастья? Я сыта. У меня есть своя комната. Тепло одета. Но... Платье колет, туфли жмут, а в роскошной спальне я не чувствую себя в безопасности. И от всего этого на душе скребут кошки.

На самом деле все просто: сытый Руар куда лучше нищего Катара. Мне бы радоваться, а я...

Я смотрю в окно и не могу понять, то ли мои глаза застилают капли дождя, то ли слезы. И кажется, что откуда-то издали доносится пронзительный звук такой знакомой скрипки, тоскующей обо мне.

— Ада! Тебя зовет Верховная Ведунья! Срочно!

Встревоженный голос Мэд выводит из оцепенения. Ну вот! Опять все не слава богу! Что еще могло случиться такого, что я понадобилась срочно самой Глэдис? Вроде бы за последние несколько дней я никого с балкона в пропасть не скидывала.

Причина, по которой меня вызвали к Верховной Ведунье, становится ясна сразу, как только я бросаю взгляд на стол. На старом темно-зеленом сукне лежит дред.

Мой дред.

Сама виновата! Не досмотрела. Не могла додуматься спрятать оружие куда подальше, чем под матрас! Похоже, при первой же генеральной уборке его нашли серые прислужницы и отнесли дэусу Карлу. Надо было видеть его лицо! Думала — сразу убьет, но нет.

— Как он оказался у тебя?

А сам будто не догадывается!

Украдкой смотрю на Глэдис, стоящую возле Верховного Воина. Одна надежда, что старуха не даст разъяренному Карлу свернуть мне шею прямо здесь и сейчас. Хотя, если честно, с каждой секундой надежды остается все меньше...

— Случайно нашла его в дворе. Хотела вам отдать, но побоялась, что вы мне не поверите. Верховный Воин надменно усмехается.

— Правильно побоялась. Я тебе не верю. Мы оба прекрасно знаем, чей это дред. У всех остальных учеников-воинов оружие на месте.

— Но...

Дэус Карл берет в руки дред. Осматривает его. Хмурится. Вертит в руках, словно силясь понять, что с этим оружием не так.

— Бред, — наконец выносит вердикт. — Не может быть, чтобы...

Внезапно Верховный Воин бросает дред в мою сторону. Ловлю на автомате. В то же мгновение дэус Карл замахивается на меня своим дредом.

Все происходит слишком быстро. Мною руководит инстинкт самосохранения, а не разум. Дредом, похоже, тоже. Потому что, оказавшись в моих руках, он оживает быстрее, чем я успеваю подумать. Я ловко отражаю атаку Верховного Воина. Чуть позже понимаю: это была и не атака вовсе, а так — проверка абсурдной догадки.

Обескураженный Карл переводит вопросительный взгляд с дреда в моей руке на Верховную Ведунью.

— Абсурд! Объясни мне! Дред не может подчиняться не воину! Тем более — женщине.

— Похоже, этот дред считает иначе, — усмехается Верховная Ведунья, которую явно забавляет происходящее.

— И что прикажешь делать? Я не могу забрать дред, не убив его новую хозяйку, а ты не позволяешь сделать это. — В голосе Карла звучит неприкрытое ехидство. — Но и оставить оружие у девчонки нельзя. Это нарушение традиций и устоев Руара!

Старуха лишь пожимает плечами, направляясь к двери.

— Решать, конечно, тебе, Карл, но на твоём месте я бы лучше пригляделась к девчонке. Шатера из Адамаск, прямо скажем, с её характером-то никудышная. Слишком много потраченной энергии. А вот как воин... Возможно, она могла бы стать тебе полезной. Подумай сам... Враг никогда не заподозрит в ней сильного противника. И тебе это может быть на руку...

Верховный Воин с откровенным сомнением смотрит на хилую меня.

— Она сдохнет после первой же тренировки.

— Она выжила в Катаре, Карл, — усмехается Глэдис. — Смотри, как бы от её дреда на тренировке не сдох кто-нибудь другой.

Нет! Эта старуха мне однозначно начинает нравиться!

5. КАСТА ВОИНОВ

Если бы я знала, когда выбивала дред из руки напавшего на меня ученика-воина, чем дело кончится, то трижды бы подумала, прежде чем это делать. Потому что чую, Верховный Воин все же не ошибся: долго я в касте воинов не продержусь. По крайней мере в живом виде.

Карл, пропади он пропадом, вместо того чтобы отправить к новичкам, определил сразу к ровесникам! Ладно Анигай — он физически гораздо сильнее, но я?! Да они же прибьют меня на самом первом занятии! И будут в чем-то правы. Я лично тоже начинаю считать, что девчонкам здесь не место.

Мое обучение в новой касте началось с насмешек. Приятного, конечно, мало, но, справедливости ради надо сказать, ребят тоже понять можно. Девчонок среди учеников-воинов отродясь не было. Вдобавок, за неимением одежды воина, на уроки я пришла в платье. Шатерам не полагается носить штаны, а позаимствовать одежду у брата я не могла. Мы же для всех не знакомы. И это, к слову, все сильно усложняет.

В мой адрес сразу летят издевки. Краем глаза вижу, что у Анигая так и чешутся руки дать в морду обидчикам. У братца с раннего детства принцип: обижать сестру может только он сам, другим за это руки-ноги сразу переломает. Но сейчас Анигай вынужден молча наблюдать за происходящим. И это дается ему ой как нелегко. Но вмешиваться нельзя! Нельзя, чтобы кто-то догадался, что мы с Анигаем близки, иначе нам обоим конец. И так народ на нас косо посматривает, ведь мы появились в Руаре в один и тот же день.

Улюлюканье и скабрзные шуточки в мой адрес прекращаются с появлением на тренировочной площадке дэуса Карла.

Чтоб его приподняло и пришлопнуло!

Верховный Воин с ехидной улыбкой «радует» новостью, что отныне в касте будет учиться «новенький», после чего с просьбой «любить и жаловать» показывает на меня.

Пожалуй, впервые за всю историю своего существования стены Руара слышат гул негодования воинов. Я явно пришлась не ко двору. Наличие в касте девчонки они воспринимают исключительно как личное оскорбление.

Вдоволь насладившись возмущением воспитанников, Карл поднимает руку. Толпа мгновенно стихает. Начинается урок.

В отличие от Глэдис Верховный Воин не удосуживается проверить мой уровень подготовки и сразу ставит в пару к какому-то мальчишке отрабатывать неизвестный мне удар. Результат не заставил себя ждать. Уже через пару секунд я оказываюсь на земле с разбитым носом. Краем глаза наблюдаю, как бледный брат сжимает кулаки. Едва заметно качаю головой. Нет! Не надо вмешиваться — сама разберусь. В конце концов, это далеко не первая моя драка. Плевать я хотела на физическую боль. Бывает боль куда посильнее.

Поднимаюсь на ноги. Вытираю кровь с лица подолом безнадежно испорченного платья. Мальчишка-напарник заметно удивлен тем, что я не разрыдалась от удара и не заистерила, как на моем месте сделала бы любая нормальная шатера. Но в том-то и дело, что Глэдис права: шатера из меня никудышная.

Не тороплюсь вернуться на исходную позицию. Внимательно смотрю, как отрабатывают тот же удар мальчишки напротив. Прием эффективный, технически довольно несложный. Включает в себя переброску противника через плечо. Вот только рассчитан он на крупного парня, способного задавить соперника «массой». И тут мне надо быть реалисткой: громилу напротив я даже при всем желании не задавлю. Разве что только морально. Я ему по росту даже не до плеча...

Напарник без предупреждения делает выпад.

Но не на ту напал! Мне никогда не нравилась роль куклы для битья, поэтому, наплевав на прием, не мудрствуя лукаво со всей дури бью противника ногой по его мужским причиндалам.

Каблучком. Чтобы уже наверняка.

Воин взывает не своим голосом и с выпученными от боли глазами, схватившись руками за энное место, оседает на землю. Как только он становится по уровню ниже меня ростом, я ювелирно отрабатываю на нем прием, который мы как раз и проходим. Единственное — без переброски через плечо. Ограничиваюсь пинком в зад, отчего горе-войка под всеобщий хохот приземляется мордой в лужу.

Оглядываюсь. Парни ржут. И теперь не надо мной, а над моим поверженным противником. Вот в этом все они, мужики! Понимают только закон силы. Так было и в Катаре. Приятели Анигая с Черного рынка приняли меня за свою и стали воспринимать всерьез, только когда я одному из них нос в драке сломала, да парочку зубов кочергой выбила.

— Это не по правилам! — зло стонет пацан.

— А жизнь вообще штука неправильная, — огрызаюсь я, внаглую глядя в глаза подошедшему к нам Верховному Воину. Терять мне уже, похоже, нечего — рано или поздно они мне точно на этих занятиях хребет переломают, поэтому пружинаюсь. — Может, все-таки вернете меня к шатерам? Толку от меня здесь никакого. Они сильнее.

Ответ дэуса Карла меня откровенно поражает.

— Я бы так не сказал, — переводит задумчивый взгляд с валяющегося мальчишки на меня, затем приказывает своему помощнику: — Выдайте ей одежду воина. Чтобы в платье я ее здесь больше не видел.

Верховный Воин уходит, оставив нас всех в полном недоумении. То он меня на дух не выносит, то принимает за свою. Логика никакой. И это жутко напрягает! Никогда не знаешь, чего ждать от Карла. Ну неужели меня нельзя было оставить в касте шатер?! Мне, между прочим, там вполне неплохо жилось. Если, конечно, не считать попытку покушения, которое, я уверена, сам дэус Карл и организовал.

* * *

Первый день тренировок показался мне целой вечностью. В касту шатер я прихожу, вернее — приползаю, уже глубокой ночью. Видок у меня еще тот: платье в грязи, лицо разбито. Все тело в ссадинах и кровоподтеках.

Будь неладны этот дэус Карл и Верховная старуха, с ним вместе взятая! Оба больные на всю голову, раз додумались отправить меня, девчонку, учиться в касту воинов.

При виде изрядно потрепанной меня Мэдлин охает и хватается за сердце.

— Кто это тебя так? Что они с тобой сделали?

— Спокойствие! Это в касте воинов приемы самозащиты так отрабатываются. — Я аккуратно, стараясь не делать лишних движений, причиняющих боль, сажусь на кровать. — Можешь поздравить меня с первым днем учебы.

— Поздравляю! — фыркает пришедшая в себя от первоначального шока Мэд и бросается к комоду, где хранит свои чудодейственные лекарства.

Не знаю уж, зачем соседке приспичило мне помогать, но я ей от всей души благодарна. Если бы не Мэд и ее волшебные мази, я бы, наверное, не смогла на следующее утро даже встать. После тренировок тело болит так, будто по мне груженная телега проехала. И это уже не говоря о ранах, которые, слава богу, оказались поверхностными. Зашивать ничего не пришлось, что

несказанно радуется. Только мне шрамов и не хватало.

Шатера испуганно осматривает мои многочисленные синяки и кровоподтеки. К чести дэуса Карла, после того неприятного инцидента он поставил меня в пару с Анигаем. Конечно, брат отработывал приемы как можно осторожнее, но все равно досталось мне по первое число.

— Так, вроде бы все обработала. — Мэдлин внимательно осматривает мою спину. — Да... Первый раз вижу столько синяков. Ада, если ты будешь приходить в таком состоянии после каждого занятия, то тебя надолго точно не хватит, — констатирует шатера.

Я и сама прекрасно понимаю!

— Скажи это Карлу, — сквозь зубы цежу я, морщась от боли.

— Может, стоит все же поговорить с Глэдис, чтобы она оставила тебя в нашей касте?

— Может, и стоит, — вынужденно соглашаюсь с Мэд. — Только что-то мне подсказывает: старуха не переведет меня обратно. Думаю, Глэдис запихнула меня в касту воинов, чтобы позлить Карла. Ее это, видите ли, развлекает, а я страдаю.

* * *

Уж не знаю, каким чудом, но мне удастся продержаться в касте воинов до лета. За это время мышцы постепенно привыкают к физическим нагрузкам. Боль уходит. Ее место занимает уверенность. Уверенность в себе. В собственных физических силах. В том, что теперь я могу постоять за себя.

Да, я все еще заметно отстаю от остальных учеников в плане физической подготовки, но каждый вечер мы с Анигаем встречаемся на опушке леса, где тайком от всех отработываем приемы, которые у меня плохо получаются днем. И хотя синяков по-прежнему хватает, но они уже не такие существенные. К тому же я не единственная, кто ходит в нашей касте с синяками. На тренировках достается всем, и это утешает мое самолюбие.

Колкости и издевательства в мой адрес со стороны воспитанников постепенно идут на убыль. Переломным моментом становится контрольная по вычислению, когда я единственная на уровне получаю высший балл. Спасибо отцу Марку, потратившему столько времени и сил, чтобы дать нам с Анигаем добротное образование.

Окончательно каста воинов принимает меня за свою, когда я прихожу на тренировку с дредом. После того как оружие оживает в моих руках, все вопросы о том, что мне здесь не место, мгновенно исчезают. Если дред признал меня, то и каста не может не принять.

Жизнь постепенно входит в свое русло. Друзьями в Руаре, конечно, не обзаведешься (Анигай и Мэд не в счет), но приятели все же появляются. Особенно среди лекарей — забавные мальчишки. Все как один — книжники, помешанные на науке. Будь их воля, они бы сутками учебники по анатомии зубрили. Им нравится со мной общаться, хотя бы потому, что никто из воинов никогда не удосуживается и парой слов с лекарями перебраться. Для парней из моей касты лекари — что-то типа серых прислужниц, которые нужны, только чтобы кого из воинов «подлатать». Я, напротив, с большим уважением отношусь к ним, потому что прекрасно помню, какую важную роль в Катаре играл местный лекарь. Только он мог спасти человеку жизнь, когда остальные уже шли копать ему яму.

Если с лекарями я дружу, то с ведуньями, напротив, нахожусь в контрах. Эти гримзы меня на дух не переносят. Им, видите ли, не нравится, что ко мне так благоволит Глэдис, в то время как их держит в ежовых рукавицах. Я слышала, что кто-то из ведуний пытался наслать на меня проклятие. Даже знаю кто! Потому что именно эта стервозная парочка на следующий день на занятия пришла с рожами, усыпанными страшными прыщами. Мне потом лекари, которым

пришлось с ними возиться, проболтались, что те в недоумении были: «прыщевое» проклятие наслали на меня, а оно почему-то ударило по ним самим. Мы потом долго с Мэд смеялись. Видимо, Глэдис наложила на меня охранные чары, поэтому две мерзавки ничего и не смогли сделать. По крайней мере я так думаю. Еще бы Глэдис такие чары от синяков и ушибов наложила — цены бы ей не было!

Сама того не замечая, я постепенно привыкаю к Руару. К его жесткому графику, сытости, комфорту. Но стараюсь не замечать и не думать о некоторых вещах, невольно вызывающих вопросы. Например, правда ли, что серые прислужницы — это бывшие непокорные шатеры, которых в наказание лишили воли, памяти и разума? Куда бесследно исчезают тяжело раненные во время учебных боев воспитанники-воины? И почему в тот же день после исчезновения очередного истекающего кровью мальчишки у лекарей, выходящих из закрытого подвального помещения их касты, такой довольный вид? Я не хочу спрашивать и знать, куда увозят красиво разодетых шатер, когда им исполняется пятнадцать лет. И почему они возвращаются назад такими странными: задумчивыми, молчаливыми, зареванными или, что еще страшнее, — безразличными. Как, например, Мэд.

— Жизнь все равно продолжается, — цинично усмехается соседка, запираясь в ванной, как раз после такой поездки в Адейру. Выходит оттуда лишь часа через два. С зареванными глазами. Ничего не объясняя, ложится спать.

А я, признаться, и не хочу слышать ее объяснений. Потому что иногда проще закрыть глаза и представить, что если ты ничего не видишь, то этого и нет... Жизнь в сытом и теплом Руаре меня более чем устраивает. Не хочу знать то, что лишит покоя и душевного комфорта.

Меня устраивает, что, обучаясь в касте воинов, мне по-прежнему разрешено жить в крыле шатер в уютной, богато обставленной спальне, а не в общей казарме воинов. Устраивает, что по настоянию Глэдис я продолжаю посещать часть чисто «-женских» уроков в касте шатер: по придворному этикету, танцам, иностранным языкам и прочей лабуде. Как воину она мне вряд ли когда-нибудь пригодится, но вот как девушке, которая рано или поздно окажется при императорском дворе...

Да, занятия в двух кастах сразу отнимают довольно много времени, но если это плата за теплую спальню и красивые платья, полагающиеся мне наравне с шатерами, то я абсолютно не против и дальше получать такое сдвоенное образование.

Время идет, и в какой-то момент мне кажется, что жизнь окончательно вошла в свою колею. Но вдруг все меняется. Это происходит примерно через год моего пребывания в Руаре. Однажды вечером Глэдис вызывает меня к себе.

— Скажи Мэд, чтобы она помогла тебе собрать вещи. Завтра ты едешь со мной в Сариту.

Сказать, что я удивлена, значит не сказать ничего! Верховная Ведунья наконец-то позволит мне покинуть пределы Руара! Как же я давно мечтала об этом! В Руаре, конечно, хорошо, но торчать столько времени в одном и том же месте непросто. В Катаре у нас с Анигаем и то было куда больше свободы передвижения, чем здесь.

Вспоминаю: Сарита, Сарита, Сарита... Кажется, так называется городок богачей, расположенный неподалеку от столицы Дария — Адейры. Говорят, там куча шикарных загородных резиденций. Интересно, зачем я там потребовалась?

Любопытство настолько распирает меня, что я не выдерживаю.

— Извините, дэуза Глэдис, а можно спросить, зачем мы едем? — робко интересуюсь я, откровенно говоря, особенно не надеясь на ответ.

Мне везет. Старуха пребывает в прекрасном расположении духа, поэтому охотно отвечает:

— Мы с Карлом решили поручить тебе первое задание. К Стиву Ромеро — послу Земного Альянса — на каникулы прилетела дочь, Айрис. Девочка твоя ровесница. Она пробудет на Дарии

две недели. Тебе предстоит сыграть роль ее компаньонки.

М-да... Только этого и не хватало! Шута перед избалованной богатенькой принцессой изображать! Всегда терпеть не могла сытенных, холеных, избалованных папиных дочек! Видела парочку в Катаре. Взять хотя бы дочурку начальника тюрьмы. Так бы этой зазнайке космы и повыдергивала! Уж лучше бы меня в Руаре оставили!

— Ты должна будешь постоянно быть рядом с Айрис. Охранять ее, — объясняет мою задачу Глэдис. — Чтобы с девочкой ничего не случилось за время ее пребывания на Дарии. Нам не нужен межгалактический скандал. Будь с ней предельно милой и вежливой. И никаких номеров, Адамаск! Запомни: ты — ее прислуга. Твоя задача сделать так, чтобы с головы дочери посла и волос не упал! Ты все поняла?

— Да, — покорно склоняю голову.

Я все поняла. Вот чему нас на самом деле учат в Руаре. Быть милыми, вежливыми куклами в руках власть держащих. Быть их прислугой. И эта роль, положив руку на сердце, мне совсем не по нутру.

6. КУКЛА

Дарий. Сарита. Неделю спустя

Вот не повезло так не повезло! Чувствую себя полной дурой! Сажу в дурацкой розовой ночнушке с рюшами на кровати в комнате Айрис. Просторной, богато обставленной, оформленной в тошнотворном розовом цвете. Повсюду, куда ни глянь, мягкие игрушки и куклы.

Честно! Не понимаю. Зачем пятнадцатилетней девке столько игрушек? Она что, из детства до сих пор выйти не может? Впрочем, похоже именно на то.

Из последних сил изображаю на лице заинтересованную улыбку, стараясь при этом не зевнуть. Жутко хочется спать, но на мою беду «белокурый ангелок» (так зовет девчонку сердобольный папаша — Стив Ромеро), похоже, затыкаться пока не планирует.

Дочка посла — миниатюрная блондинка с кукольным личиком и огромными голубыми глазами — сидит напротив на своей постели. На ней точно такая же розовая рюшистая ночная рубашка. По каким-то непонятным мне причинам чокнутая девица с первого же дня нашего знакомства вбила себе в голову, что мы подруги до гроба и поэтому у нас должно быть все общее и одинаковое. И вот результат... Мы выглядим как отражения в зеркале! Причем я чувствую себя в жутком розовом балахоне уродливо искаженным отражением. Полной дурой! Нет! Хуже!

Куклой!

Да! Вот самое верное слово! Я чувствую себя живой куклой, которую на время дали поиграть богатой девочке.

Единственное, что в сложившейся ситуации меня радует и удручает одновременно: на деле Айрис не так уж и плоха. Да, она поверхностна, беззаботна (наверное, нормальным детям такими и полагается быть в нашем возрасте), но в целом... Неплохая. По-своему добрая. Не могу не признать. Но и заставить себя симпатизировать дочке посла, с детства имевшей все то, о чем я не осмеливалась и мечтать, нет ни сил, ни желания.

На мою беду Айрис любит поболтать. И это напрягает, потому что трещит девчонка с утра до ночи и, как правило, исключительно о себе любимой, точнее — о своих чувствах к НЕМУ! К какому-то парню, от которого она просто без ума, но его имя почему-то произнести вслух никак не решается.

Сегодня душевные излияния Айрис особенно долги, потому что в ближайшие выходные ее отец дает прием, где будет ОН! Объект воздыхания, за которого девчонка грезит выйти замуж. Пусть бы и дальше грезила. Про себя. А мне бы лучше поспать дала, но куда там!

— Он такой... Такой... О, Адамаск! Ты даже не представляешь! Он само совершенство!

Меня сейчас стошнит от этих любовных розовых соплей! Креплюсь из последних сил. Год в Руаре прожила, но ни разу не слышала, чтобы кто-то из любвеобильных шатер так по парню убивался. Интересно, девчонки все так с катушек съезжают, когда влюбляются в кого-то? Или «белокурый ангелок» исключение?

Сама я давно твердо решила, что не позволю себе потерять голову из-за мужчины. Спасибо маме. Я еще в Катаре на все эти отношения так насмотрелась, что иметь дело с противоположным полом совершенно не хочется.

— Я вас обязательно познакомлю! — восторженный голос Айрис выводит меня из задумчивости.

Вот чего мне для полного счастья и не хватало!

Девчонка, хихикая, тут же добавляет:

— Папа все равно не позволит нам с ним оставаться наедине. Мы ведь уже почти

взрослые...

Отар ее побери! «Почти взрослые»! Да в ее возрасте в Катаре девки уже по двое детей имеют!

— Это же неприлично — разговаривать с молодым человеком без посторонних! — продолжает мечтательно размышлять Айрис, смущенно хихикая. — Вдруг он решит меня поцеловать.

Нет! Явный перебор для моей и без того травмированной психики. Меня сейчас стошнит.

— Поэтому надо будет, чтобы ты всегда была рядом. Адамаск, ты же не откажешь в помощи своей ближайшей подруге?!

Айрис преданно смотрит мне в глаза.

Вот будто у меня есть выбор!

— Конечно, Айрис. Я буду рядом.

Да чтоб их всех приподняло и пришлепнуло! Только я свечку еще и не держала, пока они там обжиматься будут!

— Спасибо! Спасибо! — Эта сумасшедшая соскакивает на пол и порывисто, с восторгом обнимает меня. — Ты самая лучшая в мире подруга!

Нет! Ее точно лечить надо! Причем серьезно! Как я могу быть ее лучшей подругой, когда мы знакомы всего пару недель?!

— Как жаль, что ты не можешь полететь со мной на Землю! — чуть ли не со слезами говорит Айрис, приземляясь рядом. — Может, я все-таки упрошу папу поговорить с твоей тетусшкой?..

«Тетусшка» — это Глэдис.

— Спасибо, конечно, за предложение, — поспешно останавливаю дружеский порыв, — но моя жизнь на Дарии. Ты же знаешь, мне еще учебу закончить нужно.

— Ах да... Учеба, — расстроено вспоминает девчонка, но тут же радостно подскакивает. — И все же так замечательно, что мы с тобой познакомились! Я так рада, что прилетела на вашу планету! Что именно ты будешь рядом со мной, когда сюда приедет он! Что мы сможем вместе...

Если честно, я уже не слушаю, что мы там «вместе сможем», потому что ее восторженная болтовня сливается для меня в один словесный поток. Неужели и я могла бы быть такой, если бы выросла в богатой полноценной семье? Впервые в жизни начинаю думать о том, что, возможно, мое рождение в Катаре было не такой уж и плохой идеей Всевышнего.

* * *

Суета! Суета! Суета! С раннего утра все слуги в поместье Стива Ромеро словно сошли с ума. Носятся туда-сюда, сюда-туда, стараясь как можно лучше подготовиться к вечернему приему. На кухне вовсю жарят-варят-пекут самые разнообразные изысканные кушанья. Аромат доносится даже досюда — крыши флигеля, где я, собственно говоря, и сижу. Пользуюсь свободным временем: Айрис решила немного поспать днем, чтобы вечером блистать во всей красе. Зато мне не спится. Переживаю, какие неприятные сюрпризы лично мне может принести многолюдный прием. Как уследить за непоседливой дочкой посла, чтобы ее никто ненароком не пришиб или не похитил. Например, хардрогои, о планах которых меня заблаговременно предупредил дэус Карл, а ему донесла разведка.

Хардрогои — наемные убийцы, бандиты, извечные обитатели Черного рынка Дария, — каким-то чудом прознали про прилет дочери посла Земного Альянса и уже успели подсчитать,

сколько состоятельный папаша может отвалить им за выкуп любимой дочурки, так что... Воины Руара, конечно, охраняют поместье по всему периметру, но здесь — внутри дома — я фактически одна. И все потому, что самонадеянный Ромеро не посчитал нужным усилить охрану внутри, назвав опасения дэуса Карла бредом.

Просто поражаюсь такой беспечности! Я лично была знакома с парочкой хардрдрогов — из тех, что были у нас в Катаре. Именно им мы с Анигаем сбывали топливные кристаллы на Катарской платформе Черного рынка, расположенной в заброшенной шахте на границе силового купола... Нас громилы не трогали только потому, что никто другой кристаллы им поставить не мог. В противном случае — прибили бы не глядя. Хладнокровные, жестокие, расчетливые. Сброд с самых разных планет. В основном, конечно, дарийцы, родившиеся на более диких планетах-колониях империи, подверженных радиации. Отсюда и все их врожденные уродства и аномалии. Живут, как правило, на своих старых межпланетных кораблях. Привыкли вечно экономить воду, которая в космосе на вес золота, так что о личной гигиене не слышали. Выглядят и воняют — жуть! В общем, контингент еще тот. Прирежут и глазом не моргнут. Поэтому я искренне не понимаю беспечности посла. Зная о возможной угрозе, он даже не удосужился приставить к единственной дочери нормальную охрану. Я не в счет. Ромеро даже не знает, что я из касты воинов. Он считает, что я обыкновенная шатера, приставленная к его дочке просто в качестве компаньонки. Посол и на меня-то не сразу согласился.

Бросаю взгляд в сторону горизонта. Звезда Сатаба неуклонно идет вниз. Скоро стемнеет. Пора переодеваться к приему. Усмехаюсь. Если хорошенько подумать, мне стоило бы тоже, как и Айрис, слегка поволноваться, ведь это мой первый в жизни официальный прием. Надеюсь, он пройдет без приключений.

* * *

Увы, мои надежды на то, что все пройдет без неприятных приключений, не оправдываются. Это я понимаю почти сразу в начале вечера, увидев его — юркого дарийца средних лет в одежде дворянина, которая, по моим ощущениям, явно снята с чужого плеча. Сомнения окончательно рассеиваются, когда незнакомец, воровато оглядываясь, берет с подноса проходящей мимо него прислужницы руками закуску.

Никогда! Никогда дворянин не позволит себе взять еду руками! Для этого есть специальные приборы. В данном случае — шпажки. Все же не зря Глэдис настояла на том, чтобы я, даже будучи в касте воинов, посещала занятия по придворному этикету вместе с шатерами. Вот уж не думала, что однажды знания дурацких нудных правил мне пригодятся.

Оставив Айрис под присмотром щебечущих подруг, которые приехали к ней из Адейры, незаметно следую за мужичком. С удивлением обнаруживаю, что он скрывается в кабинете посла. Еще большее удивление у меня вызывает то, что через минуту туда заходит и сам Стив Ромеро.

Злюсь на гостей, которые толкуются неподалеку от кабинета. Из-за них я не могу нормально подслушать разговор посла с незнакомцем. Приподняв длинные юбки и проклиная на чем свет стоит новенькие туфельки на высоких каблучках, нестерпимо натирающие ноги, несусь через кухню в сад. Хорошо еще, что кабинет находится на первом этаже и окно открыто.

Оглядываюсь. Славно, что никого нет! Ныряю в аккуратно подстриженные кусты, растущие под окнами.

Прислушиваюсь к разговору Ромеро с незнакомцем и не понимаю... Не понимаю, как такое вообще может быть?! Стоит мужику открыть рот, как до меня тут же доходит, что это один из

хардрогов! Вот почему его появление в поместье сразу заставило меня насторожиться! Специфический жаргон обитателей Черного рынка не спутаешь ни с каким другим! Что-что, а этим витиеватым, весьма образным языком я в совершенстве владею с детства — спасибо Катару! Там преимущественно только на нем простой люд и изъяснялся. Зато землянину Ромеро приходится туго — он вынужден расшифровывать просторечные, усыпанные бранью, но зато весьма емкие и точные фразы бандита.

Из разговора становится понятно, что хардрого в особняк впустил сам Ромеро! Более того — он его нанял! Этот урод хочет инсценировать похищение собственной дочери, чтобы спровоцировать межгалактический скандал и тем самым поставить под удар Дарий! Якобы дарийцы сами первыми нарушили перемирие.

Не выдерживаю. Перехожу в мыслях на тот же жаргон, на котором изъясняется незнакомец. Да Ромеро настоящий тухлый драг! Моча гиподрила! К тому же конченный идиот! Он что, правда думает, что хардрого не тронут и волоска с головки его «белокурого ангелочка», пока она будет «прохлаждаться» у них «в гостях» в ожидании выкупа?.. Знала я таких девчонок. Если они даже и возвращались домой живыми, их потом либо в петлях находили, либо на дне обрыва. Сами туда отправлялись, потому что после того, что с ними делали хардрого, желания жить дальше не у каждой хватало.

Нет. Я, конечно, не в восторге от Айрис. Но даже ей я не пожелаю столь страшной участи.

Ну и достался же ей папаша, помешанный на своем дурацком Альянсе. Ради идеи даже родную дочь подставить готов! Да что это за отец такой? Не пойму. Я всегда искренне считала, что в богатых семьях родители трясутся над детьми. Но сейчас... Стив Ромеро ушел недалеко от беспутной Акрабы, которая пыталась продать меня кузнецу.

Получается, что во всей этой гнусной истории настоящая кукла не я, а Айрис, и не подозревающая, в какие страшные игры втягивает ее родной отец.

Осторожно выбираюсь из кустов. Надеюсь, посол с хардрогом не услышали, как под моими ногами затрещали ветки. Бегу в дом.

Надо срочно что-то предпринять! Возможно, самое верное решение — на время самой «похитить» Айрис, отвезти ее в Руар или еще куда-нибудь, где она будет в безопасности, а затем вернуть ее в день отбытия на Землю. Но, боюсь, Альянс приравняет мой поступок к похищению девчонки хардрогом, так что... Надо придумать другой план. Получше. Вот только какой?

Для начала хочу найти саму Айрис, но «подруга» находит меня сама. Взволнованная, со счастливо сияющими глазами.

— Ада! Ну куда же ты пропала?! — В голосе помимо радости звучат легкая обида и упрек. — Он уже здесь! Представляешь?! Он приехал! Я так боялась, что его не отпустят ко мне! Ты же понимаешь: в нем вся моя жизнь! Он самый лучший! Самый... Как я выгляжу?

Девчонка взволнованно кружится передо мной.

— Превосходно! — Мне даже не приходится врать. Айрис, в нежно-розовом платье, с распущенными белокурыми локонами, и правда смотрится великолепно.

Ох уж эта любовь! Мне уже самой становится интересно, что там за парень, из-за которого дочь посла так потеряла голову? Надеюсь, хоть стоящий экземпляр. Мне почему-то не хочется думать, что Айрис, как многие девчонки из Катара, свихнулась из-за какого-то обыкновенного уroda.

— Ну пойдем же! Пойдем! Мне не терпится вас познакомить! — Она тянет меня за руку в бальный зал.

Ладно, так и быть. Сначала познакомлюсь с таинственным объектом девичьих грез, а затем уже буду думать, как лучше защитить ее от хардрогов.

Послушно иду за дочерью посла, но у самого входа в зал резко торможу. Потому что

счастливая влюбленная Айрис порхает возле... моего Эвана.

7. НЕ ХОЧУ!

Смотрю на альтаирца и наотрез отказываюсь верить собственным глазам. В том, что это мой Эван, — сомнений нет. Он все тот же: худенький, бледный, с неизменно грустными синими глазами. Только повыше, пожалуй, стал. Причем заметно повыше. Я ему теперь и до плеча-то не достану. Невольно задумываюсь: какого же он будет роста, когда окончательно вырастет? Даже странно как-то. Он же раньше почти вровень со мной был.

Мои раздумья на тему «все течет — все меняется» прерывает радостный голос Айрис: она просит Эвана сделать ей подарок — сыграть на скрипке.

И тут внезапно впервые в жизни на меня волной обрушивается... ревность. Злая, обиженная ревность. Мой мальчишка-альтаирец всегда играл только для меня! И никому больше! Я жду, что Эван откажет этой белобрысой кукле, но он подзывает к себе упитанного паренька-землянина, и тот приносит скрипку!

Счастливая Айрис оглядывается в поисках меня, но не находит, потому что я успеваю спрятаться за угол. Закрыв глаза, со злостью и обидой слушаю, как в абсолютной тишине плачет и смеется скрипка Эвана. Он играет ей — чужой ему девчонке — ту самую мелодию, что принадлежала лишь мне одной!

И этого я ему никогда не прощу!

Зажав уши, бегу прочь. От бального зала. От Айрис. От этого предателя, по которому так сильно скучала. Если он думает, что я из-за него заплачу, то сильно ошибается! Но слезы без спроса уже текут по щекам. Как же я его ненавижу!

Обида, ревность, боль оттого, что некогда родной человек стал чужим, не дают спокойно дышать.

Вылетаю в сад. В горле ком. И хотя я все еще зажимаю уши, в душе все равно слышу проникновенную мелодию скрипки, в которой столько тоски и несбывшихся надежд. Кому я вру? Я так истосковалась по нему.

Но страдать бессмысленно. Ведь Эван с легкостью нашел мне замену! У него теперь есть новая подружка — Айрис, которая подходит ему по статусу уж точно куда больше нищей катарской девчонки.

Да пропади он пропадом, этот альтаирец с его дурацкой скрипкой! Эта дочка посла — изнеженная, добрая, по-детски беззаботная! У нее и так есть все, о чем можно только мечтать! Но нет! Айрис показалось мало, и она забрала моего Эвана! А он тоже хорош! Быстро забыл о моем существовании! Что ж... Пусть будет так! У них своя жизнь — у меня своя! В конце концов, кто я такая?! Посол хочет устроить похищение собственной дочери, чтобы поднять международный скандал? Прекрасно! Вот и пусть похищает! Я вмешиваться не буду!

Злоба, ревность, обида бурлят с пугающей силой, окончательно вытесняя все хорошее, что есть во мне.

Только совет послу Ромеро — пусть прежде хорошенько попрощается с любимой дочуркой. Такой, какая она сейчас — милая, беззаботная, чистая, ранимая, он ее точно больше не увидит! Уж хардрдоги наверняка своего не упустят! И надо быть конченым кретином, чтобы не понимать это.

* * *

Снова сижу на крыше флигеля. Смотрю на звездное небо. Мягкое сияние голубого Туса и

оранжевой Наоки тускло освещает засыпающую планету. Со стороны особняка доносится веселая музыка — бал в разгаре. Вот только мне совсем не хочется танцевать.

За тот час, что я проторчала здесь, успела немного остыть. Обида и ревность пошли на убыль. Их место в душе заняла неимоверная тоска по тому утраченному, что могло быть моим. О, если бы я не предпочла Руар Эвану! Наверняка моя жизнь сложилась бы совсем иначе. До меня запоздало доходит, как же я была счастлива рядом со своим мальчишкой-альтаирцем. Какой была дурой, что не ценила его любовь и привязанность! А теперь уже слишком поздно что-то менять.

С другой стороны — кто я такая, чтобы предъявлять претензии Эвану? Он — свободный человек и вправе делать все, что хочет. Айрис ни в чем не виновата. Белокурый ангелок и не подозревает, что мы с мальчишкой-альтаирцем неплохо знакомы.

Сию и не знаю, как правильно поступить: подойти к Эвану поздороваться или лучше оставить все как есть? Не бередить прошлого, которое все равно не вернешь. У каждого из нас теперь своя жизнь. И вряд ли в жизни одного найдется место для другого.

Пока я сижу на крыше, размышляя о бренности своего никудышного бытия, в саду происходит что-то странное.

Возникают тени.

Я замечаю их не сразу. Точнее даже — не замечаю, а чувствую. Запах. Тошнотворно противный. В какую бы приличную одежду ни одевались хардрого, врожденная нелюбовь к мытью выдаст их в любой ситуации.

Стараясь не шуметь, осторожно слезаю с флигеля. Так и есть — трое мужиков в форме прислуги направляются к дому. Понимаю, почему их на территорию особняка пропустили — скорее всего посол Ромеро сам дал ключи от входа. Интересно, что они собираются делать? Похищать Айрис на глазах целой толпы, когда вокруг полно воинов Руара, — как минимум глупо. Но от хардрогов можно ждать чего угодно. В том числе и откровенной глупости.

Следую за непрошеными гостями, но у входа в кухню внезапно теряю их из вида. Они словно в воздухе растворились. Все попытки обнаружить хардрогов в толпе, увы, успехом не увенчиваются.

Снова бегу в сад. На этот раз к центральному входу. Отлавливаю одного из воинов, передаю сообщение Карлу — одна я с этим переплетом разбираться не собираюсь! Сразу же возвращаюсь в особняк. Не стоит сейчас оставлять Айрис без присмотра.

По счастью, Айрис настолько увлечена Эваном, что не замечает моего долгого отсутствия. Это позволяет мне со стороны наблюдать за девчонкой. Если честно, слежка дается с большим трудом, потому что каждый раз, когда Эван вежливо улыбается Айрис, хочется подойти к ним и разбить о голову моего альтаирца что-нибудь тяжелое. Не знаю, как взять под контроль разбушевавшиеся эмоции. Но справляться с вернувшейся злостью и обидой на Эвана с каждой минутой становится труднее.

Кое-как дождавшись завершения бала, когда часть гостей разъехалась, а часть удалилась в гостевые комнаты, я подхожу к дочке посла, которая наконец осталась одна.

— Адамаск! Где ты была?! — В голосе Айрис звучат упрек и обида. — Я так хотела познакомиться тебя с...

— Не хотела вам мешать. — Я надеваю на лицо дежурную улыбку и тут же напропалую вру: — Вы прекрасная пара!

— Правда?!

Девчонку захлестывает такой восторг, что она начинает без устали болтать:

— Открою тебе секрет! Папа тоже считает, что мы с ним идеально смотримся! Это, конечно, было бы просто восхитительно, если бы нам разрешили пожениться...

«Ну это у вас вряд ли получится», — про себя ехидно комментирую я. Книга Судеб

позволяет заключать брак лишь один раз в жизни, так что мечты Айрис о счастливом супружестве с моим законным мужем заведомо обречены на провал. И, положив руку на сердце, меня это несказанно радует.

Всю дорогу до спальни восторженная Айрис продолжает щебетать о возможном замужестве. Так мило! Однако я стойко терплю ее бесконечную болтовню. И даже улыбаюсь. Фальшивенько, правда, но Айрис настолько увлечена собой, что не замечает.

Останавливаю «подругу» возле двери нашей спальни. Невольно вспоминаю, как на нас с Мэд в первую ночь моего пребывания в Руаре напал один из учеников-воинов. Что мешает харрдрогам повторить то же самое? Если они уже проникли на территорию особняка, значит, с целью. Им нужна дочка посла. А где ее можно найти ночью? Логично, что у себя в комнате.

— Подожди, — не даю Айрис переступить через порог комнаты, — я тут подумала... Может, тебе стоит поговорить с парнем о своих чувствах? До его отъезда. Чтобы между вами не осталось никакой недосказанности.

Самой тошно, но другого способа не дать Айрис войти в комнату я не вижу.

— Думаешь? — смущается девчонка. — Но ведь неприлично оставаться наедине с мужчиной в комнате, да еще и ночью!

Несмотря на видимое смущение, Айрис идея явно по душе, Отар ее и меня побери! Становится тошно вдвойне. Я сама отправляю блондиночку в комнату моего мужа! Но, увы, как по-другому не дать Айрис зайти в спальню, я не знаю. Не правду же ей рассказывать! Во-первых, она не поверит, что родной отец заказал ее похищение харрдрогам. Во-вторых, даже если и поверит, устроит истерику, во время которой харрдроги ее все равно схватят.

Айрис робко кивает. Хочет пойти к Эвану одна, но я вызываюсь проводить. Хочу убедиться, что девчонку не похитят по дороге. Потом уже со спальней разберусь.

Как же предательски громко стучит мое сердце, когда мы подходим к комнате альтаирца. Из-под двери виднеется приглушенный свет ночника — значит, он еще не спит. Эван всегда ложится поздно. Отхожу в сторону. Не хочу, чтобы он меня видел.

Впрочем, я от этой жизни уже, похоже, совершенно ничего не хочу.

8. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Пожалуй, самое глупое решение в моей жизни — отправить Айрис к Эвану, но другого у меня, увы, нет. Остается лишь надеяться, что дочка посла со своими задушевными беседами подольше задержится в комнате альтаирца и мне не придется ей ничего объяснять.

Лежу в ее кровати, одеяло натянула почти до носа, чтобы хардрогои не смогли рассмотреть мое лицо. На голове — идиотский розовый чепец с рюшами, который Айрис надевает на время сна, пряча под него накрученные локоны. От природы у девчонки волосы прямые и довольно жидкие, так что кудри создают хотя бы видимость пышной прически. Длинную кружевную ночнушку надела свою. Все равно она точно такая же, как у моей «подруги». В руке под одеялом сжимаю дред. Ну и долго мне тут прохлаждаться в ожидании похитителей? Айрис вот-вот вернется, уж поторопились бы меня воровать.

Но ждать приходится реально долго. Меня начинает клонить ко сну (все-таки зря я не послушала Айрис и не завалилась поспать после обеда), а похитителей все нет и нет. Как, впрочем, и самой Айрис. И это начинает не на шутку тревожить. Может, идея отправить ее на ночь глядя в комнату Эвана была не такой уж и хорошей? Чем они там занимаются? Не может же ангелок так долго болтать? Или может?

Не выдерживаю: соскакиваю с кровати. Быстро переодеваюсь, вылетаю в коридор. Представления не имею, как объясню Эвану свое присутствие в этом доме, но дурное предчувствие перебарывает все остальное. Стучу в дверь его спальни.

В ответ — тишина.

Снова стучу. И снова тишина.

И вот тут мне становится по-настоящему не по себе. Правда, не знаю от чего больше: от мысли, что Айрис сейчас может быть в объятиях моего мальчишки-альтаирца, или оттого, что они оба сейчас наслаждаются компанией хардрогов.

Не теряя время, вскрываю дверной замок дредом, благо его наконечник по моему мысленному приказу способен принимать форму любого ключа. Быстро осматриваю богато обставленную гостиную. С содроганием подхожу к двери спальни. Дрожащей рукой приоткрываю ее. В глубине души я прекрасно понимаю, что... нет. Я не готова увидеть то, что там может быть.

Бесшумно захожу в комнату. Глазам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к темноте.

Облегчение. Именно это я чувствую, поняв, что Айрис здесь нет. Хотя, по логике, должна испытать тревогу, ведь не знаю, где она. Но на душе только радость — главное, что она не с ним. Не с моим Эваном.

Бесшумно подхожу к его постели. Из окна в комнату льется матовый серебристый свет Туса и Наоки.

Мальчишка-альтаирец спит, откинув голову на подушку. Светлые, слегка вьющиеся волосы путано падают на лоб. Не могу удержаться от искушения: стараюсь не касаться его кожи, осторожно убираю непослушную прядь со лба.

Господи! Как же я соскучилась по нему! Как бы дорого я сейчас заплатила за то, чтобы, как в детстве, во время грозы, закатиться к нему под бок, прижаться и сладко заснуть, чувствуя себя рядом с ним в полной безопасности.

Странно, но лишь когда Эван рядом, все в жизни становится на свои места. Мне словно больше ничего и не надо: ни Руара, ни сытости, ни богатства. Как жаль, что я слишком поздно это поняла. Всебы отдала, чтобы повернуть время вспять. Но такое не под силу даже ведуньям.

Каждый должен платить за свой выбор. Я сама предпочла Эвану Руар. Сама ушла из его жизни. И вряд ли он захочет, чтобы я вернулась. Вспоминаю, как мой альтаирец мило беседовал с Айрис. Вот кто ему действительно пара: дочка посла, а не безродная я.

Отступаю. Тихо. Медленно. Так трудно снова уходить. Нет. Не из его комнаты. А из его жизни.

Закрыв за собой дверь спальни, гоню мысли об альтаирце прочь. Пора ставить точку на этой истории. Надо уметь признавать поражения. Окидываю взглядом гостиную. Куда могла деться Айрис? Возможно, пока я валялась в постели, поджидая харрдрогов, она решила прогуляться в саду перед сном. Вот дура! Не она, а я, что не предусмотрела этого! Я должна была сообразить, что после задушевной беседы с объектом воздыхания ангелок захочет проветриться. Она же каждый вечер гуляет перед сном.

Несусь сломя голову на улицу. Судорожно осматриваюсь. И где ее прикажете искать? Подлетаю к центральным воротам — подключаю к поискам воинов Руара, после чего возвращаюсь в дом. Кто знает, может, я раньше времени подняла панику и на самом деле с девчонкой все в порядке. Хотя кого я обманываю?! Забежав на кухню, почти сразу улавливаю тошнотворно-потный шлейф запахов харрдрогов.

Вот теперь и мне и Айрис точно конец! Ей — потому что прежней она из рук этих отморожков не вернется. Мне — потому что дэус Карл лично отвинтит мне голову за то, что не уследила за дочкой посла Земного Альянса. Я же еще и виноватой останусь в межгалактическом скандале. Но как уберечь ту, чье похищение организовал ее собственный папаша?! Правда, попробуй сейчас докажи это.

Возвращаюсь в спальню Айрис. Что дальше делать — откровенно говоря, не знаю. Ромеро, конечно, смог провести харрдрогов мимо воинов Руара на территорию особняка, но руарцы ни за что не дали бы Айрис покинуть поместье. С воинами дежурят ведуньи, которые просматривают весь периметр. Они бы сразу обнаружили Айрис. Вывод один — значит, девчонка все еще здесь. Но где ее прикажете искать? Прилегающие к особняку территории просто огромны. Здесь куча флигелей, древних строений, не говоря уже о хозяйственных постройках. Самое паскудное, что и панику поднимать раньше времени нельзя. Посол только этого и ждет, чтобы обвинить дарийцев в похищении дочери и тем самым усилить межгалактический конфликт. Думаю, он планирует выждать до утра, а затем... Значит, мне надо успеть найти Айрис до восхода звезды Сатаба. О том, что сейчас харрдрогии делают с девчонкой, откровенно говоря, предпочитаю не думать. Все-таки Стив Ромеро конченный урод, раз додумался отдать родную дочку в руки отморожков!

* * *

Я снова подхожу к комнате Эвана. Становлюсь возле двери, закрываю глаза. Пытаюсь представить, что думала, что чувствовала Айрис, выходя из его комнаты. Куда она могла пойти? В какую сторону? Все зависит от того, что он ей сказал. Была ли она радостная или расстроенная? Ответил ли Эван на ее чувства? Согласился ли разделить с ней ее мечты?

Единственный верный ответ: вряд ли.

И эта мысль, если честно, очень греет мне душу.

Почему я думаю, что мальчишка-альтаирец не ответил Айрис взаимностью? Очень просто: блондиночка — девушка из порядочной высокопоставленной семьи. С ней можно иметь либо серьезные отношения, то есть надо жениться, либо никаких... А жениться Эван не может. Ни на Айрис. Ни на ком другом. Ведь он мой. Пусть и лишь формально. Поэтому должен был

отвергнуть дочку посла.

Значит, Айрис была расстроена. И даже очень. Будучи натурой ранимой и впечатлительной...

Твою мать!

Как же мне сразу не пришло в голову!

Похоже, хардрогои и не нужны, чтобы устроить переполох. Айрис прекрасно справится сама.

Белокурый ангелок просто помешан на чтении драматических любовных историй. На мою беду почти в каждой из глупых книжек героиня, страдающая от неразделенной любви, благополучно накладывает на себя руки. Айрис сама мне сюжеты пересказывала: одна со скалы от большого ума сиганула, вторая яда напилась, третья — закололась (правда, неудачно — откачали), а четвертая...

Четвертая, Отар ее побери, утопилась. Ну конечно же! Возле особняка как раз есть весьма романтичный, заросший водяными цветами пруд. Топись — не хочу. Особенно в ночи!

Ну и кто из нас двоих большая идиотка: она или все-таки я?

* * *

Мчусь к пруду, не разбирая дороги. В голове пульсирует одна-единственная мысль: только бы успеть! Только бы успеть! Жесткие колючие заросли больно хлещут ноги, расцарапывая до крови. Но мне все равно. В очередной раз останавливаюсь, судорожно осматриваюсь по сторонам. Как назло, тьма такая, что хоть глаз выколи! Тус и Наоки скрылись за тучами. Только приближающегося ливня мне для полного счастья и не хватало!

Наконец выбегаю на берег пруда. Никого. Захлестывает отчаяние. Неужели опоздала?!

Внезапно в мою сторону дует ветер, в котором помимо запаха водяной топи и излишне душистых мокричных цветов чувствую нечто тошнотворное... Хардрогои!

Сдавленный женский крик, переходящий в приглушенный вой.

Не знаю, как реагировать: радоваться тому, что хардрогои успели перехватить несостоявшуюся самоубийцу или...

Мужской смех и кряхтение.

Совсем рядом. Метрах в двадцати от меня.

И снова приглушенный вопль девчонки. Удар. Стон. Хохот.

Они даже не удосужились оттащить ее куда подальше от озера. Решили поразвлечься прямо там.

Пожалуй, теперь я понимаю, что почувствовал Эван, когда увидел, как кузнец бросил меня на вонючую постель беспутной Акрабы. Единственная разница — в ту ночь мне повезло больше Айрис. Эван подоспел вовремя. А вот я, похоже, опоздала.

Я плохо помню, что происходит дальше. Гнев полностью затуманил мои глаза и разум. Все как в тумане, в бреду. Противное шипение змейки дреда, которая с откровенным наслаждением впивается в мою кожу, предвкусывая чью-то скорую смерть.

Уж точно не мою.

Молча выхожу на поляну... Их пятеро.

Было.

Мне потребовалось меньше минуты, чтобы отправить их всех к Отару. Хардрогои даже не успели понять, что произошло.

Никогда. Никогда раньше я не убивала столь хладнокровно и расчетливо. И что самое

страшное — с откровенным наслаждением. Этим тварям удалось сделать в ту ночь сразу два жутких дела. Сломать психику одного человека и выпустить на свободу демонов другого.

Демонов, которые на деле куда страшнее самих хардрогов.

Но я пойму это чуть позже, а пока...

С пугающим хладнокровием перерезаю дредом горло ближайшему уроду, рассекаю живот следующему.

Внутренности вываливаются наружу.

Там в Катаре, когда на моих глазах воин Руара проделал то же самое с военнопленным, мне чуть не стало плохо. Зато сейчас я откровенно наслаждаюсь видом вывалившихся дымящихся кишок еще живого хардрога. О нет, я не буду его добивать. Я не настолько гуманна. Пусть помучается, глядя на свое гнилое нутро.

Страшная выдалась ночь. Для хардрогов. Для Айрис. Для меня.

Ночь жутких откровений.

Ночь точки невозврата.

Потому что после пережитого ни Айрис, ни я уже никогда не станем прежними.

Но это я пойму потом... Позже. А пока, прикончив последнего хардрога, тащу на себе кособняку перепачканную в крови, кое-как закутанную в остатки разорванного, по-детски красивого бального платья, трясущуюся, невменяемую, но все-таки живую Айрис.

Я не буду перечислять, что в ту злополучную ночь потеряла Айрис. Многое, но главное — она потеряла себя. Хардрогои не только разрушили ее тело, они искалечили душу. Рассказали девчонке, кто их нанял. Ее собственный отец, который поставил интересы Альянса выше жизни дочери.

Но и я той страшной ночью потеряла не меньше. Хладнокровно убив пятерых мразей, я заплатила за жизнь Айрис своей пусть не самой чистой, но все-таки душой. Никогда раньше я не убивала сознательно. И уж тем более не получала от этого откровенное удовольствие, какое испытала там, у пруда. Теперь я точно знаю. — есть смертные грехи, которые не прощаются. Есть демоны, которых уже не загонишь обратно в потайную комнату души.

Затащить окровавленную Айрис в комнату мне помогает воин Руара, дежуривший возле кухни. Девчонка так истерила там, на озере, что мне пришлось ее отключить. Приятели-лекари давно научили меня, на какие нужно нажать точки, чтобы человек потерял сознание. Мера, конечно, вынужденная, но иначе бы ангелок своими невменяемыми воплями поднял на уши весь дом. А как раз огласка нам сейчас и ни к чему.

Как назло, Карла рядом нет. Уложив девчонку на кровать, посылаю за ним воина. Заодно прошу, чтобы отправил ко мне дежурную ведунью и лекаря.

Айрис приходит в себя минут через двадцать. Радует, что она больше не бьется в истерике, но настораживает отсутствие реакции на что-либо. Девчонка молча лежит на кровати и бездумным, стеклянным взглядом изучает какую-то точку на стене. Мой голос словно не слышит.

Наконец в комнату просачиваются две тени — ведунья и еще совсем молоденький мальчишка-лекарь. Я знаю его. Юлий. Несмотря на юный возраст — один из лучших. Плотно закрыв дверь, отдаю Айрис в их распоряжение.

При появлении незнакомцев в странных балдахинах (ведунья, как обычно, одета в темно-коричневую накидку, лекарь — в длинную серую мантию) девчонка вздрагивает, подскакивает, с ужасом вжимаясь в стенку. Хочет заорать. Мигом бросаюсь к ней, предусмотрительно зажимаю рот. Киваю ведунье, одновременно набирая в легкие побольше воздуха и задерживая дыхание. Лекарь делает то же самое. Ведунья подплывает к дергающейся перепуганной Айрис, дует на свою раскрытую ладонь перед лицом девчонки. Щепотка серебристой пыли поднимается в воздух, незамедлительно оседая в легких дочери посла. Глаза Айрис медленно закрываются. Тело обмякает в моих руках.

Сонный порошок — отличная вещь! Частенько выручает в подобных ситуациях, когда другого способа быстро утихомирить человека просто нет. Правда, отходняк после него дня два будет. Но это уж мелочи жизни.

Осторожно укладываем девчонку на кровать. Отхожу в сторону, давая возможность лекарю — серьезному худенькому парнишке лет девятнадцати — сделать свое дело.

Шустро разложив на столике скрученную в валик сумку со всевозможными лекарствами, снадобьями и инструментами, лекарь начинает колдовать над израненным телом девочки. Его задача сделать так, чтобы к утру от всех ее ран, синяков и ссадин не осталось и следа. Я не допущу, чтобы по вине Стива Ромеро между нашими планетами вновь обострились отношения. Их и сейчас-то дружескими не назовешь. Но как говорится в Книге Книг отца Марка, «худой мир лучше доброй ссоры», и я полностью с этим согласна. Хватит уже! Навоевались! Даже в Катаре столько вдов из-за войны осталось — не перечесать. И погибли-то, главное, за невесть что. За новые рудники с топливными кристаллами? Да провались они пропадом! Если война нужна политикам и дельцам — вот пусть сами и воюют, а простому люду, где стреляют, делать нечего. На кусок хлеба бы заработать да семью прокормить — вот наша война. А не та, которую разжигают политики.

Лекарь осторожно поворачивает Айрис на бок. Ловит мой вопросительный взгляд.

— Сделал, что мог, — едва слышно отвечает он.

Не могу удержать вздох облегчения. Значит, все-таки я подроспела вовремя! Слава богу! От одной мысли, что эти твари могли сделать с Айрис, мне становится плохо.

— Сможешь подправить ей память?

Ведунья — хмурая остроносая женщина лет тридцати — отрицательно качает головой.

— Нельзя. В ней бушуют эмоции. Если что-то пойдет не так — она лишится разума.

— Как «серые» прислужницы? — догадываюсь я.

Ведунья кивает. Что ж, она права. Не стоит рисковать. Но что делать с Айрис утром? Как избежать ее истерики? Как заставить ее молчать? Вопросы, ответов на которые у меня нет.

* * *

Стою у окна. Еще немного, и у горизонта забрезжит изумрудно-малиновый рассвет.

Лекарь уже ушел. Парнишка хорошо справился со своим делом: к утру от внешних физических увечий на теле дочки посла не останется и следа. Вот только что прикажете делать с увечьями душевными?

Ведунья помогает мне переодеть Айрис. Розовая ночнушка с рюшами, столь гармонично смотрящаяся на ней еще прошлым утром, сейчас почему-то вызывает неприятный диссонанс.

— Что будешь делать, когда она проснется? — тихо интересуется ведунья.

— Не знаю. Что-нибудь придумаю.

Ведунья протягивает мне маленький кожаный мешочек с каким-то порошком.

— Здесь одна доза. Порошок забвения. Дашь, если заистерит.

— Тандурим? — Уже от одного этого слова меня передергивает. Перед глазами сразу встает неменяемо-счастливое лицо матери, принявшей заветную дозу. — Нет. Спасибо.

Хватит с Айрис на сегодня бед. Я еще только на тандурим не подсаживала. Все знают: с него обратной дороги не будет!

Ведунья надменно усмехается.

— Было бы предложено.

Прячет мешочек. Отходит к окну, вглядываясь в даль пустым взглядом. Я хорошо знаю этот взгляд. Ведунья уже не здесь. Ее сущность облетает ближайшие окрестности, чтобы убедиться, что опасность миновала.

Не могу ни о чем думать. Чувствую, как силы предательски покидают меня. Очень хочется спать, только вряд ли я сегодня уже засну. Замечаю, что от перенапряжения трясутся руки и ноги.

Ведунья остается в комнате с Айрис, а я запираюсь в ванной. После всего случившегося мне надо хоть немного побыть одной, иначе я просто сойду с ума.

Включаю горячую воду. Раздеваюсь, стараясь не замечать пятна крови хардрогов, оставшиеся на моем платье. Одежду надо будет сменить. А лучше сжечь.

Чувствую, как горячая вода обжигает кожу, но я не хочу делать ее холоднее. Напротив, беру мочалку, мыльную пену и тру тело до красноты, словно пытаюсь стереть с себя кровь тех, кого я всего лишь несколько часов назад собственноручно отправила к Отару.

Знаю. Они заслужили смерть. Но мне почему-то от этого не легче.

Продолжаю с остервенением тереть тело, не замечая, что истерично реву. Я словно пытаюсь отмыть мочалкой не грязь с кожи, а смертный грех, который сегодня сознательно взяла себе на душу. Хуже всего, что понимаю: будучи такой грязной, я не могу... Не имею права быть рядом с Эваном. Не хочу пачкать его собой. Потому что после случившегося мою душу уже не спасти.

Я совершила убийство.

Сознательно.

Хладнокровно.

И я испытала при этом удовольствие.

Но что самое страшное — я не раскаиваюсь.

Мой мальчишка-альтаирец слишком добрый, слишком хороший, слишком... не для меня. Мне нет места в его жизни. Давно пора посмотреть правде в глаза: никогда и не было. Я сама не позволю Эвану вновь впустить меня в свою судьбу.

Продолжаю, не останавливаясь, судорожно тереть мочалкой тело. Почти до крови.

Тру, тру, но так и не получается оттереть ни отчаяние, ни боль, ни скорбь по загубленной жизни и душе. Смывается лишь внешняя грязь, а разъедающее душу пятно, оставшееся от совершенного убийства, увы, так и остается нетронутым.

* * *

Истощенные женские крики, встревоженные мужские голоса, торопливые шаги, переходящие в бег. Сначала за окном — во Дворе, затем в коридорах особняка. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять — кто-то из местных нашел тела хардрогов.

Злюсь на воинов. Неужели нельзя было додуматься убрать трупы?! Или это приказ Карла? Скорее всего так оно и есть. Воины Руара не совершают оплошностей. Интересно, что задумал Верховный Воин?

Шум будит Айрис. Девчонка медленно открывает глаза, приподнимается на локтях, растерянно осматриваясь, словно пытаясь понять, где находится и было ли вчерашнее происшествие дурным сном. Или все же реальностью.

Если бы не найденные трупы хардрогов, возможно, я смогла бы убедить Айрис, что ночной кошмар ей приснился. Идеальный вариант выхода из ситуации, но теперь...

Взгляд девчонки падает на мрачную ведунью, дремлющую в кресле напротив. Этого оказывается достаточным, чтобы Айрис запаниковала и заистерила с новой силой. Она орет так истошно, одновременно кусаясь и лягаясь, что у меня просто нет возможности справиться с ней, не оставив новых синяков. Но что еще хуже — из коридора доносятся приближающиеся голоса Карла и Ромеро.

Ну все! Сейчас начнется! У меня есть всего пара секунд, чтобы придумать, как остановить истерику Айрис. Понимая, что вряд ли удастся это сделать, я решаю не остановить истерику, а... заменить ее.

Когда Стив Ромеро распахивает дверь спальни, его взору предстает довольно странная картина: мы с Айрис, сидя друг напротив друга на кроватях, в абсолютно одинаковых дебильных розовых ночнушках, ржем как ненормальные. Остановиться не можем, даже при появлении гостей.

— Ой, па... папочка... Ха-ха-ха! Я не могу... Ха-ха-ха... — заливисто смеется Айрис, безрезультатно пытаясь побороть смех.

— До... доброе утро, ха-ха-ха... Дэус Ромеро... Ха-ха-ха... Дэус Карл... Ха-ха-ха... — согнувшись в три погибели, ржу я. — Про... прости... те. Ха-ха-ха... Но Айрис такую... ха-ха... смешную историю... Ха-ха-ха! Ой, не могу больше! Ха-ха-ха... Рассказала!..

Стив Ромеро ошарашенно и недоверчиво взирает на невменяемую от смеха дочь. Он явно не рассчитывал застать ее здесь в целости и сохранности. Это читается по его разочарованному лицу. Жаль, что посол Земного Альянса не может видеть выражение лица Верховного Воина, стоящего у него за спиной и прекрасно знающего все подробности ночного происшествия. Кажется, еще пара секунд — и дэус Карл сам начнет ржать, глядя на нас.

— Я же говорил, дэус Ромеро, что с вашей дочерью все в полном порядке. Возможно, эти хардрогои забрели на вашу территорию случайно. Повздорили между собой... Дело дошло до поножовщины. Такое с ними частенько бывает.

— И все пятеро одновременно повспарывали друг другу животы? — ехидно интересуется посол. — Если бы ваши слова соответствовали действительности... При всем моем уважении к вам, дэус Карл, хоть один из них должен был остаться в живых.

— А я не говорил, что их было лишь пятеро. Мои воины нашли следы еще двоих. Убийцы просто убежали. Им не было нужды ждать возле трупов, когда мы их обнаружим. — В голосе Карла звучит нескрываемая ирония.

Оказывается, Верховный Воин мастак заливать! Врет и не краснеет, прекрасно зная, что настоящий убийца сейчас сидит перед ними на постели в идиотской ночнушке, с розовым бантиком, вплетенным в длинную косу, и истерично ржет.

— Думаю, нам лучше уйти. — Дэус Карл деликатно подталкивает Ромеро к выходу. — Не будем своим присутствием смущать юных дэуз. Пусть веселятся дальше.

Как только дверь закрывается, из ванной комнаты выходит ведунья. Дает мне две пилюли: одну глотаю сама, другую силком запихиваю в горло сопротивляющейся Айрис. Через минуту истерический смех у нас обеих идет на убыль. Все-таки молодцы ведуньи! Ну и кто говорит, что они не умеют шутить? Выдумали же эти смеющиеся таблетки! Правда, шутка на самом деле не очень веселая. Потому что если не принять вовремя противоядие, то спустя шесть часов ты умрешь от смеха. Причем в прямом смысле слова.

* * *

Мне надо понять, что делать дальше. Да, дэус Карл разберется с трупами хардрогов, представив все, как обыкновенную разборку между ними, но что делать с послом Ромеро? Где гарантия, что он не решит повторить номер с похищением дочки в мое отсутствие?

Оборачиваюсь: девчонка безмятежно спит. Мы с ведуньей так и не смогли остановить ее истерику, поэтому решили не тратить драгоценное время и снова вырубил Айрис сонным порошком. Если повезет — проспит до вечера. Может, хоть немного в себя придет.

— Тебя зовет дэус Ромеро, — в комнату заглядывает строгая помощница посла, которая всем своим видом с самого начала показывала мне, что считает нас, дарийцев, людьми второго сорта.

Плевать.

— Скажи, сейчас буду, — откровенно хамлю я, отказываясь обращаться к дамочке в вежливой форме. Ну уж извините! Сегодня утром мне не до этикета.

Заперев дверь спальни, чтобы Айрис не смогла выйти, если вдруг каким-то чудом проснется раньше времени, направляюсь в кабинет посла. И гадать не надо — хочет поговорить со мной о событиях прошлой ночи. Знает, гад, что не все так безоблачно, как мы пытаемся представить.

Кабинет оказывается не слишком большой, но весьма уютной комнатой. Добротная старинная мебель, куча полок с книгами. Интересно, что Ромеро не любит читать их электронные варианты, отдавая предпочтение бумажным переплетам. Каждое утро за завтраком посол неизменно держит в руках один из таких фолиантов. Вот и сейчас, восседая в кожаном кресле за массивным столом, Ромеро листает книгу. Правда, взгляд у него при этом отрешенный. Вряд ли он запомнил хоть предложение из всего прочитанного. Готова спорить: мысли Ромеро витают далеко отсюда. И они целиком и полностью принадлежат Земному Альянсу, задание которого посол не смог нормально выполнить. Наверняка его теперь ждут крупные неприятности.

Так ему и надо! Поделом!

— Добрый день! — Я опускаюсь в элегантном почтительном поклоне перед уродом,

отдавшим родную дочь на растерзание хардрдрогам. Все же уроки в касте шатер не прошли мимо меня: выдержка и еще раз выдержка! — Вы звали меня, дэус Ромеро?

— Звал. Проходи.

Мрачный. Бледный. То и дело, сам того не замечая, нервно подергивает правой ногой. Видимо, он уже получил взбучку от своего руководства.

— Где ты была сегодня ночью? — В голосе посла напрочь отсутствуют привычные вежливость и мягкость.

Надо же, как заговорил!

— У себя в спальне, где же еще? — пытаюсь изобразить искреннее удивление. Правда, выходит не очень. — Дэузам не положено покидать свои комнаты ночью.

Впрочем, похоже, вопрос был лишь чистой формальностью. Посол и без меня прекрасно знает ответ.

— Ты лжешь. Одна из служанок видела тебя ночью на кухне. — Мужчина сверлит меня злым взглядом.

Прекрасно понимаю: врет и блефует, так что продолжаю стоять на своем.

— Возможно, служанка просто обозналась в темноте... — начинаю оправдываться с как можно более невинным видом, но разъяренный дэус Ромеро не верит ни одному моему слову.

— Не изображай из себя святую невинность, тварь! — рявкает посол, в два шага оказываясь передо мной. Хватает за шею, прижимает к столу...

Зря он так. Ох и зря.

— Ты одна из них! Из тех, кто спланировал похищение моей дочери! И ты сама во всем признаешься, иначе... — Рука посла сильнее сжимает мое горло.

А вот это уже слишком! До меня доходит, что хочет сделать Ромеро: не получилось проделать номер с хардрдрогами, так он на руарцев неудавшееся похищение пытается спихнуть!

— Дэус Ромеро, я честно ничего не понимаю... Отпустите меня, пожалуйста. Я всю ночь была в спальне с вашей дочерью... — Последняя попытка решить ситуацию неконфликтным образом. — Спросите Айрис, она подтвердит.

Говорю, а сама сильно сомневаюсь в этом.

Ярость и страх перед начальством, видимо, окончательно вытравляют у посла последние остатки разума. Он обеими руками стискивает мне горло. Реально тяжело дышать. Отар его побери, еще и синяки останутся!

— Через час здесь соберутся представители межгалактической прессы, и ты при всех... Слышишь?! При всех признаешься, что была соучастницей организации похищения моей дочери! И сделаешь это так, чтобы тебе, шлюшке Руара, все поверили. Что молчишь? Думаешь, я не знаю, кто ты такая? Ты одна из них — из подстилок Руара! Одна из шатер...

Одной рукой продолжая держать меня за горло, второй Ромеро лезет ко мне под юбку.

Перебор.

Ошибся кастой, милый.

Мгновение — и посол Земного Альянса с диким стоном склоняется в три погибели, хватаясь за окровавленный пах.

Что ж, должна констатировать — детей у дэуса Ромеро уже точно не будет. Так что пусть учится ценить свою единственную дочь.

— Что ты наделала, су...

Жестко зажимаю ладонью рот оседающего от болевого шока мужика, который не сводит испуганно-изумленного взгляда с окровавленного дреда у меня в руке.

— Значит так, тварь, слушай внимательно и запоминай, — мягко, почти по-доброму шепчу я. — Если еще раз попытаешься устроить похищение своей дочери, то я сама соберу эту твою

межгалактическую пресс-конференцию и с удовольствием сообщу всем, что посол Земного Альянса не мужик, а бесполое существо. Мы оба знаем, это будет начало конца твоей блестящей карьеры здесь — на Дарии. Потому что это не Земля, мой дорогой. На нашей планете никто, включая самого императора Дэмониона, не удосужится даже поздороваться с мужиком, у которого между ног — пустота. Твоей дипломатической карьере мигом придет конец. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Резко отталкиваю воющего посла на пол. Бесстрастно наблюдаю, как он пытается остановить хлещущую кровь, затем молча выхожу из кабинета. Быстро нахожу мальчишку-лекаря. Пусть позаботится о нем. Смерть посла Земного Альянса все же не входит в мои планы. Международный скандал нам ни к чему.

Уверена: Ромеро никому не скажет о случившемся. Он же не самоубийца! Ведь на кону его обожаемая карьера.

Посол много лет работает на Дарии. Местечко у него здесь теплое, сытое, насиженное. Он не захочет его терять. Ромеро прекрасно знает: Дарий — не гипертолерантная Земля, где мужчины и женщины легко меняются местами и операция по смене пола такое же будничное явление, как у нас в Руаре обряд инициации. Это на Земле вместо мамы и папы есть лишь родитель номер один и родитель номер два. Для Дария вся эта чехарда с полами полная дикость. К счастью, наша «варварская» планета никогда не страдала подобной либеральностью.

Да, это Дарий, детка! Дикий! Необузданный! Необразованный! И совсем не либеральный! Дарий, твою мать! Где мужик всегда остается мужиком, а женщина — женщиной. И тот, кто не чтит этот закон, превращается в изгоя. И не важно, кто ты при этом: каторжник или дипломат.

Дарий не терпит отступления от своих правил и законов. Мужчина здесь — либо мужчина, либо никто. А «никто» политические дела решать не может. Так что многоуважаемому дэусу Ромеро не остается ничего другого, как заткнуться, скрыть от всех сей неприятный инцидент и оставить в покое свою дочь. Если, конечно, он все еще хочет сохранить должность посла Земного Альянса на нашей дикой и такой нетолерантной планете.

Возвращаюсь в спальню к Айрис в приподнятом настроении, от которого, правда, не остается и следа, как только я переступаю порог комнаты. За время моего отсутствия девчонка успела не только проснуться, но и сделать выводы из случившегося.

И эти выводы явно не в мою пользу.

— Ты гадина! Предательница! Ты... Ты убийца! — Кукольное личико дочки посла искорежено уродливой гримасой ненависти и брезгливости. — Это ты во всем виновата! Ты меня подставила! Думаешь, я ничего не помню?! Я все помню! Я все знаю! Это ты... Это все ты! — словно обезумев, истерит Айрис. — Ты специально отправила меня к нему! Ты знала, что меня схватят эти чудовища! Это из-за тебя я теперь запачкана... Если кто-нибудь узнает, что я была ночью с ними... Что они... Я никогда теперь не смогу выйти замуж за порядочного мужчину! Ты мне жизнь сломала!

От жутких воспоминаний о прошедшей ночи Айрис взывает не своим голосом. Мне искренне жалко ее. Хочу подойти к ней, попытаться успокоить, но стоит сделать шаг, как дочка посла выливает на меня очередную порцию незаслуженной ненависти и злобы:

— Не подходи! Не смей! Я опозорена! Ты специально это сделала! Я знаю: ты завидуешь мне! Да! Завидуешь! Я раскусила тебя! Я дочь посла, а ты — никто! Прислуга! Пошла прочь! Вон! Видеть тебя больше не хочу! Ненавижу! Правильно папа говорил, что все дарийки падшие! А я еще не верила ему! Защищала тебя! И вот! Вот она благодарность! Убирайся! Убирайся прочь, тварь!

Смотрю на Айрис — доброго, милого белокурого ангелочка — и с ужасом понимаю, что она кричит абсолютно искренне. Все ее страхи и мысли заняты лишь тем, что она опозорена. А

то, что я, рискуя жизнью, вырвала ее из лап харрдрогов, для нее не в счет.

М-да... Зашкаливающая людская благодарность. Вот и помогай после этого людям!

10. НЕДОВОЛЬСТВО ГОСПОЖИ БОРО

Он уехал полчаса назад. Я стояла у окна и смотрела, как Эван в сопровождении кучи незнакомых мне высокопоставленных лиц выходит из особняка, прощается с Айрис.

Когда мой мальчишка-альтаирец спускался по парадной лестнице, я стояла в нескольких метрах от него.

Нет. Он не видел меня. Зато я могла бы окликнуть его.

Подойти.

Обнять.

Но я не сделала этого.

Не смогла.

Не осмелилась.

В чем-то Айрис все же права: я была и останусь прислугой. Элитной. С образованием. Но все равно прислугой. Такой как я, точно не место рядом с Эваном. Не стоит усложнять ему и без того непростую жизнь своим внезапным появлением. Судьба слишком сильно развела нас.

Я точно знаю, что поступила правильно.

Только почему мне так паршиво на душе?

Старательно гоню невеселые мысли об Эване. Переключаю внимание на Айрис. Вот уж кто меня сегодня действительно изрядно удивил! После ее утренней истерики я всерьез полагала, что девчонке потребуется несколько месяцев на реабилитацию, но...

Мне бы ее способность носить маску! Провожая Эвана, Айрис все время улыбалась и беззаботно щебетала. Словно и не было вчерашнего кошмара. Словно еще несколько часов назад она не билась передо мной в истерику. Похоже, страх перед запятнанной репутацией оказался для дочери посла куда страшнее ночного происшествия. Мне бы так уметь изображать, что ничего ровным счетом не произошло.

Наверное, я так никогда до конца и не пойму землян.

Погруженная в свои мысли, сама того не замечая, как оказываюсь на пороге спальни Эвана. Знаю: нельзя, неправильно, но не могу удержаться. Убедившись, что никто не видит, захожу в комнату.

Прислуга еще не успела убрать, поэтому все здесь напоминает о нем. О моем мальчишке-альтаирце. Предательское сердце больно сжимается при виде расправленной смятой кровати, на которой он спал.

Осторожно сажусь на краешек постели, провожу рукой по подушке. Еще несколько часов назад здесь лежал он. Интересно, что снилось Эвану этой ночью? Может, я?

Какой глупый самонадеянный вопрос.

Вряд ли.

Возможно, он уже даже и не вспоминает обо мне.

Чувствую, как к горлу подступают непрошеное отчаяние и злость.

Злость на собственную глупость.

Ну почему все сложилось так, а не иначе? Ну зачем я согласилась в ту злополучную ночь пойти с Глэдис?! Поддалась искушению. Поверила красивой мечте про сказочную жизнь в Руаре, которая на деле оказалась далеко не такой уж и волшебной.

Да, со временем я привыкла, приспособилась к Руару, но стать частью его так до конца и не смогла. Дэус Карл был с самого начала прав: я слишком хорошо помню, что такое свобода. Слишком люблю ее. И это мешает мне полностью раствориться в обители лекарей, воинов, шатер и ведуний.

Безусловно, в моей жизни нет больше голода, холода, нищеты, но их место в Руаре заняло одиночество, сковывающее душу похлеще катарских морозов.

В Руаре каждый сам за себя. Даже мы с братом стараемся держаться на дистанции друг от друга. Так безопасней для нас обоих. Привязанность в Руаре быстро карается.

Да, у меня есть Мэдлин. Мы с ней приятельницы. Но я никогда не повернусь к ней спиной, потому что прекрасно понимаю: стоит Глэдис прижать Мэд, и соседка сдаст меня с потрохами — глазом не моргнет. Таков закон нашей обители. Интересы Руара должны всегда стоять превыше собственных. И этот закон действует для всех.

Кроме меня.

Потому что в конечном счете плевать я хотела на Руар... Я уже получила от него все, что желала: сытую теплую жизнь, образование... Мечта сбылась, вот только счастья мне это почему-то не принесло.

Не выдерживаю: ложусь на краешек кровати. На его подушку. Шумно вдыхаю запах наволочки. Так и есть... Едва уловимый и такой родной запах прохладной мяты. В Катаре Эван всегда мыл голову таким шампунем. Я тоже пользовалась им, когда устраивала себе банный день в его ванной комнате. Своего шампуня у меня в Катаре отродясь не было. В лучшем случае кусок хозяйственного мыла удавалось раздобыть.

Закрываю глаза.

Я ведь даже с ним не поговорила! Просто не осмелилась. Наверное, оно и к лучшему... Все же правильно говорят в Катаре: уходя — уходи. Иначе это и не уход вовсе получается, а так... самообман. Видит Бог, я сделаю все, чтобы выкинуть Эвана из головы, из памяти, из сердца... Я забуду его. Но завтра. Не сейчас.

* * *

Не получилось! Возращение живой и невредимой дочки Стива Ромеро на Землю абсолютно не входило в планы Верховной правительницы Земного Альянса Айлит Боро. Все было разработано до мелочей, многие из которых не знал даже сам посол.

По задумке госпожи Боро хардрдоги должны были не только наведаться в спальню девчонки, но и заглянуть в комнату по соседству. Там-то и находилась истинная цель пребывания хардрдогов в резиденции посла.

Альгаирский принц! Третий, младший сын императора Иоанна. Залог перемирия между двумя империями.

Дочь посла — это мелочь... Вот если бы хардрдогам удалось добраться до Иоанна Дрогварда... О да! Тогда бы межгалактического скандала точно не миновать!

Но все пошло не по плану! А ведь казалось — идеальный шанс! Мальчишка за долгое время впервые выехал за пределы Аскорэора — императорского дворца Дэмониона! Почти без охраны! Но нет! Надо же было этим придуркам устроить поножовщину на берегу озера! Решили сначала поразвлечься с девчонкой, а уж потом добраться до пацана. Дарийцы! Что с них взять? Дикий варварский народ! Не смогли справиться даже с таким элементарным заданием! А еще считались профи! Наемники!

— Нет! Мне определенно надо закурить!

Убедившись, что никто не видит, мрачная Айлит Боро, сидя в своем стерильно чистом стильном полупустом кабинете, выдвинула верхний ящичек стола. Достала сигарету. Такие уже давно не выпускают в массовое производство. Для главы Альянса их добывают фактически контрабандой. На фоне всеобщего призыва к здоровому образу жизни (столь актуальном в связи

с приближающейся экологической катастрофой на Земле) сей поступок госпожи Боро можно было бы назвать вопиющим и даже безнравственным, но...

Плевать!

Сейчас ей просто необходимо выкурить сигарету, иначе ее просто разорвет от злобы и бессилия.

Откинувшись на спинку кресла, Айлит с нескрываемым наслаждением вдохнула едкий, пахучий дым.

Она что-нибудь придумает. Обязательно придумает. Рано или поздно, но этот чертов непокорный Дарий все равно падет к ее ногам, и тогда... Она вернет былое величие Земному Альянсу. И не важно, сколько придется ждать... Год или два...

Часть третья
АДЕЙРА

1. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Дарий. Два года спустя

Яблоко. Красное. Сочное. Аппетитное. С удовольствием вгрызаюсь в него зубами. Кисло-сладкое. Именно такое я и люблю.

Иду на веселые звуки деревенской музыки. В Арубе — небольшой деревушке, расположенной неподалеку от Руара, поселяне уже вовсю отмечают праздник урожая. У нас в Руаре, по сравнению с этим поселением, полная скукота. Праздников не бывает никогда. Разве если сама чего не устроишь. Но за такое самовольство мне, как правило, влетает по первое число от дэуса Карла. Глэдис недавно даже мне лекцию прочитала на тему «Не доводи Верховного Воина до белого каления! Не ровен час сорвется и точно что-нибудь тебе откроют!». Вот я и подумала, может, Глэдис и права: зачем лишний раз лезть на рожон в Руаре, когда можно на славу повеселиться и здесь в Арубе! Тем более Карл и не подозревает, что я по ночам шляюсь где попало и веселюсь до мозолей на ногах!

Да ему и не надо знать! Пусть лучше побережет свои нервы!

Жую яблоко, иду на музыку и ржу. Представляю рожу дэуса Карла, обнаружь он меня здесь — за пределами Руара, да еще в одежде простой поселянки. Сердечко бы точно прихватило! Никто в Руаре, кроме братца, и не подозревает, что я могу спокойно преодолевать силовое поле, скрывающее от посторонних глаз нашу обитель. Спасибо мужу-альтаирцу. Вот уж действительно помог так помог! Если бы не наша свадьба...

Спохватываюсь. Торопливо гоню прочь воспоминания об Эване. Я уже давно наложила табу на них, но предательская память нет-нет да и напомнит мне о нем. И зря, потому что я хочу навсегда забыть о мальчишке-альтаирце. Очень хочу. И у меня это уже почти получилось.

Почти.

Поворачиваю за угол. Центральная площадь! Здесь уже вовсю жгут праздничные костры, пламя которых взмывает до небес. Музыканты наяривают плясовую. Поселяне, разгоряченные элем, лихо отплясывают танец урожая.

Прячу плащ в кусты возле таверны. На обратном пути заберу. В танце будет только мешать, да и слишком дорогой он для простой поселянки. Добротный, на меху. Спасибо Руару, вот уж на что мне грех жаловаться, так это на свои наряды. Богатые, изысканные, удобные. Порой с содроганием вспоминаю те времена в Катаре, когда я была вынуждена донашивать обноски братца. До сих пор ненавижу нищету! Накушалась ею сполна в детстве. Теперь уже ничто и никто не заставит меня променять достаток Руара на убогую одежду простолюдинов, в которую, к слову, я сейчас одета сама. Но для меня наряд поселянки лишь карнавальный костюм, не более. Купила его недавно на местном рынке.

Осматриваю себя: вроде бы похожу на поселянку. Длинная, пышная алая юбка, белоснежная льняная рубаха с широкими рукавами, собранная на плечах. Спускаю рубашку чуть ниже, чтобы слегка оголить плечи, как делают все местные девушки. Мне не стоит выделяться из толпы. Ну вот, так-то лучше! Поправляю корсет, который подчеркивает мою небольшую грудь (наконец-то она у меня появилась!), а заодно утягивает талию. Она у меня и так тонкая. Корсет в принципе не нужен, но деревенская мода требует.

Распускаю волосы. Темные, волнистые, спадают ниже пояса. Ну вот! Теперь я настоящая поселянка!

Делаю шаг навстречу разношерстной смеющейся толпе и тут же растворяюсь в ней. В веселом ритме деревенского танца. В столь желанной свободе. Лишь здесь, вне стен Руара, я

ощущаю ее каждой клеточкой своего тела.

Эван

Путь действительно выдался неблизкий. Мы вполне могли бы преодолеть его за пару часов на планолете, но мне захотелось подышать свежим воздухом. Жизнь в Адейре при императорском дворце надоела настолько, что конное путешествие в Северную резиденцию императора, куда Дэмонион пригласил погостить до Праздника Солнцестояния, стало настоящей отдушиной. Император лично вызвался составить мне компанию в пути. Подозреваю, правителю Дария не меньше моего надоела Адейра вкупе с бесконечными государственными делами.

В который раз оглядываюсь: надо признать, у меня очень странная свита. Смесь дарийцев, альтаирцев и союзных нам землян. Об этом лично позаботился дэус Ромеро — посол Земного Альянса, друг моего отца и мой тоже. Неплохой человек. Живет на Дарии уже лет десять. Мне кажется, ему можно доверять.

Мы с Дэмонионом едем верхом почти в самом начале процессии. Он на черном, как ночь, массивном коне. Я на точно таком же, но белом. Оба в дорожных плащах. Едем и мирно разговариваем. Впереди нас — несколько воинов из личной охраны Дэмониона и одна ведунья. Что-то мне подсказывает, что в случае нападения именно эта щупленькая на вид старушка станет куда более мощной защитой, чем все остальное сопровождение и охрана.

Я не тешу себя иллюзией насчет императора: как только перемирие закончится, он лично отдаст приказ меня убить. Но при всех своих явно недобрых намерениях по отношению ко мне Дэмонион на деле оказался весьма доброжелательным собеседником. Как только я поселился в Адейре, у нас даже сложилась традиция: раз в неделю мы играем в его любимую земную игру — шахматы — и размышляем о бренности бытия, странности мироздания, а иногда просто о том, как могла бы сложиться наша жизнь, родись мы в обыкновенных семьях.

Признаться, для меня долгое время было загадкой, почему Дэмониону интересно общаться с мальчишкой, который ему по возрасту в сыновья годится. Ответ оказался весьма прост: У императора нет детей. А ему хотелось бы.

Троюродный племянник Атарксис, видимо, не в счет. Он сейчас находится на Альтаире в качестве точно такого же «залога», как и я здесь. Что-то подсказывает мне — Дэмонион с легкостью пустит его «в расход», если того потребуют интересы империи. Хотя другого наследника у Дария нет. Дэмонион имеет множество наложниц, но ни одного отпрыска у него так и не получилось.

Я не раз слышал, как при дворе поговаривали: слишком сильная кровь. Поэтому ни одна женщина и не может от него зачать. Только однажды у императора был шанс стать отцом. Его законная супруга, в чьих жилах тоже текла кровь Древних, — императрица Арасэли — умерла от преждевременных родов. Ни ее, ни ребенка не удалось спасти.

Мне рассказывали: горевал весь Дарий. Арасэли любили. Искренне, до фанатизма. Молодую императрицу боготворили все за ее доброе сердце и неравнодушие. Это она уговорила жестокосердного, но обожавшего ее мужа открыть начальные школы для бедных, отправить лекарей в каждое отдаленное поселение... Имя Арасэли до сих пор помнят и чтят. Ежегодно день ее смерти и гибели нерожденного наследника — для всех дарийцев день траура, пусть и неофициальный. Наверное, поэтому Дэмонион невольно и относится ко мне с симпатией. Я лишь немного старше его нерожденного сына.

Мы проезжаем мимо небольшого поселения. Издалека бросаются в глаза огни праздничных костров. Долетает веселая плясовая музыка. Я слегка притормаживаю коня. Музыка! Веселье!

Как же мне не хватает этого в чопорном Аскорэоре! Уже и не помню, когда в последний раз сам держал в руках скрипку.

— Хочешь посмотреть? — догадывается Дэмонион.

С удивлением замечаю хитрую улыбку императора.

— А можно?

— Предлагаю наперегонки, — смеется он, накидывая капюшон дорожного плаща.

Тоже закрываю капюшоном лицо. Ни к чему пугать поселян появлением двух столь странных особ на их празднике. Дэмонион останавливает жестом обескураженную стражу, которая намеревается последовать за нами. Сейчас они нам точно ни к чему. Могут же в кои веки и императорские особы почувствовать дух свободы. Хотя бы на несколько минут.

Пришпорив коней, мчимся в кромешной тьме к огонькам поселения. От быстрой езды захватывает дух. В ушах лишь цокот копыт и ветер.

Сумасшедший ветер свободы!

Подъезжаем к окраине деревушки почти одновременно. От души смеемся. Все-таки в этом что-то есть: хоть на пару минут позволить себе быть самим собой, а не высокопоставленной особой.

Надо же! Когда никто не видит, грозный император Дэмонион, оказывается, умеет и любит смеяться. Причем от души.

— Подъедем ближе?

Осторожно пришпориваем коней, направляя их к центральной площади. Стараемся держаться в тени, чтобы не привлекать лишнее внимание. Это несложно: мало ли какие проезжие могли заглянуть в деревню на праздник.

Музыка становится все громче. Жалею, что не взял с собой скрипку. С удовольствием присоединился бы к местным музыкантам, так самозабвенно отыгрывающим плясовую.

— Иногда я завидую им, — задумчиво произносит Дэмонион, не отрывая глаз от танцующих. — Если хорошенько вдуматься, не имея свободы, они все равно гораздо свободнее меня.

— Понимаю, — не без самоиронии отзываюсь я.

Переглядываемся с Дэмонионом, смеемся.

— Да, мой мальчик, и угораздило же тебя родиться в семье императора Альтаира.

— Сам не рад, — смеюсь в ответ. — Да и вам особо не позавидуешь.

— Это точно.

Какое-то время мы просто молча наблюдаем за танцующими поселянами. Каждый думает о своем.

— Надо же, как отплясывает! — Мой собеседник указывает на одну из юных поселянок, которая, беззаботно смеясь, кружится в танце. — Забавная девчушка. Кого-то она мне напоминает...

Император продолжает задумчиво смотреть на беззаботно танцующую девчонку, словно силясь понять, где раньше мог ее видеть.

— Наверное, это и есть свобода... — наконец резюмирует он. — Танцевать, когда танцуется. Радоваться, когда радуется. Единственная непозволительная для нас роскошь...

Мне любопытно, чем поселянка привлекла внимание самого Дэмониона. Присматриваюсь к ней и... замираю. Сердце словно начинает отстукивать обратный отсчет.

Возле костра вместе с остальными танцует девушка. Стройная, невысокая, темноволосая. Беззаботно кружится в танце, поднимая руки к ночному небу. Я смотрю на нее и отказываюсь верить собственным глазам. Я узнал бы ее из тысячи. Нет сомнений, это она — моя Ада.

Господи, как же она повзрослела! Из маленькой нескладной дарийской девочки она

превратилась в красивую юную женщину. И это, честно говоря, шокирует меня. Знаю, глупо, но я оказался совершенно не готов к тому, что Ада не всегда будет ребенком...

Поддаюсь порыву: подъезжаю чуть ближе к площади, чтобы лучше рассмотреть ее. Я настолько увлечен зрелищем, что не замечаю, как выезжаю в круг, освещенный костром. А она все кружится и кружится в веселом задорном танце. Разлетающаяся юбка обнажает стройные босые ноги. Смеющиеся губы. Закрытые от восторга глаза. Она и есть пламя костра, возле которого танцует.

Внезапно смеющаяся Ада останавливается, чтобы отдышаться, поднимает голову и случайно смотрит в мою сторону. Наши взгляды соприкасаются. Лишь на одно мгновение. Но мне хватает, чтобы развеять последние сомнения...

— Дрогвард!

Голос императора возвращает в реальность. Я слишком приблизился к костру. Если поселяне увидят альтаирца, тут же начнется переполох, а нам это ни к чему. Мне нельзя здесь больше оставаться. Как и нельзя показать императору, что знаю Аду. Для ее же безопасности. Поэтому скрепя сердце пришпориваю коня и вслед за Дэмонионом растворяюсь в ночи. Точно зная, что вернусь за ней сюда, в поселение, во что бы то ни стало.

Ада

— Сегодня вечером ты летишь со мной в Адейру, — без предисловия сообщает Глэдис, как только я переступаю порог ее серой, мрачной обители.

— Как скажете, дэуза! — с придыханием от восторга отзываюсь я, прекрасно понимая, что выпрашивать подробности предстоящей поездки бесполезно. Все равно не ответит. А так хочется обо всем расспросить!

Побывать в Адейре, столице Дария, — моя давняя мечта! Я ни разу не была в мегаполисе — только в окрестных городах, — но так много слышала о нем! Разные, подчас противоречивые отзывы. И вот наконец-то мне выпал шанс воочию увидеть город-сказку, о котором мне так много рассказывали руарцы, уже побывавшие там! Да я готова прямо сейчас начать плясать от счастья! Но, боюсь, Глэдис это не оценит.

Сборы занимают довольно много времени, потому что Верховная Ведунья пожелала, чтобы я оделась, как полагается шатере. То есть красиво и богато.

О! Как же я это люблю!

Стою в спальне и держусь за столб кровати, на котором крепится балдахин. За спиной — Мэдлин со всей дури затягивает мой и без того тугой корсет.

За прошедшие годы Мэд превратилась в одну из лучших шатер Руара. Высокая, стройная брюнетка с огромными карими глазами и причудливой короткой стрижкой. Пышная грудь и бедра, осиная талия.

Прекрасная, циничная неженка.

У Мэдлин хватает ума при наставниках строить из себя легкомысленную дурочку и при этом на деле не быть ею.

— Мэд, поубавь пыл! Я уже дышать не могу! — с трудом выдыхаю я. Корсет ужасно жмет. И как только шатеры каждый день в них ходят?

Невольно радуюсь, что принадлежу к касте воинов. Наша повседневная одежда предельно удобная. Мне даже позволяет носить штаны, правда, под низ специального длинного платья-туники, которое имеет высокие разрезы по бокам. В принципе в таком наряде весьма удобно сражаться. Но что самое главное — корсет к наряду воина не прилагается в отличие от «боевой» экипировки шатер.

— А ты что хотела, детка?! Красота требует жертв! — Слегка запыхавшаяся Мэд наконец-то удусуживается завязать корсет крепким узлом.

Отходит, любуется проделанной работой.

Садистка!

— Должна признать, выглядишь неплохо. И все исключительно благодаря мне!

Да уж, самомнения и скромности Мэд не занимать!

Смотрюсь в большое зеркало и смеюсь от удовольствия и удивления. А ведь она права! Спасибо, Мэдлин! Приятельница знает свое дело.

На меня из Зазеркалья смотрит прекрасная незнакомка в длинном алом платье. Продуманный вырез подчеркивает грудь, которая в этом наряде кажется существенно больше, чем есть на самом деле. На шее, предплечье, запястье — драгоценные рубиновые ожерелье и браслеты-змейки. Они очень выигрышно смотрятся на моей светлой коже. Похожая рубиновая нить перехватывает длинные волосы, образуя замысловатые волны. Туфли на каблук. Крупные изящные сережки-рубины. И конечно, макияж. Здесь Мэд превзошла саму себя! Смотрюсь в зеркало и не могу налюбоваться. Кто бы мог подумать, что я такая красавица! Да в моих фиалковых глазах запросто если не утонуть, то захлебнуться точно можно! Подмечаю, что с таким боевым раскрасом выгляжу на несколько лет старше. Как уже совсем взрослая женщина! Настоящая шатера! Хоть на деле таковой и не являюсь.

— Цепочкуними, — советует Мэдлин, отвлекая меня от самолюбования. — Она не к месту.

Мэд с нескрываемым интересом рассматривает кольцо-кулон, висящее на цепочке. Подарок Эвана.

Присвистывает.

— Ничего себе! Откуда это у тебя?

Раньше я всегда прятала цепочку под одежду, поэтому соседка и не обращала на нее внимания. Сегодня со всем этим переполохом я допустила оплошность — забыла снять перед тем, как надеть платье с декольте.

— Подарок старого друга, — стараюсь отвечать как можно уклончивее. В Руаре никто, кроме Анигая, не знает про Эвана.

Торопливо снимаю цепочку. Мэдлин права. На фоне рубинового ожерелья она смотрится как минимум странно, к тому же привлекает ненужное внимание.

— Ты позволишь?

Не дожидаясь ответа, приятельница берет цепочку с кольцом, рассматривает на свету, затем поднимает на меня удивленный взгляд.

— Ада, а можно узнать, за какие такие ценные услуги тебе такое кольцо подарили? Если оно настоящее... А мне сдается, что так оно и есть... Да оно же целое состояние стоит! И сделана эта цацка не дарийскими ювелирами! Поверь, уж я в этом толк знаю! — Мэд ошарашена и слегка обижена на меня. — А я-то, наивная, думала, что, раз ты из касты воинов, Глэдис тебя к богатенькому покровителю на содержание пристраивать не будет. Хоть бы рассказала. Подруга еще называется!

Вспыхиваю от возмущения. До меня только сейчас доходит, к чему клонит Мэд. Она старше меня года на два и уже давно выполняет роль профессиональной шатеры, причем делает это с нескрываемым удовольствием. В этом вся Мэд. Она без труда вскружит голову любому мужчине и так же без особых проблем вытянет из него все, что ей заблагорассудится: дары, драгоценности, информацию... Последняя, кстати, частенько бывает куда дороже любых дар.

— Никто ни к кому меня не пристраивал! — забираю у соседки кольцо. — Я из касты воинов, так что вытаскивать информацию через постель не моя обязанность. Вот если прирезать

кого потребуется или, наоборот, охранять...

— Не будь столь самоуверенной, детка, — хмыкает Мэдлин, приземляясь на кровать. — Ты знаешь, зачем Глэдис приказала тебе так нарядиться? Думаешь, исключительно для ее личной улады глаз?

Слова Мэд заставляют меня насторожиться.

— В мой первый раз все было примерно так же, — продолжает разглагольствовать подруга. — Хотя я была и помладше тебя, но зато не тешила себя глупыми иллюзиями, что меня вывозят в Адейру просто на прогулку. Я была к этому готова и даже получила удовольствие. Что и тебе, кстати, советуую сделать.

Напрягаюсь. Понимаю, что в словах опытной Мэд есть логика. Но вида, что начинаю нервничать, стараюсь не подавать. Беру дред, задираю длинный подол платья и креплю его с внешней стороны бедра с помощью подвязки.

— Это на случай, если у Глэдис окажутся на меня незапланированные мною планы, — поясняю я подруге, удивленной моей столь откровенной наглостью. — Если старуха рискнет подложить меня в постель к какому-нибудь толстосуму, прирежу его — и была такова! Заодно и кошелек его прихвачу. Я не собираюсь повторять судьбу Акрабы.

Мэдлин хочет возразить, но в последний момент передумывает. Она знает, — с меня станется.

— Кто такая Акраба?

— Не важно.

Мэд испытующе смотрит на меня. Вижу — ей что-то очень хочется у меня спросить, но она все никак не решается. Однако любопытство все же одерживает верх.

— А ты ведь и правда можешь дать деру из Руара в любой момент, — внезапно умозаключает соседка. — Никогда не могла понять только одного: почему ты до сих пор этого не сделала?

Приходит моя очередь удивляться. Откуда она знает, что я могу спокойно выходить за пределы Руара? Я никогда не рассказывала никому про свой брак со свободным. Одновременно меня поражает и наивность прожженной Мэд. Дать деру?! Куда, спрашивается? Обратно в Катар? В нищету и холод?! Нет уж! Спасибо! Я этого добра досыта накушалась. На всю жизнь хватит! Так что из сытого Руара меня и медовым калачом не вытянешь!

И все же интересно, с чего вдруг Мэд взяла, что я могу уйти из Руара, когда захочу? Соседка словно предугадывает мой вопрос.

— Я не дура, Ада, и не слепая. Я давно заметила, как ты исчезаешь по вечерам, а когда возвращаешься, то напеваешь деревенские песенки и от тебя разит сеном. Фу! — брезгливо морщится Мэд и делает точный вывод: — Ты бываешь в Арубе — соседнем поселении. А чтобы попасть туда, нужно преодолеть силовое поле Руара. Что-то я сильно сомневаюсь, что дэус Карл или Верховная Ведунья каждый раз дают тебе спецпропуск, чтобы ты могла пойти туда на танцы.

Ну и язва эта Мэд! Вдобавок весьма проницательная язва.

Заметно, что соседка сторает от любопытства. Ей, видимо, уже давно хотелось поговорить со мной на эту тему, но она все не решалась. Не секрет: в Руаре каждый сам за себя, и лезть в жизнь и душу другого здесь считается чуть ли не преступлением. Но Мэд настолько съедает любопытство, что она не выдерживает:

— Как ты преодолеваешь силовое поле Руара? Ни один из воспитанников не может пройти сквозь него без наставника, но ты... Ты с самого первого дня здесь ведешь себя так, будто ты... — следующее слово дается Мэд с трудом, потому что она к нему не привыкла и плохо знает его значение, — свободная.

Я понимаю, что Мэдлин не терпится узнать мой секрет. Но я также прекрасно понимаю, что и в Руаре, и в этой жизни в целом доверять можно только одному человеку — себе, поэтому...

Неужели она реально думает, что я скажу ей правду?

— Не говори глупости, Мэд! Ни в какую деревню я по ночам не хожу! И ни через какое силовое поле не прыгаю. Я что, самоубийца? Оно мне надо — заживо сгореть?! — как можно беззаботней смеюсь я, поправляя платье. Беру бордовый плащ на меху, завязываю, накидываю капюшон. — Ну, как я тебе?

Соседку задевает, что я ухожу от ответа.

— Твоему клиенту понравится, — язвительно отзывается обиженная Мэд. — И мой совет: будь пораскрепощенней. Они это любят.

Вот язвительная курва! Умеет же настроение подпортить!

Показав подруге непристойный жест, выхожу из спальни. О словах Мэд насчет возможного клиента стараюсь не думать. Мало ли зачем я могла понадобиться Глэдис. Надо поспешить. Верховная Ведунья не любит ждать. Вспоминаю, что в Адейру мы полетим на планолете. От одной только мысли об этом у меня снова захватывает дух. Я ведь еще ни разу на них не летала! Похоже, сегодняшний вечер обещает принести массу новых ощущений, и я этому несказанно рада! Даже несмотря на дурное предостережение Мэдлин.

2. ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ И ЧЕХАРДА

Планолет взмывает вверх. У меня тут же захватывает дух. Никогда раньше я не видела такой красоты! Внизу, как на ладони, Руар с его замками, башнями, тренировочными корпусами. А у горизонта — безумно красивое закатное небо, переливающееся всеми цветами радуги. Впечатления настолько яркие, что я забываю обо всем на свете.

Глэдис сидит рядом и так же, как я, завороченно смотрит на закат. По-моему, ей тоже нравится летать.

Я знаю, что мы летим на огромной скорости, но в прозрачном куполе планолета это абсолютно не ощущается. С интересом смотрю на мелькающие внизу поселения, каждое из которых накрыто силовым полем. Для свободных людей эти купола ничего не значат, но для несвободных они тюрьма. Правда, лучше, чем Катар. Здесь хоть климат нормальный, поэтому и голода нет. Да и Дэбэр с его рудниками от этих поселений далеко.

В то же время понимаю, что без силового поля — никуда. Если на Дарий вдруг нападут, защитные купола не дадут уничтожить поселения. Да что поселения... Сама планета накрыта точно таким же мощным силовым полем. Именно поэтому за все десятилетия войны на нас ни разу никто не отважился напасть. Все понимают — бесполезная затея. Силовой купол настолько мощный, что стрелять по нему — все равно что стрелять по себе. Тут же скрикошетит — и поминай как звали.

К Адейре мы подлетаем через пару часов, когда ночь уже вступает в свои права. О! Я никогда не видела ничего подобного! Шикарный, сверкающий миллиардами огней мегаполис! Сверху он так же, как и Руар, накрыт силовым полем, чем-то похожим на гигантский, переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь.

Огни! Огни! Огни! Повсюду огни! Их миллионы! Миллиарды! Современные здания переплетаются с древними дворцами и роскошными старинными резиденциями. А вдаль — у подножия океана, на скалах — возвышается величественный императорский замок Аскорэор. Красота такая, что дух захватывает!

Причем в прямом смысле слова. При виде Аскорэора мне почему-то становится тяжело дышать. Меня так и тянет туда. Однако вместо замка планолет приземляется на спецплощадку во дворе какой-то старой резиденции.

Люк бесшумно, плавно открывается. Мы оказываемся в каком-то заброшенном, но в целом весьма живописном саду. Про то, что деревья и кустарники иногда надо подстригать, здесь, похоже, и не слышали. Разросшиеся лианы то и дело путаются под ногами. Пару раз спотыкаюсь о них, пока мы с Верховной Ведуньей идем к не менее запущенному старому поместью. Каменный, причудливый, построенный один Отар знает в каком веке, этот дом как нельзя кстати подходит к саду.

— Жди здесь, — повелевает старуха, оставляя меня у крыльца. Делает шаг к дому, но внезапно притормаживает. Усмехается. — Впрочем, кому я говорю... Ты же изведешься, если, пока меня нет, всю округу из любопытства не оббегаешь. Держи, — старуха кидает небольшой кошелек с дарами. — Постарайся особо никому на глаза не попадаться. И в неприятности не смей влипать! Чтобы через час была здесь. Все поняла?!

— О, дэуза! Я вас обожаю! — напроць забыв про основное правило Руара — сдерживать свои эмоции, визжу от счастья. — Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Будь моя воля — так бы на шею и кинулась старой перечнице и даже чмокнула бы в ее сухую сморщенную щеку. Но воздержусь. Это был бы точно перебор.

Старуха лишь обреченно закатывает глаза, скрывается в доме. Подозреваю, она и сама до

конца не понимает, почему так много позволяет мне. Бросаюсь к сопровождающему нас пилоту.

— Чей это дом? Ну давай, колись! Все равно же узнаю! — любопытство так и распирает.

Пилот, довольно молодой парнишка, недавно закончил обучение в нашей касте, так что мы с ним шапочно знакомы. Видимо, меня он тоже неплохо знает и, понимая, что я не отвяжусь, вздыхает.

— Дэуса Бэра. Верховного Лекаря. Личного доктора императора.

— Да иди ты! — восторженно выдыхаю я. — Того самого?! Смешного толстого коротышки, который вечно что-то жует? А еще одевается как фанфарон? О! Я хочу его видеть!

Я видела Бэра пару раз издали в Руаре. Он — это что-то! Всегда старается наряжаться по последнему писку адейрской моды. Но при виде его хоть самой пищи! Несуразный, аляповатый, обвешанный кучей блестящих драгоценных цацек... И все время что-то жует. За ним даже постоянно слуга с подносом ходит,нося еду и выпивку. В прошлый раз мы с Мэд от смеха чуть животы не надорвали, глядя, как жеманный, разнаряженный Бэр с нашим мрачным, брутальным дэусом Карлом общается. Казалось, еще немного — и Верховный Воин точно отберет у Бэра недожеванную куриную ножку и отправит переодеваться в нормальное одеяние лекарей.

— А правда, будто этому дэусу Бэру достаточно бросить на человека взгляд, и он может сразу определить степень его родства с любым другим?

Пилот пожимает плечами.

— Всякое болтают, но не всему стоит верить. Хотя...

Парень оглядывается. Похоже, он тоже не прочь немного посплетничать. И я его понимаю: все лучше, чем без дела в планолете торчать. Пилот переходит на шепот:

— Поговаривают, этот Бэр еще тот пройдоха. Он на крючке добрую половину знати Адейры держит.

— Это как? — удивляюсь я.

— А так. Знать-то погулять налево любит. Вот и получается, что некоторые адейрские дэузы сами не знают, от кого у них дети: от мужа или любовника? А Бэру стоит взглянуть на ребенка — сразу точно определяет, кто его родители. И анализа не надо. Дар у него такой. Вот и представь, сколько народу ему за молчание платит, чтобы скандала не было. Бэр еще тот жук! Своего не упустит. Молчание, сама знаешь, дорогой товар.

Окидываю скептическим взглядом заросший сад.

— Если у него так много дар, хоть бы садовника себе завел, что ли.

Пилот хмыкает.

— Зачем дэусу Бэру напоказ свое богатство выставлять, если оно нажито, сама понимаешь, каким путем?

— Тоже верно...

Смотрю на светящиеся часы, горящие на панели планолета. На пустую болтовню уже пять минут потратила! Глэдис же мне всего час дала, чтобы по Адейре погулять!

Распрощавшись с нилотом, который бросает вслед убегающей мне завидующий взгляд, несусь к воротам мимо светящихся окон дома. Но все же притормаживаю. Любопытство берет верх: осторожно заглядываю в окно.

Ну точно! Тот самый знаменитый дэус Бэр — смешной толстенький коротышка, и опять что-то жует. Уютно устроившись в кресле напротив камина, с аппетитом обсасывает куриную ножку. На первый взгляд уделяя ей куда больше внимания, чем гостье — Глэдис, стоящей здесь же возле огня.

Мне, конечно, очень интересно, о чем они говорят, но желание самостоятельно пошастать по улицам ночной Адейры перевешивает на чаше весов, поэтому я выныриваю за ворота и растворяюсь в манящих огнях мегаполиса.

Приятное потрескивание горящих сухих дров в старинном камине. Мягкий приглушенный свет. Теплый плед, брошенный на кресло, в котором сидит Глэдис. Уютная расслабленная атмосфера прохладного летнего вечера... безнадежно испорчена отнюдь не уютным разговором между двумя людьми, считающимися опорой императора Дэмониона.

— Ты уверен? — В голосе Глэдис звучит нескрываемое разочарование и... страх.

Да, пожалуй, именно это слово подходит лучше всего.

Страх.

Потому что ей есть чего бояться. И не только Глэдис, которая верой и правдой больше двух столетий служила императорскому дому. Бояться можно начинать всем дарийцам, ибо речь идет о будущем их империи. Хотя по Верховному Лекарю, например, особо и не скажешь, что он чем-то обеспокоен.

— Да. — Дэус Бэр как ни в чем не бывало отбрасывает обглоданную куриную косточку и берет с подноса, на котором стоит целая тарелка жареных ножек, очередную. С аппетитом впивается в нее крепкими и явно вставными зубами. — Все-таки мой повар гениально готовит. Рецепт землян, между прочим. Не хочешь попробовать, Глэдис?

Ведунья брезгливо морщится. Ей хочется говорить о деле, а не о куриных ножках.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Не хотел расстраивать. К тому же я до последнего надеялся, что одна из наложниц императора все же сможет зачать от него. Но увы... Кровь Дэмониона слишком сильна... Не думаю, что он когда-нибудь сможет стать отцом. Теоретически родить от него может только та, в чьих жилах течет не менее сильная кровь Древних. И желательно неразбавленная. Чистопородная.

— Такая, какая была у Арасэли, — осторожно уточняет ведунья, с заметной неохотой произнося ненавистное ей имя.

— Да. Именно Арасэли, — эхом отзывается Бэр. — Упокой Отар ее душу.

— Но императрицы больше нет. Она умерла при родах...

— Да будет тебе, Глэдис, — невесело хмыкает Верховный Лекарь. — Здесь нет чужих ушей. Мы оба прекрасно знаем, как она умерла.

Упоминание об этом окончательно портит Верховной Ведунье настроение.

— Думай, что говоришь, Бэр!

— Да ладно... Здесь же все свои.

Глэдис вынуждена признать, что он прав. Лицемерить нет смысла.

— Зачем говорить о том, чего уже не исправишь? Дэмонион сам вырезал весь ее род. На Дарии не осталось больше Древних. Где нам взять мать для наследника империи?

— Нигде, — ответ Бэра звучит как приговор. — Смирись, Глэдис. У Дарийской империи из наследников остался лишь Атарксис. И то, положи руку на сердце, чисто формально. Дэмонион сам виноват. Незачем было устраивать всю эту резню.

— Император должен был обезопасить Жезл Власти от посягательств Древних!

Наверное, это все же заложено в генах. Верховная Ведунья защищала императорскую семью сколько себя помнила. Никому не позволено сомневаться в решении ее правителя!

— Кто-нибудь из Древних рано или поздно мог попытаться претендовать на трон соправителя... Этого нельзя было допустить! Вспомни, что сделал брат Арасэли. Он единственный выжил в той резне, а затем явился к сестре и стал шантажировать нашего Повелителя, что расскажет Арасэли правду. Императору надо было сразу его убить! Но из-за

этой лицемерки он пощадил... Дал этому отродью все — и что получил взамен своего великодушия? Мальчишка решил бросить вызов в День Солнцестояния Дэмониону.

— Но не бросил же!

— Потому что не успел.

— О да! Ты со своей шатерой успела его остановить. Элегантное вышло отравление. Лично я оценил. Жаль только, Арасэли не поверила в его случайную смерть. — Бэр откидывается на спинку кресла, с нескрываемым наслаждением предаётся воспоминаниям. — Кстати, красивая была девочка-шатера. Толковая. Как ее звали?

— Таисья...

— О да... Таисья. Жаль, не успел познакомиться с ней поближе.

— Не уходи от темы, Бэр.

Верховный Лекарь недовольно хмыкает, отправляя недоеденную куриную ножку на поднос. Ну вот! Глэдис добилась своего: испортила ему аппетит. Это под силу только ей!

— Хочешь знать мое мнение? Дэмонион сам во всем виноват! Не убей он ее брата, Арасэли бы не стала ему мстить... — Не выдержав, он раздраженно добавляет: — Что за дурная привычка у Дэмониона — сначала делать, а потом думать!

По Верховной Ведунье заметно, что она скептически относится к словам Бэра.

— Хочешь сказать, она изменила ему из мести?

— Да уж не из любви, — фыркает Бэр. — Арасэли была другой... Если бы он не убил ее брата... Если бы она не узнала... И у империи был бы законный наследник, а не нерожденный бастард. И не этот клоун Атарксис.

Глэдис поднимает усталый взгляд на Верховного Лекаря.

— Не говори так о нем. Атарксис все же троюродный племянник императора... Он наша последняя надежда. Не будет его — Дарий постигнет престолонаследный хаос. Сам знаешь, чехарда вокруг императорской короны еще никогда ни к чему хорошему не приводила.

Ей надо найти выход. Надо сделать это во что бы то не стало. Может, Бэр все-таки ошибается и Атарксис...

Верховный Лекарь без слов понимает, какая буря сомнений одолевает душу ведуньи.

— Глэдис! Давай смотреть правде в глаза! В этом высокомерном сопляке нет ни капли императорской крови! — внезапно психует Бэр. — Мне уже надоело повторять тебе это из раза в раз! Его бабка, будь она неладна, сходила на сторону с камердинером мужа. Неужели ты не видишь, что это недоразумение точная копия своего деда?! Структура черепа, разрез глаз. О Отар! Это же так элементарно! Не понимаю, почему вам не бросается это в глаза? — В голосе Бэра появляется откровенная брезгливость. — Он даже «эрг» выговаривает столь же провинциально, как его злополучный плодовитый дед. Я тебе точно говорю, Глэдис, если в День Солнцестояния Атарксис рискнет выйти на Плато Семи Ветров и затребовать Жезл Власти, чтобы занять второй трон соправителя Дарийской империи... ничем хорошим это ни для него, ни для империи не закончится. Помяни мое слово! Как только мальчишка коснется Жезла, то сразу же превратится в каменную статую, которая будет мало чем отличаться от остальных, стоящих на Плато.

Глэдис не выдерживает. Встав с кресла, она начинает нервно прохаживаться по комнате. Старая дарийская пословица «В ногах правда есть» как раз про нее. Старуха уже давно подметила: когда ходишь, лучше соображаешь. Но только не в этот раз. Самое страшное, что Бэр не лжет. Ему нет никакого резона лгать. И что делать с этой неприятной правдой, совершенно не понятно.

— Атарксису недавно исполнилось двадцать. Народ ждет, что, как только он вернется с Альтаира, то станет соправителем Дария. — Старуха срыгается. — Бэр, мы оба знаем, если у

Дарийской империи не будет наследника, мы все обречены. Не станет Дэмониона — не станет и империи! Вспомни историю вселенной, Бэр! Из-за распрей, борьбы за престол рушились цивилизации! Мы станем слабыми, и тогда Альтаирская империя вкупе с Земным Альянсом мигом подомнут нас под себя.

В комнате зависает напряженная тишина.

— Мне тоже, знаешь ли, не хочется умирать, Глэдис. Я еще слишком молод для этого. Но я не знаю, что делать! В Атарксисе нет императорской крови. И это надо принять. Остается лишь надеяться на несбыточное чудо, что у Дэмониона все же родится наследник...

— Мы оба знаем: не родится.

— Тогда остается молить Отара, чтобы объявился тот, кто сможет удержать Жезл Власти и не превратиться при этом в каменный столб! Хуже всего, что время на исходе. До Дня Солнцестояния осталось всего ничего... Если Атарксис не взойдет на Плато — это будет приравнено к его отказу от престола, если взойдет — к самоубийству!

Глэдис поднимает на Бэра выцветший от времени усталый взгляд.

— А что, если Атарксис все же возьмет в руки Жезл? — задумчиво произносит она.

— Глэдис, будь реалисткой. В этом кристалле сокрыта такая мощь... Он генерирует силовое поле планеты! У мальчишки не будет даже шанса выжить...

— Если только мы не заменим кристалл на фальшивку.

Едва слышные слова Верховной Ведуньи будто висают в воздухе. Напряженное молчание длится минуту, другую...

Глэдис впервые осмелилась произнести эту крамольную мысль вслух.

— Хотя бы на время церемонии. А потом вернем кристалл обратно.

От удивления к дэусу Бэру резко возвращается аппетит. Не сводя глаз с Глэдис, он нащупывает на подносе недоеденную куриную ножку.

— Глэдис, ты в своем уме?! Как ты собираешься подменить кристалл, когда к нему прикоснуться может только Дэмонион?! Его попросишь? — ехидно интересуется Верховный Лекарь, запоздало замечая, что обсасывает уже обглоданную кость. — Вот император обрадуется! Особенно если учесть, что он на дух не выносит этого заносчивого молокососа Атарксиса.

— Если надо будет, и его, — отрезает старуха. — Можешь раздобыть копию кристалла? Я знаю: у тебя хорошие связи на Черном рынке, а там такими вещами балуются.

— Но почему сама его не наколдуюшь?

— Нужна «чистая» фальшивка. Созданная без магии, иначе Жезл почувствует неладное и взбунтуется. А мне сюрпризы больше не нужны. И так огромный риск, что ничего не получится. Так можешь достать ювелирно сделанную стекляшку или нет?

Дэус Бэр, все еще отказываясь верить, что Верховная Ведунья говорит серьезно, пожимает плечами.

— Теоретически — могу.

— Сделай это практически. — Глэдис поднимает на ошарашенного лекаря белесый взгляд. — Мне надо, чтобы через час фальшивый кристалл был у меня.

— Но...

— Без «но» и лишних вопросов, Бэр. Какая тебе разница, как я возведу на престол Атарксиса? Сейчас нам самое главное — потянуть время и спасти империю от междоусобных войн.

Дэус Бэр понимающе кивает, звонит в колокольчик, стоящий здесь же, на подносе.

— Что ж, пусть будет по-твоему, Глэдис. Надеюсь, ты знаешь, что творишь. Но учти! Если что, я буду все отрицать.

— Кто бы сомневался, — усмехается Верховная Ведунья, бросая задумчивый взгляд в открытое окно, туда, где вдали виднеются яркие бурлящие огоньки Адейры.

3. ДВУЛИКАЯ АДЕЙРА

Дарий. Адейра

Кутаюсь потеплее в новенький плащ на меховой подкладке, сворачиваю за угол. У меня не так много времени, а посмотреть хочется все! Бросаю взгляд на звездное небо. Огненная звезда Сатаба — дневное светило Дария — уже почти зашла за горизонт. Вместо нее на небосводе вольготно расположились блеклый Тус и лучезарная Наоки. Тонкая полоска белесо-золотистого заката на глазах плавно переходит в ярко-малиновую, изумрудно-синюю, черную... Стоит поторопиться. Прибавляю шаг.

Тук. Тук. Тук.

Мне нравится, как бойко цокают по мостовой каблучки моих модных удобных туфелек. Как замечательно, что дэус Бэр живет практически в самом центре Адейры! Не надо особо далеко идти, чтобы посмотреть все самое интересное.

Мое сердце переполняет восторг, когда я оказываюсь на одной из центральных площадей. Никогда! Никогда раньше я не видела ничего более прекрасного и совершенного, чем ночная Адейра! Кажется, что ночь на столицу Дария спускается гораздо быстрее, чем на Руар, но в то же время сверкающий миллиардами искусственных огней мегаполис не дает темноте вступить в свои права. Светло почти как днем, отчего небо кажется не черным, а темно-сиреневым.

С любопытством оглядываюсь.

Величественные строения, хрустальные дворцы. Статуи, прославляющие победы империи. Широкие, идеально гладкие дороги, по которым несутся на воздушных подушках причудливые машины. Я видела такие в Катаре, когда с инспекцией на рудники приезжали какие-нибудь высокопоставленные чиновники. Но так близко и в таком количестве ни разу!

Поднимаю голову и ахаю: высоченные современные башни упираются шпильями в ночное небо. Сотни! Тысячи планолетов парят на огромной скорости между современными причудливыми зданиями, аккуратно приземляясь на круглые платформы-парковки, прикрепленные на крышах небоскребов. Раньше я видела все это только по визору! Даже не верится, что стою в самом центре бурлящей Адейры!

Совсем неподалеку от современного центра раскинулся город Древних. С дворцами, особняками, парками, озерами... Мэд рассказывала, что именно здесь предпочитает жить дарийская знать. В их родовых поместьях. Как дэус Бэр. Без сутолоки современных кварталов, в относительной тишине.

Взгляд скользит за пределы города Древних в сторону вечно бушующего океана. Чувствую, как от волнения перехватывает дыхание. Там, где мощные волны с пеной разбиваются о скалы, на горе возвышается Аскорэор — замок императора. Грандиозный! Пугающе прекрасный!

Вечный. Спокойный. Идеальный.

Не понимаю, что со мной происходит. Смотрю на Аскорэор и чувствую, как тоскливо сжимается сердце. Замок манит к себе словно магнит. Странное, несколько пугающее ощущение: будто я однажды уже была там. И мне еще предстоит туда вернуться.

Вот придет же такое в голову!

Внаглую рассматриваю спешащих мимо меня жителей столицы. Мэдлин оказалась права, когда говорила, что адейрцы знают толк в моде: ухоженные, одеты с иголочки. Не все, конечно, но по большей части. Впрочем, я выгляжу на их фоне ничуть не хуже. Если не сказать — лучше. Богаче и изысканнее. И это несказанно радует! Спасибо Руару!

Сама того не замечаю, как, бродя по Адейре, оказываюсь на тихой симпатичной улочке,

состоящей преимущественно из ухоженных богатых особнячков. Останавливаюсь возле одного из них. Мое внимание привлекает детский смех.

Подхожу чуть ближе. Темнота скрывает меня, поэтому девочка, играющая в ярко освещенном саду, не замечает случайную прохожую, стоящую неподалеку от нее за оградой.

Девочке лет одиннадцать. Внешне еще даже не подросток. Такая счастливая, по-детски беззаботная. В красивом платьице. Она играет с дорогими куклами. Рассаживает их за игрушечный столик, на котором расставлены тарелки с настоящей едой. Аппетитными пирожными, конфетами. В Катаре о таких я не смела даже мечтать.

Такая сытая девочка.

Явно никогда не знавшая ни голода, ни холода. Иначе бы у нее рука не поднялась играть едою.

Девочка играет конфетами, вкус которых я впервые узнала лишь в Руаре.

Такая холеная, чистенькая девочка.

На этого ребенка точно никогда не поднимала руку мать. Не пыталась ее продать, чтобы купить себе выпивку...

Какая до омерзения счастливая девочка!

Чувствую, как против воли внутри меня поднимается злость на этого незнакомого ребенка. Потому что есть в этом что-то до отчаяния неправильное: у одних детей с рождения есть все, а другим не достается ничего. Я бы, например, дорого дала за такое счастливое, сытое детство.

О да! Я злая! На девчонку, на себя, на судьбу и даже на свою злость, которая до противного разъедает душу. Мне обидно... Это так несправедливо: одним все, другим — ничего.

Я стою посреди богатой улицы, одетая, как знатная дарийка, и никто... Никто из проходящих мимо не посмеет взглянуть на меня свысока! Потому что в Адейре все судят по одежке. Вон прошел один знатный мимо... Видимо, принял меня за настоящую дэузу. Поклонился. Но я-то знаю, что все это обман. В какие богатые одежды меня ни одевай, внутри я все та же нищая девчонка из Катара, которой не место здесь: среди зажавшихся и богатых. Я все та же девчонка, которая никогда не сможет забыть, что такое голод, холод, страх... отчаяние. Отчаяние от того, что предают самые близкие... Например, родная мать.

Кстати, о матери...

На крыльцо, кутаясь в кружевную шаль, выходит мама той сытой девочки. Симпатичная дарийка лет тридцати пяти. Она с такой любовью смотрит на дочку, что меня охватывает дикая зависть. С какой нежностью она зовет ее домой! Вслед за матерью на крыльце появляется отец — приятный мужчина. Девочка, смеясь, бежит к родителям. Они так счастливы, что меня сейчас... стошнит. Потому что вся эта тошнотворно идиллическая картина напоминает мне Катар, светящееся окно лекаря Мазэды и нас с мальчишкой-альтаирцем, которые как двое нищих, обделенных простой человеческой любовью, сидят на проклятом холодном заборчике и с жадностью подглядывают за чужим семейным счастьем, прекрасно понимая, что у самих никогда такого не будет...

Никогда.

Тук. Тук. Тук.

Я такая злая... Раздраженная. Завистливая. Как же я ненавижу в себе все это!

Прочь! Прочь отсюда! Не хочу думать, но и не могу забыть. Счастливая девочка все еще стоит у меня перед глазами.

Быстрым шагом удаляюсь от злополучной сытенькой улочки, где дети играют едой, в то время как в Катаре от голода умирают точно такие же ребяташки.

Прочь! Прочь! Прочь!

От несправедливости хочется выть. Но я молчу. Потому что прекрасно понимаю: от меня

все равно в этой жизни ничего не зависит. Я не могу изменить ни свою, ни чью бы то ни было судьбу, поэтому...

Тук. Тук. Тук.

Злость и бессилие настолько поглощают меня, что я и не замечаю, как оказываюсь в трущобах, которые, оказывается, соседствуют с благополучными районами.

Сточные канавы. Зловонный запах. Опа! Крысы! Да еще такие жирные! О-ля-ля! Калеки, нищие, проститутки. Вот это да! Получается, что и у чистенькой сытой Адейры есть обратная сторона. Настроение резко идет на лад. Кажется, я попала в хорошо знакомый мне мир.

Ярко покрашенные девки: веселые, беспутные... как Акраба.

Калеки-попрошайки.

Дети-оборванцы.

Кашель, слезы, прокуренный, пьяный женский смех.

Запах эля, табака...

Прямо как у нас в Катаре. Да я, считай, дома!

Беззастенчиво всматриваюсь в перекошенные нищетой, злобою, похотью лица обитателей трущоб мегаполиса. Подмечаю, что чем глубже захожу в трущобы, тем чаще встречаю землян. В центре Адейры они редкость, а здесь... Анигай однажды обмолвился, что в столице есть подпольный Черный рынок — излюбленное место контрабандистов всех мастей и пород. Наверняка он где-то поблизости.

Прохожу мимо борделя. Хорошо еще — успеваю вовремя отпрыгнуть в сторону. У моих ног прямо мордой в лужу приземляется в умательник пьяный землянин, которого из заведения вышвырнул лысый одноглазый вышибала. Готова спорить: бывший хардрог. А может, и не бывший...

Брезгливо приподнимаю полы дорогого бархатного платья, аккуратно перешагиваю через пьянчужку. Не хватало только наряд испачкать об эту шваль! Понимая, что нахожусь не в самом безопасном местечке, на всякий случай незаметно достаю дред. Мало ли...

— Эй, дэуза! Адресом, часом, не ошиблась? У нас такие чистенькие редко заходят, — раздается с крыльца борделя насмешливый хриплый женский голос. — Или мальчика аппетитного ищите себе в усладу? А может, сами развлекаться желаете?

Невольно замираю.

О! Эти пропитые нотки я не спутаю ни с какими другими! Чувствую, как по венам разливается пьянящее душу злорадство.

— Харэд, глянь, какая красота мимо проплывает, — не унимаясь, язвит поддатая баба. — Может, пригласишь дэузу на чашечку эля да отведешь в номера? Ее тут вряд ли кто хватится. Будет знать, как к нам без приглашения заходить! Здесь сытым да чистеньким не место!

Вот в этом я полностью с ней согласна, но оборачиваться все равно не спешу. Хочу растянуть удовольствие.

Чувствую за спиной зловонное мужское дыхание. Однако любитель великосветских дам не успевает дотронуться до меня. Без предупреждения пускаю в ход дред.

Одно мгновение — и змейка-цепочка с противным свистом обвивает мою руку, впиваясь зубками в кожу. Второе — и острое как бритва лезвие пронзает насквозь бедро самонадеянного амбала-охранника. С усмешкой проворачиваю лезвие. Мужик истошно орет, оседает на мостовую, понося меня на чем свет стоит. Я знаю: рана не смертельная. Жить будет, но хромая. Боль не пройдет. Лезвие дреда изначально пропитано легким ядом, вызывающим болевой шок от одного прикосновения.

— Эй ты, сука! Ты что с Харэдом сделала?! — Пьянчужка бросается на подмогу охраннику. — Да я тебя сейчас, великосветскую потаску...

Однако ни договорить, ни вцепиться мне в космы обитательница борделя не успевает. Поворачиваюсь, одновременно откидываю с лица капюшон. На глазах шокированной проститутки убираю дред. Лишь затем, с милой улыбкой, смакуя каждое слово, произношу:

— Я тоже рада тебя видеть... мама.

* * *

Мы сидим за грязным столиком в углу основного зала борделя. Возле барной стойки над сальными шуточками потенциальных клиентов громко смеются разукрашенные проститутки — всех возрастов и мастей. Одежды на них минимум — смотри не хочу. Любой, у кого есть пара лишних дар, может провести «девочку» в номера. Ну а если не хватит на номер, можно и прямо здесь, в подсобке, повеселиться.

Оглядываюсь. Надо же, какое скопище разношерстного сброда с самых разных планет. И каждому есть чем заняться. Кто-то довольствуется выпивкой и проститутками, кто-то в открытую вдыхает тандурим. В трущобах плевать хотели, что эта зараза запрещена межпланетным законом. Стражи императора в эти места наведываются не часто. Я так поняла, что между трущобами и элитной частью Адейры действует негласный закон невмешательства в жизнь друг друга.

На нас с Акрабой то и дело оглядываются. Их любопытство оправдано. Слишком сильный контраст: изуродованная однорукая проститутка не первой свежести и богато одетая юная шатера, которой явно здесь не место.

На первый взгляд.

На второй — обитатели злочного местечка словно интуитивно понимают: я своя. Одна из них: неудачников, аферистов, преступников, нищевродов, которым с самого начала не подфартило с судьбой... Поэтому народ довольно быстро теряет ко мне интерес, отводит взгляд, тут же забыв о моем существовании.

Довольная Акраба пьет эль. Я ничего не пью. Брезгую.

— Спасибо, доча, что угостила. — Мать поднимает в честь меня мутный бокал, выпивает до дна. Затем поворачивается к бармену — жиртресту в засаленном фартуке, который он то и дело использует вместо полотенца, вытирая им все подряд. — Эй, Кэрлэйл! Повтори!

— Обойдешься, — довольно грубо обрываю воодушевленную Акрабу.

Не горю желанием общаться с мамашей, если та лыка вязать не будет.

Акраба с сожалением смотрит на пустой бокал, отмахивается от подошедшего к столику толстяка.

— Эх... не надо уже. Неблагодарная дочь пару дар родной матери пожалела!

— Дочь?

Бармен с нескрываемым удивлением рассматривает меня с головы до ног. Похабно усмехается.

— А она, случайно, не хочет у нас поработать? За такую красивую да свеженькую и пятьдесят дар отдать не жалко.

— Всего пятьдесят?! — Мамуля возмущена. — Продешевил, Кэрлэйл, продешевил! Готова поспорить, за нее в Руаре куда больше дают.

— В Руаре?!

О да! Это слово всегда беспронимательно внушает любому вменяемому дарийцу страх.

— Не знаю, что и ответить на столь лестное предложение, — одариваю толстяка высокомерной улыбочкой, демонстративно крутя в руке рукоятку дреда.

На глазах перепуганного бармена змея-цепочка оживает, с противным шипением впивается мне в руку. Из дреда тут же показывается острый клинок. Совсем небольшой — размером с кинжал, но и этого хватает, чтобы напрочь отбить у мужика охоту приставать ко мне с предложениями поработать.

— Премного извиняюсь, дэуза. Я вас не за ту принял.

Испуганный Кэрлэйл быстро ретируется, не забыв поставить перед довольной Акрабой выпивку «за счет заведения».

Мать отхлебывает из бокала, с удивлением смотрит на дред.

— Откуда у тебя эта игрушка? Если мне не изменяет память, дредом могут управлять только воины.

— Память тебе не изменяет. И тем не менее я в их касте.

Акраба удивленно присвистывает.

— Да... Давненько я не была в Руаре. Не думала, что его законы когда-нибудь могут поменяться. Впрочем, чему удивляться: ты всегда была странная. Представляю, как Карл обрадовался такому новшеству. Шею еще тебе не свернул?

— Пытался. Но, как видишь, безрезультатно.

Акраба задумчиво хмыкает. Готова спорить, она сейчас вспоминает свои «золотые годы» в Руаре.

— Анигай, надеюсь, не в касте шатер? А то с этими вашими нововведениями станется, — после затяжной паузы выдает она.

Надо же! Мамуля, оказывается, умеет шутить. Похоже, пребывание в Адейре — в более изысканном обществе, чем в кабаке Катара, неплохо сказывается на ее мозгах. Я и не подозревала, что они еще могут работать!

— Признаться, удивлена, что ты помнишь, как зовут сына. Анигай один из лучших воинов. Его даже прочат в личную охрану императора.

Смотрю на часы, висящие на стене. У меня осталось пятнадцать минут. Встаю из-за стола.

— Мне пора. Интересно было повидаться.

— Денег дай, — торопливо не то просит, не то требует Акраба. — Я знаю, они у тебя есть.

— Чтобы ты их спустила на эль или тандурим? Обойдешься.

Мое высокомерие заметно задевает Акрабу.

— К клиенту торопишься? Думаешь, я не знаю, для чего шатер в такие платья наряжают, — ехидно «догадывается» мамуля. — Что, гордячка, жизнь все-таки утерла тебе нос? Ты все равно стала такой же, как я. От судьбы не уйти, девочка! Да, за тебя платят больше. Но это лишь пока. За меня тоже когда-то дорого давали. Вот только суть та же. Что в Руаре, что здесь в борделе. Ты ничем не лучше нас. — Мать взглядом показывает на разукрашенных потаскушек, веселящихся неподалеку. — Так что нос-то не задирай. Дай дару!

Усмехаюсь. Не хочется даже отвечать. Иду к двери, по ходу, не оборачиваясь, отвечаю матери откровенно некультурным жестом, который помню еще со времен Катара.

— Сучка неблагодарная! — блажит вслед пьяная разобидевшаяся Акраба. — Я тебя породила, вырастила, а ты... Хочешь, чтобы я здесь с голоду сдохла, да?! Думаешь, легко найти клиентов, когда ты такая уродина?!

Игнорирую вопли Акрабы. Выхожу на улицу. Неподалеку от крыльца вижу того самого толстого бармена. Выкидывает мусор. Прямо на дорогу. Жестом подзываю к себе. Мужик, испуганно озираясь, нехотя подходит ко мне.

— Слушаю вас, дэуза.

— Держи, — протягиваю ему мешочек с дарами, который мне дала на «карманные расходы» Глэдис. — Здесь Акрабе хватит на каждодневный кусок хлеба и миску похлебки. Потом еще

занесу. Но учти, узнаю, что ты спустил дары или поддался ее уговорам и купил ей эль или тандурим...

Острие дреда незаметно прикасается к горлу толстяка. Уже виднеется капля крови. Мужик бледнеет, трясется от страха.

— Я все понял... Понял, дэуза. Все сделаю, как вы сказали.

— Вот и умница, — убираю дред.

Перепуганный мужик нервно кивает. Я разворачиваюсь и исчезаю в ночи.

Стоит поторопиться. Глэдис не любит ждать.

Дарий. Руар

Эван

— На празднике действительно была девушка в алой юбке, вот только кто она и откуда — никто не знает. В деревне ее точно нет.

Дерек, мой друг-землянин, с которым я учился в начальной военной академии, по-свойски плюхается на диван. Он прилетел на Дарий полтора года назад, как только узнал, что мне разрешено иметь собственную свиту. Я очень благодарен этому вечно ворчливому толстяку за то, что даже в самые темные времена он рядом. Ведь мы оба прекрасно понимаем: если перемирие рухнет, преданность Дерека будет стоять ему жизни. Но все равно ворчун и зануда он еще тот!

— Я потратил целое утро на поиск твоего призрака! Даже поесть толком не успел! — бубнит недовольный Дерек, налегая на мой нетронутый обед, который только что прислуга принесла. — Я тебе так, друг, скажу: все беды в жизни от баб! Намотай это на ус! Как ты эту дарийку вообще среди ночи разглядеть умудрился?

Вопрос на самом деле хороший. Сейчас, при свете дня, я, признаться, уже и не уверен, была ли там действительно Ада или это моя фантазия выдала желаемое за действительность.

— Может, и обознался, — нехотя признаю я. — Мы три года не виделись.

— Сколько ей лет было, когда ты ее последний раз лицезрел?

— Тринадцать.

Дерек, не прекращая жевать пирог, одаривает меня скептическим взглядом.

— Эван, дружище, будь реалистом: это наверняка была не она. Ты хоть понимаешь, что между тринадцатилетней девчонкой и шестнадцатилетней девушкой есть существенная разница?

В качестве иллюстрации «разницы» шутник Дерек недолго думая пристраивает к своей груди два округлых фрукта из вазы. Ржет.

Запускаю в шутника подушку с кресла.

— Дурак!

Приятель, смеясь, ловко уворачивается, отправляя подушку в обратном направлении.

— На фига тебе эта дарийка, когда у тебя Айрис есть? Голубоглазая блондиночка! Да еще фигуристая... М-м-м... — мечтательно тянет Дерек, явно представляя перед собой болезненно-нежную Айрис Ромеро дель Фьюри. — Да ладно тебе, Эван, ты же не будешь отрицать, что дочка посла на тебя запала. А что, молоденькая вдова — по-моему, совсем не плохо! И главное, никаких обязательств!

Отрицать не буду, но и говорить об этом не хочу.

— Дружище, да ты не теряйся! У блондиночки все на месте. Да и ее папаша, похоже, совсем не против ваших отношений.

Зато против я. Причем сам не знаю почему. В принципе Айрис мне нравится. Но не более того.

Задумываюсь. Наверное, Дерек все же прав. Это была не Ада. Мне просто слишком сильно хотелось, чтобы это была она. Я так часто вижу ее во сне, что, похоже, стал грезить ею наяву.

Когда Ада ушла там, в Катаре, я поклялся, что забуду ее. Я искренне верил: время лечит. И вот три года спустя, к своему глубокому разочарованию, могу определенно сказать лишь одно: время не лечит.

Ни-че-го.

Оно лишь сильнее бережит раны и селит в душу такую тоску, что хоть драгом вой. Да я бы и был. Вот только, боюсь, не поможет.

Не надо было мне отпускать Аду в тот злополучный вечер. Не надо! Но кто бы знал наперед, что так и не получится вычеркнуть ее из памяти и сердца.

Дарий. Адейра

Ада

Теперь я понимаю, почему Глэдис захотела, чтобы я оделась как шатера. Для придворных Аскорэора нет более обычного зрелища, чем Верховная Ведунья, идущая в сопровождении одной из своих воспитанниц. К тому же неотъемлемая часть одеяния шатеры — довольно плотная длинная вуаль, благодаря которой невозможно запомнить лицо девушки. И это очень хорошо. Потому что если бы я заранее знала, куда и зачем ведет меня Глэдис, то сбежала бы из Руара прежде, чем...

Мы сворачиваем в Северное крыло замка. Узкая каменная лестница кажется бесконечной. Мы спускаемся все глубже и глубже, пока не оказываемся в подземелье императорского дворца.

Мрачное, сырое, освещенное лишь факелами. В воздухе витает запах сырости и затхлости. Морщусь. Мимо пробегает жирная крыса. Ненавижу их. Еще с Катара, где они в жареном виде постоянно продавались на местном рынке. Но как бы я ни голодала, так и не отважилась попробовать их на вкус.

Подходим к углу коридора. Слышно, как где-то неподалеку переговаривается стража. Старуха жестом приказывает мне остановиться. Достает небольшой кожаный мешочек.

— Набери побольше воздуха. И не дыши десять секунд.

А дальше... Все как во сне. Глэдис своим дыханием распыляет пригоршню серого порошка, который летит за угол. Пара секунд — и... время останавливается.

Порошок серебристой пылью оседает на столбенеющих стражей, плавно летит дальше, проникая в каждую щелочку каменного коридора. Мы с Глэдис идем следом за этим сверкающим серебристым облаком, которое расчищает для нас дорогу, превращая все кругом в сонное царство. Это не обыкновенный сонный порошок. Это нечто более сильное, потому что он справляется даже с ведуньями, стоящими на страже в последнем круге.

Я настолько заворожена происходящим, что не замечаю, как мы оказываемся в небольшой каменной комнате. В центре ее стоит странный жезл, увенчанный странным топливным кристаллом. Честно говоря, я никогда раньше не видела таких крупных и столь ярко сверкающих топливных кристаллов. Безупречная огранка! Надо же! Интересно, какой ювелир отважился прикоснуться к нему?

И только тут до меня начинает доходить, зачем я понадобилась старухе.

Ей нужен кристалл! Ну конечно! Всего-то! И зачем создавать такую таинственность? Так бы сразу и сказала.

Верховная Ведунья тем временем достает из-под полы плаща небольшой свинцовый саркофаг, очень похожий на один из тех, в которых транспортируют топливные кристаллы.

Открывает его. С удивлением обнаруживаю там точную копию кристалла, которым украшен жезл.

— Сможешь заменить? Но только не касаясь рукой самого жезла. Это проводник. Он в разы усиливает... — ведунья словно пытается подобрать нужное слово, — эффект от кристалла.

Пожимаю плечами.

— Ладно. Попробую.

Мне не впервой воровать кристаллы. Только обычно приходилось вытаскивать их из упрямой горной породы. Но в принципе какая разница, в чем торчит кристалл? Главное — его оттуда вышибить.

Для начала беру в руки фальшивый. Невольно усмехаюсь, замечая, что Глэдис весьма напряженно наблюдает за моими манипуляциями. Подхожу к жезлу, ловко перекидывая стекляшку из руки в руку. Осматриваю жезл со всех сторон. Интересная штукавина. Раньше я таких не видела. Кристалл крепится на нем с помощью четырех витиеватых держателей. Вытащить его руками вряд ли хватит сил, особенно учитывая, что к самому жезлу прикасаться нельзя. Но вот если как следует шибануть по кристаллу чем-нибудь тяжелым снизу...

— Кристалл крепкий? Не разобьется, если что? — на всякий случай интересуюсь я.

— Крепкий. — Глэдис явно в легкой растерянности от моего вопроса. — Я так думаю. А что ты имеешь в виду под «если что»?

Вопрос Верховной Ведуньи запаздывает, потому что к тому моменту я уже успеваю оглядеться в поисках чего потяжелее, но, увы, не нахожу ничего подходящего. Кроме жезла и подставки, на которой он крепится, в келье ничего нет. Из каменного пола тоже булыжник не выковыряешь. И тут взгляд падает на мои новенькие туфельки. Каблучки как раз подкованы железом, поэтому-то и цокают так по мостовой!

Недолго думая, на глазах изумленной Глэдис снимаю один башмачок и, прежде чем Верховная Ведунья успевает среагировать, со всей дури бью железной набойкой снизу по кристаллу, стараясь при этом не задеть сам жезл.

На мое счастье план срабатывает. Кристалл взмывает вверх и ловко приземляется ко мне в руки. Скользящий, прохладный. Все как обычно. Ничего нового.

Из любопытства верчу кристалл. И что в нем такого особенного? По мне, так ничем не примечательная стекляшка, разницы с прочими топливными кристаллами не нахожу. Поэтому для меня остается полной загадкой столь неадекватная реакция Верховной старухи. Ощущение, что ее вот-вот инфаркт хватит. Глэдис чуть ли не подпрыгивает от нервного напряжения каждый раз, когда я, беззаботно перекидывая кристалл из руки в руку, несу его к саркофагу, чтобы поменять на фальшивый.

Исходник кладу в саркофаг, а липовый кристалл водружаю на жезл. Ну вот вроде бы и все. Оборачиваюсь к Верховной Ведунье.

— Что-то еще надо сделать?

Глэдис заторможенно отрицательно качает головой. Поднимаю саркофаг с кристаллом, хочу отдать ей, но ведунья почему-то отшатывается от него.

— Лучше неси ты.

— Как скажете, дэуза.

Прячу коробку с кристаллом под плащ. Глэдис все еще не сводит с меня изумленного, если не сказать — шокированного взгляда. Не понимаю, почему она так странно реагирует? Она же всегда прекрасно знала, что я могу спокойно брать топливные кристаллы в руки. Ничего особо нового она сегодня здесь не увидела.

— Что-то не так, моя дэуза?

— Все не так, — хрипло отзывается Глэдис. — Но это уже не важно. Пошли. Порошок «Вне

времени» не может действовать вечно.

Дэус Бэр

Уже далеко за полночь, когда на пороге моего дома вновь появляется старуха Глэдис. На этот раз не одна, а с шатерой, лица которой я не могу разглядеть. Незнакомка не соизволила снять ни плащ с капюшоном, ни темную вуаль.

В руках девчонка держит небольшой саркофаг. Не могу отвести от него взгляда. Неужели у Глэдис все получилось? Хитрая, продуманная стерва! Удача вечно на ее стороне!

Но как?..

Вопрос, который я боюсь задать.

Потому что не хочу знать ответа.

Чем меньше знаешь, тем дольше живешь — старая прописная дарийская истина, и ей не стоит изменять. Как бы там ни было, надо поторопиться, потому что никто не знает, как может повести себя кристалл вне Жезла Власти.

— Быстрее, быстрее! Сюда... — веду гостей в дальнюю комнату, подальше от ненужных глаз и ушей, при этом то и дело бросаю украдкой взгляд на саркофаг в руках у девчонки.

О Отар! Неужели в нем лежит тот самый кристалл?! Дающий власть всем правителям Дария! Генерирующий силовое поле нашей планеты!

Но как? Ну скажите, как он мог оказаться в руках у Верховной Ведуньи?! Вернее, у ее помощницы. Интересно, шатера хоть подозревает, какую ценность несет? Или Глэдис просто использует ее для транспортировки кристалла, ничего не объяснив? Скорее всего так оно и есть. Ведунья не дура. Неизвестно, как кристалл может повести себя. А шатеру всегда можно пустить в расход. Одной больше, одной меньше...

— Завтра рано утром я улетаю на Наоки встречать Атарксиса, — на ходу тихо объясняет Глэдис. — Кристалл должен быть под постоянной охраной. И желательно неподалеку от императорского дворца. Поэтому лучше всего, чтобы он хранился у тебя. Я прилечу в День Солнцестояния. После того как все свершится, мы вернем его на законное место.

Киваю. С Верховной Ведуньей не поспоришь.

В старой части моего особняка с незапамятных времен встроен надежный сейф. Глэдис снабдила его мощными заклинаниями, так что открыть эту сокровищницу могут лишь два человека: она и я — хозяин дома. Плохо лишь то, что теперь о существовании сейфа знает и шатера, которая следует с саркофагом за нами. Но с этим уже ничего не поделаешь, разве что Глэдис потом сотрет у девчонки память, обратив ее в серую прислужницу. В любом случае прикоснуться к ящику с кристаллом не хватит смелости ни у меня, ни у Глэдис. С инстинктом самосохранения у нас, хвала Отару, пока все в порядке.

Девчонка осторожно кладет саркофаг в глубину сейфа. Отходит, чтобы не мешать ведунье накладывать заклинания. Украдкой присматриваюсь к незнакомке. Жаль, что не видно ее лица. Даже глаз. Интересно, кто она? Почему Глэдис ей так доверяет?

Вопросы так и вертятся на языке, но задать их не успеваю. Как только сейф оказывается надежно заперт, Верховная Ведунья с девчонкой растворяются в воздухе.

В этом вся Глэдис. Любит уходить не попрощавшись, как, впрочем, и появляться без предупреждения. Когда-нибудь она точно доведет меня до сердечного приступа.

Выждав примерно полчаса, обхожу дом. Мне надо убедиться, что старуха не вернулась. А-то с нее станется. Лишь убедившись, что ведуньи нет, направляюсь в кабинет.

Рука нервно трясется, когда я набираю нужный код по видеосвязи. Ничего личного, Глэдис, просто так сложилась моя никчемная жизнь.

На экране видеосвязи вспыхивает лицо Стива Ромеро — посла Земного Альянса.

— Приветствую тебя, дэус Бэр. Надеюсь, ты порадуешь меня добрыми известиями? — с нескрываемым придыханием интересуется эта невзрачная человеко-тень.

Едва заметно киваю. А что еще отвечать тому, у кого на меня такой компромат... Узнай о нем Дэмонион, моя смерть будет настолько долгой и мучительной, что даже мне — медику — трудно ее представить!

Ада

Странно.

Как-то все уж очень странно.

Не могу понять почему, но чем больше я думаю о том кристалле, тем беспокойней становится на душе. Мерзкое ощущение, будто я сделала что-то очень и очень неправильное. Утешаю себя мыслью, что лишь выполняла приказ Верховной Ведуньи. Так что с меня взятки гладки.

Только легче почему-то от этого не становится.

Ночь мы проводим в Адейре. В небольшом старинном особняке, принадлежащем самой Глэдис. Вот уж не думала, что у нее в столице есть дом. Что она вообще владеет какой-то собственностью. Мне иногда кажется, что Верховная Ведунья не ест, не спит, не пьет, не ходит в туалет... Она будто из какого-то другого, параллельного нам мира. Но похоже, только кажется.

Сплю плохо. Все время снится этот злополучный кристалл, а еще какая-то страшная ругань. Мужской и женский голоса выясняют что-то на повышенных тонах. При этом звук доносится словно из воды. А еще я вижу Аскорэор. Его бесконечные длинные каменные коридоры. Факелы. Веселящуюся Акрабу. Крыс. Бэра. Глэдис. Снова коридоры. Снова кристалл. Эван...

Подскакиваю на кровати в холодном поту.

Вот только Эвана в моих снах для полного счастья и не хватало!

Я давно уже не видела во сне своего мальчишку-альтаирца, потому что запретила себе думать о нем. Но сознательный запрет, увы, не всегда находит общий язык с моим подсознанием. И вот результат.

Чувствую, как наплывает непрошенная тоска по Эвану. Как Же я ненавижу такие моменты своей слабости! Тошно так, что хоть на стенки бросайся. Но вместо этого снова ложусь. Стараюсь думать о чем угодно: об Акрабе, кристалле, Бэре, Глэдис, но только не об Эване. Надо попытаться отдохнуть. Завтра обещает быть непростой день.

Закрываю глаза. Почти сразу проваливаюсь в бездну. Видимо, усталость все же берет свое.

Однако выспаться не успеваю. Мне кажется, прошло лишь несколько минут, как я заснула. Открываю глаза от того, что меня за плечо тормозит костлявая старушечья рука.

— Ада. Просыпайся! У нас много дел.

Соскакиваю в ночнушке на холодный пол. Из распахнутого окна льется яркий утренний свет. Почтительно опускаю голову, при этом успевая подметить, что ведунья, в отличие от меня, уже собралась в дорогу.

— Надеюсь, тебе не надо объяснять, что если хоть одна живая душа узнает о том, что произошло этой ночью...

— Я все поняла, о моя дэуза, — покорно отзываюсь я.

Чего ж тут непонятного? Сперли ночью из императорского замка какой-то странный кристалл. Тут и семи пядей во лбу не надо иметь, чтобы понять: вряд ли нас кто за это по головке погладит. Глэдис-то по-любому выкрутится в случае чего, а я как пить дать крайней останусь! Ни для кого не секрет, что шатер всегда в Руаре первыми в расход пускают. И пусть

формально я не шатера, сути дела, как мне кажется, это не меняет. Девчонка — этим все сказано. Так что еще бы! Конечно, я буду молчать. Это в моих же интересах.

— Вот и умница. В Руар полетишь без меня. Я прибуду туда через несколько дней. Если все пройдет гладко, ты будешь вознаграждена так, как даже мечтать не смела.

Да... Похоже, мои дела совсем плохи. Если Глэдис затеяла какую-то рискованную авантюру, то надо быть полной дурой, чтобы не понимать: лишние свидетели ей не нужны. А я как раз и являюсь во всей этой истории той самой «лишней». Становится совсем невесело, но вида не подаю. Пытаюсь придать своему голосу восторг и беспечность.

— О! Благодарю, моя дэуза!

Отар побери эту старую кочергу!

— Не переигрывай, девочка! Не переигрывай, — насмешливо хмыкает проницательная Глэдис. — Я не избавлюсь от тебя, как от свидетельницы. Ты мне еще пригодишься. И не вздумай деру дать. Из-под земли достану. Убить — не убью. Мне твой дар нужен. Но трепку хорошую задам! Так что, Ада, без фокусов! Ты меня поняла?

Спасибо за предельную честность. Отар приподними и приклепни эту старуху! Ну ничего от нее не скроешь! Изображать блаженный восторг смысла уже нет.

— Ладно, — нехотя соглашаюсь я.

— То-то же. И кстати, передай дэузе Кэролайн, пусть позанимается с тобой артистизмом... Актриса из тебя никудышная. Все на лице всегда написано. Даже сейчас...

Старуха уходит в приподнятом настроении. Чуть позже приезжает сопровождающий, который отвозит меня к планолету. И хотя слова Верховной Ведуньи немного успокоили — если ей действительно нужен мой дар, то я еще точно поживу, — однако неприятный осадок от вчерашней ночи все же остается. Что это был за жезл? Что за кристалл? К сожалению, вопросов оказывается куда больше, чем ответов.

4. ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ

Эван

— Так значит, это и есть Руар? — Я с интересом осматриваю огромный замок с многочисленными башнями, шпилями, тренировочными площадками. — Признаться, ваше величество, не думал, что альтаирцам можно сюда входить. Насколько я знаю, это тайная обитель.

— Ну не такая уж и тайная, раз ты о ней прекрасно осведомлен, — по-доброму усмехается мой собеседник.

Стоим с императором Дэмонионом в одной из самых высоких башен. Отсюда открывается прекрасный вид на весь Руар.

Мы оба в длинных дорожных плащах. Наши лица от посторонних взглядов скрывают капюшоны. Этим утром мы решили прогуляться инкогнито. Император Дария сам вызвался показать мне округу. Насколько я понял, когда-то он тоже проходил в Руаре обучение в касте воинов, поэтому все здесь прекрасно знает. Меня снова посещает мысль, что Дэмониона не меньше моего достала Адейра с ее бесконечной бестолковой суетой, фальшивыми улыбками, политическими играми. Выходит, даже императору иногда хочется вдохнуть глоток свежего воздуха.

— Лекари, ведуньи, воины и шатеры, — задумчиво произношу я, пытаюсь вспомнить все касты Руара. — Я ничего не забыл?

— Нет, все правильно.

Спускаемся по извилистой каменной лестнице, ведущей во двор, где под контролем Верховного Воина парами сражаются на дредах воспитанники лет девяти-десяти. Мальчишки все как один сильные, ловкие, с впечатляющей для их возраста мускулатурой.

— Прекрасные воины! — не могу не отметить я.

— О да! — Император с гордостью любуется мастерством и сноровкой маленьких подданных. — В Руаре собраны лучшие. Их генофонд проверен поколениями. Здесь нет ни одного случайного ученика.

Мимо нас проходит стайка смеющихся красивых девушек. Невольно провожаю их взглядом. Это не ускользает от внимания императора.

— Нравятся?

Понимаю, что врать не имеет смысла.

— Да. Шатеры?

— Выбирай любую. Дарю.

Поднимаю удивленный взгляд на Дэмониона. Он говорит о живых людях так, будто это вещи.

Император, в свою очередь, смеется. Его явно забавляет моя растерянность.

— Мальчик мой, я же видел, какими глазами ты смотрел на днях на ту танцующую поселянку. Не смущайся. В этом нет ничего такого. У меня в твои годы было много женщин. Правда, мне было куда проще завоевать их внимание: я был императором, дарийцем и находился на своей планете.

Должен признать: в чувстве юмора Дэмониону не откажешь. Но во многом он прав. Довольно трудно завести романтические отношения с понравившейся девушкой-дарийкой, если ты — альтаирец.

— Бери любую. Не для души, так для тела. Долгое воздержание мужчине, будь то дариец,

альтаирец или землянин, на пользу никогда не шло, — продолжает философствовать собеседник, на ходу показывая на одну из девушек. — Красивая фигура, блестящие волосы. Или вон та. Она поминиатюрнее будет.

— А что думают об этом сами девушки? Что их отдают, как вещи.

Император смеется еще сильнее, будто я только что произнес очень удачную шутку.

— Это не девушки. Это шатеры. Они не думают! Лишь выполняют приказы. Их главное предназначение — ублажать хозяина в постели, быть интересной собеседницей, а уж потом все остальные дела.

Невольно вспоминаю о том, с каким воодушевлением Ада мечтала стать шатерой. Внутри меня все холодеет. Стараюсь говорить как можно спокойнее, чтобы Дэмонион не заметил моей дрожи от гнева в голосе.

— Но я всегда считал, что шатеры по большей части работают переводчицами, помощницами высокопоставленных чиновников...

— И это, конечно, тоже, но все же их главная задача — утеха и услада мужчины, к которому они приставлены. Согласись, кого попало в постель тому же послу или сенатору не положишь. Их же после секса и на разговор потянуть может. Зачем нам такая утечка информации? А тут дальше шатеры сведения не уйдут. — Развеселившийся император сегодня явно в ударе. — Шатеры образованы, достаточно умны и, как ты успел заметить, красивы. Так что... выбирай любую. Не прогадаешь. Они все тут девушки с опытом. Обещаю, в постели скучно не будет. Поверь, на собственном опыте знаю, что говорю.

Лучше бы не говорил. Потому что прямо на нас, задумавшись о чем-то своем, быстрым шагом идет еще одна совсем юная шатера в развевающемся алом платье, женственно подчеркивающим талию и грудь. К великому сожалению и разочарованию, я узнаю в этой ошеломительно красивой девушке мою Аду.

Точнее — больше не мою.

Меня охватывает такая злоба, что хоть кричи. Будь моя воля, прямо сейчас убил бы Адамаск за ее глупость, наивность и продажность! За то, что она, сама того не желая, стала такой же, как ее мать — беспутная Акраба!

Отец Марк оказался прав! На Дарии не уйти от судьбы: дочь все-таки повторила историю потаскушки-матери. Больше всего меня задевает, что Ада выглядит вполне довольной.

Мне стоит огромных усилий сдержать бурю в душе. Гнев, ненависть, злоба, ярость, ревность переполняют, не дают спокойно дышать. Осознание, что моя дарийка — моя законная жена! — принадлежала другому мужчине, убивает.

Мне хочется остановить Аду, наорать на нее, но вместо этого я...

Ада

— Чего?! — тупо смотрю на Верховного Воина, стоящего спиной ко мне перед окном у себя в кабинете.

Я отказываюсь верить собственным ушам! Не успела Глэдис улететь с Дария, и на тебе!

— Личный приказ императора, — с непробиваемым спокойствием отзывается Карл, не поворачиваясь. — Это не обсуждается.

Ну уж нет! Еще как обсуждается!

— Но я не шатера! Я из касты воинов! — во мне бурлит возмущение.

Не хватало только, чтобы, пока старуха отсутствует, меня подложили в постель к какому-нибудь старому зажавшемуся дворянину-извращенцу! Да я лучше руки на себя наложу. Точнее — на него.

— Им что, других шатер мало?! Их же в Руаре пруд пруди! Бери любую — не хочу! — не понимаю я.

— Да я откуда знаю, почему именно ты им понадобилась?! — не выдерживает, взрывается дэус Карл.

Ого! Таким я Верховного Воина еще никогда не видела! Похоже, ему самому этот странный приказ императора не по нутру.

— Тебе просто крупно не повезло, девочка! Вот и все. Ты оказалась не в том месте и не в то время. Я представления не имею, где и когда ты умудрилась попасться на глаза этому высокопоставленному гостю! Так что смирись — теперь ты его подарок. Приказы императора не обсуждаются!

— Ну знаете!..

Высказать до конца свое возмущение я не успеваю. Наставник обрывает на полуслове:

— Адамаск! Утихомирься и смирись. Это всего лишь тело. Тебе шестнадцать. Многие шатеры приступают к работе, будучи и помладше тебя. — В голосе дэуса Карла отчетливо слышится усталость. — Не понимаю, почему я должен с тобой нянькаться! Что-то объяснять! Это приказ императора! Ты часть Руара, а Руар принадлежит ему!

В упор смотрю на Верховного Воина. Карл отводит взгляд.

— У тебя все равно никогда не будет семьи, — тихо объясняет он. — И лучше, чтобы детей тоже не было, иначе их заберут сразу же после рождения, чтобы воспитать здесь — в Руаре. И ты никогда не узнаешь, кто из сотен воспитанников твой ребенок, поэтому... Поговори с Мэд. Пусть она тебе все объяснит, как не допустить... Отар вас всех поberi! — Карл срывается. — Только я ваши женские дела еще и не разбирал! Не вовремя улетела Глэдис! Не вовремя!

Еще как не вовремя! Старуха бы такого кошмара не допустила!

Смотрю на Карла и удивляюсь. А ведь ему, похоже, тошненько от этого приказа. Несмотря на всю его антипатию ко мне, роль сводни Верховному Воину явно не по душе. Интересно почему? Особой любви он ко мне никогда не питал и секрета из этого не делал...

— Почему вам не все равно? — неожиданно даже для самой себя спрашиваю я и тут же пугаюсь собственной наглости.

Если честно, я не надеюсь услышать ответ. Но люди иногда удивляют.

— Потому что история повторяется. Отар вас всех поberi! Много лет назад я точно так же отправил к первому хозяину одну молоденькую шатеру. Она не хотела идти. Но я не дал ей сбежать. Лично сопровождал до покоев того зажавшегося императорского родственничка. — В голосе воина звучит неприкрытая злоба с нотками безгливости.

Ого! Да по меркам предельно сдержанного Руара это почти бунт!

— Ее звали Таисья... Она была... не чужим мне человеком.

До меня не сразу доходит смысл слов Карла.

Таисья...

Ну конечно же! Я должна была догадаться раньше...

Моя мать. Глэдис, видимо, сказала Карлу, чьи мы дети. И это спасло мне жизнь! Вот почему Карл все эти годы закрывал глаза на мои выходки! Не избавился от меня. Ради нее. В память о ней... Таисье.

Судорожно соображаю. Вряд ли они были любовниками. В Руаре категорически запрещены межличностные отношения между кастами. Но они могли быть друзьями... А это еще хуже для них.

Еще раз прокручиваю в голове слова Карла. Картина вырисовывается совсем безрадостная. Получается, моя мать не хотела становиться беспутной, такой, как Акраба! Ее заставили.

Как сейчас заставляют меня.

Получается, что я совсем не знаю собственную мать. И от осознания этого мне становится не по себе.

— Что будет, если я откажусь?

— В лучшем случае — убьют, — устало отзывается Верховный Воин. — Я сам сверну тебе шею. Причем с удовольствием. Мне твое вечное своеволие поперек горла сидит.

— А в худшем?

— Станешь серой прислужницей. Но перед этим тебя все равно отдадут на потеху хозяину. Сама знаешь: Руару не нужна непокорная шатера.

М-да... Куда ни глянь, перспективы одна радужнее другой.

— И самое главное... — добавляет Карл. По интонации заранее понимаю: ничего хорошего точно не скажет. И оказываюсь права. — Ты должна будешь не просто ублажить этого гостя. Твоя задача — постоянно находиться рядом с ним, а когда придет время... Убьешь его. Любым доступным способом. Здесь тебе император предоставляет полную свободу действий.

Спасибо и на этом. Хоть прирезать урода разрешили.

Поднимаю на Верховного Воина удивленный взгляд. Ничего себе подарочек приготовил Дэмонион для близкого друга! Впрочем, чему я удивляюсь? Это Руар! Это Дарий! Такие слова, как дружба, честь, верность, здесь никогда не были в чести.

Эван

— Ваше высочество, я так благодарен вам за помощь!

Стив Ромеро — посол Земного Альянса, тщедушный мужчина в строгом черном костюме, чьих редких волос уже давно коснулась седина, склонился в почтенном поклоне.

Признаться, никогда не мог понять своего отношения к нему. С одной стороны, грех жаловаться: посол Земного Альянса с самого первого дня моего пребывания на Дарии поддерживал меня во всем, выполнял все мои просьбы и пожелания, но с другой... Неуловимое «что-то» всегда заставляло меня держаться настороже с этим на удивление услужливым человеком.

Впервые за годы нашего знакомства Стив Ромеро лично обратился ко мне с просьбой о небольшом одолжении — передать в случае скорого возвращения на Альтаир дарийские подарки его дочери — моей давней приятельнице Айрис. Симпатичной, неглупой, томно-болезненной блондинке, которая недавно осталась вдовой, не успев пробыть в выгодном браке, устроенном ее отцом, и года.

— Вы уж простите, что обременяю вас, ваше высочество, но, как вы знаете, досмотру на границе не подлежат только Дипломатические звездолеты, а дочка заказала столько всего, что, боюсь, такое количество подарков можно запросто принять за контрабанду, — шутит посол. — А с этим на Дарии строго. Сами знаете, ничто не радует так женщин, как драгоценности и дарийские ткани!

Ромеро торопливо открывает увесистый сундук, который за несколько минут до этого в мою спальню занесли слуги. Он действительно полон дорогими тканями и резными шкатулками.

— Гарантирую, эти драгоценности не имеют никакой исторической ценности. По большей части тут просто безделушки, — поясняет Ромеро, по очереди открывая шкатулки с украшениями. — Нет никакого запрета на их вывоз с Дария, но лично меня смущает, что дочка заказала все в таких, не побоюсь этого слова, промышленных масштабах, что на таможне могут придраться! Женщины! Что тут еще скажешь?

Невольно усмехаюсь. Если бы посол знал, в каких масштабах я помогаю друзьям-повстанцам вывозить с Дария беглых военнопленных, то понял бы, что его просьба — легко

выполнимая мелочь.

Наконец Ромеро уходит. Выхожу на балкон. С наслаждением вдыхаю аромат свежескошенных трав и полевых цветов, перемешанный с запахом легкого морского бриза. С годами мои легкие почти полностью адаптировались к воздуху Дария. Приступы кашля и удушья случаются все реже и реже. Порой меня посещает забавная мысль, что когда я вернусь на Альтаир (если вернусь), то придется потратить еще пару лет, чтобы привыкнуть к родному альтаирскому воздуху.

Стараюсь думать о чем угодно: о заливных лугах Дария, о необычных тренировках мальчишек-воинов, которые я видел сегодня во дворе Руара, о несколько странной просьбе дэуса Ромеро, лишь бы не о том, что звезда Сатаба неумолимо движется к горизонту.

Чувствую, как внутри все начинает дрожать при одной лишь мысли, что сегодня ночью она будет здесь. У меня. В моей спальне.

Господи, да что на меня нашло? Совсем голову потерял от гнева... Зачем я попросил Дэмониона подарить мне именно эту шатеру?

Ворох вопросов, ответы на которые я не нахожу.

Что я скажу ей? Что сделаю? Как поведет себя Ада? Узнает ли меня спустя столько лет?

Вряд ли. Думаю, мы оба сильно изменились. И внешне, и в душе.

Кем я был для нее? Соседским мальчишкой? Обузой, с которой ей приходилось общаться из жалости, по просьбе священника? Значил ли я хоть что-нибудь для нее?

Сомневаюсь.

Иначе она бы не ушла в тот злополучный вечер. Не променяла меня на призрачный Руар, чтобы стать одной из них — тех, кого продают и дарят.

Шатерой.

Гнев, злоба, обида вновь овладевают сердцем и разумом.

Что ты делаешь со мной, Адамаск? Почему при одной мысли о тебе я превращаюсь в эгоистичное чудовище? Чудовище, которое никогда не смирится с мыслью, что ты уже никогда не станешь по-настоящему моей.

Ада

На улице темнеет прямо на глазах, но мне это только на руку. Осторожно выглядываю из окна каменной обители Глэдис. Из столовой стайками выходят ученики, значит, ужин подходит к концу. Стоит поторопиться. Нельзя, чтобы кто-то заметил мое отсутствие в обители шатер.

Оглядываюсь. М-да... Мрачно, сыро, серо. Повсюду какие-то колбы, склянки, сушеные травы. Над камином — огромный закопченный котел. А еще заросли пыльной паутины под потолком. Глэдис, по только ей ведомой причине, запрещает серым прислужницам убирать ее оттуда. Милая обитель ведуньи — по-другому и не скажешь.

В Руаре все панически боятся Глэдис. Наверное, поэтому она даже замок нормальный на дверь повесить не удосужилась. Ну какому самоубийце придет в голову без спроса наведаться в комнаты Верховной Ведуньи?

Я, естественно, не в счет.

Попасть сюда оказалось проще простого. На двери обыкновенный замок, который без труда вскрывается трансформирующимся дредом. Кстати, странно, что еще никто из воинов не додумался превращать силой мысли дред в отмычку. Ведь это же логично: если дред по твоему желанию может превращаться в нож, меч или копье, то что ему мешает стать, например, открывашкой? Отвечу сразу: ничего. Я уже такое проделывала, и не раз. Прекрасно открывает банки с вареньем, между прочим!

При мысли об этом нервно хихикаю. Представляю лицо Верховного Воина, застукай он меня на кухне, когда я священным оружием воинов очередную консервную банку вскрываю!

Еще раз осматриваюсь. Интересно, где она хранит сонный порошок? Наверняка у Глэдис есть его запасы.

Я и раньше бывала в обители Верховной Ведуньи, так что неплохо здесь ориентируюсь. Старуха несколько раз тщетно пыталась выискать у меня способности ведуньи, но все закончилось провалом. Магического таланта во мне ноль. Только и могу, что кристаллы тырить да в неприятности ввязываться. Но сегодня я как раз, наоборот, хочу выбраться из одной.

План до абсурдности прост: вырублю «хозяина» снотворным порошком, стащу у него все ценное — и была такова! До утра меня точно не хватятся, а потом еще сутки в Руаре искать будут. Вряд ли кто-то додумается, что я, в отличие от остальных руарцев, свободная и могу беспрепятственно проходить сквозь силовой купол. Брат не проболтается. Мэд свои подозрения тоже не выдаст — закосит под дуру, как всегда. Время будет выиграно. Я как раз успею найти способ добраться до Адейры, а там уже проще. Ищи-свищи меня в мегаполисе! Залягу в трущобы. Туда все равно никто из имперских стражей не сунется.

Одна беда — сонного порошка-то нигде нет! Тщательно перерываю все. Наконец с облегчением нахожу заветный мешочек с порошком в верхнем ящике стола. Отар побери! Порошка лишь на доньшке. Надеюсь, мужик окажется не слишком крупным и этого хватит, чтобы на несколько часов отключить его. Убивать «хозяина» не хочется. Не люблю марать руки в крови, но если потребуется... Значит, так тому и быть. Выполню приказ императора о ликвидации его «дорогого друга» раньше времени, вот и все. Потому что повторять судьбу своей матери я по-любому не собираюсь!

* * *

Дорожная сумка с вещами уже спрятана в кустах неподалеку от границы силового поля. Сейчас самое главное — раздобыть побольше дар, а то без них я не доберусь до Адейры. К сожалению, нам не положено иметь личные сбережения. Руар обеспечивает всем необходимым, поэтому здесь в дарах просто нет нужды. Другое дело, что покровители часто дарят шатерам драгоценности, но если я сейчас стащу хоть что-то из украшений у девчонок, они сразу поднимут шум. А этого мне не надо. Остается одна надежда на толстосума, которому меня подарил император. Надеюсь, он держит в спальне много дар!

Остается мелочь — привести себя в порядок перед походом к императорскому «дорогому гостю». Мой вечерний уход из обители шатер не должен ни у кого вызвать подозрения. И в этом деле мне должна помочь первая модница Руара — Мэд.

* * *

— Молчи. Я не хочу ничего знать, — шипит раздосадованная Мэд, потуже затягивая корсет моего изумрудного платья.

Бросаю недовольный взгляд в зеркало. Да... Видок у меня еще тот. С одной стороны, платье длинное, пышное, довольно закрытое, но с другой... Оно весьма эффектно подчеркивает все мои формы, делает их куда более женственными. От этого мне становится не по себе. Хочется как минимум набросить что-нибудь на декольте. В прошлый раз для полета в Адейру Мэд тоже сама выбирала мне платье, но оно даже близко не было столь... откровенным, что ли...

Еще меня очень интересует вопрос: смогу ли я расшнуровать платье без посторонней помощи после того, как выйду за пределы силового поля Руара? Удобная дорожная одежда лежит в рюкзаке, но как я буду избавляться от этой?! Не дредом же разрезать. Чисто по-женски жалко.

— Сильно не затягивай. И завяжи простым узлом, чтобы легко было расшнуровать.

— Не беспокойся. Покровитель поможет, — хмыкает ехидная соседка, но хватку все же ослабляет. — Они все в этом мастаки.

Решаю не комментировать, хотя крепкое словцо так и вертится на языке.

Смотрюсь в зеркало. Ну вот и все. Кажется, я готова. Пока накидываю плащ, ко мне подходит мрачная нервная Мэд. Надо сказать, она весь вечер какая-то не такая.

— Держи.

С удивлением смотрю на небольшой бархатный кошелек. Высыпаю на ладонь дары. Их немного, но это уже хоть что-то!

— Откуда они у тебя?! Зачем?

— Не задавай глупых вопросов, — фыркает подруга, торопливо отворачивается. — А теперь проваливай с глаз моих.

Мэд... Мэд... Мэд...

Она не перестает меня удивлять. Своим умом, сердцем, Проницательностью...

Верностью.

И откуда только в ней все это? Уж точно не из Руара, где все человеческие чувства, порождающие привязанность между людьми, находятся под строжайшим запретом.

За прошедшие годы Мэдлин умудрилась стать мне подругой. Ведь она точно догадалась о моих планах и не сдала дэусу Карлу.

По крайней мере я искренне на это надеюсь.

* * *

Вечернее малиновое зарево на глазах заливает закатное небо, постепенно превращаясь во тьму. Северная резиденция императора располагается чуть западнее Руара. Дойти до нее пешком лично для меня не составило бы никакого труда, но по правилам обители шатера для высокопоставленного гостя должна быть доставлена к нему в паланкине. Наверное, боятся, что она запачкает о землю платье. Или того хуже — просто не дойдет в целости и сохранности до «хозяина». И немудрено! В столь откровенном наряде без плаща я бы тоже не отважилась разгуливать без охраны вне Руара. Так что, если им так хочется, пусть тащат меня на носилках, которые на деле оказываются весьма удобной штукой.

Во-первых, сидеть на подушках удобно. Во-вторых, не надо ковылять на каблуках в новеньких туфельках (которые, к слову, нестерпимо жмут) по каменной дороге. А в-третьих, шатер на паланкине устроен так, что снаружи тебя никто не видит, зато ты спокойно можешь любоваться окрестностями: внутри ткань практически прозрачная. Именно это позволяет мне как следует рассмотреть весьма разношерстных слуг моего предполагаемого хозяина.

Меня очень удивляет, что среди прислуги, снующей во дворе, встречается довольно много землян и... О боже! Альтаирцев! Это уже что-то новенькое. Хоть между нашими империями вот уже несколько лет существует перемирие, но все-таки скопление такого количества народа с разных планет не может не изумлять.

Паланкин останавливается возле черного входа. Шатерам, даже при всем их особом положении, не дозволено входить с парадного.

Пожилая прислужница-дарийка ведет меня на второй этаж дворца. Оставляет перед мощной деревянной дверью.

Перед тем как войти, медлю. Пытаюсь предугадать, что, а вернее — кто ждет меня за этой дверью. Дарийский изнеженный вельможа? Старый хрыч или, наоборот, избалованный молокосос? Ну ничего, скоро выясню.

Оглядываюсь. Отар меня побери! Да вокруг просто вопиюще непозволительная роскошь! Чтоб я так жила! Взять хотя бы вон те сверкающие глаза у золотой статуи. Что-то мне подсказывает — это не просто стекляшки. Интересно, они крепко вставлены? Или все же удастся выковырять парочку, когда буду убегать отсюда?

Делаю последние приготовления: проверяю, на месте ли Дред, спрятанный в складках платья, нащупываю кожаный мешочек с сонным порошком. Задержав дыхание, заблаговременно высыпаю его в ладонь. Торопливо сжимаю в кулаке. Не хватало еще только самой им надышаться и отключиться прямо в коридоре.

Ну вот. Вроде все готово к встрече с уродом, которому меня подарил император Дэмонион. Остается малость — постучаться в дверь.

Эван

В комнате полностью погашен свет. Стою возле распахнутых дверей балкона, вслушиваясь в звуки вечера — стрекот цикад, пение неугомонных птиц. Издалека, со стороны поселения, доносится едва уловимая деревенская музыка.

Прохладный ветер дует в лицо, спутывая мои волосы, которые за последнее время умудрились отрасти почти до плеч. Не будь они светлыми, с такой прической меня вполне можно было бы принять за дарийца. На родном Альтаире мужчины все как один отдают предпочтение коротким прическам. Однако, прожив столько лет на Темной планете, я, кажется, начинаю невольно перенимать обычаи, привычки, вкусы ее обитателей.

Звезда Сатаба окончательно скрылась за горизонтом. Малиновое зарево превратилось в черное звездное полотно, на котором вольготно расположились ночные светила — блеклый Тус и лучезарная Наоки. Ловлю себя на мысли, что на моем родном Альтаире, с его искусственно созданными эко-дизайнерами выверенными пейзажами и стабильной усредненной погодой, мне будет не хватать природного хаоса Дария: бескрайних нетронутых равнин, пугающих гор, опасных скал, мощных волн океана. Палящей летней жары и пронизывающего катарского зимнего холода.

Планета контрастов. Странная планета. Самовозрождающаяся. Такая непохожая ни на «правильный» размеренный Альтаир, ни на высокотехнологичную Землю, на которой уже давно не осталось почти никаких природных ресурсов из-за хищнической эксплуатации недр корпорациями. Леса почти полностью уничтожены, океаны отравлены...

Да. Мне будет не хватать этого дикого необузданного Дария, с его варварскими, но при этом предельно однозначными, не терпящими трактовок, законами и устоями. Темной планеты, где жизнь неразрывно связана со смертью.

Парадокс! Нигде и никогда я не был так счастлив и так свободен, как на «варварском» Дарии. Даже в нищем промозглом Катаре у меня было куда больше свободы, чем на Альтаире в императорском дворце. Только здесь мне была позволена такая роскошь, как быть собой. Без кучи наставников, которые контролировали бы каждый мой шаг, регламентируя, что мне думать, что чувствовать. Без обязательных антиэмпатических вакцин. Надо же... Оказывается, мне есть за что поблагодарить Дарий.

Я настолько ухожу в свои мысли, что не сразу замечаю, как дверь спальни приоткрывается и

на пороге возникает она...

Моя Адамаск.

Ада

На мой стук никто не ответил, поэтому я решила зайти в комнату сама. В конце концов, меня сюда приглашали.

Глаза не сразу привыкают к темноте, царящей в спальне. Не горят даже свечи. Контуры дорогой мебели прорисовываются исключительно благодаря тусклому серебристому свету Туса и Наоки, проникающему в спальню через огромные балконные окна.

Все мое внимание приковано к мужской фигуре, стоящей спиной ко мне у входа на террасу.

Признаться, я ожидала увидеть кого угодно: старика-извращенца, жирного зажавшегося аристократа-дарийца, жеманного молоденького придворного, но не крепкого молодого парня. Ему-то зачем понадобилась шатера? Я не вижу его лица, но и одного взгляда на фигуру хватает, чтобы понять. У такого точно отбоя от девок нет!

Высокий, статный, мощный. Ветер, проникающий в комнату, развеивает его плащ и довольно длинные — по плечи — слегка волнистые волосы, которые кажутся не по-дарийски излишне светлыми. Жаль, что в темноте не получается как следует его рассмотреть. Вижу только очертания фигуры. Однако что-то в этом мужчине сразу настораживает меня. Нутром чую: от него исходит опасность, агрессия и в то же время... Он тянет меня к себе как магнит. Словно замороженной, хочется подойти, прикоснуться к нему...

Кажется, я на нервной почве совсем сошла с ума!

Вспоминаю про сонный порошок, зажатый в кулаке.

Отар его побереи! Я-то рассчитывала увидеть изнеженного вельможу, а не крепкого парня, которому я ростом едва достаю до плеча, даже на каблуках. Делать-то что с ним прикажете?! А если сонного порошка не хватит, чтобы вырубить этого великана? Мне что тогда — дред доставать? А где гарантия, что парень окажется менее искусным воином, чем я? Он же мне и без дреда шею одной левой свернет.

Паника, порождающая кучу судорожных вопросов, лавиной накрывает меня. Однако вида, что нервничаю, стараюсь все же не подавать. На всякий случай склоняюсь в вежливом поклоне. Как и подобает благовоспитанной шатере, опускаю глаза.

— Добрый вечер, мой господин! Его императорское величество приказали мне явиться к вам в качестве вашего подарка.

Мне кажется или парень зло усмехается?

— И часто тебе приходится дарить себя незнакомым мужчинам? — Тихий насмешливый голос. Низкий. С легкой хрипотцой. Мэд бы понравился. Она с ума сходит от такого... — Ты не ответила.

Последняя фраза звучит не то как упрек, не то как приказ, и мне это совсем не нравится. Похоже, мой «хозяин» еще тот тиран. Ну что ж, раз он считает меня беспутной, пусть так и будет... Мне-то какое дело? Все равно через несколько минут я отсюда свалю.

— Я опытная шатера, мой господин, — отвечаю как можно более подобострастно, одновременно прикидывая, насколько близко надо подойти, чтобы сонный порошок точно долетел до его лица. Иначе что я с этим амбалом делать-то буду?

— Нравится быть шатерой? Устраивает, что каждый раз тебя отдают новому хозяину?

Нет, ну точно извращенец! Далась ему моя отсутствующая бурная постельная биография! Мэд как-то рассказывала мне про таких. Сами в постели ничего толком не могут, вот про похождения других расспрашивают. Только этот, если честно, не очень походит на убогого в

постельных делах. Слишком уж молод и крепок.

— Конечно, мой господин, — всю заливаю я, — для меня нет большего счастья, чем ублажать очередного хозяина.

Надеюсь, сейчас он подзовет меня поближе, и тогда... Сонный порошок уже наготове!

— Уйди... — внезапно зло, почти брезгливо бросает мне мужчина.

— Чего?! — От растерянности забываю про роль томной шатеры, которую должна изображать.

Нет, я, конечно, планировала отсюда смыться. Но что все будет так просто... Это как-то даже разочаровывает.

Поднимаю глаза на несостоявшегося «хозяина», и изумление утраивается.

Парень оборачивается.

И тут до меня доходит, что в этой «картинке» было изначально не так. Передо мной стоит не дариец! Не землянин! Это альтаирец!

Ну это уже нечто совсем из ряда вон выходящее! Чтобы шатеру подкладывали под альтаирца? Отродясь о таком не слышала! Явный перебор! Мы же из разных рас! Интересно, чем император думал, отправляя меня сюда? Уж точно не головой!

Первоначальный шок проходит, уступая место любопытству. Внаглую рассматриваю парня.

Молодой, по-мужски красивый. Язык не повернется «смазливый» назвать. Никогда раньше таких не встречала. Мэд наверняка назвала бы его «породистым». Сразу по лицу видно — аристократ.

А еще глаза. Такие... пронзительно-синие...

Смотрю в них и понимаю, что тону в омуте собственной памяти.

Однажды я уже точно видела где-то этот взгляд. Но где именно — вспомнить не успеваю. Разъяренный парень уже почти рычит мне:

— Ты что, глухая? Я сказал: уходи!

— Но...

Невольно вспоминаю, каким страшным оказался в гневе мой друг — мальчишка-альтаирец. А ведь Эван был еще совсем ребенком. Как поведет себя этот великан, если разозлится, даже представить страшно. Поэтому послушно пячусь к двери.

— То есть мне не надо вас ублажать? — растерянно лепечу я.

— Я не делю постель со шлюхами.

Злые слова незнакомца производят эффект пощечины.

Это я-то шлюха?!

Высокомерный высокоморальный кретин! Сам-то небось не соизволил сразу отказаться от императорского подарка — от такой «шлюхи», как я!

Да плевать мне на него! Сейчас надо о другом подумать. С пустыми руками я из этой комнаты уйти не могу! Дар, что мне дала Мэд, не хватит, чтобы добраться до Адейры. Так что...

Замечаю в углу раскрытый массивный сундук, полный дорогих тканей и главное — футляров с драгоценностями. У Мэд есть несколько таких же — подарки от покровителя. Что ж! То, что лекарь прописал! Будет чем поживиться! Но для начала надо подобраться к парню поближе, иначе, боюсь, я впустую потрачу сонный порошок.

— Хозяин, неужели вам не хочется попробовать меня на вкус? — игриво спрашиваю я и как можно более грациозной походкой направляюсь к слегка растерянному альтаирцу.

Делаю очередной шаг и чуть не теряю равновесие вместе с вымученной грациозностью. Долбаные новые туфли! Жмут, хоть вой! И какой садист такие высоченные каблуки придумал?! Зря, однако, воины считают, что у шатер легкая работенка, ой как зря.

Дебильное выражение «попробовать на вкус» я слышала от шатер, которые, хихикая,

делились опытом по соблазнению мужчин. До сих пор толком не понимаю, что эта странная фразочка значит, но вроде бы использовала ее к месту. Главное — подойти к альтаирцу поближе. А уж какую чушь я несу — не столь важно.

Дальше все происходит настолько быстро, что я полностью теряюсь. Старательно улыбаясь, подхожу к альтаирцу, который смотрит на меня с нескрываемым разочарованием. Сильнее сжимаю в кулаке за спиной сонный порошок. Когда между нами остается меньше метра, альтаирец невесело усмехается.

— Ты правда этого хочешь, Ада?

— Хочу! — страстно выдыхаю я, намереваясь набрать побольше воздуха в легкие, чтобы затем задержать дыхание... Но не успеваю, потому что...

— Будь по-твоему.

Прежде чем успеваю сообразить, что происходит, альтаирец резко притягивает меня к себе и властно целует. От прикосновения его губ по телу пробегает неведомая мне доселе дрожь. словно по венам вместо крови пустили кипяток... Тело предательски капитулирует. Руки и ноги становятся ватными. Настойчивые губы альтаирца полностью выбивают из колеи.

Настойчивые и такие... родные.

Я никогда раньше не целовалась с мужчиной, наверное, поэтому так и растерялась... Да, я просто не была готова! Другого оправдания своему позорному поведению я просто не нахожу.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем ко мне возвращается сознание. Я настолько возмущена и разгневана хамским поведением парня, что резко отталкиваю его и со всей дури влепляю пощечину, после чего бросаю в удивленное лицо сонный порошок.

— Драг недобитый!

— Что ты де...

Изумленный альтаирец отключается быстрее, чем успевает договорить фразу. Его синие глаза мутнеют и сонно слипаются.

Слава богу! Порошок подействовал! Толкаю обмякающее тело альтаирца на кровать. Не хватало только, чтобы он расшиб голову о каменный пол. Предпочитаю все же отвечать за воровство, а не за убийство иноземца.

Не теряя больше ни секунды, бросаюсь к сундуку. Да тут же куча драгоценностей! Жаль, все не вынести. Перерываю сундук до дна в надежде найти деньги. Внезапно внизу нащупываю знакомую резьбу. Ого! Двойное дно! Я видела похожие в Катаре. В таких обманках обычно прячут контрабанду. Ничего себе! Оказывается, альтаирец не так-то прост!

Наверняка там спрятаны деньги! Выкидываю все содержимое сундука на пол. Ловко вскрывая дредом двойное дно. Убираю крышку и...

Отказываюсь верить собственным глазам!

Нет. Это уже даже не смешно. Он что, меня преследует?!

Мое искреннее изумление и возмущение вполне можно понять, ведь на дне сундука лежит тот самый саркофаг, который я оставила в хранилище Бэра.

Чтобы убедиться в догадке, вскрываю саркофаг. Так и есть — у меня в руках вновь украденный мной же кристалл.

Ничего не понимаю. Как он мог попасть к этому высокомерному альтаирцу?! Глэдис же на моих глазах запечатывала сейф у Бэра!

Бэр... Мелкий толстый предатель! Конечно, это его рук дело! Он в сговоре с альтаирцем! Интересно, кто вообще этот парень и зачем ему понадобился кристалл? Вряд ли такому богатому человеку нечем заправлять свой звездолет.

Оборачиваюсь к безмятежно спящему парню. Осторожно подхожу ближе. Надеюсь, не проснется. Кто знает, как действует сонный порошок на альтаирцев...

Вглядываюсь в черты лица.

Это так странно... Такие знакомые черты.

Не могу понять, где я раньше видела его?

— Ты правда этого хочешь, Ада? — В моей памяти вновь звучит голос альтаирца.

Ада...

И тут до меня запоздало доходит, что с самого начала в этой «картинке» было не то... Я не говорила ему, как меня зовут.

По телу во второй раз за вечер пробегает холодная дрожь. Дышать становится тяжело. Пугающая догадка парализует.

Этого просто не может быть!

Это какое-то недоразумение!

Этот альтаирец... Это не может быть он!

* * *

Проселочная дорога. Вечерние огни соседской деревушки. Прохладный ветер в лицо. Если повезет, из-за поворота вот-вот вывернет повозка и какой-нибудь сердобольный поселянин согласится довезти меня до городка Сариты, откуда я точно смогу на попутках добраться до Адейры. По крайней мере в своих мечтах. Потому что в реальности я сижу на полу, забившись в угол в спальне альтаирца, и не свожу глаз со спящего парня.

Он или не он?

В голове не укладывается, что некогда худенький, болезненный, несуразный мальчишка мог вымахать в такого красавца-исполина. Но знакомые черты лица, эти бездонные синие глаза сеют в мою душу сомнение. Сковывают руки и ноги. Я не могу уйти отсюда, не узнав...

Он или не он?

С другой стороны, я просто отказываюсь верить, что передо мной Эван...

Мой добрый, великодушный мальчишка-альтаирец никогда бы не поступил со мной так грубо. Не сказал бы все те ужасные слова, что произнес этот незнакомец. А еще... Он никогда бы не осмелился меня так поцеловать. Ведь мы же друзья. По крайней мере были ими когда-то в Катаре.

Разум кричит, чтобы я, прихватив драгоценности, как можно быстрее сматывалась, но сердце... Даже если Эван и превратился в тирана, я должна предупредить, что император Дария хочет убить его.

Из открытого окна веет холодом. Сидеть и дальше на ледяном полу нет смысла. Только заболеть мне для полного счастья и не хватало. Отар поберей этот сонный порошок! Не имею представления, как долго он будет действовать на альтаирца. Надеюсь, парень не проспит неделю. Так долго ждать его пробуждения я не смогу. Оставляю записку — и была такова. Хотя... Есть большой риск, что записка окажется не в тех руках. Нет. Лучше все же остаться. Еще немного подождать.

Но не на холодном полу. Встаю. Подхожу к террасе. Плотно закрываю двери, задерживаю шторы. Осматриваюсь. Можно, конечно, примоститься на кресле, но к утру у меня затечет все тело, поэтому...

Кровать широкая. Здесь хватит места и двоим. К тому же мне не впервой спать в одной постели с Эваном. В детстве, когда случалась гроза, а мне приходилось ночевать в доме священника, я всегда заваливалась к мальчишке-альтаирцу под бок. Эван тоже был не в восторге от дарийских гроз. Вдвоем бояться не так страшно.

С сомнением смотрю на спящего мужчину. Я все еще не могу поверить, что это Эван! Невольно разглядываю сильные, мускулистые руки... Жесткие губы, которые так нагло целовали меня. Кошмар!

Интересно, а сколько у него уже было девушек? Этот внезапный вопрос застает меня врасплох еще больше, чем догадка, что тиран-альтаирец и есть мой Эван.

«Не о том ты думаешь, Ада! Не о том!» — ворчу сама на себя, одновременно пытаюсь ослабить корсет. И как только шатеры его постоянно носят? Дышать же невозможно!

До конца не раздеваясь, плюхаюсь на кровать рядом с альтаирцем. В комнате прохладно, так что накидываю на нас теплое одеяло. Прижимаюсь к парню — так теплее. Закрываю глаза. Мда... Мой побег из Руара в очередной раз удался на славу!

Едва уловимый запах мяты...

Моих сонных губ касается легкая улыбка. Это запах Эвана. Я не спутаю его ни с одним другим. Возможно, глаза сомневаются, но все мое тело, мое обоняние говорят, что это он. Мой мальчишка-альтаирец.

Я искренне на это надеюсь, потому что в противном случае утром меня ждет не слишком приятный сюрприз...

* * *

Он сидит на кровати, спиной ко мне. В белой рубашке с длинными широкими рукавами, присборенными на запястье.

Не повезло — альтаирец проснулся раньше. Спасибо, что после моей вчерашней выходки хоть не придушил меня спящую подушкой. Приподнимаюсь на локтях, зеваю.

— С добрым утром.

— Думаешь, оно доброе?

Может, я все же ошиблась, и этот незнакомец не мой друг детства?

— Эван...

Горькая усмешка.

— Надо же! Еще не забыла, как меня зовут.

Внутри все сжимается, как от боли. Похоже, от моего мальчишки-альтаирца мало что осталось в этом высокомерном самодовольном типе. Неприятно разочаровываться в людях, но ничего. Я как-нибудь переживу.

— У меня нет проблем с памятью.

Спрыгиваю с кровати, поправляю платье. Накидываю плащ, после чего подхожу к окну, резко раскрываю шторы. Тут же жмурюсь от яркого света. Отар меня разрази! Да уже почти полдень! Ну мы и дрыхнуть!.. Ладно, он под действием снотворного был, но я-то! Хороша! И как теперь прикажете незаметно выбираться из Руара?!

Осторожно высовываюсь в коридор. Не сдерживаю ругательства — возле покоев стража. Мимо воинов Руара незаметно днем точно не проشمыгнешь. Придется, видно, возвращаться к шатерам.

— Почему ты не ушла ночью?

Тихий голос альтаирца заставляет меня обернуться.

— Потому что запоздало сообразила, что высокомерный самодовольный деспот, валяющийся в отключке, — это ты, — отрезаю я.

— Это что-то меняет?

Еще раз выглядываю в коридор в призрачной надежде, что стражи ушли, но, увы, они там,

похоже, застряли надолго.

Окончательно расставшись с идеей выйти незамеченной, расстроено плюхаюсь в кресло. Снимаю туфли, демонстративно игнорируя альтаирца.

— И какой садист только выдумал эти кандалы на каблуках? Вот сам бы их и носил!

— Ты не ответила на мой вопрос.

Не могу понять, чего в его голосе больше: презрения ко мне, злости, разочарования или грусти? Да что с ним вообще такое? Это я должна злиться! Он вел себя со мной как с беспутной девкой, хотя с самого начала прекрасно знал, кто я!

Ха! Наконец-то до меня дошло!

Так вот почему дорогому гостю императора потребовалась именно я. Альтаирец заранее знал, кого «заказывает». Видимо, решил таким странным способом повидаться с подругой детства.

«Но друзей детства так не целуют...» — Непрошенная мысль полностью выбивает меня из колеи, заставляя еще сильнее злиться на Эвана.

Как ему вообще в голову пришло поцеловать меня?! Наверняка от злости и обиды за то, что я его сразу не узнала. Хорош! Ничего не скажешь! Все испортил! Всю нашу детскую дружбу! И какими глазами прикажете теперь смотреть на него?!

Вопрос актуальный, потому что, если честно, после нашего ночного поцелуя прежними глазами смотреть на Эвана у меня уже не получается. Мне хочется видеть в нем моего старого друга, мальчишку-альтаирца, но вместо этого я вижу перед собой мужчину.

И что самое ужасное, отчетливо понимаю...

Моего мужчину. Никогда раньше ни к кому я не испытывала такое влечение... Это пугает настолько, что я не решаюсь в открытую признаться даже сама себе.

— Меняет. Хоть ты и превратился из друга в уroda...

Получаю удовольствие, видя, как Эвана задевают мои слова.

— ...Но должна предупредить. Дэмонион приказал приста вить к тебе шатеру, которая в случае необходимости убьет тебя.

— И ты бы убила? — И не пытается скрыть иронию.

Самоуверенный нахал!

— Ты сомневаешься? — с вызовом бросаю я.

— Да.

Эван подходит, берет за правую руку и показывает мне мой же безымянный палец. Вернее, альтаирское обручальное кольцо, надетое на нем.

Ну что здесь такого? Цепочка с кольцом-кулоном опять не подходила к платью, вот я и решила носить кольцо там, где ему в принципе и полагалось быть. Тем более что оно теперь мне в самый раз. Зачем отказываться от такой красивой и недешевой вещицы.

— Я хочу, чтобы ты мне его вернула.

Каков нахал!

— Ага. Сейчас! Разбежалась! Оно мое!

— Это кольцо принадлежало моей матери.

— Зато теперь принадлежит твоей...

Осекаюсь.

— Жене, — услужливо подсказывает Эван.

Отдергиваю руку. Дальнейший разговор не имеет смысла.

— В общем, я тебя предупредила, что Дэмонион собирается тебя отправить к Отару. Считай это кольцо платой за мою любезную услугу.

— Я и без тебя знал о планах императора на мой счет, — спокойно отзывается альтаирец.

Настает моя очередь удивляться.

— То есть как — знаешь?! Я что, зря торчала с тобой всю ночь, ожидая, пока ты оклемаешься?!

Меня переполняет искреннее возмущение! Вот и делай добрые дела после такого!

— Выходит, зря.

С минуту молча смотрим друг на друга.

Не друзья. Не враги.

Отныне мы никто друг другу, и оба это прекрасно понимаем.

— Дары есть? — внаглую интересуюсь я. — Вчера я хотела тебя обчистить, но, как видишь, не успела из-за своих благих намерений.

Эван надменно усмехается.

— Так ты, оказывается, не только шлюха, но еще и воровка.

Никогда не ожидала, что услышу от моего мальчишки-альтаирца подобные оскорбления в свой адрес.

Молодец! Этот придурок только что собственноручно уничтожил остатки моей симпатии к нему. Рука так и чешется дать зарвавшемуся альтаирцу еще одну пощечину, но сдерживаюсь. Да пошел он...

— Ну, так что? Сам дашь мне дар или мне позаимствовать каких-нибудь бирюлек из сундука? — киваю в сторону раскрытого ящика.

Эван, не сводя с меня глаз, снимает с пояса увесистый кошелек, бросает его мне. Ловко ловлю. Заглядываю внутрь. От удивления присвистываю. Да здесь хватит не только, чтобы добраться до Адейры, но еще и жить там, не бедствуя, минимум год!

— Благодарствую, мой господин, — паясничая, отвечаю поклон. Во взгляде альтаирца отчетливо читается безгливость.

Направляюсь к двери. Вернусь в касту шатер, а там уж подумаю, что дальше делать. Скорее всего сегодня же дам деру под покровом ночи. Если, конечно, муженек снова не вызовет меня к себе в спальню.

Хмыкаю: муженек! Как все-таки глупо и странно.

Уже по ходу вспоминаю...

— Кстати, бывший друг детства... По старой памяти. Таможенники не идиоты. Я бы на твоём месте перепрятала кристалл. Его легко найти в потайном дне. Все-таки эту стекляшку украли из самого Аскорэора. Если обнаружат, наверняка проблем не оберешься.

Я уже открываю дверь, когда за моей спиной раздается удивленный голос Эвана:

— Какой еще кристалл?

Он что, правда не понимает, о чем речь? Показываю взглядом на сундук.

— Тот, который ты хранишь в потайном дне сундука.

Альтаирец мрачнеет. Быстрым шагом идет к сундуку. Отбрасывает ткани. Тянет руку, чтобы взять кристалл...

Хорошо еще, что у меня молниеносная реакция. Мне хватает секунды, чтобы оттолкнуть парня.

— Ты что, рехнулся?! — ору я. — Забыл, что к кристаллам нельзя прикасаться?! Ты же руки мог лишиться!

Похоже, Эван действительно не подумал об этом.

— Спасибо за заботу. Не ожидал.

Короткая же память у альтаирца! «Не ожидал»! Слишком быстро забыл, сколько ночей я провела возле его кровати в детстве, когда он в очередной раз сваливался с простудой. Да кто о нем, кроме меня, отца Марка и кухарки Марии, заботился-то?! Конечно! Вымахал в

здоровенного амбала, окреп, теперь добра и не помнит! Неблагодарный! Вылечила себе на погибель!

Несмотря на злость и обиду, беру себя в руки. Сейчас не время и не место ругаться. Сваливать отсюда надо. И чем быстрее — тем лучше.

— Ты не знал, что он в сундуке?

— Нет, — тихо отзывается заметно обескураженный парень. — Откуда ты знаешь, что кристалл краденый?

— Так я сама его и сперла, — беззаботно отзываюсь я и тут же психую, глядя на шокированное лицо Эвана. — Ой, вот только не надо читать нравоучительные лекции, что красть плохо. Будто ты не знал, что я и раньше воровством промышляла. Но теперь это была не моя идея, а приказ Верховной Ведуньи. Единственное, я не понимаю... Как кристалл оказался у тебя? Мы оставляли его в довольно надежном месте.

— Значит, не такое уж оно и надежное...

Эван садится на кровать, обхватывает голову руками. По нему заметно: что-то судорожно соображает.

— Ада, откуда ты его... позаимствовала?

Как мило мой альтаирец подбирает слова помягче, видимо, чтобы не ранить мою и без того травмированную жизнью психику. Нет, чтобы прямо сказать «сперла».

— Я же сказала. Из Аскорэора. Там какой-то подвал был. В нем палка типа жезла... Это меня Глэдис об одолжении попросила. Вот я и...

— Драг тебя побери!

Опаньки! Это уже что-то новенькое! За все годы нашего знакомства Эван ни разу не ругался. По крайней мере при мне.

— Слушай, давай не будем делать из этого трагедию. Да я за свою жизнь столько кристаллов переворовала... Одним больше, одним меньше...

Альтаирец поднимает обреченный взгляд. По нему заметно: парень не знает, что делать со мной и с этой стекляшкой.

— Ой, да ладно тебе! — беззаботно отмахиваюсь я. Мне уже изрядно поднадоело напрягаться. — Не нагнетай краски! Кристалл как кристалл. Не понимаю, в чем проблема?

— Проблема в том, — устало отзывается Эван, — что ты, похоже, умудрилась стащить кристалл из Жезла Власти. И я даже думать не хочу, что будет с нами обоими, если Дэмонион узнает об этом.

* * *

Я просто отказываюсь в это верить! Эван наверняка ошибся! Такого просто не может быть! Чтобы я сперла императорский кристалл?! Чушь! Да я бы просто не смогла взять его в руки!

Или все же смогла?

Бред... Бред! Бред!!!

Ну Глэдис! Отар ее приподними и пришепни! И докажи теперь кому, что я не по собственной воле проклятую стекляшку с жезла умыкнула.

Сидим с альтаирцем на кровати. Тупо смотрим на раскрытый сундук. Видок у обоих еще тот. Оба в глубоком шоке. Эван полностью прав: как только в Аскорэоре обнаружат, что настоящий кристалл подменен на фальшивку, нам можно самостоятельно начинать рыть могилы. Меня Дэмонион убьет за кражу, а его... Краем глаза смотрю на мрачного альтаирца. За пособничество. Впрочем, насколько я успела понять со слов дэуса Карла, император по-любому

отправит Эвана на тот свет, с кристаллом или без. Это лишь вопрос времени.

От греха подальше прячу проблемную стекляшку обратно в потайное дно. Только проблема от этого не решается.

Просто встать и уйти, к сожалению, тоже не могу. Во-первых, Эван при всем желании не сможет в одиночку перепрятать кристалл. Нет никаких гарантий, что кристалл не прожжет ему руки и через саркофаг. Во-вторых, он знает, что кристалл сперла я. Хотя... Вряд ли альтаирец меня сдаст. На самом деле именно последняя мысль не позволяет мне бросить его одного с такой милой проблемой.

— Не понимаю, зачем Ромеро все это? — Эван резко встает с кровати, нервно прохаживается по комнате.

— Да просто подстава чистой воды! Если ты про посла Ромеро... Так это урод еще тот!

Эван бросает на меня удивленный взгляд, но, видимо, предпочитает не расспрашивать, откуда я знаю посла. Ему и без того проблем хватает.

— Нелогично. Ромеро прекрасно знает: Дэмониону не нужны формальные причины, чтобы меня убить. Достаточно просто его желания.

Хмыкаю. Камешек явно в мой огород. Что уж поминать-то? Я всего лишь усыпила его. Подумаешь, делов-то!

— Скорее всего Ромеро хотел незаметно вывезти кристалл с Дария. Дипломатические звездолеты досмотру не подлежат, — умозаключает Эван.

Настает моя очередь удивляться:

— Он же сам посол Земного Альянса. Почему не воспользоваться своим дипломатическим звездолетом?

Альтаирец задумчиво пожимает плечами.

— Не захотел подставляться, наверное. Если кристалл обнаружат на борту земного звездолета, то Дарий бы разбирался с Альянсом. Ромеро это не выгодно. А так под удар попадает Альтаир.

— Получается, он хочет испортить отношения между Дарием и Альтаиром?

— Похоже на то.

— И что делать будешь?

— Не знаю.

Эван нервно взъерошивает свои светлые волосы. Переводит обеспокоенный взгляд на меня.

— В любом случае это сугубо моя проблема — я сам ее решу. Уходи.

Эван, Эван, Эван... Хотя он и превратился с годами в тирана, грубияна и деспота, но суть, похоже, осталась все та же. Неужели и правда думает, что я брошу его одного в столь дурно пахнущей и явно скандальной истории? Как бы там ни было, кристалл все же умыкнула я, а не он. Значит, мне и расхлебывать.

— Что хочешь сделать с кристаллом?

— Постараюсь по-тихому вернуть в Аскорэор.

Хмыкаю. Самонадеянно, однако! Интересно, как альтаирец собирается повернуть это без меня? Он же не сможет даже пальцем к кристаллу прикоснуться. Не Дэмониона же попросит стекляшку на место водрузить?

— Предлагаю сделку. Ты помогаешь мне добраться до Адейры — я все равно туда собиралась, а я в знак благодарности помогу вернуть кристалл на место. Сам ты все равно не сумеешь. Верховная Ведунья — и та не смогла к нему прикоснуться.

Эван с сомнением смотрит на меня.

— Зачем тебе?.. Я дал достаточно дар, чтобы ты уехала куда хочешь. Силовое поле для тебя не проблема...

Спасибо, что напомнил: своей свободой я тоже обязана ему.

— Кристалл сперла я. И если это обнаружится, то неприятностей у меня будет не меньше твоего.

В принципе я даже не вру.

— Так что смирись: расхлебывать придется вместе. Я не меньше твоего жить хочу.

По альтаирцу заметно: ему не по душе мое предложение о помощи. Не то чтобы он мне не доверяет. Скорее — не хочет подставлять. В этом весь Эван.

— Я уже все решила. Так что твои возражения не в счет.

Наконец альтаирец, похоже, сдается. Однако не до конца.

— Хорошо, но у меня условие.

— Какое?

— Ты будешь мне беспрекословно подчиняться. И никаких номеров!

— На что ты намекаешь?! Что я глупая и не знаю, что делаю? — пытаюсь возмутиться, но тщетно. Я и забыла, что Эван знает меня как облупленную.

— Ты не глупая. Ты излишне предприимчивая. Так да или нет?

— Ну не знаю, — откровенно выпендриваюсь я. — Мне надо подумать!

— Сделка есть сделка, Ада. Если хоть раз ослушаешься меня, считай, она расторгнута. Ну так что? По рукам?

Альтаирец протягивает мне руку. Бью по ладони ладонью — как в детстве.

— По рукам.

* * *

На вид — лет двадцать. Невысокий, полный, толстощекий, да еще и рыжий! Землянин. Его можно было бы даже назвать добродушным, но мешает сердито-высокомерное выражение лица. Знаю я таких! Вечно пытаются изобразить себя круче, чем есть на самом деле. Вот и этот болтун — не успел зайти в спальню, как началось...

— Дружище, я не понял! А шатера что здесь делает? Эван, ты что, и вправду завел наложницу?! Я думал, прислуга шутит! Тебе же по убеждениям не положено! Ты же у нас как его там?.. — ржет. — Демократ! Нет, ну правда... Связаться с дарийкой... Это слишком даже для тебя!

Рыжий явно обескуражен моим пребыванием в спальне альтаирца, из чего делаю два вывода: во-первых, похоже, Эван наложницами особо не балуется, раз для его близкого друга столь дико видеть меня здесь. И это откровенно радует. Во-вторых, толстый землянин явно считает дарийцев «низшей расой», отсюда и высокомерно-пренебрежительный тон. Будто я от землян в восторге! Да земляне в Катаре всегда были куда более ушлыми пройдохами, чем местные!

Толстяк с наглым видом рассматривает меня, будто я какая-то вещь. И мне это совсем не нравится. Не понимаю, зачем Эван его позвал? По мне — так чем меньше людей знает о кристалле, тем лучше.

— Дерек, угомонись, — говорит альтаирец, переводя взгляд на меня. — Познакомься, это... — заметно, что парень не знает, как меня правильно представить, поэтому идет по пути наименьшего сопротивления, — это Ада.

— Не думал, что у шатер есть имена, — ерничает землянин.

Оглядываюсь, всерьез подумывая запустить толстяку чем-нибудь тяжелым в лоб. Может, хоть тогда угомонится.

Эван слишком хорошо знает меня, поэтому предугадывает мое желание. Видимо, оно написано на моем лице.

— Не надо, Ада. Он нам еще пригодится. Дерек надежный друг.

— А чего это ты с дарийкой, как со старой знакомой, разговариваешь? — мгновенно настораживается толстяк.

— Тебя забыли спросить, в каком тоне ему со мной общаться, — не выдержав, огрызаюсь я, хоть и обещала альтаирцу быть пайнкой. — Эван, зачем он нам вообще сдался?

— Нам?! — Дерек даже не пытается скрыть возмущение, поворачивается к альтаирцу. — Я что-то пропустил?! Эван, с каких пор у тебя приятельские отношения с шатерой? Ты ничего не попутал?! Твой лучший друг я! Может, объяснишь, что здесь происходит?

Альтаирец, очевидно, давно привыкший к брюзжанию друга, без зазрения совести игнорирует его возмущения, спокойно объясняя мне ситуацию:

— Дерек — пилот планолета. Без его помощи мы не доберемся до Адейры.

— Я не понял! Что мы в столице-то забыли? Мы же недавно оттуда приехали! — никак не желает уgomониться толстяк. — Я еще не надышался свежим воздухом! Я не хочу обратно в Адейру!

Вот зануда!

— Дерек, у меня крупные неприятности. Потом все объясню.

При упоминании о неприятностях толстяк меняется на глазах. Настораживается. Похоже, он куда лучший друг, чем я думала поначалу.

— Приготовь, пожалуйста, планолет. Только тихо. Не хочу, чтобы кто-то знал о том, что меня не будет здесь пару дней.

— Ладно.

Должна признать, это ценное качество: выполнять просьбу, не задавая лишних вопросов. Мне уже даже начинает немного нравиться этот ворчливый толстяк, как он сам же все и портит! Стоя возле двери, Дерек оборачивается.

— Эта тоже с нами летит? — ну вот, снова ехидный тон.

— Да, — отзывается Эван. — Дерек, пожалуйста, давай без комментариев.

— Как скажете, повелитель, — ерничает друг, исчезая за дверью.

Бросаю взгляд на альтаирца.

— Придурок какой-то.

— Он о тебе тоже невысокого мнения, так что вы квиты, — хмыкает Эван, но все же добавляет: — Дерек хороший парень. Ему можно доверять.

— Уверен?

Парень устало смотрит на меня.

— Ада, я не обязан перед тобой отчитываться. Не хочешь лететь с нами — не лети. Тебя никто не неволит. Ты свободна как ветер. Можешь делать со своей жизнью все, что хочешь.

Легко сказать: «все, что хочешь»! А что, если я сама не знаю, чего хочу?

5. СУМРАЧНЫЙ ЛЕС

Полупустой ангар. Прежде чем зайти, воровато оглядываюсь. Надеюсь, никому из знакомых не попадусь на глаза. Лишние вопросы мне сейчас совсем ни к чему.

Мы с Эваном расстались примерно час назад. За это время я успела забрать из кустов свой рюкзак (в котором сейчас и покоится кристалл), переодеться в куда более удобную дорожную одежду. Все-таки есть большой плюс в том, что формально меня приставили к альтаирцу. Верховный Воин больше не допытывает вопросами, куда и зачем я иду.

Как раз в данный момент я торопливо бегу к одному из планолетов, у трапа которого копошится Дерек. Эван должен быть с ним.

Так и есть. Нахожу своего альтаирца в капитанской рубке. На нем летная форма — такая же, как у Дерека. Судя по тому, что Эван сидит в кресле второго пилота и запускает какие-то непонятные мне приборы, с планолетом он на «ты». И не скажешь ведь, что особый гость императора. Запоздало задумываюсь: интересно, какое отношение Эван вообще имеет к Дэмониону? Хочу расспросить, но понимаю: сейчас не самое подходящее место и время для расспросов, поэтому молча сажусь в кресло за его спиной.

— Ремни пристегни, — приказывает Эван.

Мне совершенно не нравится его хозяйский тон. Когда мы летали с Глэдис, старуха не заставляла меня пристегиваться.

— Мне и так неплохо.

— Ада, пристегни ремни безопасности, — настойчиво повторяет альтаирец. — Ты обещала мне не перечить! Или мне самому это сделать?

Сознательно медлю с ответом — не люблю подчиняться. Эван же воспринимает мое молчание как отказ, поэтому не успеваю я и пикнуть, как оказываюсь намертво пристегнутой к креслу.

— И попробуй только отстегнуть до конца полета, — вдобавок угрожает он, возвращаясь на место. — Высажу прямо посередине пути. Надеюсь, летать в Руаре тебя тоже обучили.

— Очень смешно! — фыркаю в ответ.

Хочу сказать зарвавшемуся альтаирцу все, что о нем думаю, но не успеваю — в рубке появляется растерянный Дерек.

— Ребят, тут такое дело... У нас вроде как гости. Из диспетчерской попросили добросить двоих до Адейры. У них там что-то срочное, а плановых вылетов нет. — Толстяк виновато смотрит на хмурого Эвана и извиняющимся тоном добавляет: — Дружище, прости, но я не мог отказать диспетчерской. Нам бы не дали разрешение на внеплановый вылет.

Переглядываемся с Эваном.

— И кого надо подвезти? — интересуется альтаирец.

— Вот этих, — Дерек взглядом показывает за плечо.

Смотрю и чувствую, как теряю дар речи, потому что вот подфартило нам, так подфартило! В планолет заходят Мэд и Анигай.

* * *

Ну какие были шансы, что Мэд отправят в Адейру именно сегодня?! И к ней в сопровождающего поставят именно Анигая... Неужели в Руаре других свободных воинов не нашлось?!

Перевожу напряженный взгляд с брата на Эвана. В отличие от меня Анигай сразу узнает альтаирца. Предугадать их обоюдную реакцию друг на друга я не отваживаюсь. Что греха таить, братец никогда не испытывал особой симпатии к Эвану, как, впрочем, и альтаирец к нему.

Первым затянувшееся молчание нарушает Дерек:

— Ну, вроде все в сборе. Приземляйтесь кто куда. Взлетаем через десять минут.

Толстяк протискивается в кресло первого пилота. Анигай с Мэдлин, которая, похоже, удивлена встрече не меньше моего, все еще не двигаются с места.

— Ада, что ты здесь делаешь? — не выдерживая, шепчет Мэд. — Ты же должна была быть с...

— Со мной, — зачем-то встревает в разговор Эван.

— Спасибо, что уточнил! — испепеляю недовольным взглядом самонадеянного альтаирца.

Я не дура: прекрасно понимаю, что фраза предназначена по большей части не столько Мэд, сколько моему братцу. Ох уж эти их старые разборки! Главное, чтобы они не возобновились прямо сейчас.

Однако Анигай реагирует поразительно спокойно. Лишь нахально усмехается, глядя в глаза Эвану. Зато Мэд пребывает в шоке и даже не пытается скрыть. На ее памяти еще ни одну шатеру не отправляли к мужчине-альтаирцу. Все-таки другая раса — есть другая раса.

Ошарашенная Мэдлин садится рядом со мной. Пристегивается, то и дело бросая на меня вопросительный взгляд. На мое счастье, спрашивать о деталях прошлой ночи при мужчинах подруга не осмеливается.

— Ну что, поехали? — бодро интересуется Дерек, заводя Двигатели.

Поднимаю голову: через прозрачную кабину видно, как бесшумно раздвигается крыша ангара. С погодой нам повезло — небо чистое, синее. Планолет плавно отрывается от площадки и бесшумно взмывает вверх, навстречу неизвестности.

Нейтральное межгалактическое пространство.

Дипломатический крейсер Земного Альянса

— Что значит — кристалла нет?! — Пожалуй, впервые за долгие годы на кукольном лице рыжеволосой главы Земного Альянса Айлит Боро не остается и следа фирменной улыбки. — Куда он мог исчезнуть?! Как такое вообще возможно?! Ромеро! Вы же заверили меня, что у вас все под контролем! Вы хоть понимаете, что поставлено на карту?! Не просто судьба этой дикой планеты! Нет! Судьба всей галактики!

Стив Ромеро виновато опускает глаза. Даже через голографический экран чувствуется, что мужчина откровенно боится эту хрупкую женщину.

— Простите, но, зная щепетильность принца в вопросах морали, я и подумать не мог, что он будет рыться в чужих вещах!

— Он, возможно, и нет. Но что мешало сделать это, например, прислуге?! — резко обрывает посла госпожа Боро, вставая из-за стола.

Стройная, пышногрудая, в строгом зеленом костюме, с большими белыми бусами на шее и рыжим каре, она могла бы произвести впечатление очень женственной особы, если бы не едва уловимая неестественность, которая предательски просачивалась во всем. В на удивление молодой, подтянутой коже, в идеальной фигуре, в модном ядовито-зеленом цвете глаз, но главное — в искусственной улыбке, которая словно отражала ее не менее искусственную душу. Впрочем, наличие последней у Айлит Боро многие недоброжелатели давно ставили под сомнение.

— Вы уже выяснили, где сам мальчишка?

— По моим данным один из планолетов из сопровождения принца двадцать минут назад покинул Руар. Но был ли там Иоанн Дрогвард, я не знаю. Единственное, что доподлинно известно: разрешение на вылет запросил Дерек Маккэнзи — его ближайший друг.

— Скорее всего принц обнаружил кристалл и решил во избежание международного конфликта собственноручно вернуть его Дэмониону. Малолетний идиот! Да он же все нам испортит!

Госпожа Боро поворачивает отрешенный взгляд к прозрачной панели, сквозь которую виднеется бездонная звездная тьма галактики. По женщине заметно: она судорожно просчитывает варианты дальнейшего развития событий.

— Нельзя допустить, чтобы мальчишка добрался до Адейры, — наконец умозаключает она. — Насколько мне известно, Дэмонион по-своему благоволит к нему. Подобная симпатия мне непонятна, но она может сыграть против нас. Если альтаирец расскажет императору, откуда у него кристалл... Он поверит мальчишке, и тогда вы, Ромеро, а вместе с вами и весь Земной Альянс окажетесь в весьма компрометирующей ситуации. Принц становится слишком большой помехой. Избавьтесь от него.

— Но... — Изумленный Стив Ромеро осекается, глядя на холодный взгляд Айлит, и покорно склоняет голову. — Я все понял, госпожа. Обещаю, я сделаю все, чтобы мальчишка не долетел до Адейры.

Лицо Верховной Земного Альянса озаряет довольная улыбка. На этот раз вполне искренняя.

— Надеюсь, вы справитесь с заданием, Ромеро. Не хотелось бы думать, что вы становитесь профнепригодны. Правда, не хотелось бы...

* * *

Мы летим уже больше часа. Молча. Рот не открывает даже болтун Дерек — сосредоточенно ведет планолет, мастерски маневрируя между скал, которыми буквально напичкан Сумрачный лес. Периодически поглядываю вниз: сплошное зеленое полотно из многовековых деревьев. Издалека живописное, но при ближайшем рассмотрении жуткое место, если честно. Не хотела бы я оказаться в его чаще. Не замерзнешь от холода, так съедят драги. Не съедят драги, так умрешь от обезвоживания. Не загнешься от нехватки воды, так заводят-заблудят мерцающие огоньки, которые издревле заманивают путников в глубь чащи. А то и того хуже — наткнешься на отголоски. Тогда и вовсе пиши пропало. Быстро сведут с ума. В общем, как ни крути, но Сумрачный лес, пожалуй, самое жуткое местечко на Дарии.

Внезапно тишину кабины нарушает резкий писк одного из локаторов.

— Что за?.. — Растерянный голос Дерека пугает не только меня, но и остальных.

Пытаюсь выглянуть из-за плеча Эвана — посмотреть, что там происходит на дисплее, но ремни безопасности не дают встать. Ругаю на чем свет стоит упрямого альтаирца, который пристегнул меня так крепко. Кое-как изловчившись, все же заглядываю на дисплей. Прямо за нами неотступно двигаются какие-то две точки. Расстояние между нашим планолетом и преследователями сокращается на глазах.

— Что происходит? — Я начинаю не на шутку нервничать. Одно дело, когда тебя преследуют на земле, и совсем другое — когда это происходит в воздухе. Внизу хоть убежать можно, а здесь... Летать я, извините, не умею. И БОЮСЬ ВЫСОТЫ!

— Мне бы самому хотелось знать, — напряженно отзывается альтаирец, помогая вести планолет. — Оторваться сможем?

Сосредоточенный Дерек, ловко вводя новые координаты в бортовой компьютер,

отрицательно качает головой.

— Не факт. Это не гражданская авиация.

— Флот Дэмониона? — Голос Эвана напряжен до предела.

— Не думаю. Дарийцы бы вышли на связь. Да и нелогично. Хотели бы убить — сделали бы это в Руаре. — Дерек выводит на экран отсканированную голограмму преследователей. — Ничего не понимаю. Я не знаю этот тип планолетов.

— Харрдроги, — неожиданно вступает в разговор брат, внимательно рассматривая графический «скелет» преследователей. — Они собирают свои планолеты из чего придется, часто модернизируют. Поэтому их планолеты технически непредсказуемы.

— А ты откуда знаешь? — Толстяк скептически смотрит на Анигая. По Дереку заметно: доверять дарийцам, да еще воинам Руара, не в его правилах. — Твои дружки?

Братец усмехается.

— Типа того... Харрдроги — наемные убийцы, бандиты и контрабандисты. В детстве мы, то есть... я, — Анигай торопливо поправляется, — в общем, кое-что толкал им на Черном рынке, как раз вот для таких сборных планолетов. Мне пару раз разрешили побывать на некоторых из них.

Невольно переглядываемся с Эваном. Мы оба прекрасно понимаем, о чем говорит Анигай. Да, было дело. Мы действительно продавали харрдрогам топливные кристаллы для их странных самособранных звездолетов и планолетов. Технические параметры у них порой реально впечатляющие. Не зря говорят: голь на выдумки хитра. От таких вряд ли уйдешь. Нервно пикающие на экране маячки, приближающиеся к нам, наглядное тому подтверждение.

— Похоже, нам хана, — оптимистично подытоживает Анигай. — Думаю, кто-то прознал, что на борту важная особа, за которую можно получить приличный выкуп, вот они и устроили погоню.

Братец мило улыбается Эвану.

— Предлагаю связаться с ними и обменять альтаирца на нашу свободу. А что? Один труп — все лучше, чем пять.

— Очень смешно, — фыркаю я.

— Парень, лучше заткнись. Иначе прямо сейчас высажу, — зло отзывается Дерек. — Держитесь крепче! Аттракцион начинается!

Планолет делает мощный крен вправо. Мое тело с силой вжимается в кресло. Как же я благодарна Эвану, что он додумался пристегнуть меня ремнями безопасности! Иначе точно расшиблась бы о стену.

Несколько минут погони кажутся вечностью. От постоянных кульбитов в воздухе меня начинает подташнивать. Дерек мастерски пытается уйти от преследователей, то и дело совершая сумасшедшие маневры. Но видимо, за штурвалами наемников тоже сидят профи, потому что, несмотря на все ухищрения, оторваться так и не удастся. Но что еще хуже: по нам открывают огонь. Защитное поле планолета явно не рассчитано на столь мощное оружие. Поэтому пара секунд и... Звук взрыва. Мы с пугающей скоростью пикируем в самую чащу Сумрачного леса.

* * *

Это просто чудо, что мы остались живы! Нас спасли мастерство Дерека, массивные кроны многовековых деревьев Сумрачного леса, заметно смягчившие посадку, и пресловутые ремни безопасности. Если бы не они, я бы с первого раза расшиблась о стенку кабины. Ну и конечно, сам Господь Бог! Другого объяснения чуду я просто не нахожу!

Сказать, что мне страшно, — не сказать ничего. Да я в ужасе!

При одной мысли, что моя жизнь могла оборваться в любой момент, а я так многого еще не успела сделать, не успела сказать...

— Ты как? — Бледный, перепуганный не меньше моего Эван бросается ко мне, на полшага опережая Анигая. Трясет за плечи, легонько похлопывает по щекам. — Ада! Ада, ты меня слышишь?!

Я пытаюсь открыть рот, но вдруг с ужасом понимаю, что не могу выдавить ни звука. Меня от страха парализовало. В прямом смысле слова. И от осознания становится еще более жутко.

— Отойди от нее! — Анигай пытается отстранить альтаирца, но безрезультатно. Злой Эван не двигается с места. — Не видишь, у нее шок?!

— Вижу, — не оборачиваясь, бросает встревоженный Эван, мертвой хваткой вцепившись в меня. — Лучше сам не лезь.

Только не хватало, чтобы они прямо сейчас подрались!

Альтаирец трясущимися руками торопливо расстегивает мои ремни безопасности, притягивает к себе. Лишь почувствовав тепло его объятий, я немного прихожу в себя. Судорожно хватаюсь за Эвана. Виновато смотрю на Анигая: что греха таить, с альтаирцем мне всегда было спокойней, чем с ним. Обиженный брат мрачнеет, отходит к заторможенной Мэд, которая почему-то даже не пытается встать с кресла.

Голос постепенно возвращается.

— Это ты! Ты во всем виноват! — заикаясь, истерично всхлипываю я, сильнее прижимаясь к парню. — Это была твоя дурацкая идея лететь в Адейру!

— Я знаю, знаю, — судорожно шепчет Эван. — Идти можешь?

Вроде бы могу. Правда, руки и ноги предательски дрожат. Краем глаза замечаю, что с остальными вроде тоже все в порядке. Хотя вряд ли можно назвать «порядком» смеховую истерику Мэд. Впервые в жизни вижу, чтобы Мэдлин так смеялась: много, громко и от души.

— Ой, не могу, — стонет от смеха она, — не мо... могу. Карл нас убьет... И Глэдис тоже, если я... если я... опоздаю. А я уже... опоздала!

В отличие от Эвана, Анигай особо не церемонится с моей подругой. Влепляет ей звонкую пощечину, от которой шатера довольно быстро приходит в себя.

— Спасибо. Полегчало, — все еще хихикая, отзывается Мэд, трясущимися руками отстегивая ремни. — Хвала Отару мы живы!

— Думаю, это ненадолго, — мрачно предрекает Дерек, не сводя глаз с мерцающего экрана, на котором четко видны приближающиеся к нам яркие точки. — Похоже, хардрогои решили лично нас добить.

Анигай и Эван переглядываются.

— Сматываемся! — Анигай хватая меня за руку и тащит к выходу.

Мэд снова начинает блажить, орет как резаная, но уже не от смеха, а от ужаса и возмущения.

— Вы что, с ума сошли?! Я не пойду в Сумрачный лес! Я не самоубийца!

— Ну так оставайся! — рычит братец. — Хардрогои быстро найдут тебе применение.

Слова Анигая действуют на Мэд самым чудесным образом. Истерика тут же улетучивается, и шатера бросается к выходу из планолета.

— Да подожди ты! — ее останавливает Эван, первым ныряя в проломленное отверстие планолета. Слышно, как он приземляется на мох.

— Давай прыгай! Я поймаю.

Трясущаяся Мэд, зажмурившись, с помощью Анигая осторожно соскальзывает с края пробоины. Снова приглушенный шум. Наступает моя очередь. Ох и не люблю я высоты! С

детства терпеть ее не могу.

Задерживаюсь у выхода. Не сразу нахожу рюкзак с кристаллом. Вовремя успеваю его схватить. Братец почти в этот же момент, особо не церемонясь, выпихивает меня из люка.

— Лови свою...

На мое счастье, планолет зависает в кроне деревьев всего в паре метров от земли, поэтому секунда — и я оказываюсь на ловких руках Эвана.

— Поймал.

После меня альтаирец помогает выбраться из планолета Дереку — толстяк умудрился застрять в отверстии. Однако я стараюсь не отходить далеко от Эвана. Лишь рядом с ним я чувствую себя в относительной безопасности.

Мох под ногами удивительно мягкий и приятный. Да и тишина леса по идее должна умиротворять. Но на душе тревожно. Нервно. Чувствую подступающую панику. Моя интуиция и инстинкт самосохранения буквально орут благим матом, что надо отсюда делать ноги.

Опасное... Очень опасное место, таящее множество ловушек. Нормальный лес Сумрачным бы не назвали.

Сумрачный... Какое точное название. Даже ярким солнечным днем здесь царит полумрак. Древние, причудливо извилистые деревья, больше похожие на гигантские уродливые корни, застилают разросшимися кронами все вокруг, не давая видеть дальше нескольких шагов.

Холод, сырость, вой драгов. Ох и не нравится мне здесь! Совсем не нравится!

Первое желание, продиктованное инстинктом самосохранения, — вернуться в планолет. Второе — свалить от планолета куда подальше, потому что, когда взгляд падает на клочок неба, виднеющегося через непролазные кроны деревьев, замечаю две яркие, неумолимо приближающиеся точки.

— Бежим! Они летят!

Первым в чащу бросается Дерек. За ним едва поспевает Мэд, проклиная на чем свет стоит свое красивое длинное платье и модные туфли на каблучке, явно не предназначенные для бега по Сумрачному лесу. За ними несусь я. Позади Анигай и Эван. Они самые быстрые из нас, но специально отстают. Прекрасно понимаю их логику: если нас догонят, это они примут бой с харрдрогами, чтобы у нас был шанс выжить. Но пусть даже не надеются, что я оставлю их разбираться с преследователями, а сама убегу. Помнится, раньше у меня неплохо получалось общаться с харрдрогами с помощью дреда.

Ненавижу! Эти ветки! Валуны! Колючие кустарники, которые так и норовят содрать с тебя живьем кожу, а еще хищные лианы, то и дело пытающиеся схватить за ногу. Мне и Анигаю периодически приходится использовать дред, чтобы отбиться от их зеленых щупалец. Дереку везет меньше. В какой-то момент он теряет бдительность и оказывается схваченным лианой. Секунда — и толстяк уже болтается в воздухе вниз головой.

Только этого нам и не хватало! Застрять здесь до прихода харрдрогов, которые наверняка уже облазили планолет и пустились в погоню. Лезу на дерево, чтобы достать до лианы и срезать ее дредом, но толстяк вдруг меняется в лице и начинает отчаянно жестикулировать.

— Бегите! — шипит он, показывая куда-то вдаль.

Слежу за его рукой и замираю от испуга. Неподалеку от нас возникают рыщущие харрдроги.

Но нам везет: рядом оказывается небольшой овраг, почти полностью скрытый от посторонних глаз переплетающимися корнями деревьев. Его случайно обнаруживает Мэд. Услышав, что харрдроги приближаются, она, испуганно отступая, путается в платье и падает в кусты, оказываясь в овраге. Там совсем неглубоко. Падать не столько больно, сколько обидно. Но зато с поляны, на которой все еще стоят парни, шатеру абсолютно не видно. Ее надежно загораживает непролазная стена из кустов и корней. Анигай и Эван, не сговариваясь, ныряют

следом за Мэд. Мы с Дерекком, защищенные от взгляда хардрогов густыми нижними ветками деревьев, так и продолжаем торчать на дереве.

Номер срабатывает! Головорезы проносятся мимо нас. Сверху успеваю заметить, что они вооружены до зубов дистанционным оружием. Против такого с дредом не пойдешь. Воинам Руара носить огнестрельное оружие без веской причины не дают, а землянам и алтайцам на Дарии и подавно запрещено иметь такое. Хардрого — другое дело. Они сами себе хозяева. Никаким законам не подчиняются. Попробуй пойдешь, отбери оружие у него. Точно сам живым не вернешься. Так что нам реально крупно везет, что хардрого не додумываются притормозить и осмотреться. Иначе мы бы оптом отправились к Отару.

Выждав минут пять, осторожно выбираемся из укрытий. Шустро перерезаю лиану. Дерек с глухим грохотом падает на мягкий дерн.

— Мы что, теперь так и будем от них по всему Сумрачному лесу бегать? — нервно шипит Мэд, потирая ушибленный бок и одновременно рассматривая порванное запачканное платье. — Гады! Из-за них любимое платье угробила! — И тут же жалостливо добавляет: — Может, лучше вернемся к планолету?

— Они наверняка оставили там охрану, — раздраженно бросает Анигай. — Ты видела, как они вооружены? Хардрого перестреляют нас быстрее, чем ты успеешь пикнуть.

— Парень прав. Нет смысла возвращаться, — вмешивается в разговор хмурый Дерек, при этом всем своим видом показывая, что ему неприятно соглашаться с дарийцем. — Все равно двигатель убит в хлам. Мы не сможем взлететь.

— И что делать прикажете? Не ночевать же здесь?! — Мэд явно близка к панике. — Это же верная смерть! Нас или сожрут драги! Или сведут с ума отголоски!

Я вспоминаю, что, когда мы летели, видела узкую полосу ведущую через лес. Именно по ней я первоначально и планировала добраться до Адейры.

— Надо попробовать выйти на проселочную дорогу. Если не ошибаюсь, она проходит чуть западнее от нас и ведет к столице.

— Пешком?! — Мэд в прямом смысле взывает. — Ну уж нет! Пусть мною лучше поужинают драги!

Шатера резко приподнимает платье, показывая новомодные туфли на высоком каблучке.

— Я в этом никуда не пойду! Вы что, правда думаете, что эти туфельки созданы для ходьбы?

— А для чего еще? — искренне изумляется толстяк-землянин.

— Для красоты, болван! — рычит взбешенная Мэд. — Не-на-ви-жу! Это ужасный лес! Этот планолет! Этих громил! И вообще! Я все и всех ненавижу!

— Она всегда такая спокойная? — тихо интересуется Эван.

Вместо ответа фыркаю от нервного смеха. Да, ситуация, прямо скажем, аховая: посреди Сумрачного леса, скрываясь от наемных убийц, стоят воин Руара, алтайрец, землянин и еще две дарийки, одна из которых бьется в истерике. И судорожно соображают, как им вместе выжить.

6. ОТГОЛОСКИ

Часа через три бодрой ходьбы по Сумрачному лесу и слушания непрерывного нытья Мэд я постепенно начинаю соглашаться с подругой, что идея «прогуляться» до дороги по этой Богом забытой чащобе была не самой лучшей в моей жизни. Полбеда — непролазная чаща, мы с Анигаем довольно легко прорубаем дредами путь. Гораздо хуже, что начинает темнеть и вой голодных драгов звучит все ближе и многообещающей. При свете дня волко-оборотни вряд ли отважатся напасть на такую толпу, а вот под покровом ночи... Нутром чую: эти твари только и ждут, когда с небосклона исчезнет звезда Сатаба.

— Надо устроиться на ночлег, пока не стемнело. — Анигай, словно читая мои мысли, останавливается на небольшой поляне. Скрупулезно осматривает растущие по ее периметру многовековые деревья, стволы которых поражают толщиной. — Идти в темноте по Сумрачному лесу — самоубийство.

— А ночевать в Сумрачном лесу не самоубийство?! — в панике верещит нервная Мэдлин. Кажется, еще немного, и она набросится на Анигая с кулаками. А тот даст ей в морду. У этой парочки всегда были очень нежные и трепетные отношения.

— Я хочу в Адейру! Или в Руар! Я не хочу ночевать здесь — под открытым небом! На голой земле! — уже в открытую ревет Мэд, то и дело бросая злой взгляд на землянина, который с нескрываемым любопытством наблюдает за ней. — Ну что уставился?!

— Да так, ничего. — Дерек поднимает руки, изображая капитуляцию. — Просто я раньше думал, что шатеры куда более выдержанные.

— Засунь свою выдержанность знаешь куда?! — шипит злая Мэд.

Похоже, моя приятельница не воспринимает нашу компанию всерьез. Она даже не пытается скрыть от парней ни паршивый характер, ни наличие мозгов. В Руаре Мэд обычно изображает безропотную безобидную дурочку. Но Сумрачный лес — не Руар. Здесь такая роль выжить не поможет, поэтому Мэд и не напрягается — сбрасывает маску.

Шатера, подбоченившись, выходит в центр поляны, оглядывается.

— Ну и где нам ночевать прикажешь?! Прямо здесь? Может, еще и костер разведем, чтобы драги уже наверняка знали, куда им на ужин идти? — возмущается подруга.

Анигай откровенно игнорирует Мэдлин. Он никогда не считал шатер за людей, к чьему мнению нужно и можно прислушиваться, поэтому вместо ответа поворачивается к ней спиной, направляясь к одному из многовековых деревьев.

Брат с силой начинает сдирать лианы, которые обвивают ствол. И тут до меня доходит, что он хочет сделать. Эван тоже, похоже, улавливает идею. Альтаирец молча помогает Анигаю расчистить дерево от зарослей цепких лиан, чтобы освободить доступ к огромному дуплу, созданному самим временем внутри многовекового гиганта. Всегда поражалась этим двоим. Общий язык по жизни даже в мелочах найти не могут, но когда дело до какой-то критической ситуации доходит, всегда, не сговариваясь, действуют сообща.

— Эй, откуда вы знали, что оно там будет? — Изумлению Дерека нет предела. — Его же отсюда не видно!

Дупло всегда находится довольно высоко от земли. Человеку забраться в него не слишком сложно, зато драгам проблематично — не допрыгнут. Внутри дупло, как правило, сухое и довольно уютное. Пахнет свежей древесиной. Если туда накидать побольше травы, то и вовсе без проблем можно устроиться на ночь. Мы с Анигаем в детстве летом частенько так и делали, когда пьяная мамаша притаскивала очередного клиента к нам домой. Эван знает о дуплах от нас. Мы сами показали ему их, когда играли в прятки на окраине леса. Прятаться в деревьях — самое то!

Дерек и я подключаемся к поиску дупел и расчистки их от лиан. Лишь одна упрямая и несчастная Мэд продолжает угрюмо сидеть на поляне, наблюдая, как остальные работают. Не дело шатеры так батрачить, убеждена она.

Общими стараниями нам удастся найти возле поляны три дупла. Одно совсем маленькое — поместится лишь один человек. Два других немного побольше. Туда устроиться могут либо две девчонки, либо один крепкий парень, ну и еще немного места останется. Но не более того.

— Я ночую с Адой! — решительно заявляет Мэд, до которой наконец-то доходит, что идея переночевать в дупле не такая уж и плохая. Все лучше, чем на земле на радость драгам.

Шатера шустро расталкивает локтями парней, пробираясь к самому большому дуплу.

— И как туда залазить прикажете? — Мэд окидывает деловым взглядом ветки, после чего на удивление ловко забирается в дупло. На парней это производит впечатление.

— Ничего себе белка, — присвистывает Дерек.

Кто такая белка, я не знаю, а вот откуда у Мэд такая ловкость, мне доподлинно известно. Обязательным предметом у всех шатер в Руаре является гимнастика, ну и базовые навыки самозащиты. Так что хилой Мэд не назовешь.

— О! А тут очень даже ничего! — тем временем восторгается подруга, высовываясь из дупла. — Ада, лезь ко мне!

— Женщины! — обреченно констатирует толстяк Дерек. — Что на Земле, что на Дарии — одно племя. Нигде не тонут и не горят!

Несмотря на общую невеселость ситуации, все же довольно забавно наблюдать, как Мэдлин в шикарном, но уже местами порванном платье сидит в дупле, словно разноцветная птица, и беспечно покачивает ножками в бархатных туфельках.

— Ада, ну ты идешь? Только прихвати побольше травы, а то тут жестковато спать.

Хочу нарвать длинного мягкого моршана, но меня останавливает Анигай:

— От поляны не отходи. Обойдется. Если в дупло травы еще набросать, мы вдвоем не поместимся.

— Чего?! Что значит «мы»? — Надо же, какой у Мэд, оказывается, хороший слух! — Уж не собираешься ли ты...

Договорить шатера не успевает. Брат ловко взбирается на дерево и буквально силком впихивает возмущенно барахтающуюся шатеру внутрь. Слышу, как внутри дерева ругается и повизгивает Мэд, пытаюсь выпихнуть моего вредного братца из дупла обратно. Дело заведомо гиблое. Слишком разные силовые категории.

— Убирайся отсюда! Да как ты смеешь?! Шатеры не спят с воинами!

— Еще скажи «в одном дупле», — раздраженно фыркает Анигай, поудобнее закутываясь в плащ, — не устраивает моя компания, вали на поляну. Мне здесь твои истерики не нужны.

Перспектива спать внизу в непосредственном соседстве с драгами заметно не радует Мэдлин.

— Почему я не могу ночевать с Адой?! — продолжает возмущаться она. — Она моя соседка, а не ты! Мы в Руаре всегда спим в одной комнате!

Брат тяжело вздыхает, поворачивается к настырной шатере. Понимая, что так просто она от него не отстанет, начинает объяснять, как маленькой. Удивляюсь его терпению. Если бы я Анигаю такую истерику закатила, то наверняка была бы сразу им послана куда подальше без каких-либо разъяснений.

— Потому что у нас только три дупла! И ни в одно из них не влезут два взрослых мужика. Поэтому ты ночуешь со мной. Так что либо заткнись и смирись с моим обществом, либо проваливай!

— Но... Я... Почему я ночую именно с тобой?! — Разобиженной Мэд все неймется. — А

она с кем ночевать будет?!

— Со своим господином! — язвительно выдает язва-братец. — У твоей подружки же теперь есть хозяин, не забывай.

Ну не вонючий ли драг он после этого?

Всерьез подумываю взобраться к ним на дерево и поколотить братца, но, немного поостыв, понимаю, что логика Анигая верна: не к Дереку же или к Эвану Мэд «подкладывать». Землянина я бы спокойно пережила, а вот альтаирца... Нет уж! Я не собираюсь с Мэд делить своего «хозяина». Я ее знаю! Она уже на Эвана глаз положила! И кажется, довольно проникательный, несмотря на всю свою толстокожесть, Анигай это прекрасно понимает.

— Пошли. — Эван подталкивает меня к большому дуплу.

В принципе я могла бы забраться туда и сама, но сильные руки Эвана ловко поднимают меня до нижней ветки. Хватаюсь. Забираюсь на дерево.

— Эй, ребята! Подождите! — неожиданно подает голос толстяк-землянин. — Вы про меня забыли! Я не хочу спать один! А вдруг ночью придут драги?! Пусть Эван лучше в одиночку ночует. Он сильный. Отобьется в случае чего, а я лучше с этой шатерой переночую.

Дерек решительно направляется к дуплу, в котором уже сижу я. Бросаю настороженный взгляд на Эвана. Неужели уступит место тусу-другу?

— В твоих мечтах, дружище, — смеется альтаирец, ловко хватаясь за нижнюю ветку, легко подтягивается на сильных руках. Уже через пару секунд Эван оказывается рядом со мной в дупле. — Подвинься-ка.

— Я не согласен! Так нечестно! Вам вдвоем и теплее будет, а я что — замерзай? — продолжает рассерженно нудить под деревом толстяк.

Альтаирец выглядывает наружу.

— Прости, брат. Но она мой подарок.

Нахал по-хозяйски притягивает меня к себе, за что тут же якобы случайно получает локтем по груди.

— Ой, простите, хозяин! — изображаю саму невинность.

Эван смеется. Не до смеха лишь Дереку, который продолжает ворчать, предпринимая неуклюжие попытки забраться на дерево по соседству.

— Ладно, ладно, но учтите: если утром в дупле вы обнаружите останки съеденного драгами Дерека Маккэнзи, то в моей внезапно прервавшейся молодой жизни прошу винить...

Кого он хочет винить, толстяк сказать не успевает, потому что внезапно в подступающей тьме где-то совсем рядом отчетливо слышатся детские голоса. И что самое странное, они мне кажутся такими знакомыми...

Выглядываем наружу и застываем с открытыми от удивления ртами. На поляне появляются словно из ниоткуда трое детей, которые беззаботно болтают, абсолютно игнорируя изумленных нас.

— Здорово ты дал ему в рожу! — смеется бедненько одетый мелкий мальчонка лет десяти-одиннадцати в большой дурацкой шапке.

— Нечего было нарываться! — хохочет второй, на вид постарше, высоконький, темноволосый, поджарый. И самонадеянно добавляет: — Будет знать, с кем связывается!

Из-за сгущающихся сумерек я не могу разглядеть их лица, но почему-то все в этих детях кажется мне пугающе знакомым.

— Жаль, что ты не пошел с нами на рынок! Было весело! — Мелкий мальчишка поворачивается к третьему, одновременно снимая шапку. — Жарко сегодня что-то. Может, пойдем к водопаду? Искупаемся.

Длинные вьющиеся темно-каштановые волосы непослушной волной спадают ниже пояса...

Я ошиблась. Это девочка. Но где я ее раньше могла видеть?!

— Ада... — едва слышно выдыхает изумленный Эван, не отрывая шокированного взгляда от ребенка.

В этот же самый момент с поляны доносится его собственный, но еще по-детски не сломавшийся голос...

— Ты же знаешь, меня бы все равно не отпустили туда с вами.

Сгущающаяся тьма мешает как следует издалека рассмотреть второго мальчишку, но, прищурившись, мне все же удастся это сделать. Худенький, болезненный, светловолосый... А какими глазами он смотрит на свою маленькую дарийку... Проникновенно грустными, влюбленными... Но девочка не замечает этого.

Мне не на шутку становится не по себе.

Как я раньше могла не замечать этот безнадежно влюбленный взгляд?!

Его взгляд...

Взгляд Эвана.

Потому что перед нами — видения-отголоски, порожденные Сумрачным лесом. И эти отголоски мы сами: Анигай, Эван и я, какими были лет пять назад. Я хорошо помню тот на удивление жаркий для Катара летний день, когда нам троим надоело играть на опушке и мы решили устроить себе небольшое приключение, отправившись через окраину Сумрачного леса к водопаду.

— Пошли! — Маленькая Ада хватается счастливого мальчишку-альтаирца за руку, тянет за собой. — Ты же еще не видел наш водопад! Он тебе понравится! Только купаться там не будешь: вода холодная. Не дай бог опять заболеешь.

— Подумаешь, неженка! — пренебрежительно фыркает Анигай, но, видя, что ребята без него убегают в глубь леса, спохватывается, бросаясь за ними. — Эй! Меня подождите! Я с вами хочу!

Пара секунд, и дети растворяются в непролазном кустарнике.

На поляне зависает напряженная тишина.

— И что это было? — К Мэд первой возвращается дар речи.

Прекрасно понимаю подоплеку ее вопроса. Она наверняка узнала нас с Анигаем. У шатер слишком хорошая зрительная память.

Так и есть.

— Это же были вы? Да? — Вопросительный взгляд Мэд скользит с Анигая на нас с Эваном.

В не меньшем шоке пребывает и Дерек.

— Твою дивизию, Эван! Это реально был ты! Я хорошо тебя помню в том возрасте. Мы же с тобой по визору постоянно общались. Ну помнишь, когда ты в Катаре жил? Это что тогда получается... Вы знакомы?

— В Катаре?! Ты тоже там жила до того, как тебя Глэдис в Руар привела! Ты сама мне об этом рассказывала! — не унимается Мэдлин.

Да дались мы им вместе с Катаром! Какое им дело до нашего прошлого? Мало ли я с кем раньше общалась. Я вон и с хардрдрогами неплохо знакома была. Но сейчас-то это что меняет?

— Не говори глупости, — уклончиво отзывается альтаирец и уходит от темы. — Дежурить будем по очереди. Сначала я, затем Дерек, потом — Анигай. Или наоборот.

— Мы не называли своих имен! Откуда он знает, как зовут этого хама? — Мэд грубовато тыкает пальцем в Анигая.

— Эй, полегче! — ворчит братец, который тоже не горит желанием афишировать давнее знакомство с альтаирцем.

Но упрямую Мэдлин так просто не остановить.

— Да что здесь вообще происходит?!

— Много будешь знать — скоро состаришься! — зевает брат, запихивая высунувшуюся по пояс шатеру обратно в дупло. — Вон уже морщинки появились! Еще немного, и в Глэдис превратишься! И спишут тебя в утиль... Будешь еще одной серой прислужницей.

— Да пошел ты! Сам ты серая прислужница!

Похоже, от сегодняшних приключений у Мэд сорвали тормоза. Такой наглой я подругу еще не видела. Обычно она предпочитает отмалчиваться, а не устраивать разборки.

— Почему вы не отвечаете?! — вновь взвизгивает она. — Кто были эти дети? Откуда они взялись?

Мэд, возмущенная до глубины души тем, что Анигай, откровенно игнорируя ее вопли, свернулся в дупле калачиком и пытается заснуть, начинает грубо его теребить.

— Не смей спать! И вообще... Ты воин Руара! Почему ты позволяешь альтаирцу дежурить?! Он же враг! А если прирежет нас во сне?! Ты ему что... доверяешь?!

Как ни странно, но Мэдлин, сама того не подозревая, попала в точку. Несмотря на отвратительные отношения между Эваном и Анигаем, если в этой жизни брат кому и доверяет, так только мне и альтаирцу. И не только потому, что нас связывала общая тайна после истории с кузнецом. Брат точно знает: он не предаст. Мы слишком много пережили вместе в детстве. И ни разу Эван не предал нас, не подставил. Хотя запросто мог бы это сделать. Ведь он знал о наших проделках почти все. Скорее наоборот — постоянно покрывал. Поэтому чему удивляться, что дариец Анигай, доблестный воин Руара, абсолютно спокойно спит, повернувшись к врагу-альтаирцу спиной.

— Надеюсь, сначала он прирежет тебя, — сонно отзывается Анигай. — Или хотя бы додумается отрезать твой длинный язык. Все. Я спать. Разбудите, когда мне дежурить.

— Я не буду спать, пока вы мне все не объясните! — Шатера переходит на откровенный возмущенный крик. — Я не могу, как вы, делать вид, что ничего не произошло! Эти дети... Вдруг они вернуться и убьют нас?! Мы даже не знаем, что это...

— Утихомирься. Это отголоски, — зевает брат. — Они не убивают. Только сводят с ума таких истеричных особ, как ты.

— Отголоски? Какие еще отголоски?! Отголоски чего?! — Мэд окончательно впадает в ступор.

Похоже, лучше ей все объяснить, иначе нервная шатера просто не даст нам спать, а впереди тяжелый день. Потребуются силы.

— Прошлого.

Я совру, если скажу, что никогда раньше не видела нечто подобное. Мы жили на самой окраине Катара. Сразу за нашим огородом начинался Сумрачный лес. Большинству катарцев лес не сулил ничего хорошего. Для нас с Анигаем, наоборот, он стал источником пищи и защитой. Особенно в те дни, когда беспутная Акраба была не в духе или, того хуже, притаскивала домой клиентов, готовых позабавиться и с детьми потаскушки. В такие злополучные вечера мы с братом всегда заблаговременно сбегали из хижины. Не зря же отец Марк всегда говорил: «Береженного Бог бережет». Этому правилу мы с Анигаем никогда не изменяли. Прятались от пьяной мамыши и ее очередного дружка в Сумрачном лесу, в проверенных укромных местах. Искать нас там Акраба даже в невменяемо пьяном состоянии не отваживалась. Слишком силен был страх перед лесом, который таил массу опасностей. А своя шкура для Акрабы всегда дороже.

Впервые я столкнулась с отголосками, когда мне было лет пять. Мы с Анигаем собирали ягоду на опушке, когда увидели его — огромного стража Дэбэра, бегущего через чащу с каким-то свертком в руках. В какой-то момент мне даже показалось, что он держал крошечного ребенка.

Я словно слышала детский плач. Мы еще не раз сталкивались с этим отголоском. Не знаю, почему Сумрачный лес решил показать нам с Анигаем именно его. До сих пор гадаю, как тот страж связан со мной и братом. Ведь не секрет, что отголоски — это отблики прошлого людей, которые их видят.

Старики в Катаре говорят: Сумрачный лес — магическое место, где стирается грань времени. Здесь сходятся прошлое, настоящее и, возможно, даже будущее, поэтому не стоит особо удивляться странностям чащобы. Другой вопрос — только сам Сумрачный лес знает, кому и почему он показывает те или иные отголоски. Людям лишь остается гадать.

Но до сегодняшнего дня мы с Анигаем никогда не сталкивались со своими собственными отголосками. Надеюсь, они не дурной знак, говорящий, что очень скоро мы все трое умрем. Раньше я вообще думала, что отголоски — это души умерших. Но мы-то еще живые!

Мои размышления об отголосках прерывает голос Эвана:

— Спать собираешься?

При упоминании о сне на меня тут же наваливается неимоверная усталость. Со мной так всегда бывает: в экстренной ситуации держусь до последнего, могу несколько дней бодрствовать, но как только выпадает шанс расслабиться, сразу рубит в сон.

Внутри дупло оказывается не таким уж и большим, каким казалось снаружи. Устроиться здесь вдвоем, не прикасаясь друг к другу, — нереально. Чувствую себя неловко, не знаю, как поудобнее лечь. Спасибо Эвану: он берет инициативу в свои руки, хотя по-прежнему демонстративно не разговаривая со мной. Ну вот! Стоило избежать опасности, как альтаирец вновь вспомнил про какую-то непонятную обиду.

Эван достает из походного рюкзака дорожный плащ на меховой подкладке, накидывает себе на плечи. Кладет рюкзак под голову, после чего молча притягивает меня к себе. Удобно устраиваюсь на той части плаща, которую специально для меня оставил Эван. Вместо подушки — его рука. Альтаирец обнимает меня, притягивая, посильнее укутывая теплым плащом.

— Так теплее, — объясняет он, да я и сама все прекрасно понимаю. Так мы хоть не замерзнем, а то ночью в Сумрачном лесу такой дубак бывает, что зуб на зуб порой не попадет.

Эван не спит — внимательно всматривается в даль, настороженно прислушивается к каждому шороху, зато меня от всех дневных переживаний почти сразу срубает сон. Рядом с мальчишкой-альтаирцем чувствую себя в полной безопасности, поэтому спокойно засыпаю, убаюканная тихим сердцебиением Эвана.

* * *

Резко подскакиваю от дикого вопля Дерека. Хочу выглянуть наружу, но Эван не дает. Прячет меня за спину, высовывается сам.

— Что за?..

Любопытство берет верх над инстинктом самосохранения. Выглядываю из-под руки Эвана и тут же взвизгиваю. Теперь понятно, чего толстяк блажит. Я бы тоже заорала, если бы в метре от меня на суку внезапно появилось слегка светящееся тело повешенной старухи с выпученными глазами и синим языком.

Ну ладно мы в детстве, но повешенная-то откуда взялась?!

— Уберите! Уберите ее! — вопит трясущийся Дерек.

— Успокойся! — говорит Анигай. — Это отголосок!

Не рискуя спускаться с дерева ночью, он ловко добирается по веткам до Дерека, срывая по ходу несколько крупных плодов-орехов, размером с кулак. По очереди бросает их в старуху. Орех

со свистом пролетает сквозь отголосок. Иллюзия на глазах растворяется в ночи. Вновь наступает кромешная тьма.

— Что... Что это было?!

— Видимо, кто-то когда-то повесил эту женщину в Сумрачном лесу. Вот чаща и запомнила ее образ, чтобы пугать им незваных гостей, — пытаюсь успокоить толстяка только что выдуманной теорией. Мне его даже жалко. Мы-то хоть по двое спим, а он там один в дупле торчит. — Не обращай внимания. Отголоски безобидны.

— Безобидны?! — возмущение Дерека зашкаливает. — Да я из-за этой старухи теперь всю жизнь заикаться буду!

На нервной почве у землянина действительно начинается икота.

— Ложись спать, я тебя подменю, — предлагает Эван и снимает плащ, чтобы отдать мне.

— Не надо, я покараулю, — доносится из темноты голос брата. — Я отдохнул, а ты полночи не спал.

Надо же! Анигай почти нормальным тоном разговаривает с Эваном! Пугающий прогресс.

— Хорошо. Если что — сразу буди.

Снова укладываемся спать. На этот раз утыкаюсь лицом в грудь альтаирца. Не хочу, проснувшись среди ночи, наткнуться глазами на призрак синюшной старушенции. Хуже всего, что меня терзают сомнения: не связана ли эта повешенная каким-то образом со мной и братом? Сейчас вспоминаю: мы с Анигаем уже натыкались на такой отголосок в детстве в лесу. Но видели ее издалека, не так близко. Вот только как все это связано с нами — не пойму.

Закрываю глаза, однако сон не идет. Сейчас, как никогда, мне хочется, чтобы мой старый друг детства Эван поговорил со мной, успокоил, развеял страхи.

Но альтаирец, увы, молчит.

Так странно: чувствовать тепло его тела, крепкие руки, обнимающие меня, и в то же время понимать, что он не со мной. За годы разлуки мы из лучших друзей превратились в чужих людей. Это больно, обидно и, боюсь, уже непоправимо.

— Почему ты на меня злишься? — не выдержав, шепчу я.

— Потому что тебя больше нет, — тихо, безэмоционально отзывается альтаирец и закрывает глаза, всем своим видом показывая, что не намерен поддерживать разговор.

* * *

Утро выдалось на редкость морозным. На траве, кустах, листьях деревьев — легкий налет инея. И это называется лето! Похоже, в Сумрачном лесу нет правил и законов даже для времени года. Здесь и в разгар зноя может пойти снег. Не лес, а сплошная аномалия!

К несказанной радости Мэд, Анигай обнаружил неподалеку от нас лесное озеро. Прозрачное, заросшее по берегам огромными ярко-малиновыми кувшинками.

Отправив парней на охоту (жутко хочется есть), мы с подружкой приводим себя в порядок: умываемся, чистим одежду. Вода в озере оказывается на удивление теплой. Почти горячей. Теперь я понимаю, почему над озерной гладью стоит пар, который я поначалу приняла за туман. Меня так и тянет искупаться, хотя умом я понимаю: озеро в Сумрачном лесу может таить еще большую опасность, чем дебри.

Мэд садится на огромный валун, разувается и опускает ноги по колено в воду.

— Кому скажи — не поверят! — ворчит она. — В воде гораздо теплее, чем снаружи! Может, искупаемся, пока парней нет?

Идея заманчивая и опасная одновременно. С одной стороны, лезть в омут Сумрачного озера

— дело заведомо не предвещающее ничего хорошего. Но с другой — я «птица водоплавающая». Даже живя в Катаре, где в доме не было никакой воды, я не могла ходить грязной. Каждый день мы с Анигаем из колодца ведрами таскали и грели воду, чтобы сполоснуться. А когда по соседству поселился Эван, я и вовсе приноровилась отмокать в свое удовольствие в ванной, предварительно выставив мальчишку-альтаирца из его же собственной комнаты. Благо он никогда не сопротивлялся. Да... В детстве я вертела Эваном, как хотела, зато теперь словно чужие люди.

Вчерашний день был не из простых. Пройти столько километров по жаре и не вспотеть — нереально. И хотя моя дорожная одежда предназначена и для более долгих путешествий, все же чувствую себя дискомфортно, поэтому не выдерживаю и поддаюсь на провокацию Мэд.

— Давай, но только быстро! И чур далеко не заплывать!

Однако «быстро» и «не заплывать» у нас не получается. Раздевшись до белья, ныряем в омут. Оказавшись в горячей воде, я чувствую такое расслабление после вчерашнего чокнутого дня и не менее нервной ночи, что тотчас забываю обо всем на свете. Окунувшись несколько раз с головой, я сначала смываю с себя дорожную пыль, расплетаю и споласкиваю косу, а затем уже позволяю себе поплавать в свое удовольствие. Окончательно расслабившись, выкидываю из головы все тревоги и неприятные воспоминания, ложусь на водную гладь, закрываю глаза и отдаюсь легкому, едва заметному течению озера.

Все вокруг так умиротворяет...

Слишком умиротворяет. Жаль, что я понимаю это чересчур поздно.

Моя голова наполовину находится в воде, из-за этого все звуки, доносящиеся до меня, кажутся приглушенно странными.

Внезапно я слышу чьи-то голоса.

Мужской и женский.

Наверное, из-за навалившейся усталости я умудряюсь заснуть прямо посреди озера и все это мне просто снится.

Наверное, так оно и есть, но... Боже! Как же они громко кричат!

Мужчина обвиняет. Оскорбляет. Я не разбираю и половины слов, лишь отдельные фразы...

— Ты предала меня! Предала!

Женщина — совсем молодой, девичий голос — с не меньшей ненавистью вторит ему:

— Ты убил его! Убил! Я никогда тебя не прощу! У тебя нет сердца! Нет души! Для тебя нет ничего святого! Он был моим...

Удар, боль и... забвение.

На меня лавиной обрушивается буря чужих эмоций.

Обида, злость, непонимание, отчаяние... любовь... Безумная любовь, которая превращается в ненависть...

А затем приходит оно — безразличие.

Больше не хочется ни чувствовать, ни жить, ни дышать...

Голоса постепенно стихают, но безразличие уже прочно пускает корни в моей душе. Оно приносит прохладу и столь долгожданное спокойствие. Расслабляет, умиротворяет, заставляет все больше и больше хотеть спать... Оно показывает мне, как же я на самом деле устала. От всего: неопределенности, несвободы, нежизни...

Окончательно проваливаюсь в царство забвения. Мне так хорошо, как вдруг...

Резко, больно, противно — чьи-то сильные руки цепко хватают меня, до синяков, вырывая из сладостного, такого притягательного сна.

Не хочу! Не трогайте! Не надо!

Чьи-то жесткие губы впиваются в мои, вдыхая в легкие спасительный воздух.

— Дыши! Слышишь?! Дыши!

Слова доносятся откуда-то издалека. Остервенелые, злые.

Не хочу... Не хочу возвращаться туда, где так много боли. Здесь так хорошо, спокойно...

— Дыши! Я не позволю тебе уйти... Не отпущу! Не отдам...

Чьи-то тяжелые ладони с силой наваливаются мне на грудь, заставляя сердце биться — против моей воли, моего желания.

— Не смей... Не смей снова бросать меня!

Боль, отчаяние, гнев — все смешалось в этом родном голосе.

Его пугающее отчаяние. Именно оно не отпускает. Не позволяет до конца уйти туда, где так хорошо, спокойно, тихо, прекрасно...

— Дыши!

И снова губы. Снова руки. Кажется, это длится бесконечно. Я все жду, когда он, наконец, сдастся, отпустит меня. Но нет...

Не отпускает.

И тогда не выдерживаю я сама. Осознав, что он все равно не даст мне уйти, жадно хватаю ртом воздух.

Как же все-таки больно и неприятно возвращаться к жизни.

Озерная вода льется из рта, из носа... Хорошо еще, хоть пресная. Не соленая. Открываю слезящиеся глаза. Пытаюсь сесть — получается не сразу. Все тело, особенно грудная клетка, болит. Спасибо Эвану! Не мог поаккуратней меня приводить в чувство!

Я лежу на берегу в одном белье. В паре шагов от меня под деревом стоит с мокрыми волосами трясущаяся то ли от страха, то ли от холода Мэдлин. Рядом с ней — встревоженный Дерек. Перепуганного брата обнаруживаю за спиной. Это он помогает мне приподняться. Ловлю себя на мысли, что стараюсь смотреть на кого угодно, только не на альтаирца, сидящего на земле возле меня.

Мокрый, бледный, злой, как стая голодных драгов... Глядя на Эвана, начинаю понимать, что значит, когда говорят «На человеке от страха лица нет». Кажется, это как раз тот самый случай.

Наши взгляды встречаются. Мой — виноватый, и его — затухающе синий.

Это недобрый знак! В последний раз я видела светящиеся глаза альтаирца, когда он в порыве ярости чуть не отправил на тот свет кузнеца.

— Что... что произошло? — говорю с трудом: в горле дикая боль и першение, словно меня душили.

Почти сразу понимаю: ох и зря я это спросила! Потому что... разъяренного Эвана несет.

— Произошло то, что ты полная дура! Безответственная и взбалмошная! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты сначала думала, а уже потом делала?! — орет он.

Вид у разгневанного альтаирца настолько озверевший, что перечить ему, подозреваю, не отважился бы в этот момент даже Анигай.

— Да как у тебя мозгов хватило полезть в Сумрачное озеро?! — не сбавляя тона, продолжает ругаться он, одновременно закутывая меня в свой теплый дорожный плащ. — Ты что, забыла, где находишься?! На тот свет захотела?! Сразу бы так и сказала! Я бы тебя собственноручно утопил, чтобы ты мне нервы больше не мотала!

Растерянно смотрю на брата в поисках защиты и поддержки, но, похоже, эти двое сегодня спелись.

— И не смотри на меня так! — рывкает Анигай. — Я с альтаирцем полностью согласен. Лично в следующий раз твою дурную башку ему топить помогу.

От обиды и пережитого нервы окончательно сдают. Губы предательски трясутся. Чем сильнее я пытаюсь взять под контроль расшалившиеся эмоции, тем хуже у меня получается. На

глаза наворачиваются слезы. Нет! Ну это уже ни в какие ворота не лезет! Только разреветься перед всеми и не хватало! На мое счастье, внимание рассерженного Анигая переключается на Мэд.

— А ты, курица общипанная, куда смотрела?! Почему нас сразу не позвала?!

— Это я-то не позвала?! — возмущению подруги нет предела. — Да я тут же кричать начала, как она под воду пошла! Да если бы не я...

— Если бы не ты, кошка драная, она бы вообще в озере не оказалась. Готов спорить — это ты ее подбила туда полезть! Ты же без горячей ванны и дня прожить не можешь!

— А она может?! Да ты... Да ты... Драг обрезанный! Вот ты кто! — Разъяренная обиженная шатера переходит на визг. — Видела я тебя в одном месте! Да кто ты такой, чтобы мне претензии предъявлять?!

— Вот брошу тебя здесь на растерзание обрезанным драгам, и узнаешь тогда, кто я такой...

Пока они самозабвенно орут друг на друга, Дерек, поняв, что опасность миновала, решает заняться общественно-полезным делом — разведением костра. Замечаю на траве связку дичи. Видимо, у толстяка-землянина скандал скандалом, а завтрак по расписанию.

Все еще злой, как стая драгов, Эван садится под дерево рядом со мной.

— Не смей никогда больше так меня пугать, — тихо произносит он.

Так мы и сидим, молча наблюдая за тем, как Анигай с Мэд ругаются друг с другом, а Дерек неуклюже общипывает какую-то лесную птицу. К моему облегчению, постепенно ком откатывает от горла. Слезы отступают. Наши плечи с Эваном соприкасаются. Такое знакомое и родное тепло его тела невольно успокаивает меня. Закрываю глаза. Это так странно: прошло столько лет, а я будто и сейчас вижу: мы с мальчишкой-альтаирцем вот так же сидим плечом к плечу за церковью, на поляне, поросшей за лето разноцветным душистым ковром полевых цветов, семена которых привез с Земли священник.

Незабудки. Да. Кажется, они так назывались.

И болтаем. Весело. Беззаботно. Обо всем на свете.

Какими же мы были все-таки счастливыми в том забытом Богом и Отаром промозглом Катаре.

— Я слышала в озере голоса, — признаюсь я. — Мужчина и женщина. Они ругались. Он обвинял ее в предательстве, а она... В каком-то убийстве. Я толком не разобрала. Не понимаю... Зачем озеро дало мне услышать все это?..

Эван оборачивается. Чувствую его не на шутку обеспокоенный взгляд.

Надо же! Похоже, надменному альтаирцу, в которого превратился мой друг детства, все же не наплевать на меня.

— Думаю, это могли быть слуховые галлюцинации. Такое бывает, когда человеку не хватает кислорода...

— А мне их голоса почему-то напомнили отголоски... Только я их слышала будто через воду.

Наш разговор прерывает Дерек. Толстяк уже развел довольно большой костер, на котором ловко жарит на самодельном вертеле дичь.

— Эй вы, двое! Чего на земле мокрые сидите? Идите лучше к костру сушиться. А то с простудой свалитесь. Нам по этому долбаному лесу еще пилить и пилить.

До меня запоздало доходит, что Эван, как и я, мокрый насквозь. И это при его слабом здоровье! Я-то хоть пошла купаться в белье, оставив сухую одежду на берегу, а он... Единственное, что успел сделать альтаирец, прежде чем броситься за мной в омут, — разуться и скинуть плащ, в который я, к слову, и закутана.

Нет, ну это совсем никуда не годится! Эван с детства с легкостью подхватывал все простуды

подряд.

— Ты о чем думал?! — испуганно набрасываюсь на слегка удивленного альтаирца. — У тебя же здоровье слабое! Зачем ты вообще в это озеро полез?! Пусть бы лучше Анигай меня вытаскивал!

— Не! Ну нормально? — возмущается братец. — Значит, его беречь надо, а меня в расход?!

— Ай, — с психом отмахиваюсь от зануды-брата, хватая несколько удивленного Эвана за руку. Тяну к костру.

— Мокрую одежду сними, а то точно воспаление легких схватишь! — скидываю с плеч его плащ. — Держи. Я пойду в сухое переоденусь.

Хватаю свои вещи, все еще лежащие на берегу, иду в кусты. За мной увязывается Мэд. Ей тоже надо привести себя в порядок.

— Подожди, я с тобой!

— Только ради всего святого не вляпайтесь там опять во что-нибудь! — сердито бурчит альтаирец, стягивая рубашку. — Второй раз я точно не полезу тебя вытаскивать.

Хмыкаю, оборачиваюсь, чтобы ответить что-нибудь язвительное и... невольно застываю с открытым ртом.

М-да... Вот уж не думала, что мой некогда хилый мальчишка-альтаирец однажды превратится в такого до неприличия красивого, накачанного мужчину. Смущенно отворачиваюсь. Делаю это, пожалуй, чересчур быстро — ловлю веселую усмешку Мэд, которую, похоже, интригуют наши пока непонятные для нее отношения с альтаирцем.

— Постараюсь, но ничего обещать не могу, — бурчу в ответ.

На мою беду фраза оказывается почти пророческой, потому что даже банальное переодевание в кустах в нескольких метрах от парней заканчивается для нас с Мэдлин неожиданным приключением. Не успеваем мы застегнуть одежду, как обнаруживаем, что прямо на нас сквозь чащу Сумрачного леса несутся всадники — воины Руара во главе... с самим Дэмонионом.

* * *

Я никогда раньше не видела императора вживую, но это именно Дэмонион несется прямо на нас с Мэд на пугающе огромном черном коне — нет никаких сомнений. Мощь, исходящая от него, лично у меня вызывает оцепенение и панику. Прихожу в чувство, лишь когда слышу возле себя истошный вопль Мэд. Шатера, предвещая себе верную гибель от копыт конницы, летящей на нас, падает на землю, закрывая руками голову, а я... Растерянно смотрю в пустоту, которая еще секунду назад была заполнена всадниками Руара.

И что это было? Опять отголоски?

На вопль Мэд прибегают парни. Вздуродженный Эван переводит вопросительный взгляд с лежащей лицом в грязи шатеры на меня, затем на Анигая, который в открытую ржет над перепачканной раздосадованной Мэдлин. Шатера тоже не теряется: набрав в ладонь ком грязи, с поразительной меткостью бросает его прямо в рот моему смеющемуся братцу.

— Что, съел? — мрачно интересуется Мэд, глядя на плюющего Анигая.

— Шею тебе когда-нибудь сверну, — многообещающе шипит он. — Чего орала-то хоть?

— Ты бы тоже заорал, если бы на тебя конница во главе с императором мчалась, — огрызается шатера. — Не веришь мне — спроси Аду.

Я киваю в подтверждение слов подруги:

— Ничего не понимаю. Целая толпа руарцев... Прямо на нас. — Увиденное до сих пор с

трудом укладывается в голове. — Наверное, опять отголоски.

— Да что эти отголоски привязались-то к нам?! И часто ваш Сумрачный лес такие номера проделывает? — встревает в разговор нервный Дерек.

Переглядываемся с Анигаем. Мы оба прекрасно знаем ответ.

Нет. Нечасто. Это-то и пугает.

Даже в Катаре отголоски видели лишь немногие из тех, кто отваживался бродить по окраине Сумрачного леса. Рассказни местных пьянчужек в расчет не беру: их послушай, так они каждый день на отголоски напарываются. Причем прямо в поселении. По мне, так им просто пить меньше надо. Отголоски — большая редкость. Неудивительно, что для нас с братом загадка, почему за последние сутки Сумрачный лес буквально атаковал нас ими.

— Лучше вернемся к костру. Ада, ну что ты там застыла? Пошли.

Слова Эвана звучат более чем разумно, поэтому я чуть ли не бегом следую за ним. Нет, я, конечно, могла бы похорохориться на тему «а чего это ты раскомандовался тут». Но сейчас, если честно, меньше всего хочется спорить с альтаирцем. Лучше пусть он командует, а я просто буду рядом. Так я хоть чувствую себя в относительной безопасности в этом чокнутом лесу.

Позавтракав и просушив одежду на костре, мы собираемся в путь, не забыв прихватить остатки жареной дичи и наполнить дорожные фляги водой.

Звезда Сатаба уже вовсю палит на небосклоне, когда мы преодолеваем первые несколько километров пути. Ну мы и копуши! Считаю, все утро на одном месте проторчали! И виноваты исключительно я и Мэд. Дернуло же нас полезть^в озеро!

Идем, ориентируясь на компас Дерека, а также на деревья, поросшие с южной стороны мхом. Ближе к вечеру толстяк-землянин начинает заметно нервничать:

— Странно все как-то. По моим подсчетам мы еще час назад должны были выйти на проселочную дорогу.

Плохая новость. Очень плохая. Потому что целый час блуждания по Сумрачному лесу в неизвестном направлении можно смело приравнять к собственноручному подписанию себе смертного приговора. Если мы заблудились, то даже Глэдис вряд ли сможет нас отсюда вызволить. Особая древняя магия Сумрачного леса блокирует и силы Верховной Ведуньи.

Легенды о Сумрачном лесе все, кто вырос на Дарии, слышали с детства. Почти ни одна сказка без упоминания его не обходится. Старики поговаривают, что лес наделен защитой магии Древних — таинственного и очень могущественного народа, который жил на Дарии задолго до возникновения империи. Это они выковали Жезл Власти и соорудили два каменных трона соправителей на Плато Семи Ветров. По одной из легенд последний из рода Древних — сам Дэмонион. Их мощная кровь и дает императору силу удерживать Жезл Власти и править Дарием. В Катаре поговаривали, что император лично уничтожил последних из этого рода, чтобы никто и никогда не смог претендовать на второй, издавна пустующий трон соправителя Дарийской империи.

Древние исчезли, но их магия осталась. И похоже, что сейчас она играет с нами в какую-то только ей понятную игру, которая, откровенно говоря, мне совсем не нравится. Перспектива всю жизнь блуждать по Сумрачному лесу, что греха таить, как-то особо не прельщает.

Очередная ложбина сменяется небольшой поляной. Анигай жестом останавливает нас. Прислушиваемся. Где-то рядом слышится плеск воды.

Идем на звук, и уже через несколько минут оказываемся возле неглубокого горного ручья, берущего начало у высокого водопада, который непроходимой стеной преграждает нам путь.

— И куда дальше прикажете идти? — подбочивается Мэд, деловито осматривая окрестности. — Вам не кажется, что пора признать очевидный факт — мы заблудились! Нам всем конец! Крышка! Мы трупы! — Истерика подруги набирает обороты у нас на глазах.

— Издевательство какое-то, а не компас! — ругается Дерек, не сводя глаз с электронного циферблата, прикрепленного к запястью.

— Что там еще? — Эван, хмурясь, подходит к другу.

Не выдерживаю, подлезая под руку альтаирцу. Да... Похоже, у нас действительно проблемы: компас рехнулся — стрелка вертится как бешеная.

— Скорее всего в этих горах много магнитной породы, вот он и сошел с ума, — делает неутешительный вывод Дерек. — Я не знаю, куда нам дальше идти. Похоже, эта истеричка права. Нам конец! Мы трупы! Долго здесь не протянем. Даже если найдем еду и воду, лес все равно сведет нас с ума. Ребят, я не шучу: еще пара повешенных старух посреди ночи, и я лично буду готов к психушке.

Похоже, еще немного — и толстяк-землянин тоже забьется в истерике.

Раздраженный голос Анигая несколько приводит Дерека в чувство.

— Не гоношись раньше времени. Может, туда попробуем пойти?

Слежу за взглядом брата и с удивлением утыкаюсь в стену водопада.

Похоже, у Анигая тоже крыша поехала от слишком долгого пребывания в Сумрачном лесу. Он нам что, в водопаде предлагает утопиться?

— Совсем рехнулся? — фыркает Мэд. — Я еще только в водопад не лезла! Хватит с меня сегодня водных процедур!

— Неужели вы не видите?! Там свет! — продолжает гнуть свою линию Анигай.

Я не успеваю среагировать, как упрямый братец, наплевав на опасность, ловко взбирается по мокрым скользким камням, подбираясь к водопаду. Пытается заглянуть за падающее водное полотно.

— Идите сюда! Здесь проход!

Любопытство берет верх над осторожностью. Взбираемся вслед за Анигаем. Впереди — Эван. Последним плетется недовольный Дерек, которому идея лишний раз riskовать своей шкурой откровенно не нравится.

Встав на огромный валун рядом с Анигаем, я наконец понимаю, что вызвало такой бурный восторг у брата. Прямо за водопадом действительно находится небольшой туннель, залитый светом.

Переглядываемся.

— Ну что? Рискнем? — По заинтригованному лицу Анигая понятно, что вопрос — риторический. Любопытный братец все равно попрется в туннель.

Так и есть: не дождавшись ответа, этот пройдоха ныряет прямо под толщу падающей воды, исчезая за сверкающей гладью водопада.

— Анигай! Вернись сейчас же! — ору я, но брат откровенно игнорирует меня. Его силуэт идет на яркий дневной свет, льющийся с противоположного конца туннеля. И тут до меня доходит странность: там за водопадом ярко светит звезда Сатаба, в то время как с нашей стороны все небо над Сумрачным лесом сплошь затянуто предгрозовыми тучами!

Перевожу беспомощный взгляд на Эвана. Честно: я не знаю, как правильно поступить в данной ситуации. С одной стороны, не хочу оставлять брата там одного. Ведь неизвестно, какие опасности таятся по ту сторону водопада. С другой... Не факт, что оставаться здесь — в чаще непредсказуемого Сумрачного леса — более безопасно.

— Я туда не пойду! — безапелляционно выдает Дерек, демонстрируя взбесившиеся показатели компаса. — Это не дыра, это какая-то аномалия. Если верить компасу — ничего хорошего нас там точно не ждет!

— Можешь поверить мне, а не компасу: здесь нас тоже ничего хорошего не ожидает, — спокойно отзывается альтаирец. — Если ты еще не понял: этот лес сам одна сплошная аномалия.

Не думаю, что за водопадом нам грозит большая опасность, чем здесь.

— Лично я согласна с толстяком! — внезапно вносит в разговор свое веское слово Мэдлин.

Дерек удивленно приподнимает брови. По парню заметно: он не знает, как реагировать на слова шатеры: то ли оскорбляться за столь нелестную характеристику его фигуры, то ли радоваться, что дарийка его поддержала.

— Я не полезу за этим придурком один Отар знает куда! — продолжает Мэд. — Мне на сегодня уже приключений хватило! Благодарствую! Больше не хочу! Лично я остаюсь здесь! Рано или поздно в Руаре нас все равно хватятся. Разведем с толстяком огромный костер и станем ждать, когда нас спасут. Ада, ну что ты молчишь?!

А молчу я по двум простым причинам. Во-первых, не знаю, что сказать. Потому что сделаю так, как решит Эван. Без него я никуда не пойду. А во-вторых... Не могу оторвать глаз от стаи подступающих к нам со всех сторон свирепых и явно голодных драгов...

7. ДЕРЕВНЯ-ПРИЗРАК

Дипломатическая космическая станция

— Где мой сын?! — тихий стальной голос.

Один Бог знает, каких невероятных усилий императору Альтаира стоит сдерживать гнев. Будь его воля, он с превеликим удовольствием сжал бы свои сильные ладони на хрупкой бледной шее Айлит Боро. Наверняка исчезновение Эвана — ее рук дело. Конечно! Верховная Земного Альянса спит и видит, чтобы перемирие между Дарием и Альтаиром побыстрее закончилось. Ей не терпится под шумок полномасштабной войны вновь начать «осваивать» залежи топливных кристаллов на приграничных Дарию территориях.

— Я представления не имею, о чем вы говорите, ваше императорское величество!

Как же его раздражает этот елеинно-невинный женский голосок. И эта вечная насквозь фальшивая улыбка.

Иоанн, император Альтаира, отворачивается, подходит к огромному прозрачному окну, за которым простирается всеобъемлющий космос. Глаза бы не видели тошнотворноприторно правильную, продуманную Айлит Боро. Выглядит как ангел, но внутри... Более гнилого и фальшивого человека Иоанн Альтаирский, пожалуй, не встречал за всю свою долгую жизнь. А встречал он, будучи политиком, немало разного высокопоставленного сброда. Но глава Земного Альянса переплюнула всех.

— Мне повторить вопрос?

Айлит Боро с ее фирменной, намертво застывшей на губах улыбкой незаметно для императора бросает взгляд на командира станции — поджарого мужчину лет сорока. Без слов понимая немой приказ Верховной, он, кивнув, исчезает из рубки. Разговор предстоит сугубо конфиденциальный. Лишние уши сейчас ни к чему.

— Тогда я повторю свой ответ! Я не понимаю, о чем вы, Иоанн!

Сдерживаясь из последних сил, император сжимает и разжимает кулак. Нет... Все же зря он перестал принимать антиэмпатическую вакцину. Глава империи должен обладать хладнокровием, спокойным, расчетливым умом. Но в данный момент единственное, чего он жаждет всей душой, — раздавить эту лицемерную тварь.

— Все вы прекрасно понимаете, Айлит. — Как же тяжело дается ему кажущееся спокойствие. — Сутки назад на Дарии исчез мой младший сын. Планолет, на котором он направлялся в Адейру, был сбит над Сумрачным лесом. По моим данным — это сделали хардрогои. И заплатил им некто, находящийся на службе у посла Ромеро.

От столько неожиданно точной осведомленности императора у Верховной Земного Альянса удивленно приподнимаются брови. Видимо, действие ботокса в них подошло к концу, а Айлит не успела заблаговременно позаботиться о подновлении своей непроницаемой для эмоций маски. Заметив проблески живой мимики, император невесело усмехается.

— Не удивляйтесь, Айлит. У меня везде свои люди.

— Я не...

— Ромеро и шага не сделает без вашего приказа. — Иоанн обрывает женщину на полуслове, сверля тяжелым взглядом. — Где мой сын, Айлит? И не пытайтесь свалить все на Дэмониона. Мы оба знаем, что император Дария не меньше меня на данном этапе желает сохранить перемирие между нашими планетами. В отличие от вас.

— Но...

— Вы единственная сторона, заинтересованная в возобновлении военных действий.

Насколько мне известно, Земному Альянсу удалось на ряде колонизированных планет наладить производство оружия. Ищете проверенными способами предков новый рынок сбыта? Думаете, как бы развязать войну?

Айлит старательно изображает деланое возмущение.

— Да как вы...

— Смею, госпожа Боро. Смею. Все-таки я император, а вы хоть и избранная, но всего лишь слуга народа.

Пожалуй, впервые за долгое время Айлит Боро не сразу находит что ответить. Старательно сохраняя приветливую улыбку, Верховная Земного Альянса сбавляет тон, пытаясь казаться еще более приветливой, чем обычно.

— Ваше императорское величество, но вы же не думаете, что я могла поставить под удар вашего сына?

В отличие от госпожи Боро, сегодня у императора Альтаира нет ни малейшего желания играть в дипломатию.

— Именно это я и думаю. Перемирие мешает только вам. Все дело в поставках оружия? Произвели столько, что девать некуда? Нашими с Дэмонионом руками хотите наладить новый рынок сбыта, а самим остаться чистенькими?

— Иоанн! Вы меня оскорбляете!

— Бросьте... Правдой нельзя оскорбить. Я лишь хочу, чтобы вы кое-что поняли.

Проницательный взгляд императора заставляет госпожу Боро отвернуться. Все-таки сложно в открытую врать человеку, который видит тебя насквозь и прекрасно знает правду.

— Имейте в виду, Айлит... Даже если мой сын погибнет, я не изменю своего решения. Разрыва перемирия между Дарийской и Альтаирской империями не будет. Я не поставлю под удар из-за одного человека жизни миллионов моих подданных.

— Даже если речь идет о вашем родном сыне? — В голосе Айлит звучит вполне искреннее удивление. — Признаться, я была о вас несколько другого мнения, Иоанн.

Невеселая усмешка касается губ альтаирского императора. В его семье испокон веков долг перед подданными был превыше любви к семье. Так что в его решении, каким бы непростым оно ни было, нет абсолютно ничего удивительного. Оно, увы, закономерно.

— Мне глубоко безразлично, какого вы обо мне мнения, — сухо отзывается император. — Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга, госпожа Боро?

На кукольном личике Айлит вновь застывает идеально-фальшивая улыбка.

— Более чем, ваше императорское величество. Более чем.

Дарий. Сумрачный лес

Ада

Мы, не сговариваясь, стараясь не делать резких движений, отступаем к водопаду. Никому не хочется попасть на обед к драгам — огромным клыкастым волко-оборотням, обступающим нас с трех сторон. Так что теперь тоннель Анигая — наше единственное спасение. Насколько мне известно, драги не большие любители воды, вряд ли по доброй воле полезут под бушующий поток.

— Отступаем, — едва слышно произносит Эван, на автомате пряча меня за спину и подталкивая к водопаду.

Водная преграда совсем рядом. Пара шагов, и мы спасены, но на нашу беду Мэд при виде драгов впадает в ступор. В принципе ее можно понять. Шатера никогда раньше не видела этих

кровожадных клыкастых монстров-оборотней вживую, да еще столь близко и в таком количестве.

— Мэд! Мэд! — громким шепотом зову подругу, но она не реагирует. Похоже, на нее нашел тот самый ступор, что и на меня во время аварийной посадки планолета.

Беспомощно гляжу на Эвана. Без Мэдлин я не уйду, и альтаирец это прекрасно понимает.

— Иди к Анигаю, я разберусь, — едва слышно произносит он, но я замираю на месте. Ну уж нет! Я его здесь не оставлю! Без моего альтаирца я с места не сдвинуся!

Толстяк-землянин медленно отступает ко мне, в то время как Эван, напротив, делает шаг вперед, осторожно беря Мэд за локоть.

— Пошли... Тихо... Медленно...

Но «тихо и медленно» у неуклюжей Мэдлин не получается. Она делает шаг назад, цепляется каблуком о камень и с визгом падает на землю. Ее вопль становится для драгов сигналом к нападению. Дальше все происходит как в кошмарном сне.

Эван что-то кричит Дереку. Толстяк на удивление шустро хватается истерящую Мэд и вместе с ней исчезает за водной стеной водопада. В это же самое мгновение альтаирец берет на себя первый удар драгов, тем самым давая мне возможность отступить к тоннелю. Но уйти я не успеваю. Дорогу преграждает огромный драг, который сумел незаметно подойти к нам со стороны. А дальше... Пронзительно-синие зрачки Эвана при виде грозящей мне опасности вспыхивают. Как тогда в Катаре... В хижине с кузнецом...

С невесть откуда взявшейся дикой силой альтаирец перехватывает драга, нападающего на меня, отбрасывает в сторону. Затем отбивает нападение второго, третьего... Зверье с переломанными хребтами пронзительно визжит и воем, подогревая ярость остальной стаи.

— Ада, беги!

Но как бежать?! Четвертый драг на моих глазах впивается ему в руку. Алая кровь, точно такая же, как у дарийцев и землян, растекается по его рубахе. При виде крови драги окончательно сходят с ума, скопом бросаясь на моего альтаирца.

Именно кровь Эвана выводит меня из оцепенения. До меня, идиотки, запоздало доходит — дред! У меня есть дред!

Хватаюсь за оружие. Противное шипение змейки, обвивающей запястье, почти совпадает с моментом, когда я нанизываю на дред драга, вцепившегося в Эвана. Затем второго, третьего... К бойне снова подключается альтаирец, хоть он и серьезно ранен. Но драгов становится все больше — в том числе со стороны водопада. Еще немного — и ловушка захлопнется.

— Ада, беги! Оглохла?! Беги! — с остервенением орет альтаирец, из последних сил отбрасывая зверей.

Но я не уйду без него, и Эван это знает. Мне страшно! За него! За себя! Понимаю: долго мы не продержимся. И тогда я не придумываю ничего более умного, чем...

Выхватываю из рюкзака кристалл и наотмашь бью им первого попавшегося под руку драга.

Запах паленой шерсти. Жалостливое скуление. Визг и... Пугающая тишина.

Нет. Драги не уходят. Они, словно замороженные, смотрят на кристалл в моей вытянутой руке и почему-то не двигаются с места, хотя давно могли бы напасть.

Словно окаменели.

Честно: не знаю, что дальше делать. Зато Эван молниеносно принимает решение. Хватает меня здоровой рукой, и уже через секунду я чувствую, как на голову обрушивается ледяная стена водопада.

Прихожу в себя уже в туннеле. Нас с драгами разделяет лишь несколько метров и легко преодолеваемый поток воды, но они почему-то не отваживаются последовать за нами. Может, решают дожидаться у ручья, когда добыча соизволит вернуться. Это невольно настораживает. Как

бы в тоннеле не нашлось что-то или кто-то пострашнее драгов.

Поспешно прячу кристалл в рюкзак, после чего поднимаю взгляд на Эвана. И только сейчас до меня доходит, что альтаирец истекает кровью.

Напрочь забываю про кристалл. Бросаюсь к Эвану. Весь рукав — сплошное алое пятно, и меня с новой силой охватывает паника.

— У тебя кровь! Эван, она не останавливается!

В отличие от меня альтаирец сохраняет самообладание.

— Ада, успокойся! Все хорошо! Не надо так... — впервые за эти дни по-доброму, как в старые времена, говорит Эван. Однако голос его предательски ослабевает.

Я не сразу понимаю, с чего это он вдруг так мягок со мной. Мечусь в поисках чего-нибудь вроде жгута или повязки. Лишь случайно проведя рукой по своей щеке, понимаю, что с перепугу за Эвана, сама того не замечая, реву навзрыд. Нервы сдали окончательно — Отар их побори!

Не придумав ничего более умного, отрываю подол своей нижней рубашки. Перетягиваю импровизированным бинтом альтаирцу рану, чтобы кровь не так хлестала. Затем нахожу в рюкзаке небольшую аптечку. На счастье, там есть пузырек с антисептиком и пара шприцев с антибиотиками — базовый набор для руарцев. Отрываю рукав летного комбинезона Эвана, чтобы взглянуть на рану.

Лучше бы я этого не делала! Одного взгляда на рваную рану хватает, чтобы самообладание окончательно покинуло меня. Рыдаю с новой силой. Она просто ужасна! Не думала, что все так плохо. Края рваные. Драг прокусил до кости! Будь моя воля — сбежала бы, лишь бы не видеть такого ужаса. Но бежать некуда. Да и никто, кроме меня, Эвану не поможет. Поэтому, с трудом справляясь с рыданием, пытаюсь как можно тщательней обработать рану. Лишь бы кровь гнить не начала — у драгов отравленная слюна.

— Ада, перестань. Я живой, — пытается пошутить Эван, но мне не смешно. Слезы льются с новой силой.

— Это я... Это я во всем виновата... Вечно от меня у тебя одни неприятности.

— Неправда, — тихо произносит альтаирец, с нежностью проводя ладонью по моей мокрой щеке. — Не плачь. Ты же знаешь: я не могу видеть твои слезы. Рана не смертельна. До свадьбы заживет.

Наши глаза встречаются. Прямо как в детстве. Смотрю в синеву его зрачков и... спохватываюсь. Ну нет! Так никуда не годится! Ранили Эвана, больно ему, а он сидит и утешает меня. Хотя должно быть все наоборот.

— Очень смешно! Ты уже женат! — невольно фыркаю я, вспоминая, что свадьбы у Эвана уже никогда не будет. И тут же, по новой хлюпая носом: — Ты там сильно не воображай! Я не из-за тебя плачу! А из-за драгов...

— Знаю, знаю, тебе жалко убитых волко-оборотней... — поддакивает Эван.

И это меня несколько успокаивает. Если альтаирец еще шутить может, значит, не все так плохо. Перебинтовываю рану. Вроде бы неплохо получилось.

Делаю шаг к водопаду — надо умыться, руки в крови, лицо в слезах. Быстро черпаю пригоршню холодной воды, торопливо отхожу в сторону. Стая недовольных драгов все еще ошивается у ручья, бросая на меня выжидательные косые взгляды. Замечаю, что некоторые уже обедают убитыми сородичами. Ну никаких моральных принципов у этих оборотней!

— Я думаю, все дело в кристалле.

Оборачиваюсь.

— Что?

Альтаирец поднимается на ноги, осторожно кладет раненую руку в повязку, перекинутую через шею, — я ее соорудила из своего широкого тряпичного пояса.

— Мне кажется, Сумрачный лес обладает схожей магией с этим кристаллом. Думаю, он для леса как магнит...

— Который притягивает к нам неприятности?

— Вроде того. Отголоски, драгов и прочие непонятные мне вещи.

— Но драги отступили при виде кристалла.

— Это лишь подтверждает мою теорию. Сумрачный лес и кристалл как-то взаимосвязаны...

Договорить нам не удастся, потому что в тоннеле появляется взбудораженный Дерек:

— Ну наконец-то вы здесь! Мы уж думали, вас драги сожрали. Пошли быстрее! Там такое!

Вы должны это увидеть!

Послушно идем за Дерексом. Искренне надеюсь, что на том конце тоннеля нас не поджидает еще одна стая этих премерзких существ! Хотя вряд ли. Дерек же жив.

Подойдя ближе к выходу, жмурюсь от яркого света. После темноты мрачного тоннеля лучи звезды Сатаба слепят глаза с двойной силой. Когда зрение все же приходит в норму и я оглядываюсь по сторонам, то от удивления теряю дар речи. Такое я точно не ожидала увидеть за водопадом!

* * *

Разительный контраст! Синее небо, залитое золотистым светом звезды Сатаба; поле, усыпанное ароматными луговыми цветами; зелень нежной рощи, раскинувшейся неподалеку от скал, у подножия которых мы и стоим. Справа — симпатичная речушка, в которой безбоязненно плещется рыба. А слева... руины выжженного дотла поселения.

На уцелевших крышах каменных строений растут кустарники и даже деревца. Сколько лет прошло с тех пор, как эта деревня была кем-то уничтожена? Десять? Двадцать? Была ли она сожжена по чьей-то оплошности?

Вряд ли.

Случайный пожар уничтожил бы один, два, три дома — но не целое поселение.

Понимая, что стоять и дальше возле тоннеля нет смысла, молча направляемся к руинам. Не знаю почему, но чем ближе мы подходим к выжженным стенам, тем отчетливее в ушах звучат вопли людей, рев бушующего огня, топот копыт... Звуковые отголоски, будь они неладны.

Из задумчивого состояния меня выводит пронзительный визг Мэд, которая, наступив на что-то, инстинктивно ища защиты, бросается к Анигаю.

— Там... Там... — Шатера, заикаясь, показывает куда-то в гущу травы, тут же взывая: — Я хочу обратно в Руар!

Анигай дредом раздвигает заросли. Становится понятна реакция Мэд: в траве лежит скелет ребенка лет шести-семи.

Мрачно переглядываемся. Подозреваю, что эта страшная находка лишь первая в череде других. К сожалению, оказываюсь права: все поселение в прямом смысле слова завалено человеческими костями.

Видимо, трагедия произошла довольно давно, потому что нет запаха смерти. Кости высохли. Пахнет только рекой и луговыми травами.

Анигай присаживается на колени возле очередного скелета. На этот раз — мужчины. Внимательно осматривает его.

— Они все сгорели? — не выдерживает Дерек.

— Сомневаюсь, — отзывается брат, показывая на частично раздробленный череп. — Голову проломили. Тому, — он показывает на другой скелет, лежащий неподалеку, — свернули шею. Что

сделали с этой, — кивает в сторону странно раскинутого скелета поменьше, который скорее всего принадлежит женщине, — я предпочитаю не думать.

Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Я слишком хорошо понимаю, к чему клонит брат. Все это — часть истории Руара. Конечно, нам ее преподавали как нечто героическое, но на самом деле, на мой взгляд, героизма там было мало.

Скорее всего поселение сожгли во время Великой Зачистки. Когда воины Руара во главе с Дэмонионом выискивали в Сумрачном лесу спрятанные в его недрах поселения Древних. Цель всегда была одна: убивать всех от мала до велика, чтобы не осталось никого, кто мог бы претендовать на трон соправителя Дарийской империи. К концу Зачистки были полностью уничтожены все потомки Древних. Не осталось ни единого. Кроме, разумеется, самого Дэмониона.

Похоже, мы наткнулись на одно из таких выжженных поселений.

Если судить по размеру деревьев, растущих прямо в разрушенных домах, трагедия произошла от силы лет двадцать назад. Может, и меньше. Тут же вспоминаю утренние отголоски конницы, несущейся по Сумрачному лесу. Так вот куда они направлялись! Значит, за смертью всех этих людей стоит лично император.

Брат поднимает на меня вопросительный взгляд.

— Древние?

— Думаю, да. Никто, кроме них, не осмелился бы жить в Сумрачном лесу.

Только их слушалась чаща, давая защиту, скрывая от посторонних глаз, потому что они сами были частью леса. Видимо, Дэмонион смог найти поселение, потому что в нем самом течет кровь Древних. Сумрачный лес принял его за своего, указав дорогу. Нас же сюда привел, подозреваю, кристалл. Другого объяснения не нахожу. Только знать об этом никому, кроме Эвана, не обязательно. Так спокойней будет.

Прежде чем двинуться дальше, мы решаем как следует осмотреться. Может, найдем что-нибудь, что пригодится в дороге. Например, фляги. Те, что есть, слишком маленькие. Запаса воды в них надолго на такую толпу не хватит, а один Отар знает, как долго нам еще блуждать по этой Богом забытой чаще.

Расходимся. Анигай исследует территорию один, потому что Мэд увязывается за Дерекком, к которому она, похоже, прониклась симпатией, после того как толстяк вытащил ее из-под носа драгов. Мы с Эваном идем к небольшому каменному храму, похожему на церквушку землян. Даже странно как-то видеть священное строение посреди Сумрачного леса. Оно чем-то напоминает приход отца Марка. И это невольно вызывает ностальгию. Вот уж не думала, что когда-нибудь буду скучать по Катару. Интересно, где сейчас отец Марк?..

Железная дверь оказывается заперта снаружи на массивный засов. Альтаирец не без труда открывает ее здоровой рукой. Делает шаг внутрь, но тут же отступает, преграждая мне путь.

— Не надо. Не заходи.

Поздно. Я успеваю увидеть, что весь пол храма усыпан остатками человеческих скелетов. Господи! Как же здесь было много детей! Их согнали в церковь и сожгли.

Слежу за взглядом Эвана. Он смотрит куда-то вверх. Теперь у меня не остается сомнения: это действительно было поселение Древних. Под куполом на цепях висит огромный деревянный крест. Это единственное, что не смог сожрать огонь. Не достал.

Мне становится не по себе. Я знаю, что Древние поклонялись тому же самому Богу, что и земляне. Богу, которого знаю я сама, — так уж вырастил меня отец Марк. Я знаю, что мой Бог, в отличие от жестокосердного, не знающего милости Отара, — Бог мира, а не войны.

Земной Бог на Дарии всегда воспринимался в штыки. До сих пор не понимаю — почему? Что такого страшного может сделать обыкновенная вера?

Вера в Того, кто создал всех нас. И кто по своей невероятной, необъяснимой милости несколько тысячелетий назад взял наши грехи на себя и тем самым позволил избежать ада, даровав жизнь вечную рядом с собой. Кто создал нас по своему образу и подобию. Честно, не понимаю... Что такого страшного в вере во все это? Почему простые религиозные убеждения на Дарии порой воспринимаются как опасность для целой империи?

Поговаривают, что именно из-за веры Древние не пользовались магией, которая была дана им от рождения. Магия шла от Отара. А Отар с самого начала противопоставлялся их Богу. Древние сознательно блокировали свои силы, которые были намного мощнее природной магии тех же ведуний.

Глядя на уничтоженное поселение, мне остается лишь поражаться силе их веры. Ведь Древние могли воспользоваться магией Отара и защитить себя, но вместо этого... Предпочли смерть, веря в бессмертие своих душ.

Глядя на скелеты маленьких ребятишек, валяющиеся у меня под ногами, невольно задумываюсь: а есть ли она, эта самая «бессмертная душа»? Стоит ли вера таких мучений?

Голос Эвана отвлекает меня от невеселых мыслей:

— Пойдем.

Хочу уйти, но не могу.

— Это сделал Дэмонион. Но не один. С ним были руарцы.

— Они выполняли приказ своего императора, — говорит альтаирец.

Его хладнокровие пугает.

— Ты их оправдываешь?

— Лишь констатирую факт.

— Я тоже часть Руара, — не выдержав, озвучиваю то, что гложет мне душу. — Если бы мне отдали такой приказ...

Эван усмехается.

— Ты бы поступила по-своему?

— Да! — В моем голосе звучат злость и неприкрытый вызов, хотя я прекрасно понимаю, что альтаирец ни в чем не виноват. — Зачем-то же нужна собственная голова на плечах!

Парень бросает на меня задумчивый взгляд.

— Ты не похожа на шатеру. Они не оспаривают приказы.

Во мне внезапно вновь начинает бурлить ревность.

— И много ты знал шатер?

Мы снова затрагиваем болезненную для обоих тему. Лицо Эвана передергивает злая усмешка.

— Достаточно.

Разворачивается и уходит.

Отар его побери! Словно пощечину дал. Ну ничего! Я тоже в долгу не останусь!

Мы встречаемся с ребятами на том же месте, откуда расходились. Дереку и Мэд удастся найти несколько вполне сносных фляг. Анигай притаскивает оружие для землянина и альтаирца. Вручает им по легкому мечу. Даже Мэд достается небольшой, но зато острый клинок.

— Лучше бы негодились, — бурчит брат. — Владеть хоть немного умеешь?

Землянин презрительно фыркает:

— Собираешься с этим против огнестрелов хардрогов пойти?

— Против хардрогов, возможно, нет, но вот против драгов... — рассудительно отмечает Эван, взвешивая меч в руке, словно пытаясь определить его баланс. — Спасибо, Анигай. Пригодится.

— Не за что, — хмыкает брат.

Надо же! Зашкаливающая вежливость! Интересно, что на них нашло?! Когда это братец с альтаирцем общий язык найти успели, они же с детства на дух друг друга не выносят? Признаться, их расшаркивания меня начинают несказанно нервировать. Не люблю неожиданности.

— Ничего себе! — присвистывает Дерек, глядя на компас. — Гляньте-ка! Эта железка снова заработала!

Прибор без всяких помех показывает нам карту местности.

— Далеко вглубь забрели? — обреченно интересуюсь я, не надеясь на хорошие вести.

— С какой стороны посмотреть. От места падения планолета далеко, — жизнерадостно усмехается Дерек, шальным взглядом окидывая нас. — А вот от окраины леса — близко! Чудо какое-то! Как скачок в пространстве! Часов пять ходьбы, и мы в Адейре!

Ошарашенно переглядываемся.

— Тоннель за водопадом — это портал! — догадывается Эван.

— Поэтому компас возле него и сходил с ума, — поддакивает Анигай.

На душе облегчение. Счастливая Мэд бросается на шею не менее радостному Дереку. Я полностью разделяю их восторг: неужели наши злоключения в Сумрачном лесу наконец-то подойдут к концу?! Но неожиданно к сердцу подступает щемящая тоска. До меня внезапно доходит: как только я верну кристалл на место, мы с Эваном расстанемся. И теперь навсегда.

На душе тошно. Жаль, что я слишком поздно поняла... Счастье зависит не от места, где живешь, а от родных людей, которые тебя окружают. Впрочем, мы с альтаирцем больше не родные. Я для него лишь одна из шатер, которые ублажают его. Что ж, ею и останусь.

Гордыня. Обида. Ревность. Злость...

...Не самые лучшие советчики, внезапно понимаю я. Снова смотрю на Эвана и вижу в нем того самого мальчишку-альтаирца, рядом с которым прошли мои самые счастливые годы.

А вдруг Эван все же разрешит мне остаться рядом? Эта мысль предательски окрыляет и подталкивает к другой: надо набраться храбрости и поговорить с ним. И лучше не откладывать в долгий ящик — объясниться сейчас, до того, как двинемся в путь. Потом возможности поговорить спокойно уже не будет.

— Эван, можно тебя на пару слов? — От волнения слегка подкашиваются ноги, но я стараюсь не подавать вида.

Мы отходим к одному из полуразрушенных зданий. Остальным не до нас — споря, прокладывают на карте кратчайший путь до Адейры.

— Слушаю.

Голос Эвана звучит настолько сухо и отстраненно, что я теряюсь. Моя решимость резко идет на убыль. Дурацкая это была затея! Как ни крути, сложно признаваться в чувствах человеку, для которого ты, похоже, уже ничего не значишь.

— В чем дело? Почему наедине?

Честно! Не понимаю! Как в одном человеке могут уживаться две абсолютно противоположные личности? В минуту опасности Эван, не задумываясь, бросается на мою защиту, рискуя собственной жизнью. Но как только опасность исчезает, он тут же дистанцируется, превращаясь в холодного, высокомерного незнакомца. Мне что — теперь постоянно жизнью рисковать, чтобы альтаирец был подороже со мной?

— Почему ты на меня злишься? — с обидой выпаливаю я. — Я ничего плохого тебе не сделала! Ты так изменился! Не в лучшую сторону.

— Кто бы говорил!

Эван насмешливо смотрит на меня, всем видом показывая, что остро поражается моей наивностью. И теряюсь. Мой мальчишка-альтаирец никогда не был злым и высокомерным. А

этот... Наверное, зря я все-таки затеяла разговор.

— По-твоему, у меня нет причин для досады?

Ничего себе постановка вопроса! Он даже и не пытается отрицать, что дует на меня. Только вот за что? Не припомню, чтобы я успела напакостить Эвану до нашей встречи в Руаре.

— Не то чтобы нет... — мямлю я.

Безусловно, в чем-то он прав... Мне не надо было менять его на Руар. Наверное, он это имеет в виду. Эван же сразу предлагал мне поехать с ним в Адейру...

— ...Но я не думаю, что все так уж критично! У тебя нет причин ненавидеть и презирать меня за мой выбор!

— Да что ты говоришь?! — откровенно ерничает альтаирец. И тут его прорывает. — Ты считаешь нормальным, что моя жена стала шатерой и теперь спит со всеми мужиками, к которым ее подкладывают? Ты об этом мечтала там — в Катаре? Так может, мне и не стоило мешать кузнецу, раз у тебя изначально были планы пойти по стопам матери? — Горький сарказм так и льется из моего уже бывшего друга. — Прости, дорогая, но рога мне не к лицу! Как только мы вернем кристалл, каждый пойдет своей дорогой. Я не желаю тебя больше знать! Еще вопросы будут?!

Сказать, что я изумлена, — это не сказать абсолютно ничего.

Да за кого он меня принимает?! За беспутную Акрабу?! Альтаирец же прекрасно знает, как я отношусь к «веселой» профессии моей мамы! Ну все! Теперь этому дураку точно нет места в моей жизни! Он сам поставил жирную точку на нашей детской дружбе.

— Да пошел ты знаешь куда!

Тоже мне — ревнивый муж нашелся!

И Эван пошел. Обратно к ребятам.

Немного поостыв, соображаю, что альтаирец не без основания принимает меня за шатеру. Он ведь не знает, что я из касты воинов. Вдобавок я сама пришла в его спальню. Эван не в курсе, что в мои планы входило лишь обчистить его и свалить. Но это все равно не оправдывает моего бывшего друга! Вместо того чтобы с самого начала нормально, без претензий и обид поговорить со мной, он сразу вынес приговор! Конечно! Задето дурацкое мужское самолюбие!

Да и вообще, какое право он имеет предъявлять мне претензии? Что хочу — то и делаю! Какая я ему жена?! Так... Чисто на бумаге. Какое ему дело, с кем и какие у меня отношения?! Я же не спрашиваю его про воображалу Айрис, которой он играл на скрипке мою мелодию!

Воспоминания об Айрис будят ревность, которая порождает возмущение. Ах, тебе не нравится, что я общаюсь с другими мужчинами?! Прекрасно! Мне, знаешь ли, тоже не слишком по душе, когда ты с блондинками флиртуешь!

Догоняю Эвана.

— Знаешь, я согласна! Ты идешь своей дорогой — я своей! И на будущее, дорогой! Поосторожнее входи в двери, а то рога у тебя и впрямь ветвистые. Не ровен час — застрянешь!

О! Все-таки месть сладка! Надо видеть лицо Эвана! Я наслаждаюсь его гневом, горечью, обидой... Правда, недолго, потому что его глаза вспыхивают ярким светом. Запоздало понимаю, что я перегнула палку. Довела до бешенства. В таком состоянии он мне голову в два счета открутит! Но кто ж мог знать, что Эван такой ревнивец и собственник?!

Разъяренный альтаирец делает шаг ко мне.

— Э-э-эван, успокойся! — испуганно отступаю к двери ближайшего дома. — Я пошутила! Слышишь! Не воспринимай мои слова всерьез! Я просто хотела тебя позлить.

— У тебя получилось. — Не успеваю ойкнуть, как парень подхватывает меня здоровой рукой, перебрасывает через плечо и затаскивает в дом.

Орать и звать на помощь смысла нет. Анигай как пить Дать сразу сцепится с Эваном, и все

— начало конца. Они осуществляют заветную детскую мечту и поубивают друг друга. А виновата буду я! Одна надежда, что здравый смысл все-таки возобладает и ничего плохого Эван мне не успеет сделать.

— Отпусти! Отпусти сейчас же! — зло требую я, колошматя альтаирца со всей дури кулаками по спине. Но тому хоть бы хны. Он в разы сильнее меня.

Эван прижимает меня к стене и целует. По телу тут же разливается волна предательской дрожи. Сама не замечаю, как отвечаю на требовательный поцелуй. Неуверенно, робко. Я словно исследую неизведанную территорию...

— Тебя хорошо обучили, — зло шепчет Эван, на секунду отрываясь от моих губ. И тут же зарабатывает звонкую пощечину. Тоже мне учитель нашелся!

— Придурок!

В ответ альтаирец снова страстно целует меня, увлекая на проржавевшую кровать. Пытаюсь сопротивляться, но получается плохо. То ли потому, что он намного сильнее, то ли потому, что в душе я и не хочу освободиться от его объятий. Уж если кому и отдаваться, то лучше мужу. Законному и, если честно, любимому. Жаль только, что у Эвана все еще сверкают нехорошей синевой глаза. Возможно, когда все закончится и он придет в себя, то даже не вспомнит о случившемся. Или еще хуже: вспомнит и пожалеет. Понимаю: его надо оттолкнуть, остановить, но... Я так соскучилась по своему мальчишке-альтаирцу!

Однако дальше поцелуев у нас дело не заходит, потому что внезапно рядом раздается приятный старческий голос:

— Малика, что у нас сегодня на обед?

Мы замираем, с изумлением прислушиваемся. В доме начинают звучать и другие голоса: старушки, молодежи, детей. Одновременно из распахнутого окна в комнату влетает гул ярмарочной толпы: песни, смех, выкрики торговцев.

Эван медленно приподнимается. С невольным облегчением вздыхаю. Должна признаться, парень очень тяжелый. Думала, кости мне раздавит своим телом. Цвет его глаз постепенно возвращается в норму. А вместе с этим и способность здраво мыслить.

Настороженный альтаирец притягивает меня к себе, словно пытаюсь оградить от предполагаемой опасности. Вот и пойми его после этого! То хочет мне шею свернуть, то как с последней беспутной обращается, то берет под защиту. Видимо, это что-то из разряда: орать и обижать ее могу только я сам, а остальные не смейте. В этом они с Анигаем весьма похожи.

— Что происходит? — испуганно шепчу я, покрепче цепляясь за его одежду.

А происходит то, что все вокруг, как по волшебству, оживает, превращаясь из руин в бурлящую жизнью деревушку.

Растерянно оглядываемся. Дом принимает жилой вид. Со стен исчезает гарь. На окнах появляются симпатичные шторы, в центре комнаты — стол, накрытый белоснежной скатертью. И тут я вижу старушку! Сначала она словно призрак. Полупрозрачное видение. Но уже минуту спустя фигура пожилой женщины, накрывающей стол к обеду, принимает полностью реальные очертания. Дверь распахивается, на пороге появляется бородатый старик с добрыми смеющимися глазами, в льняной светлой рубаше, темных штанах, заправленных в сапоги. Он проходит в дом, абсолютно не замечая ошарашенных гостей. Садится на кровать рядом с нами.

Я бросаю взгляд в распахнутую дверь и замираю от шока: вместо пустынной, поросшей бурьяном площади пред нами веселая ярмарка — и сотни празднично разодетых ЖИВЫХ поселян.

Крепко вцепившись в руку растерянного Эвана, иду следом за ним по ожившей, бурлящей праздничной площади. Ярмарка в самом разгаре. С изумлением осматриваюсь: кто все эти люди? Призраки прошлого? Время действительно словно обратилось вспять: на моих глазах осколки ваз соединяются воедино, скелет собаки, валяющийся под ногами, превращается в симпатичного, дружелюбного пса, который, виляя хвостом, бежит за семилетним смеющимся мальчишкой, чьи кости еще пару секунд назад лежали в кустах неподалеку. Но если это прошлое, то почему в самом центре деревушки по-прежнему стоит явно заброшенное здание, обложенное цветами, словно мемориал? Та самая церковь, в которую заходили мы с Эваном.

Ничего не понимаю! Абсолютно ничего!

Лавируя сквозь радостную, нарядно разодетую толпу, мы подходим к нашим не менее ошарашенным спутникам, стоящим у старого колодца.

— И часто у вас на Дарии мертвые воскресают? — заторможенно интересуется землянин, не сводя глаз со стайки красивых девушек — они совсем рядом с нами, с воодушевлением примеряют разноцветные бусы.

— Не очень, — честно признается Анигай.

— Может, это отголоски? — На удивление расхрабрившаяся Мэд подходит к девушкам-призракам. С любопытством рассматривает украшения, разложенные на прилавке торговца. — Красивые. Я тоже такие хочу! Ада, глянь, какие браслетики!

На автомате делаю шаг к подруге, но Эван останавливает:

— Куда?! Я тебе лучше в Адейре браслетики куплю.

— Женщины! Побрякушки ценнее жизни! — пренебрежительно фыркает братец, оттаскивая от прилавка недовольную Мэдлин. — Иди сюда, курица! Это не отголоски! Не может их быть целая деревня, к тому же... Мы уже минут десять на них любуемся. Отголоски бы давно растворились.

Для чистоты эксперимента Дерек подходит к парочке беседующих поселян, проводит ладонью перед глазами одного, затем другого. Оборачивается к нам.

— Они нас не видят.

— Призраки?! — взвизгивает Мэдлин.

— Скорее это мы для них призраки, — задумчиво отзывается Эван, вглядываясь в поселян.

— И как долго все это будет продолжаться? — Анигай пытается ударить проходящего мимо деревенского парня, но рука с легкостью проходит сквозь него. — Если это прошлое, то почему храм не изменился?

— А может, это настоящее, — внезапно выдает Мэд. — Ну, типа жизни после смерти. Ада рассказывала мне про земного Бога. — Она оборачивается к Дереку. — У вас, землян, вроде так?

Анигай удивленно присвистывает:

— Опаньки! А ты, оказывается, и мозгами пользоваться умеешь?

Для братца становится откровением наличие у шатеры интеллекта. И зря. Мэд более чем не дура. Не зря же у нее хватает ума скрывать от посторонних свои мозги.

— В отличие от тебя — да, — не остается в долгу шатера.

— Типа параллельного измерения? — резюмирует Дерек, тоже заметно впечатленный догадкой Мэд. — Они вроде умерли — и не умерли одновременно. Живут себе припеваючи в этом мире, забот не знают. Для них жизнь после смерти просто продолжилась. Вот только что это? Магия Сумрачного леса?

— Вряд ли. — Эван оглядывается по сторонам. — Тогда они были бы просто отголосками. Мне кажется, здесь действует что-то гораздо более сильное. Сумрачный лес не смог защитить деревню от нападения, а эта магия — смогла. Возможно, Мэд права. Отар здесь ни при чем.

— И что будем дальше делать? Стоять и смотреть? — интересуется Мэд. — Не знаю, как

вам, а лично мне не сильно приятно торчать в толпе полупризраков, которые то и дело проходят сквозь тебя.

Слова недовольной шатеры звучат весьма здраво. Особенно учитывая, что как раз в этот момент через Мэд проходит старушенция с клюкой.

Остаться в ожившем поселении больше нет смысла. Осторожно лавируя в толпе воскресших жизнерадостных поселян, ориентируясь на направление, указанное компасом, идем к окраине деревни. Как только поселение остается позади, ярмарочный гул смолкает.

Оборачиваюсь.

На месте развеселой ярмарки, свежевыкрашенных домов все та же неприглядная, поросшая бурьяном и деревьями пустошь, на которой одиноко торчат полуразрушенные выжженные домишки.

Резкий порыв ветра приводит в движения колокол, висящий под куполом каменного храма. Приглушенный заунывный перелив колоколов растекается по округе, словно напоминание о том, что жизнь и смерть всегда рядом.

— Смотрите! Смотрите! — заинтригованно взвизгивает Мэд, показывая на один из домов на самой окраине деревни. — Вы ее видите? Видите?!

На этот раз сомнений нет: перед нами отголосок. Девушки. Совсем юной. Лет пятнадцати-шестнадцати. Моя ровесница. Она возникает из воздуха. На бегу. И она не живая, как поселяне на ярмарке. Почти прозрачная. За девушкой словно шлейфом веет холодным дыханием смерти. Не знаю, как остальные, но я чувствую его кожей.

Да... Это точно отголосок. Я бы даже сказала не так...

Девушка-призрак.

Я не чувствую в ней радости, которая исходила от воскресших жителей сожженной деревушки. Напротив: при виде ее мою душу захлестывают страх, беспокойство, тревога и... желание. Острое, неконтролируемое, неподвластное разуму.

Ее желание. Совпадающее каким-то невероятным образом с моим — любить и быть любимой.

Босоногая. В длинном льняном платье. Редкие для Дария светло-русые волосы спадают ниже талии. Чтобы не разлетались на ходу, они в нескольких местах перехвачены тесьмой, образуя волны. Я сама частенько делаю так, когда мне бывает лень плести косу.

Девушка украдкой пробирается на окраину деревни. То и дело настороженно оглядывается, словно боясь, что ее поймают и вернут обратно в отчий дом. Не знаю почему, но меня как магнитом тянет к незнакомке. Хочется как следует рассмотреть ее лицо, которое даже издали почему-то кажется до боли знакомым.

Осторожно высвобождаю руку из теплой ладони Эвана, делаю шаг к отголоску, который уже добежал до груды огромных камней, лежащих у рощи. Девчонка останавливается возле них, наклоняется и вытаскивает из камней заранее спрятанный узел с вещами, после чего бросается к лесу.

Не выдерживаю — бегу за ней.

— Ада! Ада, подожди! — Эван настигает меня в паре метров от опушки, прижимает к себе. — Стой, говорю! Ты что, на тот свет захотела? Забыла озеро?

Нет. Я не забыла. Словно зачарованная, я боюсь оторвать взгляд от отголоска.

— Ты-то куда несешься, курица?! — Возмущенный голос брата заставляет меня на секунду оторваться от незнакомки. Кричит он не мне.

Раздосадованный Анигай пытается догнать не меньше моего заинтригованную Мэдлин, которая бежит напропалую через кустарники, чтобы тоже поближе разглядеть девушку-призрак. Брат нагоняет шатеру, когда та уже оказывается в нескольких шагах от отголоска. А дальше

начинается нечто совсем странное. Моя подруга, похоже, окончательно слетает с катушек. Вид у нее откровенно шальной.

— Дохлый драг меня побери! Ада! Ада! Это же она! — восторженно орет Мэд, даже не задумываясь о том, что может спугнуть отголосок. — Ты узнала ее?! О-о-о! А-а-а! Она живая! Я видела ее вживую! Отар меня приподними и пришлепни! Да все девчонки в Руаре с ума сойдут от зависти! Главное, чтобы только поверили! Если что — подтвердишь! О Отар! Она еще красивее, чем на портретах!

Я не сразу понимаю, о чем блажит явно сошедшая с ума то ли от восторга, то ли от затянувшегося опасного приключения шатера. Лишь через пару минут до меня доходит, почему Мэдлин столь неадекватно реагирует на образ этой девчонки.

Незнакомка всматривается в чашу Сумрачного леса, будто ожидая кого-то. Прижимая к груди скудный узелок с одеждой, то и дело нервно оглядывается в сторону поселения Древних. Нет сомнений, что девушка — одна из них. Поэтому ее волосы светлее, чем у обычных дарийцев, а глаза отдают зеленью.

Мне непонятно только одно: почему она хочет уйти от них? От своей семьи, друзей, близких. Разве есть в этой жизни нечто более ценное, чем семья? По мне — так нет! Причем не просто уйти, а сбежать. Почему? Куда? С кем? Вопросы, на которые нет ответа.

Осторожно высвобождаюсь из крепких объятий Эвана, подхожу ближе к отголоску. Вглядываюсь в черты лица и... отказываюсь верить собственным глазам. От удивления перехватывает дыхание.

Теперь я понимаю шальной вид Мэд. В отличие от меня, она узнала ее сразу.

Меня, как и Мэдлин, охватывает благоговейный трепет.

О да! У моей подруги были все причины блажить от восторга. Я сама на грани того, чтобы не повторить истерику шатеры.

Теперь я понимаю, кого мне напоминает незнакомка! Я тоже видела ее раньше! Но только не вживую, а на портретах.

Нет никаких сомнений: перед нами она — благословенная императрица Арасэли, усопшая любимая супруга императора Дэмониона.

8. СЕРДЦЕ ИЛИ ДОЛГ?

Альтаир. Императорский дворец

Издалека его можно принять за огромный, сияющий кристалл, возвышающийся над хрустально-белесым сверхсовременным мегаполисом Эквириэлем — столицей Альтаира. Острые шпили до облаков. Вокруг, словно ров, матово-голубая река Андора. Прозрачный сверхпрочный мост. Изысканная архитектура, гармоничные пропорции. Императорский замок неизменно поражает своей грандиозностью и высокотехнологичностью.

Альтаир. Планета, поражающая своей правильностью, чистотой, экологией, педантизмом и... улыбками.

В отличие от Дария, где разбег от любви до ненависти у жителей может составлять ровно полсекунды, альтаирцы всегда славились выдержанностью и приветливостью. Впрочем, столь поразительный самоконтроль на самом деле заслуга не столько альтаирцев, сколько специального антиэмпативного препарата, инъекции которого они по собственному желанию делают каждое утро.

Почти неосязаемый укол позволяет сохранять эмоции под контролем весь день. Препарат абсолютно безвреден: не вызывает привыкания, не имеет побочных эффектов. Если, конечно, не считать «побочным» явлением отсутствие резко выраженной эмпатии — способности сопереживать другому человеку. Нет, она, безусловно, остается, но в приглушенном состоянии. И это позволяет альтаирцам держать свои — порой разрушительные — эмоции под контролем.

Отказаться от приема препарата можно в любой момент, но мало кто так поступает, потому что держать собственную жизнь и чувства под контролем для альтаирцев куда приятнее и привычнее, чем погружаться в хаос эмоциональных проблем и дилемм. Благодаря подобной гражданской сознательности на Альтаире практически полностью отсутствует преступность. Еще один плюс вакцины — крепкая нервная система позволяет прекрасно выглядеть, увеличивает продолжительность жизни. Поэтому альтаирцы живут, как правило, дольше измотанных стрессами дарийцев и землян, хотя в целом их жизненные циклы совпадают.

Первые морщинки и легкая проседь — вот что не заметил вечно занятый муж во время последнего прилета домой, и зря. Будь он более внимательным к супруге, то увидел бы излишнюю бледность и круги под глазами, покрасневшими от постоянных слез. Может, тогда бы понял, что она втайне от мужа вот уже несколько лет как отказалась от антиэмпативных инъекций.

Анна-Мария Илиандэлла Альтаирская. Красивая, рыжеволосая, с усталыми зелеными глазами. Ей было двадцать, когда ее выдали замуж. Династический, заранее спланированный брак. Без любви. Без эмоций. И она была готова к этому. Иначе в ее семье, ведущей начало от старейших родов альтаирской знати, просто и не могло быть. Единственное, к чему Анна оказалась не готовой, так это к любви, которая зародилась в ней вместе с появлением детей. Трех сыновей: Радиэля, Грэгори и Иоанна Дрогварда-младшего.

Муж оказался хоть и суровым на вид, но в душе добрым, деликатным человеком, правда, излишне обремененным монархическим долгом. Возможно, со временем привязанность к нему могла бы перерасти в нечто большее, если бы не одно большое «но». Сердце императора Альтаира, Иоанна Дрогварда Первого полностью и безвозвратно принадлежало империи. Благополучие подданных всегда было для Иоанна превыше всего.

Даже собственной семьи.

Поначалу Анна-Мария относилась к этому с пониманием. Но оно закончилось, когда

несколько лет назад в угоду интересам империи муж отправил на Дарий в качестве залога перемирия младшего сына — двенадцатилетнего Дрогварда. Доброго, болезненного мальчика, который отличался от старших братьев бесконфликтным характером. Когда старшие с увлечением сражались на мечах, Эван предпочитал играть на скрипке. Старшие с детства готовились к войне, а младший думал о мире. Неудивительно, что, когда встал вопрос, кого из сыновей отправлять на Дарий, Эван вызвался сам.

На что рассчитывал в тот момент ее мальчик? На то, что вечно занятой отец впервые заметит его, отнесется к нему серьезно? Остановит? Отговорит? Пошлет на Дарий одного из более сильных и выносливых старших сыновей?

Вряд ли.

Скорее всего Эван просто сделал то, чего на самом деле и хотел от него отец: сохранить подготовленных наследников для управления Альтаирской империей, а младшего, «запасного» сына сделать заложником перемирия. Может быть, ее Эван и был с детства физически более слабым ребенком, чем старшие дети, но он никогда не был дураком. В каком-то смысле именно ему, болезненному, в чем-то робкому, достался по-настоящему сильный характер. Мать знала это. Отец — не замечал.

Видит Бог: Анна-Мария сделала все возможное, чтобы уберечь ранимую душу сына от не слишком приятной правды. Но шила в мешке не утаишь. Император Альтаира никогда особо и не скрывал, что с самого начала делал ставку на старших сыновей — крепких, смелых парнишек. Радиэлю с момента рождения было уготовано занять в будущем императорский трон. Грэгори — стать «правой рукой» брата. Радиэль будет править на Альтаире, а Грэгори — руководить военной армией. Поэтому с двенадцати лет старшие сыновья постоянно находились при отце, даже в его самых дальних военных походах. По мнению императора, будущие правители должны набираться опыта с малолетства.

Что же касается младшего — Иоанна Дрогварда, или просто Эвана, как с детства звала его мать, — то он, в отличие от старших братьев, не был запланированным ребенком. Зато был желанным. По крайней мере матерью.

Пожалуй, та ночь стала единственной, когда они с мужем, вернувшись домой с веселого праздника, решили продолжить его в спальне. Оба чуть-чуть выпили. Оба пребывали в очень хорошем настроении. И оба на одну ночь забыли, что брак у них по расчету, а детей надо делать исключительно «по плану», а не по любви.

Всего одна, но такая счастливая ночь.

Да, с позиции престолонаследия Эван оказался ненужным ребенком. Излишнее количество императорских отпрысков в будущем порождает чехарду вокруг престола. А это еще не одну империю ни к чему хорошему не приводило.

Ненужным, но особенным для Анны-Марии, которой на одну ночь показалось, что ее очень сдержанный в эмоциях муж все же... по-своему любит ее.

Венценосные супруги никогда не говорили об этом. Так и осталось загадкой, кем стал слабенький, болезненный Эван для отца. Разочарованием, напоминанием об эмоциональной «слабости» — или отрадой, благословением, отдушиной. Живым напоминанием того, что император тоже способен на любовь.

Сомнения Анны-Марии Илиандэллы рассеялись в тот день, когда Иоанн пожертвовал их «ненужным» ребенком во имя империи, отдав младшего сына в качестве залога перемирия. Муж пошел на это, прекрасно понимая, что скорее всего они больше никогда не увидят Эвана живым. Как только перемирие закончится, принц будет убит. Единственное, что оставалось матери, — молиться, чтобы смерть младшего сына была быстрой и не мучительной.

Вначале, чтобы не сойти с ума от беспокойства за Эвана, Анна-Мария увеличила дозу

антиэмпативных инъекций. Но в какой-то момент до нее вдруг дошло, что искусственно созданный покой порождает в душе лишь пустоту, которую невозможно заполнить ничем: ни уходящей симпатией к мужу, ни любовью к старшим детям, не говоря уже о преданности империи, которую она со временем стала откровенно ненавидеть. Потому что именно из-за гражданского долга перед незнакомыми ей людьми пришлось пожертвовать самым дорогим, что у нее было, — своим ребенком. И однажды утром, вместо того чтобы принять очередную дозу препарата, императрица просто выбросила его.

Навсегда.

Да, после этого жизнь сильно изменилась. Вместо привычной мертвой тишины душу заполнили вернувшиеся из глубин эмоции. Они кричали, бунтовали, ругались, страдали, истерили... жили.

Жестокая обида на мужа.

Фанатичная любовь к старшим детям.

Панический страх потерять хотя бы одного из них.

Ненависть к гражданскому долгу.

А еще тоска. Не проходящая, всепоглощающая... Тоска по младшему сыну.

Все это выворачивало душу наизнанку. Она наверняка бы сошла с ума, но мужу удалось организовать через межпланетный информационный канал визуальную связь с Эваном. Пусть и через голографический экран, но мать все же могла хотя бы изредка общаться с сыном. Лишь это давало Анне-Марии Илиандэлле силы жить дальше.

Радость и боль — вот что испытывала женщина, видя, как вдали от нее растет ее мальчик. Как ребенок превращается во взрослого мужчину. На чужой планете. Далеко от семьи. Один.

В последние годы перемирие упрочилось, и императрица даже стала допускать мысль, что когда-нибудь ей удастся обнять своего сынишку, но последний сеанс связи разрушил и без того хрупкие надежды.

Впервые за время пребывания на Дарии Эван не вышел на связь.

Паника. Отчаяние. Боль. Злость на мужа. Впрочем, если бы только злость... Ненависть! Вот что переполняло сердце и душу императрицы Альтаира.

Нервно меряя шагами просторный кабинет Иоанна, женщина то и дело бросала взгляд на огромный голографический экран, висящий в центре комнаты. Супруг должен вот-вот выйти на связь.

Наконец экран вспыхнул.

Усталые синие глаза. Точно такие же, как и у их младшего сына.

— Вы узнали, что с ним?

Пожалуй, только сейчас до Анны-Марии в полной мере дошло, как же все-таки абсурдна ее жизнь: она прожила с мужем под одной крышей четверть века, родила ему троих детей и до сих пор... До сих пор обращается к нему на «вы», как к чужому человеку. Впрочем, так оно и есть. Годы династического брака не сделали их близкими людьми. Из-за постоянных разъездов Иоанна они и видятся-то не чаще, чем раз в пару месяцев.

Молчание супруга оказалось красноречивее любого ответа.

— Где наш сын?

— Не знаю, — честно признался император, впервые в жизни не отваживаясь смотреть в глаза жене. — Их планолег исчез с радаров над Сумрачным лесом. Поисковые отряды уже прочесывают местность, но... Пока результатов нет.

Анна-Мария закрыла лицо руками. Ее плечи нервно задрожали.

— Илиандэлла, что с вами? Почему вы так взволнованы?

Удивление Иоанна можно было понять — антиэмпатические инъекции обычно намертво

блокируют столь резкую эмоциональную реакцию.

Императрица убрала ладони от лица, давая изумленному мужу вдоволь насладиться ее истерикой.

— Почему я так взволнована?! Да потому что моего сына, возможно, уже нет в живых! Но боюсь вам, ваше императорское величество, этого не понять!

Слова жены ударили, как пощечина. Никогда. Никогда Иоанн Альтаирский не видел свою супругу в таком состоянии.

— Вы не сделали сегодня инъекции? Я настоятельно рекомендую...

Но договорить императору не удалось.

— Как же я ТЕБЯ ненавижу! — захлебываясь от рыданий, выдала Анна-Мария, впервые перейдя с мужем на «ты». — И да! Я перестала делать инъекции! Уже давно! Много лет назад! Потому что не хочу превратиться в такое же бездушное, безэмоциональное существо, как ТЫ! Даже звери и те заботятся о своем потомстве!

Удивление, смятение, испуг — на лице Иоанна за несколько секунд сменилась целая гамма эмоций.

— Илиандэлла, вы переходите грань дозволенного...

— Нет, мой дорогой! — Зеленые глаза императрицы пылали злобой и презрением. — Грань дозволенного уже давно перешел ты, отправив на Дарий нашего сына. Ты поставил интересы империи превыше собственной семьи. И я никогда! Слышишь?! Никогда тебе это не прощу! Будь ты проклят, Иоанн Альтаирский! Если ты не вернешь мне сына живым и невредимым, то останешься вдовцом! Я тебе это обещаю!

Эмоциональный монолог супруги заставил Иоанна насторожиться, ибо он знал: жена никогда не бросает слов на ветер.

— Мне кажется, вам все же стоит сделать инъекцию...

Анна-Мария Илиандэлла зашлась истерическим смехом.

— А может, наоборот? Может, это тебе пора перестать делать инъекции?! Вдруг в тебе проснется хоть что-нибудь человеческое? Что ты за император, если не в состоянии позаботиться даже о своей семье?!

— Илиандэлла! Думай, прежде чем говорить! — взорвался Иоанн.

Слова жены задела за живое. Сложно признаться, но супруга попала в цель. Она озвучила то, в чем боялся признаться себе он сам. Эта мысль уже посещала Иоанна, и не раз: как можно быть хорошим правителем, если ты не в состоянии сделать счастливыми близких?

Но неужели она и вправду думает, что ему безразличен их сын? За эти годы не было и дня, чтобы император не думал об Эване. Эта боль всегда жила в его сердце.

— Вы действительно считаете, что мне нет дела до нашего сына?

— Да! Считаю! — ни секунды не задумываясь, выпалила императрица. Ей стоило немалых трудов взять себя в руки, обуздать бушующие эмоции, загасить вспыхнувшие недобрым сиянием глаза. — А еще я считаю, что вам, ваше императорское величество, не помешает тоже отказаться от антиэмпатических инъекций. Может, тогда вы поймете, что должен чувствовать отец, зная, что его родного сына скорее всего уже нет в живых...

Анна-Мария резким движением отключила связь. Экран погас прежде, чем Иоанн успел ответить жене.

Женщина в изнеможении опустилась на пол. Нет. Она не плакала. Нечем. Слезы уже давно выплаканы. Она просто сидела на холодном мраморном полу, изо всех сил пытаясь отогнать дурные мысли о судьбе своего ребенка. Но сделать это так и не получилось. Потому что темным, почти осязаемым туманом материнское сердце окутало дурное предчувствие: где-то совсем рядом с ее ребенком ходит смерть.

Я настолько поражена тем, что передо мной стоит будущая императрица Арасэли, что не сразу замечаю его. Отголосок всадника на вороном коне.

Притягательно-красивый темноволосый юноша с невероятным магнетическим взглядом. Ровесник Эвана. Лет девятнадцати, не больше. Он ловко спешивается. При виде девушки его надменных жестких губ касается улыбка.

Настоящая. Искренняя.

Я и не подозревала, что в юности император Дэмонион был настолько хорош собой.

Арасэли оборачивается. Забыв про все — про родительский дом, про возможную погоню, она, радостно смеясь, бежит к счастливому парню. Он подхватывает ее на руки, кружит, а затем, влюбленно глядя на девушку, целует.

Мое сердце наполняется восторгом и... легкой завистью. Вот бы и меня кто так любил. Сама того не замечая, крепче сжимаю руку Эвана.

— Они так счастливы... Как жаль, что Арасэли рано умерла, — озвучивает мои мысли Мэд.

Юный император подводит девушку к коню. Сначала запрыгивает на него сам, затем протягивает руку Арасэли. Взглянув в последний раз в сторону родительского дома, девушка решительно дает ему ладонь. Секунда — и она уже сидит рядом с любимым. Уютно устроившись впереди парня, обняв его, беглянка умиротворенно закрывает глаза.

В этот самый момент, убедившись, что Арасэли не видит, Дэмонион незаметно оборачивается. Его взгляд становится холодным, надменным. Император кому-то кивает. Слежу за его взглядом и чувствую, как в жилах застывает кровь. Неподалеку от опушки, в чаще Сумрачного леса, стоит та самая кавалькада — воины Руара, отголоски которых мы с Мэд и видели утром у озера.

Дэмонион прищипривает коня. По мере того как император на бешеной скорости увозит счастливую Арасэли подальше от ее семьи, ее прошлого, на опушку выезжают всадники под предводительством самого дэуса Карла. Вот уж не думала, что в молодости он выглядел именно так. На лысой голове еще нет татуировки змеи. Красивое, благородное лицо не испещрено шрамами.

И хотя воины Руара не сделали еще абсолютно ничего, мне не надо объяснять, что будет дальше. Все очевидно.

Не хочется об этом думать, но я должна признать: мой наставник приложил руку, а точнее дред ко всем тем бесчинствам, что творились в этой сожженной дотла деревушке, которая, возможно, и была последним поселением Древних на Дарии.

Закрываю глаза. Не хочу это видеть. Затыкаю уши, чтобы не слышать. Не хочу... Не могу... Но топот копыт, истошные женские вопли, детский плач, мужские крики, звук мечей непрошеными гостями врываются в сознание... Как и веселое потрескивание разбушевавшегося пожара... Зачем?! Зачем кристалл решил показать нам все это?!

Нет. Арасэли наверняка не знала, что возлюбленный сделает с ее семьей. Она не знала, что станет последней из своего рода. Иначе она бы просто не смогла прожить с ним столько счастливых лет.

Есть вещи, которые не прощают.

Я бы на ее месте точно не простила.

Стою, прижавшись к альтаирцу. Нет, не плачу, потому что не вижу смысла: слезами прошлого не вернешь. Не исправишь ошибок чужих тебе людей. И все же я пытаюсь понять, проникнуть в мысли Дэмониона. Почему он это сделал? Почему спас ее, но уничтожил всю ее

семью? Не замечаю, как спрашиваю вслух.

— Власть — это всегда ответственность, — внезапно отзывается задумчивый Эван. — Чтобы защитить одних, иной раз порой приходится жертвовать другими.

Злюсь на глупого альтаирца, который несет какую-то высокопарную ерунду. Не понимаю, о чем он говорит.

Или просто не хочу понимать.

* * *

Мы идем уже несколько часов. Звезда Сатаба неуклонно катится к востоку. Дерек не сводит глаз с компаса.

— По моим подсчетам, еще немного, и...

— Пришли! — восторженно визжит Мэд, указывая на довольно широкую проселочную дорогу, виднеющуюся сквозь ветви деревьев. — Пришли! Слава Отару!

Пожалуй, это первая радостная новость за день.

— Мы вышли прямо к Адейре?

— Нет. Чуть восточнее. — Землянин сверяется с прибором. — До окраины столицы еще километров сорок, но по прямой дойти уже будет не проблема.

— Сорок километров?! — взывает шатера. — Бедные мои ноженьки! Они столько не пройдут! Мы и так с самого утра почти без остановок идем. Давайте сделаем привал! Ну пожалуйста!

На самом деле слова Мэд звучат более чем разумно. Во-первых, ей действительно идти в разы тяжелее, чем нам. Кто хоть раз ходил по лесу в туфлях на каблуках, тот поймет, о чем я. А во-вторых, если честно, я и сама так устала, что просто мечтаю о привале.

— Может, таверна какая поблизости есть?

Наверное, в моем голосе настолько отчетливо звучит неприкрытая мольба, что Анигай и Эван, переглянувшись, сдают.

— Хорошо. Привал так привал, — подытоживает брат, поворачиваясь к Дереку. — Эй, толстяк, глянь на своей фиговине, есть здесь что поблизости? Может, постоянный двор какой?

Дерек бросает на нас возмущенный взгляд:

— Да вы что, с ума все посходили?! Тут до Адейры идти-то всего ничего! С каких это пор вы идете на поводу у девчонок?!

— Дерек, Анигай дело говорит, — глядя на уставшую меня, вмешивается в разговор Эван. — Мы и так сегодня прошли достаточно. В любом случае раньше завтрашнего дня в столице не окажемся. Зачем идти ночью, рисковать жизнью, когда утром мы вполне можем попробовать связаться с Адейрой, чтобы прислали планолет?

Вариант продолжить путешествие по воздуху землянину приходится по вкусу. Поэтому он перестает бурчать и лично с помощью компаса прокладывает путь к ближайшей таверне.

* * *

Небольшой постоянный двор забит до отказа повозками поселян вперемешку со сплайерами адейрцев — двухместными открытыми мини-планолетами, движущимися на воздушной подушке. Одного взгляда хватает, чтобы понять: эта таверна — местечко еще то. Ощущение, что здесь собрался сброд с самых разных планет. В таких притонах держи ухо остро, иначе

неминуемо нарвешься на неприятности. Помимо дарийцев, навалом землян — подданных и буйных. Нет лишь альтаирцев, которых за годы перемирия на Дарии прибавилось. Впрочем, чему удивляться. Эти снобы вряд ли бы опустились до посещения столь зланных мест. Эван не в счет. Хотя при других обстоятельствах он вряд ли бы решился на ночлег в таком клоповнике. Сегодня у него просто нет выбора.

— Ну что, пошли? — спрашивает Дерек, скептически рассматривая постоянный двор. — Слушайте, а вы уверены, что здесь безопасней ночевать, чем в Сумрачном лесу?

Словно в подтверждение его опасений дверь таверны распахивается, и из нее вылетает огромный, в стельку пьяный дариец. Шмякается мордой в лужу, однако не вырубается. Почти сразу встает и, помянув добрым словом маму трактирщика и всех ее ближайших родственников, со злобным ревом возвращается назад. Изнутри помещения тут же доносится звон битой посуды, крики. Вакханалия заканчивается предупредительным выстрелом в воздух. На пару секунд все вокруг смолкает, затем в таверне вновь начинает играть заводная музыка, и все, будто по волшебству, тут же забывают о неприятном инциденте.

В принципе ничего особо необычного для Дария. Дерек просто не бывал в катарском кабаке, куда мне в детстве частенько доводилось заглядывать в поисках затерявшейся мамы. Оттуда выкидывали порой не только пьяных посетителей, но и их уже готовые трупы. Поэтому местное заведение еще очень даже ничего.

— Лучше здесь, чем с драгами, — решительно заявляет Мэд. — Надеюсь, в этом Отаром забытом месте найдется пара свободных номеров.

Ребята направляются к трактиру. Эван немного задерживается. Ему надо достать из рюкзака дорожный плащ с капюшоном, чтобы завсегдатаи трактира не заметили, что он альтаирец. Тут он прав: лишний раз привлекать внимание пьяных дарийцев нам сейчас совсем ни к чему.

Замечаю, что накинуть и завязать плащ одной здоровой рукой, оказывается, не так-то просто. Молча подхожу к Эвану. Встав на цыпочки, помогаю разобраться с плащом, затягиваю тесьму.

— Спасибо. — Губ Эвана касается легкая улыбка.

Только сейчас замечаю, насколько он бледный. Не спрашивая разрешения, касаюсь его лба. Горячий! Не жар, но температура все же есть. Чувствую, как меня начинает охватывать паника, хорошо знакомая с детства. Эван всегда был слаб здоровьем. Каждый раз, сидя у его постели во время очередной болезни, я панически боялась, что мой мальчишка-альтаирец умрет прямо у меня на руках. Это даже странно: мальчишка вырос, превратился в здорового накачанного верзилу, а детский страх за его здоровье у меня никуда не делся.

— Надо тебе рану заново обработать и повязку сменить. Не дай бог инфекцию какую опять подхватил! У тебя же иммунитет на наши дарийские болячки никакой.

Альтаирец невольно усмехается:

— Тебе видней. Ты спец по лечению.

— Еще бы! В детстве у меня был друг, который с лету умудрялся любую инфекцию подхватить. Надо было мне, наверное, в касту врачей идти, — отшучиваюсь я, пытаюсь хоть немного скрасить мрачную тему. — А что? У меня богатый лекарский опыт.

Эван улыбается. Как тогда — в детстве. Просто и открыто. Только сейчас понимаю, как же я соскучилась по этой его улыбке.

— Надо было, — с легкой грустью поддакивает он.

— Эй вы, двое! Чего застряли? — Нетерпеливый голос Мэд возвращает в реальность.

Накидываю на Эвана посильнее капюшон.

— Ну все! Готово.

По детской привычке беря меня за руку, альтаирец решительным шагом направляется к

— Что значит «нет комнаты с ванной»?!

Похоже, разъяренная Мэд, стоящая перед слегка растерянным от такого наглого напора хозяином гостиницы, сейчас забьется в истерике.

На всю таверну оказалось всего два свободных номера с минимальными удобствами. То есть без ванной. В принципе нам этих комнат хватит за глаза: парни разместятся в одной, мы — в другой. Все лучше, чем ночевать под открытым небом в Сумрачном лесу да еще по соседству с вечно голодными драгами. Но Мэд, мечтающую как можно быстрее вернуться в свою привычную комфортную жизнь, такой расклад не устраивает.

— Дамочка, что вы так нервничаете? — психует, не выдержав, хозяин — дородный усатый дариец, которому лишние проблемы с посетителями явно не к чему. — Не нравится комната — ночуйте на улице! Я никого не неволю. У меня клиентов, вон, сами видите, хоть отбавляй!

Таверна действительно переполнена всяким сбродом, включая ярко разодетых потаскушек, не сводящих томных зазывных взоров с наших парней. И это мне абсолютно не нравится! Нечего Анигаю с беспутными флиртовать! Не ровен час, заразу какую подцепит! На Дерека мне в принципе плевать. Пусть что хочет, то и делает. Отвалится потом нос — сам виноват. А вот что касается альтаирца... Замечаю, как растерянный взгляд Эвана случайно пересекается с одной из размалеванных девиц... Альтаирец непроизвольно дарит ей вежливую улыбку, за что тут же получает от меня локтем в ребра.

— Ты чего?!

— Ничего.

Наблюдательная Мэд, от которой редко что укроется, многозначительно хмыкает.

— Знаешь, подруга, у меня за это путешествие к тебе столько вопросов накопилось, что даже не знаю, с чего и начать...

— С молчания, — услужливо подсказываю я.

Тем временем брат решительно отодвигает шатеру подальше от барной стойки и берет переговоры с хозяином таверны в свои руки.

— Мы берем обе комнаты. — Анигай бросает на стойку дары. — А на эту истеричку внимания не обращайтесь. У нее с головой того, после встречи с отголосками.

— Чего «того»?! — возмущению Мэд нет предела.

— А! Так бы сразу и сказали, — понимающе хмыкает мужик, пряча деньги и выкладывая на стойку ключи от комнат. — Я скажу, чтобы горячей воды для вашей ненормальной натаскали. Тазы для мытья тоже принесут.

— Будем премного благодарны!

Надо же! Оказывается, мой братец, когда жизнь совсем припрет, может быть очень даже вежливым и обходительным.

Поднимаемся на второй этаж. Наши комнаты находятся рядом. Между ними смежная дверь, которая запирается с каждой стороны на щеколду. Выходит, нам вместо двух отдельных номеров дали один сдвоенный. По мне так даже и лучше — легче за раненым Эваном ухаживать будет. Зато неугомонная Мэд продолжает бухтеть:

— Это никуда не годится! Никуда! Да за такие деньги, что мы ему заплатили, нам каждому по отдельной комнате должны были дать! И каждая с ванной быть должна!

— Ада, заткни свою подругу, пока это не сделал я, — требует Анигай. — Эту курицу

послушай, так ей все должны!

— Ой, кто бы говорил! — не унимается Мэд. — Драг, мешком пуганный! Только и умеешь, что хамить!

Должна признаться, что даже мне, живущей с Мэдлин в одной комнате уже несколько лет, за день всерьез поднадоело ее беспросветное бухтение.

— Мэд, кончай бухтеть! Принеси лучше тазик с водой, — прошу я. И аккуратно снимаю с Эвана, сидящего на кресле, повязку.

Шатера недовольно фыркает.

— Что я вам, серая прислужница?

Но за водой все же идет.

Пока Мэдлин отсутствует, внимательно осматриваю рваную рану альтаирца. М-да... Дело, похоже, дрянь... Рана, оставшаяся от укуса драга, покраснела, опухла, но что еще хуже — наполнилась гноем.

— Что, совсем дела плохи? — с вымученной улыбкой интересуется Эван.

Господи, как же ему должно быть больно все это время, а он даже ни разу не пожаловался! — запоздало доходит до меня. Я бы на месте Эвана уже давно криком бы изошлась.

— При мне можешь не храбриться.

Про себя всерьез начинаю думать, что, может, идея Дерека отправиться в Адейру ночью была не так уж и плоха. Так мы бы быстрее передали Эвана в руки врачей.

Мэдлин приносит тазик с водой. Морщится при виде раны. Торопливо отходит.

— И как ты копаешься во всем этом? Ненавижу кровь! Фу! Там что, гной?!

— Мэд, иди отсюда со своими комментариями, — обрываю подругу на полуслове.

Можно подумать, я люблю рассматривать и копаться в гниющих кровоточащих рваных ранах. Но кто, кроме меня, здесь и сейчас сможет нормально обработать рану и сделать перевязку? Никто! Лекаря при таверне нет — я узнавала. А нет лекаря, значит, нет и выбора.

Осторожно обрабатываю рану антисептиком, который дал хозяин таверны. Свой запас я уже израсходовала. Перебинтовываю чистой повязкой. Заставляю альтаирца принять жаропонижающее и препарат, подавляющий боль.

— Вроде все. Боль должна уйти. А теперь в постель.

Эван послушно заваливается на узкую кровать, стоящую неподалеку от камина. Анигаю и Дереку достается по старому дивану. Нам с Мэд везет больше: в нашей комнате стоит огромная двуспальная кровать, на которую мы, после того как удастся с помощью принесенной горячей воды принять некое подобие душа, заваливаемся спать.

Вот только заснуть сразу не получается. Анигай, которому выпала очередь после меня принимать водные процедуры, отчаянно бренчит ковшом в уборной — небольшой комнатушке, похожей на кладовку. Слышатся грохот, ругань. Обеспокоенно подбегаю к двери.

— Эй, ты там жив?

— Жив, жив, — бурчит брат. — Ты лучше скажи, куда мыло засунула?

— Под вторым тазиком лежит.

— А зачем всю горячую воду выплескала? — продолжает ворчать он. — Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты горячей воды мне больше оставляла!

— Ой, подумаешь, цаца! — фыркаю я. — Ты парень, нужна вода — сам за ней вниз спустишься!

— Вот послал же Отар сестренку! — фыркает Анигай. Через дверь слышно, как он окатывает себя ковшом воды. — Надо было тебя в детстве подушкой придушить!

— Ага! И кто бы тебе тогда грязную одежду стирал?! — смеюсь я. — Думаешь, наша

беспутная мамаша о тебе лучше бы позаботилась?!

Дурацкий, слишком насыщенный день! Дурацкая усталость! Я так вымоталась в этом Сумрачном лесу, что совсем забыла...

Я не одна в комнате.

— Мамаша?!

Изумленный голос Мэд застаёт меня врасплох. Медленно оборачиваюсь. Передо мной, кутаясь в простыню, стоит обескураженная шатера.

— Я правильно поняла, — холодно уточняет она, — этот придурок что... Твой родной брат?

* * *

Вот уж не думала, что Мэд так болезненно среагирует на новость о том, что мы с Анигаем родственники.

— Это не по правилам! — Возмущенная, обиженная на всех и вся шатера, как заведенная, носится по комнате, словно не может найти себе места. — В Руаре нельзя иметь семью! У меня ее нет! Ни у кого ее нет! А у тебя и у этого воображалы есть! Это нечестно!

— Ну извини, — хмыкаю я, забираясь под одеяло со своей стороны кровати. — Мы с Анигаем в Руар особо и не напрашивались. Глэдис сама нас забрала.

— Почему?

По правде говоря, я вполне могла бы и не отвечать Мэдлин. Тем более что угроза Верховного Воина разобраться с любым из воспитанников, кому станет известно, что мы с Анигаем родня, за прошедшие годы вряд ли утратила силу. Но с другой стороны: если уже сказала «а», то надо говорить и «б». Настырная Мэд все равно не отстанет.

— Потому что мы дети бывшей шатеры Руара. Старуха просто поздно узнала о нашем существовании.

— Бывших шатер не бывает! — упрямо гнет свою линию насупившаяся Мэд. — Мы либо умираем, либо из нас делают серых прислужниц...

— Либо отправляют в ссылку в Катар. Наша мамуля, скажем так, — пытаюсь подобрать наиболее верные слова, — была не самой правильной и послушной шатерой. Она успела натворить много такого, чего ей не стоило бы творить. За это ее и отправили в Катар.

По удивленному лицу Мэд заметно, что шатера пытается понять, шучу я или говорю серьезно. Осознав наконец, что мне не до шуток, приятельница меняет гнев на милость:

— Все равно, так неправильно! Нечестно по отношению к остальным руарцам.

— Господи! Мэд! — не выдерживаю я. — Ты родилась и выросла в Руаре! О какой честности вообще может идти речь?! Там же каждый сам за себя! Не совершь, не подсуетишься — живо спишут со счетов.

— В Катаре было так же?

Задумываюсь. Это даже как-то странно, но...

— Нет.

В Катаре было холодно, голодно, порой откровенно страшно. Постоянно приходилось выкручиваться, выживать. Но нет... В Катаре никогда не прокатывал номер «сам за себя». Выжить можно было, только имея поддержку близких, друзей, соседей... Если бы не наш сосед — отец Марк — и его небезразличие к двум абсолютно чужим ему новорожденным дарийским ребятишкам, сейчас бы нас с Анигаем не было в живых.

Удивительно, но как бы плохо ни жилось в Катаре, сейчас вспоминаю о нем почти с благодарностью. Я слишком поздно поняла: в Катаре было нечто, чего я так и не встретила ни в

Руаре, ни в Адейре. Там была свобода.

Несмотря на силовой купол, на кучу стражников Дэбэра, в Катаре мы всегда думали, говорили и делали что хотели. Потому что бояться было уже нечего. Что могли сделать с вольнодумцами? Сослать в Катар? Я вас умоляю... Мы и так находились там.

Но шатере об этом лучше не знать. Потому что... Да! Все это не по правилам Руара, где не знают значение таких слов, как «свобода», «небезразличие», «помощь». Зачем лишний раз бередить человеку душу, рассказывая о таком? Понятия «свобода» и «шатера» всегда были, есть и будут несовместимы. Мэд при любом раскладе до конца своих дней останется частью Руара.

В отличие от меня. Должна признать: несмотря на все мои усилия и вполне искреннее желание, я так и не смогла забыть вкус свободы.

* * *

Просыпаюсь под утро от собственного сдавленного крика. Резко сажусь в постели, жадно хватая ртом воздух. Впервые за долгое время меня снова мучили кошмары. На этот раз — драги, разрывающие Эвана. Руки и ноги трясутся. Чувствую, как всю меня прошибает холодный пот.

Страшно.

Не за меня.

За него.

Я и не подозревала раньше, что настолько панически боюсь потерять своего мальчишку-альтаирца.

Вымотанная Мэд спит как убитая. Она не слышит моего тяжелого дыхания. Стираю пот со лба. Осторожно спрыгиваю с кровати. Босые ноги касаются холодного деревянного пола. Камин погас еще несколько часов назад, наверное, поэтому в комнате так зябко.

Кутаясь в плед, который беру с кресла, подхожу к окну. Задумчиво смотрю вдаль: у горизонта уже брезжит рассвет. Еще час-другой — и пора отправляться в путь. Главное, чтобы Эвану не стало хуже. Иначе далеко точно не уйдем.

Беспокойство за альтаирца берет верх. На всякий случай потихоньку заглядываю в комнату мальчишек. Невольно улыбаюсь. Тихо посапывает толстяк Дерек, умудрившийся в какой-то немыслимой позе развалиться на старом диванчике. Анигай спит, как всегда, раскрывшись, подмяв под себя покрывало. У Эвана одеяло тоже наполовину сползло. Он, как и Анигай, вечно раскрывается во сне. Знаю это, потому что в детстве провела немало грозowych ночей у него под боком. Грозы и молнии в Катаре всегда были пугающе сильными, как правило, сопровождались ураганами. Если еще при этом Анигай оставался на ночь у кого-то из своих друзей с рынка, я неизменно шла ночевать в дом священника. Оставаться во время разгула бушующей стихии рядом с непросыхающе пьяной мамашей мне не хотелось. Вдруг еще клиента привести додумается, так и вообще посреди грозы на улице окажусь.

Не выдерживаю. На цыпочках подхожу сначала к брату, с трудом отвоевываю у него покрывало, аккуратно накидываю сверху. Затем иду к альтаирцу. Тоже поправляю съехавшее одеяло, после чего осторожно касаюсь его лба.

А вот это мне уже совсем не нравится!

Лоб обжигает горячий. Значит, пошло воспаление. С одной стороны, хорошо, что организм борется с инфекцией, но с другой — нет никаких гарантий, что слабый иммунитет альтаирца справится с ядом драгов, которым пропитаны их клыки. Нельзя сказать, что он смертелен, но учитывая слабое здоровье Эвана и то, что Дарий не является его родной планетой, неизвестно, как отреагирует организм альтаирца.

В задумчивости не замечаю, что Эван уже проснулся и теперь молча смотрит на меня. Не сразу понимаю его откровенный скользко-оценивающий взгляд. До меня запоздало доходит, что из одежды на мне лишь белье и слегка съехавший плед.

— Ты сильно изменилась, — едва уловимый шепот.

— Ты тоже.

Поспешно отворачиваюсь. Выхожу из комнаты. Я не привыкла, чтобы на меня такими глазами смотрел мужчина. И уж тем более, если этот мужчина — мой друг детства.

Не знаю почему, но я злюсь... Сильно злюсь: на него, на себя, да и на жизнь в целом. Я уже ничего не понимаю, что в ней происходит. Абсолютно ничего!

Одеваюсь. Стараясь не шуметь, спускаюсь вниз в поисках завтрака. Зря я все же отказалась вчера поужинать со всеми. После обработки раны Эвана в горло ничего не лезло, зато сейчас пустой живот предательски бурчит.

С удивлением обнаруживаю в пустынном зале (если не считать пьянчуг, отрубившихся прямо за столами) Эвана. Оказывается, утренняя бессонница одолела не только меня.

— Составишь компанию? — Альтаирец забирает у хозяйки поднос с довольно аппетитной едой. Кофе, пирожки, булочки, бутерброды, каша... Хм, кашу, пожалуй, он может оставить себе.

— У меня есть выбор? Дары-то у тебя, — бурчу я, не сводя глаз с подноса. Так бы все разом и съела!

— Выбор есть всегда, — усмехается Эван, направляясь за дальний столик. — Так ты со мной?

Раздраженно фыркаю, но все же плетусь следом. Плюхаюсь рядом за стол. Делаю это не из смирения или симпатии к этому зазнайке, а из чисто прагматических соображений: зачем тратить свои скудные сбережения на еду, когда за мой завтрак вполне может заплатить альтаирец? А даже если и не заплатит — ничто не мешает мне съесть его порцию. О себе сам пускай заботится.

С деловым видом придвигаю к себе его кружку кофе, одновременно уплетая за обе щеки пирожок, и ловлю насмешливый взгляд Эвана.

— Дорогая, ты бы так сразу не налегала на все. Желудок-то пустой. Ты же вчера почти ничего не ела. Дурно станет.

— Не учи ученого, дорогой, — отвечаю ему в тон, откусывая от его булочки. — Лучше подай мне вон тот кусочек ягодного пирога.

Альтаирец, улыбаясь, послушно отдает мне свой пирог, после чего жестом подзывает хозяйку. Вопросительно смотрит на меня. Перечисляю женщине все, чем бы я еще хотела позавтракать. После «лесных изысков», которыми пришлось питаться последние два дня, я жуть как соскучилась по нормальной пище.

— Ну у тебя и аппетит! — Эван забирает у меня недопитую кружку кофе. Отхлебывает.

— Зверский, — жуя, соглашаюсь я. Вместе с чувством сытости возвращается хорошее настроение. — Я после этого Сумрачного леса на дичь еще долго смотреть не смогу.

— Я тоже.

Эван возвращает мне кружку, забирая с тарелки один из сделанных мною для него бутербродов.

Невольно улыбаюсь. Вспоминаю, как в Катаре мы с Эваном частенько точно так же завтракали: у нас никогда не совпадали вкусы в еде, поэтому мы обычно забирали из тарелок друг Друга, то, что каждый считал самым вкусным. В результате оба оставались сыты и довольны, а тарелки, на радость кухарки Марии, чистыми.

Пока мы наслаждаемся завтраком, в трактире появляются новые посетители. Они не видят нас, так как мы сидим в закутке. Зато у нас с Эваном прекрасный обзор.

— Интересно, кого нелегкая в такую рань принесла? — зевая, интересуюсь я. Ну вот! Стоило как следует поесть, как сразу в сон потянуло!

— Не нравятся мне эти типы, — тихо произносит Эван, не сводя глаз с двух дарийцев.

Слежу за его оценивающим взглядом. Теперь я понимаю, о чем он. По их кожаной замызанной одежде легко догадаться — перед нами завсегдатаи Черного рынка. Отребье еще то. Добра от таких точно не жди!

Один лысый, шупленький. Маленькие глубоко посаженные суетливые глазки. Длинные засаленные волосы собраны в жидкий хвост.

Крыса. По-другому и не назовешь.

Второй, напротив, громила, с лицом, не обремененным интеллектом. На удивление непропорционально маленький лоб. Видимо, мозгов в его черепной коробке много не вмещается.

Тот, что поменьше, показывает хозяину какие-то бумаги. Мне становится любопытно. Похоже, эти двое ищут кого-то.

Трактирщик хмурится. Едва заметно кивает. Мелкий кладет на прилавок пригоршню дар. Хозяин, боязливо озираясь, быстро сгребает деньги, после чего показывая взглядом вверх. Странная парочка тут же направляется к лестнице.

— Сиди здесь. — Эван, хмурясь, встает из-за стола. — Я сейчас вернусь. Кое-что в комнате забыл.

Ага! А я такая дура и не понимаю, что, а точнее — кого он «забыл» наверху. Эван сделал те же самые выводы, что и я. Есть просто до неприличия огромные шансы, что эти двое — хардрдоги. И пришли они сюда по наши потерянные в Сумрачном лесу душеньки.

— Я с тобой! — вцепляюсь в здоровую руку альтаирца. — И не спорь! У тебя одна рука ранена, а у меня все-таки дред. Если идут к нам, то мне лучше быть рядом.

— Ада, я не хочу тобой рисковать!

Как же мне «дорога» его упертость!

— Обещаю, на рожон не полезу! Но здесь одна точно не останусь, так что...

Я просто не оставляю ему выбора.

Поднимаемся на этаж. Незнакомцев уже нигде нет, зато дверь нашей с Мэд комнаты приоткрыта. Дальше все происходит очень быстро. Я забегаю в номер вслед за Эваном. Картина, представшая перед нами, откровенно шокирует.

Мелкий мужичок магнитным лучом, похожим на белую светящуюся веревку, уже окрутил перепуганную Мэд, не забыв парализовать голосовые связки шатеры. Иначе бы та уже давно орала благим матом.

Висящая в воздухе, судорожно хватаящая ртом воздух, задыхающаяся Мэдлин настолько выбивает из колеи, что я не сразу реагирую, в отличие от Эвана, который умудряется одной здоровой рукой вырубить громилу, внезапно возникшего у меня за спиной. Все-таки должна признать, что мужчины-альтаирцы с их чуть ли не врожденной привычкой к здоровому образу жизни физически куда сильнее наших по большей части спившихся мужиков-дарийцев.

Обнаружив в комнате «посторонних», мелкий вынужденно переключает внимание с шатеры на нас. Из-за этого магнитный луч обрывается. Мэд с грохотом падает на пол. Вздывает от боли. Видимо, к ней вернулся голос.

— Драг поганый! Ай... Больно-то как! Синяк же будет, урод!

В этом вся Мэдлин. Красота тела превыше всего. И не важно, что еще пару секунд назад она запросто могла отправиться к Отару.

Тем временем крысopodobный выхватывает дистанционное оружие, против которого бессилён мой дред. Эван машинально задвигает меня себе за спину.

— Эй вы, двое! Вас плислал Кэлдэйл?! — шепелявит мужичок, нервно поглядывая на валяющегося на полу вырубленного напарника. В другой ситуации я бы вдоволь посмеялась над его странным говорком. Но не сейчас. — Так пеледайте ему, сто это моя добыса! Я ее пелвый насел! Пловаливайте, инасе плистлелю! Делится вылуской я не собилаюсь. Или вы забыли, сто бывает с теми, кто не стит кодекс охотников за Словами? Они сами лисаются голов!

Мелкий, залиvisto смеясь над собственной шуткой, которая ему явно кажется удачной, одновременно возводил оружие в боевую готовность.

Возможно, этот урод мог бы стать последним, кого мы с Эваном увидели в этой жизни, если бы не... Мэд.

Не восприняв шатеру всерьез, мужик напрочь забыл про Мэд, спокойно повернувшись к ней спиной.

Честно скажу: зря он это сделал. Первое правило Руара: НИКОГДА! НИКОГДА НЕ НЕДООЦЕНИВАЙТЕ ШАТЕРУ! Ущерб от разъяренной и обиженной женщины порой бывает куда больше, чем от нескольких воинов вместе взятых.

Возможно, Мэд не самое смелое существо на свете, но зато с инстинктом самосохранения у нее полный порядок. Поэтому первое, что делает шатера, немного придя в себя, это хватает с тумбочки какую-то уродливую увесистую глиняную вазу и со всей дури приземляет ее на голову коротышки.

— Гамадрил трескучий!

Ваза разлетается на кучу осколков. Незадачливый охотник за головами с разбитой башкой падает на пол. Однако Мэд не останавливается на достигнутом. Злая, как стая драгов, Мэд добавок от души пинает отключившегося мужичонку.

— Получи, драг обрезанный! У меня из-за тебя теперь синяки на шее останутся! Декольте не наденешь!

Очередной пинок, на сей раз неудачный — видимо, саданула по ремню, и Мэд, взывая от боли, начинает прыгать по комнате на одной ноге.

— Ай! Мой бедный пальчик!

От воя шатеры просыпаются Анигай и Дерек, вбегают в комнату. Переводят ошарашенный взгляд с вырубленных мужиков на нас.

— Ребят, а чего вы без нас веселитесь? Могли бы и позвать! — Неугомонный братец, которому только дай кулаками помахать, тоже в своем репертуаре.

— Ты как, нормально? — Обеспокоенный Эван оборачивается ко мне.

Глупый вопрос. Чего бы мне быть не «нормально», если даже в случае выстрела я бы все равно осталась жива. Он уже и забыл, что опять заслонил меня собой.

Склоняюсь над коротышкой, внаглую общариваю его карманы. Мне не терпится посмотреть, что за бумаги он показывал хозяину таверны. Наконец нахожу их во внутреннем кармане куртки. Достая распечатку и... с изумлением взираю на фотографию Анигая и Мэд, под которыми красуется надпись: «Разыскиваются беглые преступники». А еще на сумму, назначенную за голову каждого из них. Причем сумма ТАКАЯ, что я начинаю всерьез подумывать, а не сдать ли мне самой нерадивого братца властям, чтобы жить на вырученные дары припеваючи до конца моих дней.

9. ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

— Это какая-то ошибка! Это просто не может быть правдой! Я — беглая шатера?! Полная чушь! Да как им в голову могло прийти, что я когда-нибудь оставлю Руар?! —

До смерти перепуганная Мэд уже битый час, словно загнанный зверь, мечется по комнате.

Сижу рядом на кровати, без особого энтузиазма наблюдаю за нервно мельтешащей шатерой. Я слишком хорошо знаю Мэд, чтобы понимать: успокаивать бесполезно. Все, что я скажу, будет обязательно воспринято в штыки. Поэтому я просто молча жду, когда из соседней комнаты вернутся парни, которые сейчас развлекаются тем, что допрашивают наших непрошенных гостей.

— Даже думать не хочу, у скольких наемников на руках наши фотографии! — продолжает верещать Мэдлин, резко оборачиваясь ко мне. — Ну что ты молчишь? Что молчишь?! Скажи, делать-то что? Ты же у нас умная!

— Для начала не паниковать...

Ох, зря сказала. Ведь прекрасно знала, что Мэд нужен не мой ответ, а лишь новая причина для праведной блажи.

— Тебе легко говорить «не паниковать»! Твоей-то физиономии на их бумажках нет!

Мэд внезапно замолкает, осмысливая собственные слова. Невольно задумываюсь и я: а ведь и действительно: моего фото среди «беглых» руарцев нет, хотя я тоже часть Руара.

— Так! А почему тебя с нами нет?!? — Напряженный голос Мэдлин не предвещает ничего хорошего. — Почему тебя не объявили в розыск? Чем ты такая особенная? Чем отличаешься от нас?!

Пожимаю плечами. Пытаюсь отшутиться.

— Я откуда знаю? Может, я тоже в розыске, но охотникам за головами твой портрет больше приглянулся.

Однако шутка благополучно проносится мимо цели. Раздосадованная шатера бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Нет! Если бы ты была в розыске, они бы и твое фото притащили! Они же не дураки терять еще одну возможность подзаработать. Значит, тебя там нет! Это нечестно!

— Да кто тебе сказал, что жизнь вообще честная штука? — Мне уже реально начинают подбешивать завывания подруги. Будто я в чем-то виновата! — Не знаю... Попробайся найти позитивные стороны в ситуации, что ли. В конце концов, ты теперь свободна от Руара!

— Да зачем мне нужна эта твоя свобода?! — не своим голосом взывает Мэд. — Что я с ней делать буду?! Я не умею с ней жить! Мне нужен мой Руар!

Я оказываюсь не готовой к такой постановке вопроса. Я как-то раньше и не задумывалась, что для руарцев, в отличие от меня, свобода — ненужная и непонятная вещь.

Что ответить Мэд, я не знаю. Поэтому, несмотря на ее продолжающиеся причитания, просто сижу и молчу.

Ситуацию спасают вернувшиеся в комнату парни. Хотя нет. Они не спасают, а лишь усугубляют ее.

— Система слежения Руара на автомате объявила нас в розыск, как только мы не вернулись в обитель к назначенному сроку, — с ходу объясняет мрачный Анигай, плюхаясь на кровать. — Дела отстой. Ориентировки на нас у всех охотников за головами. Самое поганое: Руару все равно, в каком виде нас доставят.

— В смысле? — испуганно охает Мэд.

— Могут живыми, а могут и мертвыми. Достаточно просто предъявить наши головы.

Готова сама убить братца! Ну зачем так грубо и прямолинейно сообщать об этом Мэд?

Шатера вновь забила в истерику. Как ее успокаивать прикажете? Впрочем... Я прекрасно понимаю дурное настроение братца. Он мечтал связать жизнь с карьерой воина Руара. Дослужиться до личной охраны императора. И вот теперь все его старания одним росчерком системы слежения отправлены драгам под хвост.

— Мне правда очень жаль, Анигай.

Вместо ответа брат хмыкает:

— А уж как мне жаль! Мы ведь даже с повинной явиться не можем. Нас убьют прежде, чем откроем рот. В назидание остальным руарцам, чтобы те и мысли о побеге не держали... Не жизнь, а сплошное дерьмо! И угораздило же нас сесть с вами в один планолет.

— Мы никого с собой не звали, — парирует Дерек. — Сами напросились.

Анигай немного остывает, понимая правоту землянина.

— Знаю. — Брат кивает на Мэд. — Во всем эта истеричная курица виновата. Если бы она так долго не наряжалась, мы бы на свой планолет не опоздали. И не оказались с вами, булькающими в дерьме. И как теперь это расхлебывать? — нехотя озвучивает Анигай то, что его на самом деле больше всего беспокоит. — Вне Руара мы никому не нужны.

— Ну почему?! Почему жизнь так несправедлива ко мне?! — в очередной раз взывает Мэд. — Почему нас с этим придурком объявили в розыск, а Аду нет?! У нее же тоже должен был закончиться пропуск!

Напрочь забыв о великосветских манерах, раздосадованная шатера тычет в меня пальцем. Еще подруга называется! Другая бы радовалась, что я вместе с ней не попала под раздачу, а Мэдлин...

Переглядываемся с Анигаем. Брат, в отличие от шатеры, прекрасно понимает, почему система слежения Руара проигнорировала меня. Будучи свободной, я нахожусь вне зоны ее действия.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — отрезает Анигай. — Делать-то что? Нас двоих в Адейре первый же патруль схватит.

— Оставаться здесь тоже смысла нет, — соображаю я. — Если эта парочка вас так легко и быстро обнаружила, вслед за ними придут и другие. Вам надо где-то затаиться. Там, где вас точно никто искать не будет. Нужно выиграть время до возвращения Глэдис. Она говорила, что прилетит ко Дню Солнцестояния, а он уже совсем скоро. Я попытаюсь все объяснить ей, и тогда...

— И тогда она самолично нас убьет! — орет отчаявшаяся Мэд. — Или того хуже: его убьет, а меня превратит в серую прислужницу!

— Я ей за это лично спасибо скажу, — язвит братец. — Хоть заткнешься. — Он с сомнением смотрит на меня. — В принципе есть шанс, что Глэдис тебя послушает. Она к тебе благоволит. В конце концов, это она привела нас в Руар.

— Но меня-то она не приводила! — продолжает блажить шатера.

— Ада, заткни ты эту курицу! Иначе я ей голову сам отвинчу! — Терпение брата явно на исходе.

— Мэд, успокойся. Я и за тебя словечко замолвлю.

Не знаю, насколько шатера верит в успех нашего предприятия, но все же наконец смолкает.

— Только где нам до возвращения Верховной Ведуньи спрятаться? На нас же охота идет, — продолжает размышлять Анигай.

К моему вполне искреннему удивлению, к разговору внезапно подключается Эван:

— Кажется, я знаю одно место. Думаю, там вас точно никто искать не будет.

Вот уж не думала, что альтаирцу есть дело до спасения шкуры моего несносного братца, с которым у него всегда были еще те отношения. М-да... Век живи — век удивляйся.

Мы тратим еще полдня, чтобы добраться до Адейры. На наше счастье, охотники за головами прилетели в таверну на собственном омнибусе — довольно вместительном мини-планолете на воздушной подушке. Его-то мы и позаимствовали, оставив головорезов связанными в комнате.

К столице подлетаем засветло. Оставляем омнибус на окраине мегаполиса, продолжаем путь пешком. Летать по городу на незарегистрированном на наше имя передвижном средстве с двумя руарцами, находящимися в розыске, чревато объяснениями с патрулем.

Дорога до «убежища» оказывается неблизкой. Эван ведет нас узкими улочками, которые с каждой минутой все больше и больше напоминают злые кварталы Катара. По крайней мере запашком точно!

— О Отар! Что за дебри! Здесь еще хуже, чем в Сумрачном лесу! Там хоть не воняло так! — брезгливо морщит нос Мэд, тут же взвизгивая при виде очередной крысы. — Я уже сыта по горло вашими прогулками!

— Не хочешь — не иди, — фыркает Анигай.

— Будто у меня есть выбор! — огрызается шатера, переходя на громкий шепот. — Я вообще не понимаю, почему мы так спокойно доверяемся этому альтаирцу? Может, он нас в ловушку заманивает? Ну ладно Ада. Она мозгами уже не думает. У них там шуры-муры, но ты, Анигай...

От возмущения я даже останавливаюсь.

Чего?!

Какие еще шуры-муры?! Мэд что, от дальнего пути головой тронулась?! Да какие могут быть шуры-муры у дарийки с альтаирцем?! Она забыла, что мы не одной расы?

Но тут сама вспоминаю поцелуи с Эваном в деревушке Древних. Чувствую, как краснею. Кажется, это все же не Мэд, а я сама забылась, что мы принадлежим к разным Расам.

— С каких пор ты с альтаирцами дружишь? — не унимается Мэд, продолжая доскребываться до моего брата. — Ты же их на дух не переносишь!

— Я с ними не дружу! — психует Анигай, сворачивая за угол вслед за Эваном. — Я с ним сосуществую. Это разные вещи!

Перепалка между Мэд и Анигаем заканчивается, как только мы заходим в дурно пахнущую подворотню. Эван останавливается перед невзрачной дверью.

— Пришли.

Странно все как-то. Ничего не понимаю! Откуда альтаирец знает все ходы и выходы захолустья Адейры?

Настороженно переглядываемся с братом. Не нравится мне это подозрительное место. Уж больно здесь тихо, если, конечно, не считать шуршания крыс.

Эван протягивает мне руку:

— Осторожнее, нет одной ступеньки.

Отступить некуда, поэтому спускаюсь вслед за альтаирцем в какой-то подвал. На всякий случай намертво вцепляюсь в его руку. Мы оказываемся в крошечной полупустой каменной комнатухе. Растерянно оглядываюсь: тусклая лампа, стол, стул, шкаф... Все покрыто изрядным слоем пыли. Все, кроме пола. На нем пыли нет. И это странно, потому что не похоже, чтобы здесь кто-то жил.

До меня запоздало доходит, что, помимо Эвана, в комнатухе как откормленный драг в лесу чувствует себя довольный толстяк Дерек. Пока мы осматриваемся, он закрывает входную дверь на внутренний засов, после чего кивает Эвану.

Альтаирец прислоняет ладонь к одному из камней в стене. Откуда-то изнутри внезапно

возникают синие лучи, они бесшумно проходят по ладони альтаирца. Я уже видела нечто подобное раньше. Ключ-сканер. Он считывает уникальную информацию человека с ладони или с сетчатки глаза.

Не проходит и пары секунд, как часть стены бесшумно вдавливается внутрь, а затем отъезжает в сторону, образуя проход к довольно вместительному лифту. Эван заходит первым, шагая за ним. Потом идет Дерек. Настороженным Мэд и Анигаю не остается ничего другого, как последовать за нами.

— О Отар! И за что мне все это?! — обреченно вздыхает шатера, театрально закатывая глаза.

Эван касается невидимой сенсорной кнопки. Кабина практически бесшумно летит вниз. Минута, две, три... Даже думать не хочу, на какую глубину мы спускаемся.

Наконец раздается едва слышный электронный писк. Дверь лифта плавно раскрывается, и я застываю с открытым ртом.

Я ожидала увидеть максимум просторную комнату, но перед нами простирается целый многоуровневый подземный город! Расположенный прямо под Адейрой! Под самым носом императора Дэмониона!

Я слышала раньше об этом странном местечке, но, признаться, до сегодняшнего дня не верила, что оно существует. Для меня это был город-легенда.

Подземный город.

Город повстанцев, беглых военнопленных, отверженных. Город не согласных с диктатурой Дэмониона и стилем его правления. Город забытых, обреченных, приговоренных, подвергшихся гонению, репрессиям — там, наверху, но здесь, внизу, обретших свободу. Дарийцы, земляне, альтаирцы и прочие инопланетные «гости». Кого здесь только нет! Большинство — бывшие военнопленные. У некоторых даже сохранились нашивки на одежде. Здесь ты точно не увидишь ни стражей Дэбэра, ни воинов Руара.

Невольно задумываюсь: я могу понять, что здесь делают все эти люди: цвет дарийских вольнолюбивых контрабандистов, сбежавшие политзаключенные, военнопленные альтаирцы, земляне. Не могу понять другого: какое отношение к столь разношерстной толпе, к этому подземному городу повстанцев имеет мой Эван?

* * *

О господи! Как же она блажит! Всерьез начинаю подумывать раздобыть для подружки какое-нибудь успокоительное. Или на худой конец засунуть кляп в рот.

— Я не хочу... Не хочу этого видеть! И слышать тоже не хочу! — Мэд в истерике закрывает глаза руками. — Куда вы меня притащили?! Думаете, я дура?! Не понимаю, что отсюда меня живой не выпустят?! Я же теперь ненужная свидетельница всего этого подземного безобразия...

— Мэд, заткнись! — толкаю подругу в бок. — Иначе я сама тебя прибую. Можешь помолчать хоть пару минут?

Шатера, будучи не уверенной, шучу я или говорю серьезно, на всякий случай все же замолкает. Но ненадолго. Почти сразу начинает судорожно шептать мне на ухо:

— А ты-то чего такая спокойная? Думаешь, тебя вслед за мной не грохнут? Ты тоже свидетельница! Что-то я сомневаюсь, что в этой клоаке рады руарцам.

— Да ничего я не думаю, — огрызаюсь я, хотя на душе, если честно, драги поскребывают.

— Оно и видно, — обиженно фыркает шатера. — Похоже, я здесь единственная вменяемая дарийка, у которой все в порядке с чувством самосохранения!

Эван со знанием дела ведет нас по подземелью. Не сразу понимаю, что не так. До меня

запоздало доходит, что, пожалуй, этот подземный город — первое место, где альтаирец идет, даже не удосужившись накинуть капюшон, в то время как нам, троим дарийцам, наоборот, приходится кутаться в дорожные плащи. В чем-то Мэдлин все-таки права: вряд ли местный разнопланетный сброд, большая часть которого наверняка находится в розыске, будет рад слугам Дэмониона. Наша дорогая, добротная одежда, увы, слишком откровенно указывает, что мы воспитанники Руара. Не говоря уже о дредах, висящих на поясах у меня и брата.

Сворачиваем в очередной проулок. Альтаирец вновь прикладывает ладонь к сканеру на стене. Дверь бесшумно открывается. За ней оказывается вместительное помещение с серебристыми металлическими стенами, на одной из которых висит большой голографический экран. Пара довольно уютных лаконичных диванчиков. Незаметные с первого взгляда встроенные шкафы.

— Чувствуйте себя как дома. — Эван вешает плащ в шкаф, дверца которого бесшумно отъезжает в сторону лишь от одного прикосновения.

Технология! Все в лучших традициях Альтаира. Насколько я знаю, в отличие от Дария, где достижениями науки преимущественно пользуются в быту лишь богачи, на планете Эвана в каждом доме все оборудовано по последнему слову техники.

Меня разбирает любопытство.

— Ты здесь живешь?

— Иногда.

Чувствую, прямого ответа от него не дождешься.

Пока Эван с кем-то разговаривает по внутренней связи, вешаю свой плащ поверх его, осторожно осматриваюсь. Обнаруживаю в отсеке еще пару комнат. Обе полупустые. Не могу понять, для чего они используются.

Выхожу обратно в первую комнату. Настороженные Мэд и Анигай все еще мнутя возле двери, в то время как Дерек с видом хозяина орудует за барной стойкой в выдвинутой кухне, которая появляется словно из ниоткуда от одного прикосновения к стене. Интересно, сколько еще сюрпризов можно обнаружить в этой квартире, если как следует полапать стены?

— Проходите. Не стесняйтесь. — Эван жестом показывает Анигаю и Мэд на диван. — Дерек, приготовь что-нибудь на ужин.

— Я как раз этим и занимаюсь! — Довольный землянин забрасывает в странную печь какие-то полуфабрикаты, и уже через пару минут комната наполняется аппетитным ароматом. До меня только сейчас доходит, как же я голодна!

Однако поесть не успеваем, потому что раздается звонок. Кто-то пришел. Анигай бросает на меня обеспокоенный взгляд. Его рука уже лежит на дреде. Впрочем, как и моя.

Нет. Я не верю, что Эван мог опуститься до такой низости и заманить нас в ловушку, но осторожность в нашей ситуации все же не помешает.

Дверь открывается. На пороге стоит худощавый мужчина с небольшой бородкой и суровым взглядом. Его довольно Длинные, наполовину седые волосы собраны в хвост. Одет как пилот-землянин — в летный комбинезон грязно-песочного цвета.

Анигай и Мэд сидят чуть в стороне, поэтому мужчина не сразу замечает их. Его добрый взгляд устремлен на меня.

— Здравствуй, Ада, — тихий знакомый и такой родной голос.

У меня перехватывает дыхание. Какая же я все-таки дура! Как я могла сразу не узнать его! Впрочем, чему удивляться?! Все свое детство я видела этого человека исключительно в рясе священника.

— Отец Марк! — выдыхаю я и, не задумываясь, на глазах изумленной Мэд бросаюсь в раскрытые объятия улыбающегося землянина.

Однако изумление шатеры удваивается, когда отец Марк с доброй улыбкой подходит к Анигаю.

— Ну здравствуй, мой мальчик.

Брат не выдерживает и тоже обнимает священника. Как ни крути, но именно этот человек был нам и отцом, и матерью в Катаре. Если бы не он, мы не выжили бы. Про Анигая можно сказать всякое, но назвать его неблагодарным нельзя. Да и, подозреваю, братец по-своему очень привязан к отцу Марку, который не только научил нас ходить и говорить, но и, пойдя против своих пацифистских принципов, в свое время лично обучил Анигая драться, когда того начали «прессовать» мальчишки с Черного рынка. Так что священник может быть кем угодно, но для нас с братом он навсегда останется самым родным человеком.

— Отар меня поberi! Да здесь все с ума посходили! — Похоже, нервной системе Мэд пришел конец. Она была готова увидеть всякое, но не как воин Руара по-родственному обнимается с землянином. — Что происходит?

— Меньше знаешь — дольше живешь, — отшучиваюсь я.

Ситуацию разряжает довольный Дерек:

— Ужин готов! Милости прошу к столу!

Бурчащий от голода желудок Мэд лихо побеждает все ее псевдоморальные принципы. Вслед за Дерек и Анигаем она направляется в кухню. Хочу последовать за ними, но меня останавливает Эван:

— Ада, можно тебя на минутку? И рюкзак прихвати, пожалуйста.

Догадываюсь, что речь пойдет о кристалле. Вот зачем альтаирец позвал отца Марка. Что ж, правильное решение. Без посторонней помощи мы вряд ли сможем в одиночку пробраться в императорский дворец, обмануть кучу стражи и вернуть кристалл на место. Только интересно, как священник сможет нам помочь?

Эван закрывает дверь в полупустой комнате. Касается стены. Словно из ниоткуда появляются три удобных кресла, рабочий стол. Альтаирец жестом приглашает присесть.

— Ада, покажи отцу Марку.

Достаю из рюкзака кристалл, кладу на стол.

Священник переводит шокированный взгляд с кристалла на меня.

— Как ты это сделала?

Пожимаю плечами.

— Как обычно.

Мужчина машинально тянет руку к кристаллу, но Эван вовремя останавливает его:

— Отец Марк, не стоит. Без руки останетесь.

Словно в подтверждение слов на кристалл приземляется небольшой жучок-светляк, которых полно в подземельях. Не успевает он коснуться лапками кристалла, как тут же вспыхивает и сгорает заживо. М-да... Прекрасная иллюстрация того, что может сделать эта стекляшка с любым живым организмом, осмелившимся дотронуться до него.

С любимым, кроме меня. Спасибо непонятной генетической аномалии, которая и сделала меня такой толстокожей.

— И что вы собираетесь с ним делать?

— Вернуть на место. На это у нас меньше недели, — объясняет Эван. — Жезл Власти будет вынесен из императорского хранилища на Плато Семи Ветров в День Солнцестояния. Как только Дэмонион прикоснется к Жезлу, то сразу поймет, что кристалл — фальшивка. Подозреваю, Ромеро лично позаботится о том, чтобы все улики указали на меня. И тогда перемирию, к несказанной радости Земного Альянса, придет конец.

Если честно, не вижу взаимосвязи между кристаллом, альтаирцем и перемирием, но

вопросов не задаю. Сейчас для этого не самое подходящее время.

— Я подумаю, чем смогу помочь, — отзывается отец Марк.

В комнату заглядывает Дерек.

— Долго вас ждать? Еда на столе!

Благодаря стараниям Дерека, точнее, его умению разогревать полуфабрикаты, ужин удастся на славу. Ловлю себя на мысли: как же все-таки приятно вновь всем вместе, как в детстве, сидеть за одним столом. Я так рада видеть отца Марка!

— Ада, доченька, подай мне еще курицы, а то, чую, Дерек все съест и мне не достанется, — смеется отец Марк.

На кухне царит благодушная атмосфера. Порой даже раздаётся хихиканье Мэд. Видимо, сытный ужин подействовал на шатеру лучше любых успокоительных средств.

Накладываю на тарелки себе, Эвану и отцу Марку. Стараюсь выбрать для альтаирца то, что он любит. Например, жареное мясо с овощами. А вот полезная каша и рыба, которую за обе щеки уплетает Дерек, всегда вызывала у моего друга откровенную тоску.

Расставляю тарелки.

— Так, это отцу Марку. Это Эвану.

Сажусь сама. Не сразу обращаю внимание, что за мной с любопытством наблюдает Мэд:

— А чего ты альтаирцу рыбу не положила? Она с имбирным соусом очень даже ничего.

— Он рыбу терпеть не может, а на имбирь аллергия, — не задумываясь, выдаю я, наслаждаясь вкусом жаркого.

— А ты откуда об этом знаешь? — не отстаёт Мэд.

— Кстати, хороший вопрос! — подключается к допросу жующий Дерек.

— Отстаньте от девочки, — приходит мне на помощь отец Марк. — Дайте человеку спокойно поесть.

Бросаю благодарный взгляд на улыбающегося священника. В этом весь отец Марк — всегда приходит на помощь в нужную минуту.

После ужина все разбредаются кто куда. Эван вновь уходит в кабинет со священником. Дерек убирает посуду. Мэд препирается с Анигаем. Мне скучно, поэтому решаю пойти к альтаирцу. Думаю, ничего страшного, если я присоединюсь к их разговору. Наверняка они обсуждают проблему с кристаллом. Так что я в теме.

Дверь кабинета слегка приоткрыта. До меня долетают обрывки фраз. Не хочу вступать в разговор, поэтому просто «тактично» подслушиваю.

— Я не знал, что кристалл генерирует силовое поле Дария, — мрачный напряженный голос Эвана.

— Дэмонион об этом по понятным причинам предпочитает не распространяться, — спокойно отзывается отец Марк.

— Откуда тогда вы знаете про генерацию силового поля планеты?

— Мой мальчик, не забывай: до принятия сана я был профессором физики. Сам занимался изучением и разработкой силовых полей.

— Получается... — Эван встает из-за стола, с задумчивым видом прохаживается по кабинету. — Если бы я выполнил просьбу Ромеро и вывез этот кристалл с Дария, то...

— ...планета осталась бы без защиты. Альтаиру и Земному Альянсу не составило бы большого труда либо полностью завоевать Дарий, либо...

— Уничтожить, — услужливо подсказывает альтаирец. — И тогда извечная военная угроза со стороны Дэмониона канет в Лету. Делить залежи топливных кристаллов начнут Альтаир и Земля — уже только между собой.

— Да. И львиная доля рудников достанется той империи, которая первой подчинит себе

Дарий. Думаю, Айлит Боро не будет особо раздумывать. Выжженная дотла планета и сохраненные рудники — куда выгоднее, чем планета, населенная Дарийцами. Ты же сам прекрасно понимаешь: человеческий ресурс — всегда существенная помеха. Люди, в отличие от кристаллов, непредсказуемы... Тебе решать, мой мальчик, что делать с кристаллом. — Голос отца Марка звучит сухо и устало. — Безусловно, ты можешь попытаться вернуть его на место. А можешь...

Чувствую, как внутри все холодеет. Вот уж не думала, что отец Марк может быть столь циничен. Я жду, что Эван возмутится такому положению дел, скажет, что это неприемлемо, но в кабинете воцаряется напрягающая меня тишина.

М-да... Похоже, за последние годы Эван сильно изменился.

Слишком сильно.

Впрочем, в сложившейся ситуации меня пугает другое. Кристалл больше не у меня. Перед тем как пойти ужинать, Эван предложил положить его в сейф в кабинете. Что я и сделала. И теперь у меня нет ни кода от сейфа, ни кристалла, ни уверенности в том, что альтаирец не отдаст мою пусть не идеальную, но все же родную планету на растерзание врагам.

Дождавшись, когда отец Марк покинет кабинет, захожу к Эвану. Плотно закрываю дверь. Не хочу, чтобы наш разговор кто-то услышал.

Какое-то время просто молча стою, прислонившись к двери лбом. Нет сил вымолвить ни слова. Понимаю: не хочу задавать вопросы, потому что панически боюсь услышать ответ, который мне может совсем не понравиться.

— Ада, ты в порядке?

— Ты не сказал ему «нет»...

Эван понимает, что я слышала их разговор.

— «Да» я тоже не сказал.

Испытующе смотрю в самоуверенные синие глаза альтаирца. Раньше он не был таким. Мой альтаирец был отзывчивым, чутким. Он бы никогда...

Но передо мной стоит уже не тот болезненный, слабый, ранимый мальчишка из Катара. Передо мной самоуверенный человек, в руках которого судьба моей планеты. И он не спешит принять решение.

Вглядываюсь в его аристократически красивые черты лица, пытаюсь уловить в них хоть что-то, оставшееся от моего старого верного друга. Доброго, ранимого, справедливого, неспособного на подлость.

— Ты изменился.

— Ты тоже.

— Раньше ты бы никогда не поставил под удар чью-то жизнь. Не говоря о судьбе целой планеты.

Нет. Он не отводит взгляд. Зато я не выдерживаю — отворачиваюсь. И тут же злюсь на себя за это.

— Что тебе надо, Адамаск? Гарантий, что кристалл не покинет Дарий? Их я могу дать. Забыла, что только ты можешь удержать его в руках? Без твоей помощи я даже не смогу достать его из сейфа. — Он усмехается. — Не Дэмониона мне же для этого вызывать.

— Ты не сказал мне код от сейфа, — парирую я.

— Дата твоего рождения.

Так тихо и просто.

Парень подходит к сенсорной панели, демонстративно вводит код. Сейф открывается, после чего Эван вновь его запирает.

— Захочешь забрать кристалл — останавливать не стану. Я не горю желанием. И без того

неприятностей хватает.

Можно подумать, я горю! Ну уж нет! Связываться с императором Дария в одиночку я не собираюсь. Не самоубийца! Но альтаирцу все равно не верю. На всякий случай все же проверяю код. Действительно — дата моего рождения. Не думала, что Эван помнит ее спустя столько лет.

— Что ты планируешь дальше делать с кристаллом?

Альтаирец пожимает плечами.

— Пока не знаю. Отец Марк обещал достать схему замка императора. Я сам неплохо знаю Аскорэор, но в подвальных помещениях, где расположены хранилища, никогда не был. Говорят, там настоящий лабиринт. Ты не помнишь, где находится хранилище Жезла Власти?

— Относительно. Но толку? Без сонного порошка мы все равно до него не дойдем. Там полно стражи. В прошлый раз Глэдис усыпила их. А я израсходовала на тебя последнюю заначку старухи.

— Когда усыпила меня в ту ночь? — догадывается Эван. — Кстати, зачем ты это сделала?

— Догадайся с трех раз, — огрызаюсь я.

До парня, видимо, только сейчас доходит, что в мои планы не входило оставаться с ним до утра.

— Шатеры всегда таким оригинальным образом ублажают своих хозяев? Усыпляя их сонным порошком?

За этот надменный тон так и хочется съездить по голове Эвана чем-нибудь очень тяжелым.

— Нет, — дарю альтаирцу милую улыбку. — Они так ублажают только тех хозяев, — специально делаю акцент на неприятном слове, — с которыми им противно делить постель. Видишь ли, среди нас, шатер, считается дурным тоном спать с мужчинами другой расы. Особенно с альтаирцами. Это противоестественно! Не веришь мне — спроси Мэд. Даже у шатер есть чувство собственного достоинства.

Я напропалую вру, откровенно наслаждаясь эффектом, который производит на альтаирца мои слова. Они для Эвана — звонкая оплеуха. Жду в ответ колкостей, уже готовая дать резкий отпор, но вместо этого...

— Ада, уйди, пожалуйста.

До боли знакомые нотки в голосе. Да... Интонация моего мальчишки-альтаирца. Доброго, ранимого, неспособного причинить мне зло... и уж тем более оскорбить.

— Что?

— Уйди. Пожалуйста.

И я ухожу. Обратно в кухню. Растерянная. Обиженная. Обескураженная. Злая... на саму себя. Похоже, на этот раз я перегнула палку. Хотела сделать больно ему, а в результате сделала больно себе. Не могу видеть Эвана в таком подавленном состоянии.

На душе мерзопакостно. Пытаюсь мысленно оправдаться. В конце концов, я не сказала ничего такого, что не соответствовало бы действительности. Что его так оскорбило? Что я допустила мысль, будто он хочет вывезти кристалл с планеты и тем самым уничтожить мой родной Дарий? Ну извините! Сколько себя помню, ни разу не слышала, чтобы между дарийцами и альтаирцами существовали какие-то отношения, кроме враждебных. С чего бы это ему, альтаирцу, желать долголетия нам — дарийцам? Только из-за сомнительной детской симпатии ко мне? Вряд ли. Мы ведь им тоже немало крови во время войны попили. Не святые, чай...

Или его оскорбили мои слова о том, что между нами никогда ничего не могло бы быть? Но это ведь тоже очевидно! Поцелуи здесь не в счет!

Да, биологически мы один вид, но физиологически трудно совместимы. Ни разу не слышала о браках между альтаирцем и дарийкой (наш, фиктивный, естественно, не в счет). Даже шатеры и те с альтаирцами дел не имеют. По крайней мере я о таких случаях не знаю. Оно и

понятно! Альтаирцы физически существенно сильнее любого дарийца. Такой в порыве страсти, не ровен час, и кости женщине переломать может, если не рассчитает силу. К тому же мужчины-альтаирцы крупнее дарийцев. Я вон Эвану по росту едва до плеча достаю, хотя миниатюрной меня не назовешь. Другое дело земляне — с ними смешанные браки нет-нет да случаются. Но на то это и земляне. Они к таким вещам вообще пофигистично относятся. Всеядны. Женщин-дариек любят — они, в отличие от землянок, не эмансипированы. На Дарии неписаный закон: женщина должна оставаться женщиной, а мужчина — мужчиной. Поэтому-то в касте воинов девчонок никогда и не было. Я единственное исключение за всю историю Руара.

Другое дело снобы с Альтаира — эти всегда были за чистоту расы, я ни разу не слышала о романе с женщиной другой расы. Так что не понимаю, почему Эван столь болезненно среагировал на мои слова. Альтаирцы же сами дариек как женщин не воспринимают.

Нахожу еще с десятков оправданий своим нелестным словам в его адрес, но легче почему-то не становится. Я окончательно запуталась. В Эване. В своих чувствах к нему.

Я уже ничего не понимаю. Ни что делается в голове у Эвана, ни в его сердце. Но хуже всего — я уже не понимаю, чего хочу я сама.

Дипломатическая космическая станция

— Он не может этого сделать! Иоанн сошел с ума! — Верховная правительница Земного Альянса Айлит Боро впивается глазами в голографический экран, на котором высвечивается лицо Стива Ромеро — посла Альянса на Дарии. Он, как и прежде, выглядит словно тень. Мелкая и неприметная. Только на этот раз усталая.

— Я сам сначала не поверил, но информация подтверждена. Император Альтаира решил посетить Дарий, чтобы лично проконтролировать поиски младшего сына.

— Безумец! — уже с нескрываемым восторгом выдыхает Айлит, откидываясь на спинку мягкого кресла. — Неужели он не понимает, какую уникальнейшую возможность дарит нам... то есть, — женщина спохватывается, надевая на лицо безупречную дежурную улыбку, — я хотела сказать — Дэмониону? Он же может разом покончить со всей альтаирской императорской династией! Старшие сыновья, как всегда, при Иоанне?

— Да.

Айлит Боро, напрочь позабыв про протокол, заходится в весьма искреннем смехе.

— Чудесно! Это просто чудесно! Более необдуманного решения Иоанн не мог принять! Так подставить себя! Забыть про элементарную безопасность... Он же император!

— Он еще и отец.

Слова слетают с губ посла прежде, чем он понимает, что произнес их вслух.

— Я вас умоляю, Ромеро! — отмахивается госпожа Боро. — Даже вы, не будучи императором, всегда умели ставить интересы Альянса превыше собственных. Иначе вы бы не пустили в расход собственную дочь.

При упоминании об Айрис Стив Ромеро невольно бледнеет.

— Я бы не стал употреблять фразу «пустил в расход», говоря о моей дочери. Мне кажется, я вполне грамотно устроил ее будущее.

— Выдав замуж за богатого неприятного, но зато знатного старика, который тут же сделал ей ребенка, а сам благополучно почил? Впрочем, в чем-то я с вами соглашусь. — Айлит задумчиво усмехается. — Теперь ваша дочь богата, свободна и даже имеет титул. А ребенок... Кстати, кто у нее родился?

— Дочка.

— Ребенка всегда можно отдать нянькам. Особо мешать он не будет. Пожалуй, есть большие

плюсы в том, чтобы быть молоденькой вдовой. Но вернемся к нашей основной теме. Как среагировал на решение Иоанна Дэмонион?

— Положительно. Император Дария предпринял беспрецедентные меры безопасности в отношении альтаирского дипломатического кортежа. Простите за вольность в выражениях, но... Дэмонион не идиот. Он знает слабые стороны Дария. Экономика его планеты лишь недавно стабилизировалась после затяжной войны. На данном этапе он не заинтересован в возобновлении военных действий. Ему нужно еще выиграть время, чтобы поднять Дарий с колен.

— Хм! — Госпожа Боро недовольно кривит ярко накрашенные губки. — Печально. Признаться, я рассчитывала, что Дэмонион все же поддастся искушению и обезглавит Альтаирскую империю одним махом.

— Не думаю, что он пойдет на это. Слишком высоки ставки на межгалактической дипломатической арене. Оба императора прекрасно понимают: война их империям сейчас не к чему. Они ценят мирные договоренности, которые с таким трудом были достигнуты за последние несколько лет.

Айлит Боро задумчиво покусывает конец ручки — дурная привычка, оставшаяся еще со школьной скамьи. Откидывается на спинку кресла. Ее стеклянный взгляд устремляется в невидимую точку на стене.

Проходит минута, другая, третья, прежде чем у правительницы Земного Альянса наконец-то созревает решение.

— И тем не менее что мешает нам слегка помочь императору Дария встать на путь истинный? — с невинной улыбкой интересуется Айлит, почти игриво глядя на обескураженного Ромеро. — В конечном итоге мир во вселенной нужен им, а не нам. Не забывайте, посол, то, что для некоторых война, для нас — выгодный рынок сбыта. Поэтому...

Дипломатический крейсер Альтаирской империи

Черная мгла, усеянная триллионами мерцающих звезд. Позади — пылающая воинственная звезда Сатаба. Впереди — два спутника Дария: блеклый матово-голубой Тус и лучезарная ярко-оранжевая Наоки, к которой и приближается дипломатический крейсер в сопровождении армады альтаирских военных звездолетов.

— Ваше величество! Разрешение на посадку получено! — Командир крейсера — седовласый худощавый альтаирец в строгой изумрудно-зеленой форме офицера космофлота склоняется пред императором Иоанном в почтенном поклоне.

Как только крейсер после гиперпрыжка вошел на территорию Дарийской империи, Иоанн сразу поднялся в рубку управления, чтобы лично наблюдать, как впервые в жизни альтаирский космофлот подходит так близко к Дарию.

Воистину исторический момент!

Но мысли императора Альтаира, как ни парадоксально, были очень далеки от политики и предстоящих мирных переговоров, которые, возможно, навсегда положат конец военным конфликтам между Дарием и Альтаиром.

Навязчивый вопрос, правильно ли он поступает, отправляясь на Дарий и ставя под удар себя и старших сыновей, уже который день не дает покоя Иоанну. Вот и сейчас, у огромной прозрачной стены рубки управления, наблюдая, как Темная планета с каждой минутой становится все ближе и ближе, император Альтаира вновь начинает сомневаться.

Впервые в жизни он поставил отцовские чувства превыше долга перед империей. Анна-Мария Илиандэлла права: что он за правитель, если не в состоянии защитить даже собственных

детей?

Худенький болезненный синеглазый двенадцатилетний мальчишка — именно таким запомнился Иоанну младший сын, хотя он и видел его уже взрослым. Отец жаждал встречи с ним и в то же время боялся. Слишком глубока была его вина перед своим ребенком, которого он не смог защитить от политики и незавидной судьбы.

Что бы Иоанн ни говорил жене, сыновьям, окружающим, в глубине души он прекрасно знал, что никогда не простит себе решения использовать Эвана в политической игре, ставя под удар его жизнь.

Именно чувство вины все эти годы отдаляло императора Альтаира от младшего сына, с которым, в отличие от остальных членов семьи, он лишь несколько раз осмелился поговорить по межгалактической связи. Они беседовали подолгу, обо всем на свете, но только не о том, что действительно было важно для обоих. Иоанн так и не осмелился сказать сыну одно простое, но безмерно важное слово: «Прости».

Чувство вины никогда не покидало Иоанна, хоть он и старательно скрывал его даже от самого себя, надевая маску хладнокровия и безразличия. Чувство вины перед сыном, с которым так редко бывал вместе. Сыном, который сам вызвался стать залогом перемирия. И самое страшное и позорное — император был благодарен Эвану за это. Мальчишка пожалел отца, вызвавшись сам. Иначе выбирать, кого из своих детей отправлять на Дарий, пришлось бы Иоанну. И выбор был бы заведомо не в пользу младшего. Своим решением Эван, по сути, освободил Альтаирскую империю от лишнего принца. Жаль только, Иоанн не сразу осознал, ЧТО для него сделал сын. И самое страшное — ПОЧЕМУ он это сделал.

Но кое в чем Эван все же ошибся. Он не был ненужным и нежеланным для отца. Наоборот. Он стал живым напоминанием того, что, помимо долга перед империей, его родители испытывали еще и чувства друг к другу.

В глубине души Иоанн искренне считал, что из излишне доброго и чувствительного мальчика не вырастет ни воин, ни политик, ни тем более наследник престола. Поэтому он и позволил супруге воспитывать ребенка по своему усмотрению: вместо меча — скрипка, вместо военной академии — два дополнительных года домашнего обучения. И очень удивился, когда именно Эван изъявил желание отправиться на Дарий. Занял место одного из своих старших братьев. Ведь была велика вероятность того, что в качестве залога перемирия мог вызваться Грэгори. Эван его просто опередил.

Грэгори. Император бросает взгляд на двадцатилетнего сына, который стоит здесь же, в рубке управления, и разговаривает о чем-то с капитаном.

Высокий, сероглазый, светло-рыжие волосы обрамляют утонченное, аристократически правильное лицо. Великолепный политик, воин, подающий большие надежды ученый-физик. Лучший выпускник военной академии в своем потоке. Как ни цинично это звучит, но с точки зрения престолонаследия было бы стратегической ошибкой пожертвовать таким ресурсом.

В отличие от отца Грэгори постоянно выходит на связь с Эваном. Мальчишки сумели сохранить дружбу сквозь время и расстояние — словно в укор Иоанну. Именно Грэгори первым забил тревогу, когда младший брат не вышел на связь в назначенное время.

Размышления императора Альтаира прерываются появлением в рубке рыжеволосого зеленоглазого Радиэля — старшего, двадцатитрехлетнего сына. Наследник престола лицом поразительно походит на мать. Среднего роста, коренастый, накачанный.

В отличие от Грэгори, Радиэль скорее воин, постоянно рвущийся в бой, чем политик. Бескомпромиссность и отсутствие гибкости в политических вопросах последнее время заставляют Иоанна задуматься о том, насколько мудрым правителем станет Радиэль. Успокаивает одно: рядом всегда будет верный, спокойный, рассудительный Грэгори, способный

вовремя осадить брата, правильно объяснить ситуацию, успокоить. Вдвоем они идеально дополняют друг друга.

Последнее время эмоции слишком часто берут верх над наследником, и это настораживает императора. Иоанн уже догадался: Радиэль, как и его мать, перестал делать антиэмпатические инъекции, утверждая, что препарат не дает ему ощутить полноту жизни. Доводами отца о том, что будущий император должен жить разумом, а не эмоциями, он не проникся.

— Отец, я все же настаиваю! Позвольте нам с Грэгори вдвоем отправиться на Дарий. Зачем вам рисковать и лететь лично на Темную планету? Мы сами найдем Эвана, чего бы нам это ни стоило!

Верный и преданный Радиэль. Как и отец, он чувствует вину перед младшим братом. А ведь он рвался на Дарий. Да еще как! Но наследником престола нельзя было рисковать.

— Если Дэмониону так важна встреча с вами, пусть сам прилетит на базу Наоки. Мы совсем близко от нее. Это удачная точка пересечения, — вторит брату рассудительный Грэгори.

В словах сыновей есть логика, но отступать слишком поздно. Решение принято. Политический протокол запущен. Отказ от заявленного визита может быть расценен как неуважение. Зачем лишний раз нагнетать и без того сложную политическую атмосферу?

— Я ценю вашу заботу, но нам с Дэмонионом надо перейти на новый уровень политических взаимоотношений. Пора превращать затянувшееся перемирие в стабильный мир. Мое посещение Дария — это... — Иоанн пытается подобрать наиболее верное, точное слово. — Символ перемен. Показатель того, что мы готовы к сотрудничеству. В том числе и к экономическому. Дэмонион не глупец. Он прекрасно понимает: второго такого шанса уже не будет. Поэтому не думаю, что возникнут проблемы с безопасностью. Покушение спровоцирует войну, а это сейчас Дарию невыгодно.

Упрямый Радиэль не прочь поспорить с отцом, но из динамиков раздается голос командира крейсера:

— Всем занять свои места. Идем на сближение. Готовность семнадцать минут.

Император с сыновьями садятся в кресла, которые автоматически фиксируют их тела невидимыми магнитными «ремнями безопасности».

С каждой минутой оранжевая планета-спутник, испещренная многочисленными кратерами, становится все ближе, постепенно заполняя собой огромную прозрачную стену рубки. И сердце императора Альтаира невольно сжимается, ускоряя ритм. Рой навязчивых вопросов с новой силой обрушивается на Иоанна: сумеет ли он найти младшего сына на Дарии? И если да, то хватит ли у него мужества посмотреть в глаза собственному ребенку, которого, словно разменную монету, бросил в одиночестве на чужой, враждебной планете? Но главное: сможет ли сын когда-нибудь простить его?

Дарий. Адейра. Подземный город

Ненавижу! Ненавижу закрытые помещения! Стою в небольшом кабинете, где нет даже окна, в ожидании Эвана и отца Марка. Нервно отстукиваю пальцами по столу незатейливый ритм. Как же меня все-таки нервирует это подземелье! Да, здесь превосходная вентиляция, но мне все равно не хватает воздуха, пространства. Хоть бы окошечко какое-нибудь чисто для видимости организовали, все легче бы дышалось!

Из кухни доносится голос Дерека. Толстяк-землянин объясняет Анигаю, с помощью каких сенсорных кнопок кухонное пространство превращается в гостевую комнату со спальным местом. В отличие от брата Мэд не приходится ломать голову, где и на чем ей спать. Шатера с наглым видом оккупировала спальню Эвана и уже полчаса не вылезает из душа, пытаюсь

отмыться от дорожной пыли.

От нечего делать оглядываюсь. Замечаю на столе сенсорную панель. От скуки тыкаю по паре кнопок, они загораются приятным сиреневым светом. Почти сразу подпрыгиваю от неожиданности — стена напротив превращается в огромное окно, за которым простираются изумрудные бескрайние луга, сходящиеся у горизонта с кромкой нежно-голубого неба, озаренного светом неведомого мне дневного светила. Яркий бело-золотой диск, сияющий на небосклоне, точно не оранжево-кровавая звезда Сатаба.

Это не Дарий, догадываюсь я.

От необычной красоты лугов захватывает дух. Все настолько реалистично! Я словно чувствую порывы теплого ветерка, аромат неведомых цветов. Не удерживаюсь от искушения, протягиваю руку, но упираюсь в стену.

— Голограмма. — Голос Эвана заставляет меня вздрогнуть.

Я и не заметила, как он вернулся.

— Это Альтаир?

Парень подходит ко мне, не сводя с экрана взгляда, полного непонятной мне тоски.

— Да.

Заинтригованная, с жадностью разглядываю детали.

— Он совсем другой! Совершенная красота! И такая... — пытаюсь подобрать более точно слово. — Правильная.

— Искусственная, — подсказывает Эван. — Работа ландшафтных дизайнеров.

Это многое объясняет! Абсолютно точные цвета. Не как на Дарии, где все всегда вперемешку. Наше небо за одну минуту может трижды поменять цвет, отразив при этом все оттенки от нежно-голубого до сиреневого. На Альтаире же небо — словно купол, который крайне неохотно меняет палитру. Дарийские луга никогда не бывают такими однотонными, разве что если засеять их определенным сортом зерновых. На Альтаире все по-другому! Поразительно красивая правильность во всем. Но при всех различиях наши планеты все же поразительно похожи! Те же поля, небо, солнце, ветер... Тот же аромат луговых цветов.

И только сейчас, глядя на другой, пусть и прекрасный, но незнакомый мне мир, я вдруг в полной мере понимаю...

— Как же ты, наверное, все эти годы скучал по своей планете!

Я настолько привыкла воспринимать Эвана как часть Дария, что совсем забыла: мальчишка-альтаирец здесь чужой. И почему-то становится нестерпимо жаль его.

— Ты, наверное, отдал бы все, чтобы вернуться на Альтаир?

Ответ Эвана откровенно удивляет меня.

— Не знаю. Не уверен.

— То есть как?! Там же твой дом!

— Третью жизни я провел здесь — на Дарии. — Эван задумчиво усмехается. — Забавно. Я знаю Темную планету лучше родной. Мне теперь здесь дышится легче. Боюсь, на Альтаире я теперь чужак.

Меня так и подмывает спросить...

— Слушай, а как ты вообще очутился на Дарии? — Любопытство все же берет верх. — Почему ты всегда уходишь от ответа? Я ведь сто раз задавала тебе этот вопрос.

Губ Эвана касается невеселая улыбка.

— Позволь, я уйду от него и сейчас.

Вслед за Эваном в кабинет заходит отец Марк, успевший съездить на встречу с каким-то опальным строителем и получить от него голографическую карту императорского замка.

Последующие два часа мы со священником и Эваном пытаемся сообразить, как лучше

добраться до императорского хранилища, в котором находится Жезл Власти. Однако пока все тщетно. Слишком сильная охрана. Слишком хорошая просматриваемость помещений.

— Самое интересное, что сам Жезл почти не охраняется. Внутри хранилища нет стражей, — вспоминаю я. — Зато в коридорах ее хоть пруд пруди. Да еще ведуньи-смотрительницы почти на каждом шагу.

— В хранилище охрана и не нужна. Не думаю, что найдется вор-самоубийца, который рискнет прикоснуться к кристаллу. Ты, естественно, не в счет. — Эван прокручивает трехмерное изображение карты в поисках слабого звена.

Отец Марк отрывается от сенсорной панели, на которой то и дело вводит очередные координаты, просчитывая возможные планы действия.

— Интересно все же, почему ты не реагируешь на кристалл. — Священник бросает на меня заинтригованный взгляд.

— А я откуда знаю? — фыркаю в ответ. — По мне, так всему виной мамуля! Так пить и нюхать порошок забвения во время беременности! Как мы еще с Анигаем с тремя руками и ногами не родились.

Беззаботно смеюсь над собственной шуткой. А что мне, от правды плакать, что ли? Альтаирец с сочувствием смотрит на меня. Настроение портится. Ненавижу, когда меня жалеют. Это унижает.

— Ну а что? Помнишь в Катаре Катрю двухносую? Ту, что у рынка жила. Милостыню просила. Ее мамаша тоже по-черному бухала, пока вынашивала. Результат в прямом смысле налицо. Мне еще крупно повезло, что аномалия в толстокожесть ушла, а не в раздвоение носа...

Эван невесело усмехается.

— Ты неисправима.

— Честно, говоря, дочка, я сильно сомневаюсь, что Акраба стала причиной твоей «аномалии», — делится соображениями священник. — Думаю, твоя способность прикасаться к топливным кристаллам не проклятие или, как ты говоришь, уродство, а дар. Божий дар. Главное, понять, зачем Господь дал тебе его. Такими дарами не стоит впустую разбрасываться.

Скептически смотрю на священника. Все же он конченный оптимист.

— Отец Марк, ну какой дар? Нет, спасибо, конечно, что благодаря ему с голоду не сдохли с братом. На Черном рынке за топливные кристаллы всегда хорошо платили, а так... Не дар, а сплошное недоразумение. Ну сами посмотрите, в какую историю из-за этой моей способности мы все вляпались. Разве это Божий дар?

— Пути Господни неисповедимы, — задумчиво улыбается отец Марк, выключая сенсорную панель. — Я проанализировал данные. Боюсь, мы не сможем вернуть кристалл на место без помощи Верховной Ведуньи. Слишком сильная охрана. Думаю, чтобы нейтрализовать стражей, Глэдис использовала не только сонный порошок, но и магию. А такого добра в нашем арсенале нет.

— Тогда предлагаю не усложнять ситуацию.

С удивлением смотрю на Эвана:

— Это как?

— Зачем пробираться к Жезлу Власти тайком, когда это можно сделать в открытую?

С изумлением смотрю на парня. М-да... Похоже, после укуса драга альтаирец совсем тронулся головой. Недаром у него до сих пор температура держится.

— И как ты себе это представляешь? Подходим мы такие к стражам и говорим: «Эй, ребята, мы тут украденный кристалл на место вернуть хотим...» — откровенно ерничаю я.

В отличие от меня отец Марк воспринимает слова парня куда серьезней:

— Уж не хочешь ли ты?..

— Почему бы и нет? Я вполне могу попросить Дэмониона показать мне Жезл Власти. Устроить, так сказать, небольшую экскурсию.

— Но ты не сможешь сам поменять кристалл.

— Я — нет, а она — да. — Альтаирец даже не удосуживается повернуть голову в мою сторону, в его голосе опять звучат холодные металлические нотки. Видно, вновь вспомнил, что я шатера.

Мое подозрение подтверждается.

— Пойдет со мной как шатера. Император же сам подарил мне ее. Думаю, он не будет против, что я прихвачу на экскурсию свою куклу.

— Эй, полегче на поворотах! — Меня захлестывает возмущение. Он говорит обо мне, как о какой-то вещи. — А то кукла тебе как сейчас шандарахнет чем-нибудь тяжелым! Мало не покажется! И заметь, мне за это ничего не будет! Спешут на семейную разборку!

Последняя фраза вылетает быстрее, чем я успеваю сообразить, что несу. Эван в долгу не остается.

— Тут ты права. Только, если мне не изменяет память, на Дарии не приветствуются гулящие жены, бьющие своих мужей. Им за это руки, кажется, отрубают!

— Да пошел ты! — злюсь я.

— И пойду! На кухню. Чай пить. Без тебя!

— Дети! Успокойтесь! — Наша перепалка расстраивает священника. — Лучше давайте подумаем, что делать, если Дэмонион согласится. Чисто теоретически...

— Вы это серьезно?! — удивляюсь я.

Эван игнорирует мое удивление:

— Зайдем в хранилище. Нужно будет продумать какой-то отвлекающий маневр. Не знаю... Взрыв, пожар... все что угодно. Чтобы император отошел от хранилища, а дальше дело за Адамаск.

— Великолепный план! Просто чудесный! — Моему «восторгу» нет предела. — Подменить кристалл на глазах самого императора! Чтобы Дэмонион поимел удовольствие собственноручно открутить мне голову. — И окончательно психую: — Я пас! Я еще жить хочу! Мне хватило встречи с отголоском Дэмониона в Сумрачном лесу. Вживую я его лицезреть не собираюсь.

— Забыла, что на кону будущее твоей планеты? Этот кристалл генерирует защитное поле Дария! — некстати напоминает альтаирец, давя на мой патриотизм, которым я, если честно, особо не страдаю.

А что он хотел? На Дарии каждый сам за себя!

Внезапно до меня доходит еще одна странность этого плана.

— Я одно не понимаю. Откуда такая самонадеянность? Чего ради Дэмониону для тебя экскурсии устраивать? Не много ли чести? Ты всего лишь один из свиты альтаирского принца. Или ты своего хозяина попросишь замолвить словечко? — с издевкой интересуюсь я, смакуя слово «хозяин». Не все альтаирцу мне Руаром тыкать. — Вот принц обрадуется, узнав о кристалле!

Очень скоро я понимаю, что ёрничаю зря. Не у одной меня нервы на пределе.

— Если надо, и попрошу. Не гордый, — отзывается Эван. — Только тебя это не касается.

— Да что ты говоришь?! — не перестаю паясничать. — Если меня это не касается, так, может, сам отнесешь кристалл в Аскорэор?

Обиженный альтаирец занимает оборону.

— Может, и отнесу!

— Ах так?

— Да, так!

— Вот и чудненько! С меня хватит! Расхлебывай эту кашу сам! Я сваливаю!

Ну все, чую, меня понесло лесом по бурелому. Лучше бы мне Боженька дал дар не кристаллы руками лапать, а вовремя затыкаться!

Демонстративно направляюсь к двери, забывая, что самолюбие альтаирца тоже не железное!

— Вот, значит, как ты держишь слово! Я-то, дурак, свою часть соглашения выполнил! Ты в столице.

— Я тебя умоляю! Я шатера. Мои слова недорого стоят!

— Тогда уходи, — тихо произносит парень. — Справлюсь сам.

Его внезапно спокойный тон приводит меня в чувство. Делаю шаг к двери, но тут же притормаживаю. В чем подвох? А если Эван не сможет вернуть кристалл на место? Или не захочет? Если вывезет его с планеты? Это что же получается, из-за меня Дарию конец? И мне вместе с ним — я же сама на этой планете нахожусь! Нет, так дело не пойдет. Оборачиваюсь.

— Ты, случайно, не Дарий угробить решил? Мне назло.

Альтаирец иронично усмехается:

— Много чести. Я еще назло какой-то девчонке планеты не уничтожал!

— Но без меня ты не справишься!

— Справлюсь!

— Интересно, как?

— Сообщу о кристалле Дэмониону. Пусть сам его заберет. — И тут же язвительно добавляет: — Правда, не гарантирую, что он не устроит после этого детальное расследование, чтобы выяснить, кто украл кристалл.

Открытый шантаж!

Мне становится не по себе. Император далеко не дурак. Он сразу поймет, что к похищению причастна Глэдис. Только ее могущественная магия и уровень доступа могли позволить нам пройти к Жезлу Власти. Сильно сомневаюсь, что Верховная Ведунья возьмет всю вину на себя. Скорее уж я стану козой отпущения.

А такое в мои планы не входит. И Эван прекрасно это понимает.

— Не посмеешь! — ахаю я. От возмущения перехватывает дыхание. — У тебя же эти... Как их там?... Моральные принципы!

— С кем поведешься, от того и наберешься, дорогая. Кажется, так обычно говорят земляне в таких ситуациях, отец Марк?

— Вот только меня в свои разборки не вмешивайте, — отмахивается священник, привыкший к нашим препирательствам.

Нет! Ну нормально?! Отец Марк и тот самоустранился! А ведь вполне бы мог осадить зарвавшегося альтаирца. Тот всегда прислушивается к своему наставнику.

— Ты не рискнешь меня заложить! — с вызовом бросаю я. — Потому что потом сам же меня из Дэбэра и будешь вытаскивать!

— Резонно! — кивает священник.

Наконец-то отец Марк хоть в чем-то принял мою сторону. И вовремя, потому что я уже готова смертельно обидеться на него. Это нас с Анигаем, а не Эвана святоша вырастил с детства! Это нас выкармливал и пеленки менял! Так что нам он роднее, а значит, должен быть на моей стороне!

Знаю, звучит эгоистично. Но ведь я права!

— А ты проверь! — бросаю мне вызов Эван.

Наши пылающие праведным гневом лица уже находятся сантиметрах в десяти друг от друга. До меня медленно, но верно доходит смысл его слов.

Он улетает с планеты.

Навсегда.

Осознание этого действует как ледяной душ.

— И когда ты собирался мне об этом сообщить?

— Я не обязан перед тобой отчитываться. Мы друг другу никто!

— Неправда! — вновь вмешивается священник. — Вы не чужие.

В комнате зависает напряженное молчание.

— Она стала шатером.

Ябеда!

— А он — придурком!

— Давайте лучше вернемся к разработке плана.

Безапелляционный тон отца Марка заставляет нас спустить ссору на тормозах. Расходимся в разные концы комнаты.

Священник продолжает анализировать ситуацию:

— Предположим, Дэмонион согласится провести вас к хранилищу. Но нам все равно потребуется помощь, чтобы устроить отвлекающие взрывы и пожары во дворце. Желательно — помощь дарийцев. При дворе они привлекут куда меньше внимания, чем мы.

Ничего себе! Отец Марк на полном серьезе думает, что Эван сможет уговорить императора Дария прогуляться с ним по дворцу и показать священное хранилище?! Похоже, сумасшествие покусанного драгами альтаирца передалось по воздуху и землянину.

И тут до меня доходит, на каких помощников намекает отец Марк.

— Да они в жизни не согласятся! — протестую я. — Анигай еще, может быть, ради меня согласится, но Мэд... На нее не рассчитывайте! Да она сдаст нас всех при первом же взгляде Дэмониона на нее. Еще и код от твоего сейфа не забудет продиктовать! Не верите мне — спросите саму Мэд. Она подтвердит, что, не колеблясь, заложит всех, лишь бы вернуться в Руар и снова быть там на хорошем счету.

Эван и отец Марк задумчиво переглядываются.

— Значит, надо сделать так, чтобы твоя подружка просто не попала на глаза императору, — умозаключает парень, направляясь к двери. — Я поговорю с ними.

Возмущенная, перепуганная, несусь вслед за Эваном.

— Не смей! Я запрещаю! Да если в Руаре узнают, им назад хода не будет...

Хватаю альтаирца за большую руку. Парень морщится.

— Извини, — спохватываюсь я и словно прихожу в себя. Эмоции идут на убыль, уступая место доводам рассудка. — Эван, я не хочу их втягивать.

Альтаирец поправляет повязку, бросает на меня хмурый взгляд.

— Ты еще не поняла? Они уже по уши втянуты в это дело. Вся Адейра усыпана ориентировками на твоего брата и подругу. Если они помогут нам вернуть кристалл, обещаю, я сделаю все, чтобы реабилитировать их в глазах Дэмониона. Без них мы не справимся. Они смогут вернуться в Руар и жить там долго и счастливо. — Эван невесело усмехается. — Если, конечно, в Руаре вообще такое возможно.

Не понимаю, как он собирается это сделать, но знаю — альтаирец никогда не бросает слов на ветер.

— А меня? Меня ты тоже реабилитируешь? — невольно интересуюсь я. — Что будет со мной, когда ты вернешься на Альтаир? Попросишь Дэмониона передать меня новому хозяину?

Откровенно язвлю. И невольно радуюсь, видя, что мои слова причиняют альтаирцу дискомфорт. Пусть так. Ведь теперь он меня бросает, а не я его!

Однако выбить его из колеи уже не удастся. Напротив, он внезапно становится

хладнокровным и спокойным.

— Ничего нового с тобой не случится. — В голосе Эвана звучат обидное безразличие и спокойствие. — Ты, как и прежде, будешь свободна... Ты же с самого начала хотела именно этого, да, Ада? Быть свободной от всего и от всех. Ну так наслаждайся... Делай что хочешь! Ты свободна! От Катара. От Руара. От меня...

10. ВЕЩЬИЙ СОН ГЛЭДИС

До неуютности темно. Старые, уже давно утратившие былую зоркость глаза предательски подводят Верховную Ведунью, не давая в деталях рассмотреть ту, что стоит всего в нескольких метрах от нее у распахнутого окна.

Знакомый женский силуэт на фоне огромного диска ночного светила Дария — лучезарной Наоки.

Традиционное для дарийской знати богатое, струящееся в пол платье. Цвет не разобрать — слишком темно. Лишь контуры. Поверх длинных волос, перехваченных изящной драгоценной цепочкой, — вуаль, которую венчает корона.

Корона императрицы Дария.

Увы... Глэдис нет нужды смотреть в лицо этой совсем юной женщине, чтобы понять: перед ней — трижды проклятая Верховной Ведуньей, но обожаемая всем Дарием покойная императрица Арасэли.

Несмотря на внутренний протест, отчаянное нежелание подчиняться чужой воле, старуха все же делает шаг к своей повелительнице. И одновременно боковым зрением улавливает какое-то движение.

Из темноты появляется Карл. Он, как и Глэдис, в полном смятении. Будь его воля, Верховный Воин, не задумываясь, пронзил бы Арасэли дредом, но вместо этого... Неподвластная им, древняя, как сама жизнь, сила неотвратимо тянет обоих к юной повелительнице. К той, которую принял Жезл Власти, благословив на престол. К той, которая посмела бросить вызов самому императору Дария. Которая в жажде мести за свой уничтоженный род зашла так далеко, что осмелилась изменить мужу, навсегда опозорив его имя. Зачать ребенка от другого мужчины, чтобы возвести на престол бастарда, — такого позора Дарийская империя еще не знала!

О да! У Верховной Ведуньи были все основания, чтобы ненавидеть предательницу! Она хотела открыть своему повелителю глаза, и ценой ее преданности стала опала. Дэмонион не оценил верность той, которая была ему наставницей с рождения. Он до последнего отказывался смотреть правде в глаза. Не верил ей, Глэдис, которая никогда не предавала и не подводила его.

План Арасэли почти сработал! Еще бы! Дэмонион был так счастлив, когда узнал, что у него будет сын! Наследник! Самолюбивый, самоуверенный, он не допускал и мысли об измене жены. Как и о том, что та знает правду: она, Арасэли, последняя выжившая из рода Древних. Вся ее семья вырезана до единого. Убита даже пятилетняя сестренка. И виновен в их смерти собственный супруг Арасэли — император Дэмонион.

Если бы не бдительность Верховной Ведуньи, неизвестно, в руки какого отродья перешел бы Дарийский престол. Именно Глэдис, раскрыв правду Дэмониону на лицемерную сущность Арасэли, лично подписала юной императрице и ее нерожденному выродку смертный приговор.

Но в этом кошмарном сне та, которая должна была давно умереть, стоит перед ними во всем своем императорском величии, не соизволив даже обернуться.

О! Как Глэдис, верная слуга императорского рода, хотела убить ее! Предательницу! Лицемерку! Но вместо этого они с Карлом как подкошенные падают на колени перед своей повелительницей. Госпожой. Императрицей. Потому что в абсурдном сновидении почему-то нет сил сопротивляться зову древней крови. Словно они оба изначально рождены для того, чтобы служить ей.

Только ей.

Проклятой Арасэли.

Странное, давно забытое, щемящее душу чувство переполняет Верховную Ведунью. Она испытывала такое лишь однажды — когда присягала в верности отцу Дэмониона. Ни до, ни после в ее жизни не было ничего подобного. И вот сейчас С она, Глэдис, клянется верой и правдой служить той, которую так люто ненавидит... И за которую теперь, не задумываясь, отдаст жизнь.

Императрица медленно оборачивается и...

...Глэдис просыпается, так и не успев увидеть ее лица.

Тяжело дыша, старуха садится на кровати. За окном тускло отсвечивает темно-оранжевое небо Наоки, где сейчас и находится Верховная Ведунья. Ожидает дипломатический кортеж с Альтаира, чтобы встретить Атарксиса — законного наследника Дария, возвращающегося спустя столько лет на родину.

Будь проклят этот сон! Сон, который неотступно преследует Глэдис уже много лет. С той самой проклятой ночи, когда по приказу Дэмониона была убита в Дэбэре юная императрица Арасэли, унеся с собой к Отару и нерожденного проклятого бастарда. Убита по ее навету.

Ада

Анигай. Смотрю на брата и откровенно поражаюсь: он не сказал Эвану «нет». Хотя должен был сделать именно это.

Во-первых, он никогда особо не симпатизировал мальчишке-альтаирцу, поэтому абсолютно непонятно, почему поддержал его сейчас. А во-вторых — и это самое главное — Анигай с детства бредил мечтой попасть в личную охрану императора. И уж точно в его планы не входило собственноручно устраивать под носом Дэмониона взрыв. Но брат не сказал Эвану «нет». Возможно, из-за меня? Все-таки как ни крути, но это я, его сестра, украла кристалл с Жезла Власти. И в случае чего — мне не сносить головы.

Радует лишь одно: мнение брата насчет Мэд полностью совпало с моим.

— Курицу лучше не вмешивать. Если ее заловят — она нас с потрохами сдаст. Даже пытаться не придется.

Сажу, забравшись с ногами на узенький диванчик, стоящий в дальнем углу кабинета. Молча наблюдаю, как Анигай сосредоточенно прокручивает перед Эваном и отцом Марком трехмерную голограмму императорского замка, указывая месторасположение лабораторий Верховного Лекаря — дэуса Бэра.

— Вот здесь. — Анигай отмечает красной точкой три смежных помещения, расположенных в том же крыле, что и хранилище, но уровнем выше и чуть западнее. — Когда я в прошлый раз был в Аскорэоре, этот старикан спьяну что-то там нахимичил... Спутал какие-то реактивы. Бабахнуло так, что все окна в лаборатории вылетели. Вот я и думаю: зачем устраивать не пойми где взрыв, когда суматоху можно легко списать на Бэра. Ну не знаю... Реактивы какие-нибудь без присмотра оставил. Вот и бабахнуло.

Отец Марк одобрительно кивает:

— Хорошая идея, сынок. Теперь главный вопрос: сможешь ли ты незамеченным пробраться в лабораторию?

— А у меня есть выбор? — хмыкает братец, бросая на меня укоризненный взгляд.

М-да... Выбора, похоже, нет ни у кого из нас.

Не успеваю зайти в спальню Эвана, как на меня тут же набрасывается недовольная Мэд, в огромном махровом белом халате и с полотенцем на голове.

— Ада! Где тебя носит? Мне надоело торчать здесь одной! Чувствую себя узницей Дэбэра! — бурчит подруга.

— Пытались придумать, как вас вернуть в Руар, — почти и не вру.

В кабинете продолжается обсуждение деталей плана, но я устала там торчать, слушая, как мужчины скрупулезно просчитывают каждый шаг. Поэтому незаметно слиняла. Пусть сами головы ломают, а я спать, спать, спать... Устала за день так, что слов нет!

Оглядываюсь: ну надо же! Мэд оккупировала спальню альтаирца лишь несколько часов назад, но уже успела каким-то чудом превратить ее в дамский будуар. Даже вазу с цветами где-то раздобыла. Кровать разложена и так и манит к себе свеженьким постельным бельем. Это моя слабость после Катара, где у нас была лишь пара рваных простыней.

Зеваю. Мне не меньше Мэдлин хочется снять дорожный костюм, поэтому отправляюсь на поиски потенциальной ночнушки.

Тыкаю наугад по сенсорным кнопкам в надежде найти шкаф с одеждой Эвана. Лишь с пятой попытки нахожу нужный отсек.

Перебираю вещи. Богатым гардероб альтаирца точно не назовешь: пара штанов, несколько футболок, тройка рубашек, летный комбинезон. Выбираю белую, приятную на ощупь футболку. Конечно, размерчик, мягко говоря, не мой, но для ночнушки подойдет идеально. По ходу замечаю, что на одной из рубашек почти оторвалась пуговица. Надо будет после душа не забыть пришить.

Струи горячей воды медленно, но верно возвращают меня к жизни. Переодевшись в «ночнушку», с мокрой головой, завернутой в полотенце, возвращаюсь в комнату. Отыскиваю небольшой отсек с хозяйственными принадлежностями — видимо, он изначально был встроен в квартиру, потому что сам Эван вряд ли бы додумался до таких бытовых деталей.

Мэд еще не спит. Лежит на кровати и тупо тыкает кнопки на пульте от голографического экрана, с которого диктор вещает последние новости. Подруга отвлекается от лицезрения мельтешащей картинки, лишь когда я берусь пришивать альтаирцу оторванную пуговицу.

— Что ты делаешь? — Любопытная шатера заинтригована настолько, что ставит экран на паузу.

— Не видишь — пуговицу пришиваю.

Завязываю нитку финальным узлом. Проверяю — вроде бы крепко пришила. У Эвана вечно проблемы с пуговицами — отлетают на раз. Я им с Анигаем в детстве столько этих пуговиц напришивала, что и не сосчитать.

— И часто ты малознакомым парням одежду чинишь? — не унимается Мэд, наблюдая, как я возвращаю рубашку в шкаф и проверяю, в порядке ли остальная одежда.

— Мне несложно.

— Это не ответ.

Да, я не ответила! Потому что не знаю, что сказать.

— Кто он тебе? — не унимается Мэд.

Вопрос из разряда тех, на которые лучше ответить, иначе Мэд сама себе все додумает и будет только хуже. На мою беду у нее фантазия богатая.

— Мы были соседями в Катаре.

— Альтаирец жил в Катаре?!

Удивлению Мэд нет предела. Оно и понятно. Подруга знает, что в Руар Эван приехал в составе высокопоставленной свиты альтаирского принца. Получается, что он далеко не «бедный мальчик». Поэтому ей и непонятно, что он делал в забытом Отаром поселении каторжников и

военнопленных. Впрочем, я сама до сих пор этого не знаю.

— Да. Жил. У нас в Катаре всегда было скопище со всех концов вселенной, — говорю я и пытаюсь увести разговор в сторону: — Мэд, я устала. Давай спать.

Подруга на удивление легко сдается.

— Хорошо.

Постель оказывается достаточно широкой, мы обе вполне комфортно размещаемся на ней. Подруга выключает свет. Закрываю глаза, но любопытная шатера не унимается. Как назло, именно этим вечером Мэдлин решает поговорить по душам. Вернее — допросить меня по полной программе.

— А он симпатичный.

— Кто «он»?! — слегка теряюсь я, пытаюсь сообразить, о ком говорит Мэд. — Дерек, что ли? С каких это пор ты западаешь на землян?

— Да при чем здесь Дерек! — отмахивается она. — Я говорю об альтаирце. Красивый парень.

От такого заявления у меня пропадает дар речи, а заодно и сон.

— Не знаю. Альтаирец как альтаирец. Не в моем вкусе, — пытаюсь говорить предельно безразличным тоном. Для пущей достоверности зеваю. — Слушай, я спать хочу.

— Ты уверена? — из темноты звучит хитрый голосок. — Если он тебе совсем-совсем не нравится, тогда я его себе возьму.

Нет! Ну это уже слишком!

— Не получится. Ты не в его вкусе, — бурчу я. — Он терпеть не может шатер.

— Да? — хихикает настырная Мэдлин. — Но тебя же он себе заказал.

Приподнимаюсь на локте, сердито смотрю на подругу. Я слишком хорошо знаю Мэдлин, чтобы понимать: нашла коса на камень. Она так просто не отстанет.

— Мэд, кончай ходить вокруг да около. Говори прямо. К чему ты клонишь?

Подруга тоже садится на кровати. Сразу видно: ее прямо распирает от любопытства.

— Что между вами? И не заливай, что он просто бывший сосед. Соседи шатер себе не заказывают!

Чувствую, не отстанет. Сдаюсь. Выкладываю подруге все как есть. Ну, или почти все.

— Эван не заказывал меня. В смысле, как шатеру... Узнал в Руаре, решил поболтать. По-другому меня в гости пригласить не получилось. Ой, и не смотри на меня так! Мы с ним дружили в детстве. Даже не дружили, а так... Он был моей работой. Отец Марк платил нам с Анигаем, чтобы мы общались с альтаирцем. Иначе он бы в Катаре от одиночества точно свихнулся. Вот и все. Еще вопросы будут?

— Будут, — не унимается шатера. — А альтаирец знал, что вы с ним за деньги дружите?

— Не за деньги, а за еду. Разумеется, знал. Никто из этого тайну не делал. Анигай вообще ему сразу напрямую сказал, что на дух всех альтаирцев не выносит.

— И?

— Что «и»? Мало ли что не выносит. Кушать хочется всегда.

Надеюсь, подруга удовлетворилась моим развернутым ответом. Но куда там...

— Он тебе небезразличен!

— С чего ты взяла?

— Вы постоянно орете друг на друга.

Усмехаюсь.

— Тоже мне критерий... И это не я на него ору, а он на меня. Первый начинает!

— Из-за чего он на тебя взъелся?

Не хочется признаваться, ну да ладно...

— Он думает, что я шатера.

— Но ты не шатера. Ты из касты воинов. — Степень заинтригованности Мэдлин уже просто зашкаливает. — Он же видел, как ты управляешься с дредом.

Господи! Ну какая же она непонятливая!

— Ну и что? Мэд, Эван альтаирец. Он не обязан разбираться в тонкостях каст Руара. Откуда он знает, что шатера не может, как воин, пользоваться дредом? Ты сама слышала хоть раз про женщину-воина?

— Нет, — немного подумав, соглашается Мэд.

— Вот и он не слышал. К тому же Эван давно спокойно относится ко всем моим странностям. В отличие от тебя он мне вопросы особо не задает. Все! Я спать!

— У меня последний вопрос! Почему ты сразу ему это не сказала?

Не хочется признаваться даже себе самой...

— Чтобы позлить.

Понятнее устроившись на подушке. Этот бессмысленный разговор мне порядком уже поднадоел.

— Он тебя ревнует.

Простая фраза, брошенная Мэд, окончательно лишает меня сна.

Глупость какая! Быть такого не может! Просто задето его мужское самолюбие, ведь формально мы с ним все же связаны.

— Не говори глупости! Чтобы ревновать, надо любить.

— Согласна, — смеется Мэд, плюхаясь на свою сторону дивана. — Поэтому я и говорю: он тебя ревнует.

Да чтобы эту Мэд приподняло и пришлепнуло! Вот и попробуй теперь усни после таких слов.

* * *

Полночи валяюсь без сна, думая о словах Мэд. Эван меня ревнует? Предположение шатеры кажется глупым и нелепым, но в то же время, если честно, греет душу. Ведь ревновать можно только близкого человека. Значит, я все еще не чужая альтаирцу, и это почему-то очень радует. Хоть для меня до сих пор загадка, как из тихого болезненного мальчишки, которым я всегда вертела по своему усмотрению, вырос самодовольный нахал и тиран, больше не поддающийся моему влиянию.

Из-за бессонной ночи всю дорогу до императорского замка Аскорэора я отчаянно зеваю. В отличие от меня Эван выглядит выспавшимся и бодрым. Даже немного злюсь на него: я, значит, уснуть не могу из-за мыслей о нем, зато он сладко дрыхнет. Несправедливо!

Мэд и Анигай в Аскорэор не поехали. Остались с отцом Марком в подземном городе. Пока Эван не решит проблему с их возвращением, ребятам оттуда лучше не высовываться.

Я настолько погружена в размышления о том, ревнует ли меня Эван или это просто глупые домыслы Мэд, что не замечаю, как мы подлетаем к замку. Поднимаю глаза и замираю. Наверное, я так никогда и не привыкну к пугающе величественному облику Аскорэора. Красота захватывает дух!

Острые шпили, пронзающие рассветное небо, сверкающие купола, резные замысловатые башни, мосты. Аскорэор откровенно завораживающе прекрасен! Руар даже близко не сравнится с ним.

О, как бы я хотела жить здесь!

Мы плавно приземляемся на одну из выдвигающихся посадочных площадок, которые, несмотря на свою высокотехнологичность, весьма гармонично вписываются в архитектуру древнего замка. А дальше начинает происходить нечто странное.

Я искренне не понимаю, почему, когда мы с Эваном и Дерекком идем по коридору, перед нами расступается прислуга. И что самое удивительное — они все подобострастно нам кланяются. Я в шоке от происходящего в отличие от парней. Дерек воспринимает все происходящее как должное, Эван настолько погружен в свои мысли, что даже не удосуживается заметить столь неадекватную реакцию на нас прислуги и придворных.

Не найдя разумного объяснения происходящему, я переключаю внимание на сам замок. В прошлый раз у меня не было возможности как следует его рассмотреть. К тому же мы с Глэдис прилетели сюда уже под покровом ночи. Зато сейчас, в рассветной дымке, он прекрасен! Мягкий золотистый утренний свет, кажется, льется отовсюду, рассыпаясь миллионами отблесков на начищенных до блеска вазах, перилах, люстрах...

Замок поражающе огромен! У нас уходит минут пятнадцать-двадцать, прежде чем мы оказываемся в восточном дипломатическом крыле. Насколько мне известно, именно здесь обычно останавливаются инопланетные гости императора.

Так вот где последние годы жил Эван! Вот это хоромы! Меня тут же атакует куча вопросов. Интересно, как он попал в свиту к альтаирскому принцу? Почему сразу не оказался в ней, а жил столько лет в Катаре? Впрочем, один ответ нахожу довольно легко: в свиту Эван, наверное, не мог попасть из-за возраста. Был слишком мал. Когда подрос, его и забрали сюда. Но как Эван вообще оказался в Катаре — так и остается для меня загадкой.

Сворачиваем за угол. От неожиданности ойкаю. Возле огромных двустворчатых дверей, ведущих в восточное крыло, стоят четыре стража. Так близко воинов-альтаирцев я еще ни разу не видела!

Высокие, мощные, с непроницаемым выражением лица. В отличие от воинов Руара, которые всегда ходят в кожаных доспехах преимущественно коричневого цвета, на альтаирцах изумрудная военная форма, которая гармонирует с их светлой кожей и такими же светлыми волосами. Непривычно видеть в одном месте столько светловолосых людей, учитывая, что практически все дарийцы имеют темную шевелюру: от темно-русого и каштанового оттенка до черного.

При виде нас воины, не сговариваясь, опускаются на колени.

Нет! Ну это уже слишком для моей и без того расшатанной психики! Всякое я в жизни видела, но не свободолюбивых воинов-альтаирцев, стоящих передо мной на колене. Хочу потребовать у Эвана объяснения, что за дурдом здесь происходит, но не успеваю — оказываюсь в его покоях. И тут окончательно теряю дар речи.

Никогда раньше я не была в таких пугающе огромных, роскошно обставленных комнатах. Да здесь и самому императору Дэмониону не грех пожить!

— И это все твое?! — невольно присвистываю я. — Да... Красиво жить не запретишь.

Альтаирец, все еще думающий о чем-то своем, видимо, пропускает мои слова мимо ушей.

— Пожалуйста, побудь пока здесь. Я попробую уладить проблему с Анигаем и Мэд. Только ради бога, Ада, никуда не уходи и ни во что не вляпывайся. Обещаешь?

Обиженно закатываю глаза. Что я — дите неразумное? Высовываться из покоев, когда где-то рядом ходит сам Дэмонион. Нет уж! Я не самоубийца. Еще неизвестно, какими способностями он обладает. Может, мысли читать умеет. Оно мне надо, чтобы император узнал, что я у него из-под носа кристалл с Жезла Власти свистнула?

— Обещаю.

— Чего ты с ней так цацкаешься? — не выдерживает толстяк.

Эван игнорирует друга.

— Вот и замечательно. Чувствуй себя как дома, — усмехается. — Сама знаешь: все мое — твое.

Очень смешно! Особенно смотреть на недоумевающего Дерека, который абсолютно не понимает, на что намекает его друг. Формально-то действительно я имею доступ ко всему, что принадлежит альтаирцу. Правда, я сама с точки зрения закона принадлежу Эвану — но это уже частности, о которых я предпочитаю не задумываться. Главное — муженек дал мне полную свободу выбора: как хочу, так и живу. За что ему огромное человеческое спасибо.

Парни уходят. С довольной улыбкой оглядываюсь. Что ж, возможно, жить я буду недолго, но зато весело. Скидываю обувь и с радостным визгом с разбегу залетаю на огромную мягкую кровать. Прыгаю на ней почти до потолка. О! Она просто шикарна! Моя постель в Руаре с этим поистине императорским ложем даже близко не сравнится. Эта кровать, наверное, компенсация Эвану за его весьма аскетическую жизнь в Катаре.

Вдоволь наскакавшись на кровати, спрыгиваю на пол. Все же, надо признать, Мэд права: у меня детство в одном месте играет, хотя мне и шестнадцать лет. Обегаю остальные комнаты. Одна шикарнее другой! Ничего себе, в каких хоромах живет мой альтаирец! Однако я точно просчиталась, выбрав в свое время Руар, а не отъезд с ним в Адейру. Что ж он сразу про эти хоромы мне не рассказал?

Взвизгиваю от восторга, когда за очередной дверью обнаруживаю просто до неприличия огромную ванную комнату, посреди которой стоит настоящая купальня! Она настолько большая, что ее и ванной-то не назовешь! Не выдерживаю — поддаюсь на искушение: включаю горячую воду, выливая под струю ароматную мыльную пену. Плевать, что аромат не женский. Зато такой приятный! Тонкие, едва уловимые нотки мяты вперемешку с чем-то цитрусовым. Именно так пахла кожа Эвана в ту ночь, которую мы провели в Сумрачном лесу.

Должна признать, я птица водоплавающая. Обожаю ванну с пеной! Это тебе не вчерашняя душевая кабинка, которая была в квартире Эвана. Прикидываю, что мальчишки вряд ли появятся здесь в ближайший час, быстро раздеваюсь и ныряю в наполняющуюся купальню. Какое же это все-таки блаженство — лежать в ароматной горячей воде! Пропади пропадом этот Руар и Дарий, взятые вместе с кристаллом. И Дэмонионом сверху! Здесь и сейчас мне настолько хорошо, что я забываю обо всем.

А когда я забываюсь, то начинаю петь.

На беду всем окружающим.

Потому что петь я люблю. Громко и от души. Вот только из семи нот попадаю в лучшем случае в две-три. И то исключительно нечаянно. Но что еще хуже: практически весь мой песенный репертуар составляют незатейливые мелодии, которых я нахваталась в катарском кабаке — излюбленном заведении и по совместительству местом работы нашей беспутной мамы. Так что извиняйте, конечно, но и содержание у этих песенок всегда было еще то... Ну и что? Главное, нескучно!

Когда мужик бабу свалил,

О-хо-хо-хо-хо...

Его жена скалку взяла,

О-хо-хо-хо-хо...

И так ему напододала,

О-хо-хо-хо-хо...

Что месяц он не пил вина,

О-хо-хо-хо-хо...

Пей, ешь, кути, гуляй,
Девочек цепляй, девочек цепляй,
Но про жену не забывай,
О-хо-хо-хо-хо...
Иначе пить не будешь вина,
И виновата будет жена,
Что нечем больше девочек цеплять,
С обручком не погулять!
О-хо-хо-хо-хо...

Распевая во все горло жизнеутверждающую катарскую песенку о прелестях супружеской жизни, вдоволь накупавшись, я кутаюсь в махровый банный халат Эвана. Счастливая и довольная, пританцовывая, выплываю из ванной, во весь голос с энтузиазмом распевая припев.

Пей, ешь, кути, гуляй,
Девочек цепляй, девочек цепляй,
Но про жену не забывай,
О-хо-хо-хо-хо...

Все-таки дурная это привычка — петь и танцевать с закрытыми глазами! Потому что открой я их своевременно, то быстренько бы заткнулась.

От пения меня отвлекает чье-то интеллигентное покашливание. Запоздало соображаю, что в спальне я не одна. Замираю на месте в очередном катарском танцевальном па, по очереди медленно открывая глаза: сначала один, затем другой.

М-да... Ошарашенно смотрю на трех альтаирцев, которые с откровенным изумлением взирают на покрасневшую от плясок и пения меня.

Двое из них светло-рыжие, симпатичные. Я бы даже сказала — красивые. Им обоим слегка за двадцать. Не знаю, кто эти парни, но точно не слуги и не придворные. И дело не в дорогой одежде, а в слишком горделивой выправке. Слишком свободном взгляде. Сразу видно: эти двое не из тех, кто кланяется. Скорее уж кланяются им.

Перевожу взгляд с молодежи на третьего альтаирца, который выходит вперед. Мощный, властный, с пронизательным взглядом бездонно-синих глаз. Величественный — другого определения этому человеку я не могу подобрать.

Смотрю на исполина и неожиданно с изумлением понимаю, что уже видела его раньше. Точнее, не его, а Эвана. Потому что этот незнакомец — точная копия моего мальчишки-альтаирца. Только старше лет на тридцать.

Чувствую себя полной дурой. Стою перед тремя незнакомыми мужиками, кутаясь в длинный халат, и судорожно соображаю, что делать. Ничего более умного, чем простое «Привет!», придумать не получается. Ситуацию спасает Эван, который как нельзя кстати появляется на пороге комнаты. Впрочем, очень скоро я понимаю, что он не спасает, а лишь усугубляет ее, потому что...

— Здравствуй, отец, — звучит как-то откровенно холодно и не очень по-родственному. — Вижу, с моей супругой вы уже познакомились.

Перевожу очумелый взгляд с Эвана на помрачневшее лицо своего (как выясняется) свекра и отчетливо понимаю: уж лучше бы муженек смолчал. Ну кто его за язык тянул? Кто?! Нутром

чую: грандиозного семейного скандала не миновать! И что самое скверное: похоже, мне не избежать участия в этих разборках.

* * *

Изумление.

Пожалуй, именно это испытывает император Альтаира, обнаружив в комнате Эвана девочку-дарийку. Лет пятнадцати-шестнадцати — не больше! Нелепую, смешную, несуразную, которая пританцовывала и распевала, откровенно фальшивя, пошловатую кабацкую песенку. Из одежды — лишь длинный халат его сына.

Непозволительное бесстыдство! Да как принц мог связаться с простолюдинкой?! Она же еще совсем ребенок! К тому же... Страшно сказать — дарийка!

Но возмущение быстро сменяется шоком, когда появляется хозяин комнаты — Иоанн Дрогвард Второй. Его сын.

Младший. Третий. И отчасти... лишний.

Император Альтаира ожидал увидеть на Дарии все, что угодно, но только не это! Неприятно запоздало понимать, что из-за государственных дел — да и, что греха таить, из-за нежелания, граничащего с трусостью, — слишком давно не разговаривал с младшим сыном. Настолько давно, что и не заметил, как тот вырос, превратившись в его собственную копию.

Внезапное открытие выбивает из колеи. Ни один из старших сыновей даже близко не похож на Иоанна так, как Эван.

Тот же пронзительно-синий взгляд, горделивая выправка. Высокий, статный, мощный. Манеры и жесты прирожденного императора.

Этот мальчишка буквально излучает силу и величие.

Вот тебе и третий, младший, лишний...

И наконец, гнев.

Именно гнев задвигает изумление и шок на второй план, когда Иоанн осознает смысл слов младшего сына...

— Что значит «жена»?!

* * *

Нет! Я категорически отказываюсь принимать участие в этих семейных разборках! И без них проблем в жизни хватает! Воспользовавшись замешательством гостей, ныряю в спальню, чтобы одеться. Как раз вовремя, потому что мой свекор, похоже, окончательно слетает с катушек. Орет на альтаирском на Эвана. В принципе я неплохо понимаю этот язык, но сейчас нет никакого желания вникать в смысл фраз. Для меня остается полной загадкой, зачем мальчишка-альтаирец с порога выложил родственникам, которых не видел кучу лет, про наш брак? Он что, совсем с ума сошел?! Или...

Хотел позлить — мелькает догадка.

Скорее всего так оно и есть. Но это так непохоже на Эвана: сознательно задевать кого-то за живое. Такое он обычно позволяет себе только со мной, и то лишь когда я доведу его до ручки. А тут в кои-то веки прилетела семья, а он... И тут до меня доходит: семья.

Наверняка тут и кроется ответ. Раньше я как-то не задумывалась об этом... Моя мамуля никогда не была образцом родительской любви, поэтому я не видела особой проблемы в том, что

ей плевать на нас с Анигаем. Мы выжили, вот главное.

Но что должен чувствовать ребенок, которого ЛЮБЯЩИЕ родители отправили одного на враждебную планету, оставив старших, более сильных сыновей при себе? Чем больше я об этом думаю, тем сильнее становится жаль моего мальчишку-альтаирца. У него есть причины обижаться на свою семью. Акраба хотя бы не лицемерила. Не изображала любовь к детям, поэтому мне грех на нее обижаться. Но семья Эвана никогда до конца не отказывалась от него. Я сама несколько раз видела, как он общается с матерью по видеосвязи. В детстве он много рассказывал мне про нее, про братьев. И почти ничего не говорил про отца, на которого так сильно похож.

И все же Эвану не стоило вот так с порога огорошивать родителя новостью о браке...

В комнату влетает мой муж. Одного взгляда на опасно мерцающее сияние синих глаз достаточно, чтобы понять — альтаирец на взводе. Разговор с отцом явно был не самым приятным. Видимо, Эван сбежал от родственников, чтобы окончательно не сорваться. Молодец! Правильно сделал! Не хватало еще потасовку в Аскорэоре устроить. Зачем лишний раз привлекать внимание императорских слуг?

Не замечая меня, он падает в кресло. Закрывает лицо руками.

Никогда раньше не видела Эвана таким обиженным и расстроенным. Его боль словно эхом отдается мне. Не выдерживаю. Подхожу, опускаюсь перед ним на колени.

— Ну зачем ты так... Ты же их столько лет не видел! — Мой голос звучит непривычно мягко даже для меня самой. — Это же твоя семья. Ты мечтал о встрече с ними. Я знаю. Ты сам мне об этом не раз говорил.

Альтаирец поднимает взгляд. Ну точно: зол и подавлен. Вряд ли он хотел, чтобы я видела его в таком состоянии.

— Тебя это не касается, — довольно грубо обрывает Эван. — Уйди. Я никого не хочу видеть.

Возможно, будь на его месте кто-либо другой, я, обидевшись на резкость фразы, тут же ушла бы. Но я слишком хорошо знаю своего мальчишку-альтаирца. Так уж повелось с детства: когда плохо ему — плохо и мне. Наверное, именно поэтому я просто сажусь к нему — удивленному — на колени и обнимаю. Кладу голову ему на грудь. Так мне самой спокойней. Он рядом. А значит, никуда не уйдет и не наделает глупостей. Вдыхаю знакомый запах мяты и чего-то цитрусового...

И Эван не выдерживает: сильнее прижимает меня, молча пряча лицо в моих распущенных волосах. Так мы и сидим, обнявшись, ничего не говоря друг другу. Потому что бывают в жизни моменты, когда слова и не нужны.

* * *

Мы ужинаем впятером — с отцом и братьями Эвана. Возле нас шуршат услужливые лакеи. Чувствую себя настоящей дэузой! С одной стороны. С другой... В такой напряженной атмосфере поесть толком не получается, хотя блюда — одно изысканнее другого. Под суровым взглядом свекра кусок в горло не лезет. Так и хочется встать и убежать отсюда, прихватив с собой десерт и моего альтаирца, который тоже заметно на нервах.

— Мать знает?

— Нет.

— Что ж... Не забудь ее порадовать, когда выйдешь вечером на связь.

— Обязательно так и сделаю.

Ну что за мальчишество! Один чище другого! Что отец, что сын! Не понимаю: неужели так сложно сесть вдвоем и откровенно поговорить о накопившихся обидах и претензиях, вместо того чтобы устраивать выяснение отношений на людях?

Перевожу взгляд с одного синеглазого блондина на другого и в очередной раз поражаюсь. Эван так сильно походит на отца! И не только внешне. Оба упертые гордецы! Хорошо еще, хоть старшие братья пошли, видимо, в мать. Вот с ними общаться — одно удовольствие.

Эмоциональный Радиэль и утонченный Грэгори с каждой минутой мне нравятся все больше и больше. Парни оказались довольно общительными и дружелюбными. После того как прошел шок от наличия безродной дарийской невестки, они тут же решили налаживать со мной родственные отношения. Например, хвастунишка Радиэль уже успел рассказать в лицах и действиях, как отважно его эскадрилья сражалась недавно с барэсками — космическими пиратами из одной варварской планетной системы. А эстет Грэгори на небольшом плоском экранчике (под столом, пока не видит отец) умудрился продемонстрировать мне несколько своих картин. Оказывается, он неплохо рисует! Так вот откуда у Эвана тяга к искусству! Похоже, это у них семейное.

Я понимаю, что Радиэль и Грэгори столь дружески общаются со мной исключительно ради младшего брата, чтобы хоть как-то поддержать Эвана в щекотливой ситуации. Я искренне благодарна им за поддержку. Хватит уже с моего мальчишки-альтаирца потрясения за день.

Вот только у меня самой потрясения не заканчиваются.

После многострадального ужина «папенька» (которого, кстати, зовут так же, как Эвана, — Иоанн) настаивает, чтобы я лично познакомилась с «маменькой». Подозреваю, рассчитывает, что младшему сыну влетит за его матримониальную самостоятельность еще и от матери. В результате я злорадно наблюдаю удивление и разочарование свекра, когда выяснилось, что я уже давно знакома с Анной-Марией Илиандэллой.

Дело было еще в Катаре, лет шесть назад. Мы только начали дружить с Эваном. Я случайно зашла в кабинет, где он по визуальной связи разговаривал с матерью. Помню, меня сразу поразила ее красота: изумрудные глаза и ярко-рыжие вьющиеся волосы. Жаль, что таких у дарийцев не бывает.

Маме альтаирца хотелось знать, с кем общается сын, поэтому мы с ней и сдружились. Общались иногда даже без Эвана. Анна-Мария периодически пыталась, как он живет, хорошо ли питается, не болеет ли. Боялась, что сын мог чего-то не договаривать. В принципе не вижу ничего зазорного в том, что все рассказывала его маме. Правда, некоторые моменты все же утаивала. Например, когда мальчишка болел. Зачем расстраивать мать, если она все равно ничем не сможет помочь своему ребенку?

Анна-Мария, конечно, тоже испытывает шок, когда Эван, держа меня за руку, сообщает, что мы женаты. После чего впадает в протрацию свекор: его супруга на экране со слезами на глазах заявляет, что о лучшей жене для младшего сына она не могла и мечтать. И тут же называет меня доченькой. Тут дар речи теряю уже я. Меня так даже родная мать не называла!

Странно, но, несмотря на разногласия и недовольство отца, семья Эвана... приняла меня.

Уж не знаю, что сыграло определяющую роль. То ли то, что особого выбора у них и не было — брак заключается раз в жизни и расторжению не подлежит. То ли они хотели показать Эвану, что относятся к его решению с уважением. То ли драг его знает что! Утихомирился и, кажется, смирился с мыслью о безродной дарийке в семье даже синеглазый исполин, которого я, откровенно говоря, побаиваюсь. Уж больно он властный... Надо не забыть расспросить Эвана, какую должность при дворе императора Альтаира занимает его отец. Наверняка большая шишка! По нему видно — привык командовать.

Все это так странно!

Семья. Настоящая. Меня приняла настоящая семья! Не такая, как была с беспутной Акрабой. Она лишь номинально числилась нашей матерью и никогда не снисходила до исполнения материнского долга передо мной и Анигаем.

Семья.

Если честно, мне начинает это нравиться. Исполнилась заветная детская мечта, которую я считала совершенно несбыточной. Да! Безусловно! Я люблю свободу! Но лишь потому, что свобода до сегодняшнего дня была единственным доступным мне счастьем.

Я реалистка и прекрасно понимаю: семья — непозволительная роскошь для дочери катарской потаскушки. На такой, как я, не отважился бы жениться ни один свободный дариец. Кому нужен такой дурной наследственный «шлейф»? После заключения фиктивного брака с Эваном я окончательно поставила крест на мечте иметь мужа и детей...

Настоящую семью!

И лишь сегодня, чувствуя ладонь Эвана в своей руке, стоя рядом с его отцом и братьями в кабинете, разговаривая по видеосвязи с его мамой, я впервые за долгие годы подумала: а может, все-таки мечта о семье не такая уж и глупость? Может, и у меня есть шанс стать частью настоящей семьи? Пусть даже и альтаирской.

* * *

Похоже, мир вместе с императрицей Альтаира сошел с ума!

— Она не знает даже, кто ее отец! Но что еще хуже — она Дарийка! Анна-Мария Илиандэлла, это даже не мезальянс! Это... Это... — У Иоанна просто нет слов.

Он в изнеможении опускается в кресло перед экраном, с которого откровенно осуждающе смотрит жена.

— Я не понимаю, почему ты так спокойно отнеслась к известию об этом абсурдном браке. — В голосе императора сквозит усталость. — Это даже не дурная шутка! Я все перепроверил: они действительно женаты. Не о такой невестке я мечтал.

— А разве ты допускал мысль, что наш Эван успеет жениться? До того, как закончится перемирие и его убьют?

Слова жены режут без ножа. Она, как всегда, права.

Иоанн поднимает на супругу тоскливый взгляд.

— Мари, неужели я такой бездушный монстр в твоих глазах? Ты считаешь, что все эти годы был хоть один день, когда я не думал о нашем сыне?

Жена молчит, отводит взгляд. Так странно, но благодаря абсурдной женитьбе сына они и не заметили, что окончательно перешли на «ты».

— Я ничего не считаю, Иоанн. Ты всегда все держишь в себе. — В словах Анны-Марии Илиандэллы нет упрека. Лишь искреннее сожаление. — Ты не позволяешь мне быть по-настоящему с тобой. Знать тебя. Мне остается лишь догадываться, что делается в твоей душе. Иоанн, ты для меня закрытая книга.

И это после двадцати пяти лет брака!

— Ты, не задумываясь, встала на сторону его девчонки! — обвинение, упрек.

Губ императрицы касается легкая улыбка.

— Поверь, Иоанн, эта девочка — лучшее, что случилось в жизни нашего сына здесь, на Дарии. — Слова жены звучат настолько проникновенно, что император невольно начинает верить им.

— Почему?

— Потому что она, а не мы, была его семьей в Катаре. Это она, а не ты или я, была рядом с нашим сыном, когда тот грустил, болел, смеялся, горевал. Это она месяц провела у его кровати, когда Эван подхватил воспаление легких. Это она праздновала его дни рождения. Если бы ты чаще общался с сыном, то знал бы это. Поэтому — да... Я искренне считаю, что Адамаск — лучшее, что могло произойти в жизни нашего сына. Пока девочка рядом с ним, я спокойна за Эвана. Неужели ты не видишь, как сильно он любит ее?

Слова жены, которая несет какую-то романтическую чушь, вновь выводят императора из себя.

— Любит?! Да что он знает о любви?! Ему всего восемнадцать!

Его рыжеволосая супруга грустно усмехается.

— Подозреваю, наш сын знает о любви гораздо больше, чем ты в свои полвека. Прости, мне пора.

Экран гаснет прежде, чем обиженный Иоанн успевает сказать жене, что у него тоже есть чувства, эмоции. Что он любит их — свою семью. Но экран гаснет, и несказанные слова застывают комом в горле.

Ада

Отец и братья Эвана расположились в том же восточном дипломатическом крыле замка, что и мы. Честно говоря, это несколько осложнило планы по возвращению кристалла, потому что теперь остаться одним стало практически невозможно. Соскучившиеся братья не отходят от Эвана ни на шаг, да и его вечно хмурый отец тоже постоянно приглядывает за младшим сыном. Не выпускают из виду и меня — то Радиэль, то Грэгори с жадностью расспрашивают о нашем катарском детстве.

Лишь поздно вечером, дождавшись, когда все разойдутся по спальням, мы с Эваном, прихватив мой дорожный рюкзак со злополучным кристаллом на дне, спускаемся вниз, в оранжерею. Поразмыслив, что держать кристалл при себе небезопасно, мы решили перепрятать его в какое-нибудь нейтральное местечко. Оранжерея подходит идеально. Находится вне дипломатического крыла, то есть доступ к ней имеет любой. А это значит, что в случае обнаружения здесь кристалла и подозреваемых будет хоть отбавляй. А в толпе, как говорится, легко и затеряться.

— Зря ты все-таки показал нам подземный юрод, — ворчу я, закапывая кристалл под корни причудливо разросшегося кустарника. — Анигай, может, и смолчит, а вот Мэд... Сильно сомневаюсь. Наверняка захочет выслужиться перед той же Глэдис.

Эван услужливо поднимает повыше нижние ветки кустарника, чтобы они не мешали мне прятать кристалл.

— Не переживай. Город хоть и подземный, но далеко не тайный. Это что-то типа Черного рынка. Все про него знают, и все молчат. Действует негласный нейтралитет между Дэмонионом и жителями подземного города. Они не создают ему глобальных проблем, он — им. Так и живут вот уже лет двадцать, если не больше.

Вот уж действительно: век живи — век удивляйся.

— Надо же! — Поднимаюсь с колен, отряхиваю руки. Эван протягивает мне белоснежный носовой платок. Такой и пачкать-то жаль. — А я-то думала, что все знаю о Дарии!

— Жизнь полна сюрпризов, — улыбается альтаирец.

— Я заметила, — фыркаю, вспоминая, сколько «сюрпризов» эта самая жизнь подбросила мне за последние сутки.

Возвращаемся в комнату далеко за полночь. За окном темно. Я знаю, что вполне могла бы

улежся на просторной кровати Эвана одна, а мальчишку-альтаирца выставить на диван. Он бы и слова поперек не сказал, но... Спать одной на огромной кровати, да еще в императорском замке, где по коридорам ходит сам Дэмонион! Ну уж нет! Увольте! Вдвоем куда безопасней.

— Поспишь сегодня со мной?

Эван, помедлив пару секунд, кивает. Подозреваю, в свете последних событий ему здесь спать одному тоже как-то не очень. Но ведь ни за что не признается! Потому что гордый и упертый.

Как назло, сон не приходит. Ворочаюсь битый час, пытаюсь считать бегающих по кругу драгов, но все бесполезно. Слишком много эмоций за день — и вот результат.

— Эван, ты спишь?

Даже если и спал, то от моего громкого шепота точно проснулся.

— Заснешь с тобой, — сонно ворчит он. — Что еще?

— Что с кристаллом-то делать будем?

— Ада, сжался, дай поспать. Давай об этом подумаем утром.

Эван сладко зевает. Не выдерживаю: зеваю следом за ним. Но спать все равно не хочу. Снова тормошу альтаирца.

— А что, если у нас не получится его вернуть?

— Значит, нас убьют. Возможно, прилюдно, на королевской площади, — сонно бурчит парень, неожиданно притягивая меня к себе, зажимая в объятия-тиски. — И хватит вертеться, ты мне спать не даешь.

Лежу спиной к нему, чувствую тепло сильного тела. Эван зарывает лицо в мои распущенные волосы. Не знаю почему, но аж мурашки по телу бегут.

— Эван! Эван! Не понимаю, как ты можешь спокойно спать после всего, что сегодня случилось?!

— О господи! Ада! Ничего особенного не случилось.

— Как ничего?! Твоя семья прилетела! А еще ты представил им меня как свою жену!

— Ты и есть моя жена!

— Так я же липовая! — укоряю его. — Зачем ты это сделал?

— Отца позлить хотел, — честно признается альтаирец.

По голосу чувствую, что он окончательно просыпается.

Приподнимается на локте.

— Слушай, я тут подумал... Тебе правда нравится быть шатерой?

Не могу понять, к чему он клонит.

— В смысле? — Я сажусь на кровать.

— Последние несколько дней я вел себя с тобой как полный дурак, — предельно самокритично и спокойно говорит Эван. — Прости, что не смог сдержать эмоций. Был груб с тобой. Мы всегда были друзьями. И я не хочу тебя терять. Непозволительная роскошь — разбрасываться близкими людьми.

Невольно теряюсь от его взгляда и от слов. Отворачиваюсь, Делая вид, что мне надо срочно рассмотреть узор на простыне.

— Ладно. Извинения принимаются.

— Вот и отлично! Тогда, надеюсь, ты примешь и еще одно мое предложение.

Напряженно замираю.

— Надеюсь, не руки и сердца?

— Увы, нет, — сдержанно смеется Эван. — Извините, прекрасная дэуза, но я уже женат.

Растерянно улыбаюсь в ответ. Если мальчишка-альтаирец вновь начинает шутить со мной, значит, наши отношения и впрямь идут «на поправку».

— Так что ты хотел мне предложить?

— Послезавтра улетают отец с братьями. Я бы хотел, чтобы ты полетела с ними. Ты прекрасно ладишь с моей мамой. Она позаботится о тебе. Поверь, твоя жизнь изменится к лучшему, если ты скажешь «да». Тебе не придется больше ни на кого работать, никому подчиняться. Обещаю, ты будешь полностью свободна... В том числе и от меня.

Последняя фраза в этом монологе явно была лишней.

— Ты предлагаешь мне полететь с твоей семьей на Альтаир?! — До меня с трудом доходит смысл его слов. — А ты?

— Боюсь, мне еще на какое-то время придется задержаться на Дарии.

Ну уж нет!

— Да что я там без тебя буду делать?

— Жить. Быть свободной.

Похоже, мальчишка совсем головой тронулся!

Нет! Это уже слишком! Куда мне столько свободы? Мне ее что, на зиму засаливать прикажете?

— Но я не хочу быть свободной! От кого? От тебя? И почему я должна лететь одна? А ты? Почему ты не можешь улететь вместе с отцом?

— Меня связывают определенные обязательства, — более уклончивого ответа и придумать сложно. — Я смогу покинуть планету лишь в День Солнцестояния.

— Тогда и я могу улететь с тобой в этот день!

Слова вырываются прежде, чем до меня доходит, что я фактически только что согласилась на отлет!

— То есть ты полетишь со мной на Альтаир? — осторожно спрашивает Эван, хватаясь за мою фразу, как за соломинку. — А как же Руар? Ты говорила, что тебе нравится твоя жизнь.

Хмыкаю. Похоже, я сама себя загнала в ловушку.

— Ты сначала определись, чего ты сам от меня хочешь: чтобы я полетела с тобой на Альтаир или осталась шатерой?

— Я хочу, чтобы ты полетела со мной.

Он отвечает быстро и уверенно. Словно заранее подготовил ответ.

На языке так и вертится скабресный вопрос, не задать который я просто не могу.

— Даже зная, что я шатера?

Ответ дается Эвану явно нелегко. Парень хмурится. Отводит взгляд.

— Это был твой выбор. Я должен научиться его уважать. Ада, ты всегда была мне верной подругой. Я не вправе судить тебя.

Подругой. Что ж. Именно это слово все ставит на свои места.

Вот кем я буду для Эвана на Альтаире. Подругой! И только. Потому что мальчишка-альтаирец еще тот гордец и собственник. Теперь я отчетливо понимаю: на самом деле он никогда не смирится с мыслью, что я могла, как моя мать — беспутная Акраба, делить постель с другими мужчинами.

Собственник, эгоист, тиран.

И тем не менее он предлагает мне полететь с ним. Даже думая, что я падшая женщина.

— Ты так и не ответила. Тебе нравится быть шатерой? — тихо переспрашивает Эван. — Прости мое любопытство, но... Я никогда не думал, что ты захочешь пойти по стопам Акрабы. Ты сама противилась этому...

В принципе я вполне могла бы разозлиться на него, наговорить каких-нибудь гадостей. У меня ведь тоже есть женское самолюбие, но...

— Спокойной ночи.

Сворачиваюсь калачиком и довольно быстро засыпаю под боком у явно разочарованного альтаирца. Уже сквозь сон чувствую, как он посильнее укутывает меня одеялом, притягивает к себе, обнимает.

Все это так напоминает детство. Когда Анигай с приятелями на несколько дней уходил на охоту, я никогда не рисковала ночевать без брата под одной крышей с пьяной Акрабой. Всегда опасалась, что мать приведет очередного клиента, а тот спьяну (а может, и на трезвую голову) полезет ко мне. Поэтому я и уходила тайком спать в дом священника. А там более надежного и уютного для меня местечка, чем спальня мальчишки-альтаирца, не было.

Вот и сейчас, согретая его теплом, проваливаюсь в долгожданный сон. Сегодня точно не будет кошмаров, потому что рядом Эван, который охраняет и защищает меня. Какое же все-таки наслаждение — знать, что тебе не надо по привычке, въевшейся с детства, постоянно во сне быть начеку, просыпаться от каждого шороха. Я точно знаю: пока я сплю, Эван не даст произойти ничему плохому.

И действительно — ночью мне удастся от души выспаться! Будь моя воля, я бы еще и весь день провалялась в постели под боком у Эвана, но это явно не входит в планы его старших братьев...

Утро начинается с того, что к нам в спальню бесцеремонно вваливаются веселые, шумные Радиэль и Грэгори. С интересом и откровенным удивлением взирают на нас — спящих в обнимку. Их изумление, как я потом выяснила, имеет под собой почву. Оказывается, на Альтаире женатые пары из знатных родов никогда не спят вместе, а лишь «ходят в гости» друг к другу. Чтобы не ущемлять личное пространство каждого. По мне, так это полный бред! Что за семья такая, если муж с женой спят в разных спальнях?! А если знатная супруга пропустит момент, когда к благоверному на огонек какая-нибудь прислужница типа моей матушки ночью заглянет? А что?! С прислужниц станется! Они, в отличие от знатных альтаирок, наверняка не столь сильно ценят свое «личное пространство». Нет! Неправильный все-таки этот Альтаир какой-то! Если бы я была настоящей женой Эвана, то ни за что бы не позволила ему спать без меня!

Завтракаем снова всей семьей. С интересом взираю на свекра, который, кажется, начинает потихоньку смиряться с мыслью, что его невестка дарийка. Он даже задает мне несколько вопросов о нашей с Эваном жизни в Катаре. Что ж, похоже, есть шанс, что я все-таки со временем сумею найти общий язык с этим серьезным синеглазым великаном.

Эвану на удивление быстро удастся решить проблему с Анигаем и Мэдлин. Уже после обеда в Аскорэор за ними прилетает сам Карл. Честно говоря, встреча с ним в коридоре императорского замка заметно портит мне настроение. Ни «здрасте», ни «до свидания», а только тихое: «Ты помнишь о том, что должна будешь сделать?»

Киваю, торопливо опуская глаза. Ага, как же! Так я и разбежалась: я слишком молода, чтобы быть вдовой! Лучше я с ним и правда на Альтаир улечу. По крайней мере там мною никто, кроме Эвана да властного свекра, командовать не будет.

После встречи с Верховным Воином в душе остается неприятный осадок. Нутром чую: что-то здесь не так. Ну не может быть, чтобы мы легко и беспрепятственно вернули кристалл на место, после чего Эван и его семья спокойно бы покинули Дарий. Вдобавок я сильно сомневаюсь, что Карл поверил в мою готовность убить альтаирца. Наставник слишком хорошо знает, когда я вру. А вру я, увы, не всегда убедительно.

Хуже всего, что я абсолютно не понимаю всего происходящего. Почему вокруг Эвана столько шумихи? Откуда столь пристальный интерес к нему дэуса Карла?

Осторожные попытки расспросить Эвана заканчиваются полным провалом. Он просто отказывается отвечать, ссылаясь на то, что чем меньше я знаю — тем крепче сплю. Попытка прижать к стенке толстяка-землянина, который наверняка в курсе, тоже терпит фиаско. Дерек,

зараза, молчит как повстанец на допросе. Вот и думай, как выкручиваться из мерзко булькающей ситуации, если сама даже толком не понимаешь, во что вляпалась. Ненавижу чувствовать себя марионеткой в чужих руках!

Еще одним не слишком приятным сюрпризом в этот день становится приезд в Аскорэор Айрис. Замечаю ее случайно. Издалека. За то время, что мы не виделись, моя несостоявшаяся подруга превратилась из девочки-подростка в изысканную взрослую женщину. Да... Время летит быстро. Не совсем понимаю, что Айрис вместе со своим папашей Ромеро забыли во дворце? Ответ мне подсказывает Эван.

— Сегодня вечером Дэмонион дает бал, — объясняет мой альтаирец, застегивая перед зеркалом белую рубаху. — Мы, кстати, тоже приглашены.

— Мы?! — Моему удивлению нет предела. Альтаирец, что, правда хочет, чтобы я сопровождала его на балу?

Обычно шатерам такая честь не оказывается. Потому что они — женщины-тени. С шатерами спят, делятся сокровенными тайнами, советуются, но... Никогда шатера не станет на одну ступень со свободной знатной дэузой. Она никогда не будет официально представлена высшему обществу, потому что шатера — лишь прислуга. Элитная, лучшая, незабываемая, но... прислужница. И Эван это прекрасно знает.

— Я не могу пойти. Я же шатера.

— Формально ты не шатера. Ты моя жена, — не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале, как ни в чем не бывало отзывается Эван.

Ну да. Только это все равно проблему не решает.

— Дело в другом... Просто... — Я решаю выложить мальчишке-альтаирцу все как есть. — Я встретила в Аскорэоре Верховного Воина. Того, что приказал убить тебя в случае необходимости. Так что на балу будут люди, которые прекрасно знают, кто я, поэтому... Мне кажется, не стоит рисковать.

— Не вижу проблемы, — отзывается альтаирец, накидывая камзол. — Надень вашу традиционную для замужних женщин тейлю. Так твое лицо никто не запомнит.

В принципе неплохая идея — из-под тейли видны только глаза и кисти рук женщины. К тому же мне жуть как хочется попасть на бал. Я же никогда раньше не была на великосветских приемах. День рождения Айрис в Сарите не в счет. Там я торчала не как гостья, а как прислужница.

— Что ж, я подумаю над твоим предложением. Только где мне эту тейлю раздобыть? У меня же вещей никаких здесь нет.

Эван дарит мне загадочную улыбку.

— Об этом можешь не беспокоиться.

И действительно, проблема с нарядом решается сама собой. Через несколько часов прислужницы приносят в спальню кучу коробок с самой разной одеждой. Жаль, модница Мэд не видит всего этого богатства. Она бы с ума сошла от зависти.

В повседневной жизни я предпочитаю одеваться более удобно. И это логично, в касте воинов в бальном платье по тренировочной площадке с дредом не попрыгаешь. Но как же я все-таки обожаю красивые женские наряды!

Ахаю, когда в очередной коробке обнаруживаю шикарное нежно-синее бальное платье и тейлю в пол, примерно того же оттенка, что и наряд. Платье просто чудесное. Сидит великолепно. Интересное сочетание кружев и плотной ткани, которые полностью облегают мое тело, оставляя открытым лишь кисти рук. Превосходное платье, если не считать одного существенного «но». Оно альтаирское! Прекрасное, изумительное, но альтаирское! Как я — дарийка, шатера — появлюсь в таком на балу?! Впрочем, под длиной тейлей, может, фасон и не

будет так заметен... Так что единственная проблема — не получается самостоятельно зафиксировать накидку на голове.

— Тебе идут альтаирские платья.

Я и не замечаю, как в спальню заходит Эван. Он тоже уже успел переодеться в вечерний наряд из светлой ткани, с наброшенным на плечи плащом. Невольно подмечаю: интересный костюм. Вроде бы и светский, но идеально подходит для воина. Случись что, Эвану будет удобно в нем драться. А кроме того, в богатой альтаирской одежде он стал еще больше похож на своего отца.

Эван подходит, помогая разобраться с тейлей, в которой я успела запутаться. Немного смущаюсь от его прикосновений. Наконец полупрозрачное покрывало нежной струей покрывает мои длинные волосы большую часть лица и платье. Какое-то время мы с Эваном молча стоим перед большим зеркалом и смотрим на свои отражения. Я впереди. Чуть позади альтаирец, обнимающий меня за плечи.

— Мы похожи на одну из тех картин, что висят в императорской галерее, — невольно усмехаюсь я, вспоминая портреты династических семейных пар.

Мне почему-то отчаянно хочется навсегда запомнить этот момент. Словно мы с Эваном и впрямь настоящая пара.

* * *

На самом деле на бал мы с Эваном практически не попадаем. Так и было задумано изначально. Нет, мы, конечно, заходим в бальную залу, где всю веселится народ. Я впервые оказываюсь в обществе высокопоставленных аристократов, поэтому несколько теряюсь, в отличие от Эвана и его братьев, которые чувствуют себя здесь как рыбы в воде. Оглядываюсь: почему-то нигде не видно моего свекра. Его что, не пригласили? Почему его нет с нами? Впрочем, император Дэмонион пока тоже отсутствует.

По плану мы с Эваном должны пробыть немного в зале и незаметно исчезнуть. У входа в Северное крыло нас уже поджидает Анигай с «подарочком» от отца Марка. Священнику удалось раздобыть несколько безопасных химических ингредиентов, которые при смешивании образуют приличный взрыв. Как раз то, что нужно.

Оттанцевав под пристальным взглядом Эвана один обещанный танец с Грэгори, возвращаюсь к альтаирцу.

— Пошли?

— Пошли, — соглашается он, тут же добавляя: — Потанцуем.

— Чего?! Какое «потанцуем»?! Нас Анигай ждет! — обескураженно шепчу я, но Эван уже увлекает меня в центр зала.

— Я тут подумал... Мы знакомы целую вечность. Мы даже официально женаты, а ни разу вместе не танцевали, — улыбаясь, шепчет Эван.

Ничего не понимаю! Что нашло на моего альтаирца в столь ответственный момент? Может, он думает, что нас заловят в хранилище, вот и решил повеселиться напоследок? Что ж, предсмертное желание — закон.

Эван выводит меня в центр зала, и я неожиданно теряюсь под пристальными взглядами толпы. Особенно цепляет ревнивый взгляд Айрис. Неужели она до сих пор питает чувства к моему мужу? Искренне радуюсь, что надела тейлю, — благодаря ей дочка посла вряд ли сможет меня узнать. Разборки и необоснованные сцены ревности сейчас ни к чему.

Решаю хотя бы на минутку забыть обо всем на свете и насладиться танцем. В конце концов,

Эван прав: мы ни разу не танцевали вместе. Расслабляюсь, позволяя альтаирцу вести. Растворяюсь в красивой музыке, под которую мы танцуем. И только тут до меня доходит, почему Эван пригласил на танец именно сейчас. Музыканты исполняют мою любимую мелодию, которую в детстве всегда играл на скрипке Эван.

Воспоминания о жизни в Катаре обрушиваются лавиной. Как же все-таки странно. Катар — еще то местечко: холодное, голодное, промозглое, полное каторжников и всякого сброда. Но я была там по-своему счастлива. Рядом с Анигаем, с Эваном.

К моему великому сожалению, музыка резко обрывается. Народ торопливо расступается в стороны. Звучат фанфары Краем глаза успеваю заметить заходящего в зал отца Эвана в сопровождении свиты... Ничего не понимаю! Хочу задать альтаирцу вопрос, но не успеваю. Парень поспешно уводит меня из зала.

— Мы должны успеть, пока они будут заняты официальной частью, — объясняет он, ведя меня за руку по лабиринтам коридоров замка.

* * *

— Где вас носило?! — спрашивает злой, раздраженный Анигай, выходя из-за колонны. Воровато оглядывается.

Хорошо понимаю брата: если Карл или кто-нибудь другой из Руара заметит его здесь, то неприятностей не оберешься.

— Принес? — интересуюсь я.

— А то! — Анигай вытаскивает из-за пазухи небольшой пакет. — Стоит поторопиться, пока лекарь наверняка на балу со всеми отжигает. Слушай, а что это на тебе? — внезапно хмыкает брат, замечая тейлю.

— Это была его идея, — киваю на Эвана.

— Нет, в принципе я поддерживаю, — хмыкает Анигай. — Я так считаю: чем больше на твоей бабе одежды, тем меньше на нее другие мужики заглядываются.

— И я того же мнения, — нервно смеется Эван, поглядывая по сторонам. — Вроде никого нет. Пошли.

Перевожу изумленный взгляд с дарийца на альтаирца. Вы только посмотрите на них! Спелись! Мужчины! Что тут еще скажешь?!

Пронести взрывчатку в лабораторию Верховного Лекаря оказывается, как ни странно, делом не таким уж и сложным. Раза три на нашем пути встречались воины Руара — но мы успевали вовремя спрятаться. Сама лаборатория и вовсе не охраняется стражами. Видимо, в этом просто нет необходимости. И вскоре я понимаю почему.

Ловко открыв видоизмененным дредом замок, я захожу внутрь сей мрачноватой обители, изрядно пропахшей перегаром и медикаментами — тошнотворное сочетание. И сразу же натыкаюсь на в дупель пьяного празднично одетого Верховного Лекаря, который, видимо, заблаговременно решил отметить торжество. Дэус Бэр как раз направляется шатающейся походкой к двери, когда натывается на меня.

Видимо, в его обитель не так часто заглядывают женщины, потому что он реагирует на меня неординарно. Сначала застывает, как соляной столб, глядя мне прямо в глаза. Я и сама, если честно, в первую секунду теряюсь, ведь Анигай был уверен, что Бэр уже на балу. Затем с Верховным Лекарем и вовсе начинается происходить нечто странное. Он судорожно хватается ртом за воздух, закатывает глаза и как подкошенный падает на пол.

Ну просто зашибись! Превосходное начало операции! Вот только мне для полного счастья и

не хватало отправить к Отару одним своим взглядом Верховного Лекаря! Говорила же Эвану, что вид у меня в этой тейле дурацкий! Я в ней на привидение похожу! Но кто бы меня послушал!

* * *

— Вот бабы! Любого мужика до сердечного приступа доведут! — ворчит братец, помогая Эвану оттащить пьяного Верховного Лекаря на диван.

— Может, это ты его довел? — огрызаюсь я. — Ты у меня вообще-то за спиной стоял. Еще неизвестно, от кого из нас двоих он так шарахнулся.

Пока мы с братом препираемся, мальчишка-альтаирец успевает измерить пульс дэуса Бэра, посмотреть его зрачки.

— Никто его не довел, — резюмирует Эван. — Пить меньше надо, вот и все. У него алкогольная интоксикация. Прибавь избыточный вес, явную стенокардию. Результат на диване. И кстати, он уже не в обмороке, а просто спит.

Бросаю удивленный взгляд на альтаирца.

— Откуда ты все это знаешь?

— На врача учусь.

Вот это новость так новость!

— Почему ты мне раньше не рассказывал? Так ты что, будешь как лекарь Мазэда из Катара?

— Потому что ты не спрашивала. И уж лучше, как Мазэда, чем как этот, — хмыкает Эван, показывая взглядом на уже храпящего Бэра.

— Эй вы, двое! — Недовольный голос Анигая, который уже химичит что-то с колбами за столом, заставляет нас отвлечься от назревающей перепалки. — Вам еще не надоело ругаться? Идите лучше сюда.

В последующие несколько минут мы занимаемся тем, что помогаем Анигаю смешивать принесенные порошки, после чего брат пересыпает их в незаметную склянку и прячет в шкафу. Бросает взгляд на часы:

— Святоша сказал, что реакция будет идти ровно сутки, а затем шандарахнет. Завтра ровно в этот момент надо быть в хранилище.

— А попроще придумать ничего было нельзя? — Мне не нравится такая жесткая привязка по времени. Вдруг что-то пойдет не по плану?

— Нельзя. Пляшем от того, что есть.

Дэус Бэр, причмокивая жирными губами, начинает сонно ворочаться на диване. Переглядываемся. Не сговариваясь, бросаемся к двери. Пусть лучше Верховный Лекарь, когда проснется, решит, что мы ему просто спяну приснились.

Нам удастся незамеченными уйти из Северного крыла замка. Немного запыхавшись, останавливаемся возле оранжереи.

— Спасибо за помощь, Анигай. — Альтаирец протягивает моему брату руку.

Немного помедлив, вредный Анигай все же отвечает на рукопожатие.

— Только сильно не воображай. Я это не ради тебя, а ради себя делаю, — ворчит он.

Врет. И мы все трое это прекрасно понимаем. Анигай помогает не себе, а своей сестре, потому что если я не верну ворованный кристалл на место незаметно, то не сносить мне моей больной головы.

— Нам пора. — Эван берет меня за руку. — Удачи тебе, Анигай.

— И тебе не кашлять, — отзывается браг. — Подожди. Мне с занозой поговорить еще надо. Наедине.

Эван понимающе кивает.

— Хорошо. Ада, буду ждать у себя.

Мальчишка-альтаирец уходит. Вопросительно смотрю на брата.

— Что еще случилось?

— Почему что-то должно обязательно случиться, чтобы я захотел просто поболтать с собственной сестрою? — возмущается Анигай, утаскивая меня в глубь оранжереи. Туда, где нас точно никто не услышит.

Минуя заросли причудливых растений, украшенных необычными яркими цветками, мы выходим на просторную террасу. Уже довольно темно. Темно-сиреневый ночной небосвод усеян мерцающими звездами. Невольно обращаю внимание, что сегодня как-то по странному гнетуще выглядят огромные диски ночных светил Дария — блеклого Туса и лучезарной Наоки.

— Здесь красиво, — замечает брат, не сводя карих глаз со звездного небосвода. — Тебе нравится?

Лиричный настрой Анигая меня не на шутку настораживает.

— Что происходит, Анигай?

Я слишком хорошо знаю своего брата, чтобы поверить в его неожиданное, беспричинное желание пообщаться со мной. Да еще невесть откуда взявшаяся тяга к любованию звездами. Мы в Руаре-то в день перебрасывались от силы парой фраз, а тут...

— Просто хотел узнать, что у тебя с альтаирцем? Могу я полюбопытствовать? Я, между прочим, твой родной брат!

Ну надо же! Родственные чувства проснулись! Нутром чую, что неспроста!

— Анигай, что происходит? С какого перепугу внезапная забота обо мне? Мы же еще в Руаре договорились, что каждый сам за себя.

— Мало ли о чем мы договорились, — ворчит брат, отводя взгляд.

Смотрю на его смущенно-растерянное лицо и начинаю допускать мысль, что ему не наплевать на меня.

— Что будет после того, как вы вернете кристалл? Улетишь со своим Эваном на Альтаир?

— С чего ты взял?

Видимо, голос звучит не слишком убедительно, раз брат воспринимает мои слова как положительный ответ.

— Не верю, что он отпустит тебя во второй раз.

Не думала, что мой толстокожий брат настолько проницателен.

Да. Не отпустит. И я этому рада.

Жизнь вновь свела нас с альтаирцем. Наверное, не зря все-таки наши имена переплетены в Великой Книге Судеб. Иногда мне кажется, что наша встреча с Эваном в Катаре была предопределена еще задолго до нашего рождения. Потому что только рядом с ним я могу быть сама собой. Он всегда был, есть и останется недостающей половинкой меня.

— Тебе идет альтаирский наряд, сестра. — Брат невесело усмехается. — Мне будет не хватать тебя.

— Полетели с нами! — Господи, как же я не хочу расставаться с этим оболтусом. Пусть он никогда не был идеально-образцовым братом, частенько обижал меня сам, но никогда... Никогда не давал в обиду другим! Всегда заботился обо мне. И... любил. По-своему. Как умел. Но тем и ценна для меня любовь Анигая.

Брат отрицательно качает головой.

— Спасибо за предложение, но... Нет. — Анигай поднимает руки, словно пытаюсь объять огромный величественный императорский замок. — Оглянись. Все это и есть моя жизнь. Моя мечта. Аскорэор! Ты же знаешь, я всегда мечтал попасть в личную охрану императора. Мне будет

тебя не хватать, сестра. — Он по-доброму усмехается. — Пусть мы с тобой, возможно, по крови и не родственники... Если верить пьяным бредням Акрабы про подкидыша, но... Ты единственная семья, которая у меня есть.

Понимающе киваю. Акраба не раз в пьяном бреду рассказывала нам не только байки про то, как она была лучшей шатерой Руара, но и про то, как однажды заснеженной ночью обнаружила в люльке двух новорожденных вместо одного. Как она бросилась искать повитуху и обнаружила ее висящей на дереве перед нашим домом. Готова спорить, это ее отголосок видел Дерек в ту ночь в Сумрачном лесу.

Логика Анигая проста: если Акраба не соврала про то, что была шатерой, значит, не соврала и в остальном. Беспутная сама не знала, кто из нас двоих ее родной ребенок. Так что Анигай, возможно, прав.

Он мне не брат.

— Даже если мать не соврала... Это ничего не меняет, — тихо отзываюсь я. — Ты всегда был и останешься моим родным братом.

Анигай с благодарностью смотрит на меня.

— Я тоже люблю тебя, сестра. Хоть ты еще та заноза. Просить тебя остаться не буду. Из нас двоих тебе с самого начала надо было выбирать его.

Столь непривычный для нас откровенный, душевный разговор начинает заметно нервировать Анигая, не привыкшего к проявлению вообще каких-либо чувств, кроме гнева и раздражения.

— Слушай, надоело мне что-то болтать. Все, что я хотел тебе сказать, уже сказал. Может, лучше пойдем, погуляем по ночной Адейре? — Глаза брата устремляются на сверкающую в ночи современную часть города. — Я столько раз был в столице, но ни разу просто так не гулял по ней. Не уверен, что еще выпадет такой шанс. Как тебе, составишь компанию?

Анигай, приветливо улыбаясь, протягивает мне руку. Я смотрю на него и... отступаю.

Я слишком хорошо знаю своего брата! Может, по крови мы и не родственники, но я этого прощелыгу лучше себя изучила! Да он зубы мне заговаривает! Так он — эгоист и собственник — меня с Дария и отпустил! Я же все, что у него есть! Его единственная семья! «Прогуляться в Адейру!» Как же! Все, что ему надо, — увести меня подальше от Аскорэора. От Эвана...

Все внутри резко холодеет. При одной мысли, что мой мальчишка-альтаирец находится в смертельной опасности, мне становится плохо. Разворачиваюсь и без объяснений несусь прочь из оранжереи.

— Ада! Стой! Ты куда? Не ходи туда! Не надо! — Встревоженный голос брата остается далеко позади.

Я бегу. Перепрыгиваю через ступеньки, ругая на чем свет стоит собственную глупость и полы длинного платья, из-за которых несколько раз чуть не падаю. Влетаю в покои Эвана и застываю от изумления, взирая... на полуобнаженную, томную Мэд, лежащую в уже разобранной постели моего мужа.

Эван

Наверное, я все-таки никогда не смогу понять этих женщин. Конечно, я прекрасно знал, что Мэдлин — шатера и от нее можно ждать чего угодно, но додуматься залезть ко мне в постель, зная, что мне нравится ее подруга, — по-моему, перебор.

Пару минут с интересом наблюдаю, как шатера флиртует со мной. После чего...

— Встала, оделась и пошла вон, — звучит грубовато, но, похоже, самоуверенная стерва по-другому не понимает.

— Ты уверен? — томно интересуется Мэд, изящным жестом сбрасывая бретельку кружевного лифа.

Понятно. Планирует идти в атаку. Но это уже, извиняюсь, без меня. Выхожу из спальни прежде, чем шатера успевает среагировать. И весьма вовремя, потому что в холл вихрем залетает запыхавшаяся Адамаск. Она настолько спешит, исчезая в нашей спальне, что проносится, не замечая меня.

Ада

Стою посреди спальни и отказываюсь верить собственным глазам: полуобнаженная, длинноногая, пышногрудая Мэд лежит в нашей с Эваном постели. Еще и улыбается!

Вот курва! Я ее точно убью! Сначала ее, а потом его! Или наоборот! Я еще пока не решила. Предатели!

Ну ладно Мэд! От нее с самого начало нужно было ждать подвоха! На то она и шатера. Но Эван! Хорош! Все-таки Акраба права: все мужики одинаковы! Думают не тем, что на шее, а тем, что в штанах!

Быстро окидываю взглядом комнату в поисках альтаирца. Как ни странно, его нигде нет. Несусь в ванную — там тоже пусто.

— Где он?!

— Здесь.

Ироничный голос Эвана раздается у меня за спиной настолько неожиданно, что я подпрыгиваю.

Стоит, красавец, у двери! Еще и улыбается.

— Не помешала? — ехидно интересуюсь у него.

— Мы уже закончили, — томно потягивается нахалка Мэд.

Если бы взглядом можно было убивать, Мэдлин сейчас была бы как минимум с несколькими серьезными переломами.

— Ну и как, понравилось?

Вообще-то вопрос адресован Эвану, но вместо парня отвечает все та же довольная шатера:

— Лично мне — очень!

Ну все! Теперь я точно кого-нибудь убью! Кровь пульсирует в висках. В глазах темнеет от гнева и обиды. Рука сама тянется к дреду. Не пойму, что со мной... Хотя кому я вру? Я прекрасно знаю что.

Ревность. Я настолько дико ревную моего альтаирца, что готова голыми руками придушить невесть откуда взявшуюся соперницу.

— Ада, успокойся. Ничего не было. — Эван не сводит с меня синих смеющихся глаз. Похоже, ему очень льстит, что я ревную.

Нет! Вы только посмотрите на него! Еще и забавляется!

— Не было?! А эта курица общипанная как в твоей постели оказалась?!

— Представления не имею. Когда я пришел, она уже была здесь.

— Ой, Эван, да ладно тебе! — Мэд грациозно встает с кровати, изящно виляя бедрами, подходит к альтаирцу, обнимая его. — Ада не дура. Она все прекрасно понимает!

Разрази меня драг! Да у нее под полупрозрачной сорочкой и нет ничего!

— Ничего я не понимаю! Чего ты к нему приперлась? Что тебе от него надо? И только не говори, что от любви голову потеряла, — взрываюсь я, резко убирая руки подруги с моего альтаирца. — Руки убери, а то я тебе их поотрубаю!

Мэд игриво смеется, но все же отходит от Эвана на безопасное расстояние.

— Ну зачем же сразу «от любви». Вполне достаточно и от желания. Парень-то видный. — Шатера куксит губки. — Одна ты не замечаешь!

Делаю шаг к Мэд, но смеющийся Эван ловко перехватывает меня, притягивая к себе, не давая повыдергивать шатере космы.

— Спокойно. Я зашел к нам в спальню, тут она. Развернулся и ушел, — смеется он. — Ну ты сама по времени посчитай. Я же только что с тобой расстался. Ты такая забавная, когда ревнуешь...

— Я ревную?!

Высвобождаюсь из его объятий.

— Да с какого перепуга я должна тебя ревновать к этой шалаве? Если ты пускаешь в постель кого угодно, это твои проблемы, а не мои! Ты у нее не первый и уж точно не последний. Оборачиваюсь к Мэд, которая хоть соизволила накинуть кружевной халатик.

— А ты, курва, мне про желания не залечивай. Я тебя как облупленную знаю. Ты в постели у мужика оказываешься, только если тебе от него что-то очень сильно надо.

Мэдлин в ответ беззаботно смеется.

— Ой, Ада! Ты иной раз такую глупость скажешь. Эван красивый парень, вот я и...

Слишком беззаботно. Значит, попала в точку.

— Карл подослал? — уже более спокойно интересуюсь я, внимательно следя за реакцией подруги.

И хотя улыбка все еще не сходит с ярко накрашенных губ Мэд, от меня не ускользает, что шатера напрягается. Ну конечно! В Руаре же не принято обсуждать задание Верховного Воина в присутствии потенциальной жертвы.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Он приказал тебе убить его? — киваю в сторону Эвана. — Почему Карл не отдал этот приказ мне? Это было мое задание.

В комнате зависает напряженная тишина.

— Ну знаешь... — не выдержав, психует Мэд.

Маска беспечной соблазнительницы слетает в одно мгновение. Шатера бросает настороженный взгляд на Эвана. По его невозмутимому виду догадывается.

— Он в курсе? — Мэд даже не пытается скрыть шока и ярости. — Ты что, последние мозги растеряла? — зло шипит шатера, хватая меня за локоть, отводя подальше от Эвана. — Хочешь, чтобы нас обоих по возвращении в Руар к Отару отправили?!

Подругу охватывает нешуточная паника. Шатера начинает метаться по комнате, напрочь забыв о присутствии Эвана.

— Ты хоть подумала, как мы выкручиваться будем из этого дерьма?!

— Это было мое задание, — упрямо повторяю я.

— Да какое, Отар тебя побери, твое?! — взрывается от ярости Мэд. — Ты что, думаешь, я дура? Да еще в лесу стало ясно, что у тебя рука не поднимется убить его. Чем ты только думала, когда рассказывала альтаирцу про задание? Карл нас обоих убьет!

— А чем ты думала, когда забиралась к нему в постель? — зло парирую я.

— В отличие от тебя — головой! Карл не идиот! Думаешь, он поверил, что ты сможешь вскружить альтаирцу голову до такой степени, чтобы тот потерял бдительность?

— А почему бы и нет? Что я, по-твоему, дефективная? — Мое женское самолюбие уязвлено. Усмехаюсь, поражаясь собственной запоздалой догадке. — Поэтому Карл и приставил вас с Анигаем к нам? Вы ведь ни в какую Адейру не опаздывали. Дура! Могла бы сразу сообразить: шатеры и воины Руара всегда приходят вовремя.

— Зато ты постоянно опаздываешь! — ругается Мэд. — И каждый раз все делаешь по-

своему! Тебя же невозможно проконтролировать! И Карл это знает! Да он просто обязан был подстраховаться!

По шатере заметно, что она судорожно соображает, что дальше делать. Как выкручиваться из столь непростой ситуации?

— А почему Карл решил, что Ада не справится с заданием? — встревает в разговор заинтригованный Эван. — Она красивая.

Невольно напрягаюсь. О чем он говорит?

— Я тебя умоляю, — отмахивается от альтаирца погруженная в свои невеселые мысли Мэд. — В этом деле одной красоты мало. Здесь опыт нужен. Чтобы у вас, мужиков, голова отключилась, надо сначала как следует в постели вымотать, удивить. С Ады тут толку, как с безлапного драга когтей!

Шатера поднимает взгляд на возмущенную меня.

— Ну что ты на меня так смотришь? Я правду говорю. Поэтому Карл и отправил меня. Думаешь, он идиот? Поверил, что ты к нему в постель ляжешь?

Слова Мэд задевают Эвана.

— Это потому что я альтаирец?

— Нет. Это потому что из нее шатера, как из меня драг! — в сердцах выдает моя эксп-подруга.

Теперь уже настает моя очередь обижаться. Что уж меня совсем недотепой в любовных делах перед Эваном выставить?!

— Тебя послушать, так я недоделанная какая-то! — не на шутку обижаюсь я. — Да может, я любовница получше тебя!

Говорю в сердцах, запоздало соображая, что последняя фраза явно была лишней. Мэд начинает безудержно ржать.

— Ты?! Да я тебя умоляю... Ты даже голого мужика-то, подозреваю, ни разу не видела во всей его стоящей красе!

— Заткнись! — требую я, отчетливо понимая, что зря подняла эту тему. Альтаирец далеко не дурак. По его лицу заметно, что он уже начал что-то сопоставлять. — Ты ничего обо мне не знаешь!

— Это я-то не знаю?! — несет разобиженную Мэд. — Да я с тобой столько лет в одной комнате прожила!

— Но она же шатера, — встревает заинтригованный Эван.

— Да какая она шатера, — отмахивается расстроенная Мэд. — Одно название.

— Мэд, не смей! Это его не касается! — пытаюсь заставить ее замолчать, но кто бы меня слушал?! Предательница, не моргнув глазом, выдает всю мою подноготную.: — Ты ее первый клиент! И насколько мне известно, спать с тобой она не собиралась. Хотела обокрасть и смыться из Руара. — Мэд оборачивается ко мне. — Поправь меня, если ошибаюсь. Теперь я понимаю, почему ты никуда не ушла. Из-за него. Друга детства или кто он тебе там?

Она снова смотрит на Эвана и добивает:

— Ее и шатерой-то назвать нельзя. Она вообще из касты воинов.

— Что? — На лице Эвана неподдельное изумление.

— Шатеры дредом не владеют, дорогой! — усмехается Мэд. — Если бы не личный приказ императора, эта чокнутая никогда бы не оказалась в твоей спальне в тот вечер. В ее обязанности не входит ублажение клиентов.

— Мэд, заткнись!

— А что затыкаться-то? Давай смотреть правде в глаза! Из тебя шатера, как из меня драг! Неудивительно, что ты все провалила! Не понимаю, на что вообще рассчитывал Карл, отправляя

тебя к нему? Сразу же было понятно, что ты клиента к себе не подпустишь! Без обид, Ада, но ты в постели — полный ноль!

И тут мой альтаирец начинает смеяться. По-доброму. С нескрываемым облегчением. И это меня откровенно бесит! Разъяренная, униженная, я все больше прихожу к мысли, что все-таки стоит исполнить приказ Карла и свернуть шею Эвану! Причем прямо сейчас.

— Что ржешь?! — Меня переполняет обида. И хотя женское самолюбие уже растоптано, я все же делаю последнюю попытку его хоть как-то реанимировать. — Ты кого вообще слушаешь? Да ей соврать — раз плюнуть! Она только этим по жизни и занимается! Да у меня мужиков было...

— Слушай, парень, завали ты ее в постель, — дает дружеский совет сердобольная Мэд. — И сам убедись, кто из нас двоих говорит правду. Заодно, может, и она подуспокоится.

Подруга одаривает меня милой улыбочкой.

— Ладно. Подозреваю, вам есть чем без меня заняться. — Она открывает дверь, оборачивается и хмыкает. — Неспокойной ночи вам, друзья мои!

Шатера, смеясь, исчезает в холле, оставив нас с Эваном вдвоем в спальне. Нет! Когда-нибудь я точно убью свою бывшую подругу! Наверняка убью!

* * *

Сажу на холодном кафельном полу в ванной и чувствую себя полной дурой. И что на меня нашло? Зачем я устроила эту сцену? Да кто я такая, чтобы предъявлять претензии мальчишке-альтаирцу? Никто! Господи, ну почему я при Эване порой веду себя так неадекватно?! Эмоции зашкаливают. Крышу сносит. Щеки и те вон пылают, словно при температуре. Обычно мне неплохо удается держать под контролем эмоции, а тут... Может, я в Сумрачном лесу от драгов какой-нибудь вирус бешенства подхватила?

До сих пор при воспоминании о полуобнаженной Мэд, лежащей в постели Эвана, меня разбирает злоба, обида, ревность.

Да. Именно ревность.

От бессилия закрываю лицо руками. Господи! Как же я его ревную! К Мэд! К Айрис! Да к любой, которая бросает заигрывающий взгляд на моего альтаирца. Именно из-за ревности я не отважилась подойти к Эвану в доме посла Ромеро, хотя безумно хотела. Какой же я была дурой! С самого начала надо было выбрать Эвана, а не Руар. Надо было выбрать НАС.

Иду к зеркалу. Хороша! Ничего не скажешь! Волосы выбились из прически, щеки покраснелись. Пытаюсь привести себя хоть немного в порядок. Поправляю косу, споласкиваю лицо холодной водой. Так вроде бы получше! Вдыхаю полной грудью, считаю про себя до трех, после чего иду в спальню.

Эван стоит у окна. Вид у него отстраненно-здумчивый.

— Не бери в голову слова Мэд... — Он начинает разговор быстрее, чем я успеваю открыть рот. — Если хочешь, я переночую в комнате Грэгори, чтобы тебя не смущать.

— Эван, я...

Ох и не привыкла же я просить прощения...

— Я не должна была так себя вести. Устраивать тебе сцену. Прости. Я не имею никакого права предъявлять тебе претензии...

— Имеешь. Ты моя жена.

В спальне так тихо, что я даже боюсь дышать.

— Ты альтаирец, — едва слышно шепчу я. Слова застревают в горле.

— А ты дарийка.

Схожу с ума от едва слышной хрипотцы в его голосе.

— Ты женился на мне, чтобы спасти, дать свободу...

Эван подходит ко мне. Смущение, неуверенность, робость — все это я читаю в его взгляде и вместе с тем...

— Я женился, потому что люблю тебя. И всегда любил.

Чувствую его теплые губы на своих губах. Нечто пьянящее окутывает меня с ног до головы. Эта волна удовольствия парализует, но Эван трактует по-своему мою неподвижность.

Отстраняется.

— Прости. Я не должен был...

И мне становится нестерпимо больно. Как будто я теряю часть себя. Лучшую часть, без которой не представляю жизни.

Не умею я говорить красиво, поэтому... На одних инстинктах и эмоциях, сама, толком не понимая, что делаю, приподнимаюсь на цыпочки и осторожно, неумело целую Эвана в губы.

Он отвечает не сразу. В какой-то момент я даже пугаюсь, что сделала глупость. И лишь затем до меня доходит: мальчишка-альтаирец просто не смог поверить в то, что я вот таким незамысловатым способом сказала ему «да». А дальше... Чувствую такой желанный жар его объятий, его поцелуев. Мою душу переполняют радость и покой. Мы оба теряем от счастья голову.

— Я люблю тебя, Ада, люблю...

— Я люблю тебя, — шепчу в ответ.

Не знаю, как долго длятся наши поцелуи. Мы целуемся вперемешку со счастливым смехом. Мне уже не важно, что я дарийка, а он альтаирец и что наш брак заведомо обречен на неприятие обществом. Что у нас никогда не будет детей. Не важно все. Главное: здесь и сейчас Эван со мной. И больше мне ничего от жизни не нужно.

Но счастливый миг, увы, длится недолго. Жизнь, с присущей ей беспардонностью, врывается в наш мирок в виде мрачного, запыхавшегося Анигая.

— Извиняюсь, что прервал брачные игрища, но у нас серьезные проблемы.

Эван нехотя отстраняется от меня.

Смотрю на бледное, суровое лицо брата и чувствую, как внутри все холодеет. Я слишком хорошо знаю Анигая, чтобы отчетливо понимать: новости, которые он принес, явно не из приятных.

— Что-то с Бэром?

— Хуже. Дэмонион узнал, что кристалл подменили. И все указывает на то, что к этому причастны альтаирцы.

В комнате зависает гнетущая тишина. Ну вот и все! Это и есть злополучное начало конца.

1. ВА-БАНК

Эван ушел, оставив меня на попечение Дерека. Строго-настрого запретил выходить из комнаты.

— Бред! Бред! Бред! — Толстяк-землянин, словно заведенный, нервно описывает круги по комнате. — Кто мог стащить кристалл с Жезла Власти?! Это же физически невозможно сделать! И при чем здесь альтаирцы? Наверняка его спрятал сам Дэмонион! Больше некому! Он просто хочет устроить международный скандал!

— Лично меня больше интересует, как он узнал о подмене, — признаюсь я, направляясь в шкаф.

Надо переодеться во что-то более удобное, чем альтаирское бальное платье. Вряд ли оно в случае плачевного расклада событий гармонично впишется в интерьер императорской тюрьмы Дэбэр.

Видимо, Катар все-таки и есть моя настоящая судьба. Правильно, видать, там говорили: где родился — там и помрешь.

Эван возвращается ближе к утру. Вымотанный, встревоженный.

С порога бросаюсь к нему.

— Ну что там?

— Ничего хорошего. Думаю, про кристалл Дэмониону намекнул Ромеро. Больше некому. Землянам выгоден международный скандал. Стравив снова Альтаир с Дарием, они получают шанс вновь развязать войну. Альянс спит и видит это.

— Опять война?! — испуганно выдыхаю я.

На свою беду я слишком хорошо помню годы в Катаре до перемирия. Жуткое было времечко. Куча военнопленных. Горы трупов, которые свозили с рудников в Обрыв Смертников, раскинувшийся неподалеку от нашей хижины. Потом чума из-за того, что весна выдалась на редкость жаркой и трупы не успели сжечь. Плач вдов, матерей, у которых забирали сыновей на службу.

Было так страшно.

А потом вдруг настала тишина.

Перемирие.

И даже Отаром забытый Катар вздохнул с облегчением.

Неужели весь этот ад начнется заново?

Как же я не хочу возобновления войны!

— Успокойся. — Уставший Эван садится рядом на диванчик, обнимает меня. — Все будет хорошо. Пока официальных обвинений не выдвинуто. Нет оснований, только подозрения. Но, думаю, скоро начнутся обыски. Я не хочу, чтобы ты при этом присутствовала. Поэтому... — Эван оборачивается к другу. — Дерек, увези, пожалуйста, Аду в подземный город. Здесь ей больше делать нечего.

— А ты?! — не на шутку пугаюсь я.

— Я должен быть рядом с отцом и братьями.

— Но при чем здесь они?! — Мои и без того напряженные нервы окончательно сдают. — У вас здесь принц имеется! Вот пусть он и разруливает! Почему ты должен расхлебывать все это?

Эван оставляет мой вопрос без ответа. Терпеть не могу его дурацкую привычку игнорировать меня в самый ответственный момент.

— Дерек, позаботься, пожалуйста, о моей жене.

Толстяк удивленно присвистывает.

— Какой еще жене? — Он ошарашенно показывает на меня пальцем. — Ей? Вы когда успели?! Почему я все всегда узнаю последним?!

Похоже, последний вопрос его волнует больше всего.

— Я без тебя никуда не поеду! — хмурюсь, отступаю к окну.

Это просто нечестно! Только у нас с Эваном все стало хорошо, и на тебе! Пожалуйста! Да пропади он пропадом, этот Демонион со своим кристаллом! Я просто хочу быть счастливой рядом со своим мужем! Не хочу участвовать в политических разборках!

О! Как бы дорого я отдала, чтобы Верховная Ведунья оказалась сейчас рядом со мной! Она обязательно нашла бы выход! Сумела незаметно вернуть кристалл на место. Ведь выкрасть же его у нее получилось! Как же не вовремя старуха улетела на Наоки!

Эван притягивает меня к себе. Обнимает. Чувствую стук его сердца.

— Пожалуйста, Ада... Сделай, как я прошу. Обещаю, как только я решу проблему, сразу приду к тебе. Но сейчас... Мне надо, чтобы ты была как можно дальше от Аскорэора. Иначе я буду постоянно беспокоиться за тебя и не смогу спокойно мыслить, а мне как никогда нужен холодный ум.

И хотя в душе бушует паника, а дурное предчувствие сковывает горло, не давая говорить, я киваю. Муж прав. Не надо создавать ему больше проблем, чем я уже насоздавала.

— Прости, я должен вернуться к отцу. Я люблю тебя...

— Я тоже тебя люблю...

Прощальный поцелуй, и Эван снова исчезает.

Заторможенная, перепуганная, я продолжаю, словно статуя, стоять посередине комнаты. И кажется мне, что нечто гнетущее, темное, подползает со всех сторон, окутывая меня, сдавливает горло, застилает глаза.

Дурное... Очень дурное предчувствие — вот истинная причина моей паники. Да, за свою короткую жизнь я выбиралась из многих передраг, но на этот раз я ни в чем не уверена... И хуже всего, что на кону стоит не только моя жизнь, но и жизнь дорогого мне человека. Моего мальчишки-альтаирца.

— Пора идти, — голос Дерека выводит меня из состояния оцепенения.

Надо отдать должное толстяку, он проявляет невиданную для себя тактичность. Не расспрашивает ни о чем, хотя его распирает от любопытства.

— Да, конечно.

Быстро переодевшись, следую за Дерексом, который, оказывается, хорошо знает Аскорэор. Спокойно ориентируется в лабиринтах замка. Мы идем какими-то замысловатыми переходами, коридорами, пока, наконец, не оказываемся за пределами восточного крыла. И тут до меня доходит... Оранжерея, в которой спрятан кристалл! Это, конечно, не покои альтаирцев, но она находится возле дипломатического крыла. Минуту назад мы как раз проходили мимо нее.

Как же я об этом раньше не подумала?!

Резко останавливаюсь. Внутри такая паника, что мне не сразу удастся с ней совладать.

— Дерек, подожди! Я кое-что забыла... Сейчас вернусь.

Землянин не успевает сказать мне и слова, а я сломя голову несусь к оранжерее. Только бы успеть! Только бы успеть!

На мое счастье, оранжерея не охраняется. Осторожно заглядываю внутрь. Вроде бы никого.

Сбрасываю с плеч дорожную сумку, ныряю в кусты, под которыми зарыла кристалл. Не без труда достаю его из-под удивление быстро разросшихся корней тропического зеленого монстра, названия которого я не знаю. Торопливо стряхиваю с кристалла землю, прячу его в сумку, после чего поднимаю голову и... застываю на месте, глядя на стоящую неподалеку обескураженную Айрис, которая в упор смотрит на меня.

Обыски начались почти сразу, как только я вернулся к отцу. Надо отдать должное Дэмониону. Он на удивление тактичен с нами, хотя ситуация с похищением кристалла с Жезла Власти, безусловно, должна порождать в нем неконтролируемый гнев.

По официальной версии из императорской сокровищницы было украдено несколько драгоценных реликвий. Естественно, император Дария никогда бы не рискнул прилюдно признать немыслимую вещь: что каким-то непостижимым образом некто смог унести из замка кристалл Власти, который не только дает право на дарийский престол, но и генерирует защитное поле целой планеты. Поэтому все и списали на якобы пропавшие драгоценности.

Сначала обыск проходил в жилых помещениях восточного крыла. За эту часть замка я был спокоен, но когда проверка перешла на нижний уровень, где находилась оранжерея, начал испытывать нешуточный страх. Что, если кристалл найдут? Оранжерея формально числится за дипломатическим корпусом, просто, будучи общественным местом, не находится под его охраной. Если кристалл найдут там, то нас могут обвинить в причастности к краже. В лучшем случае будет грандиозный межгалактический внутренний скандал, в худшем — возобновление войны.

Мое сердце замирает, когда прислужники перекапывают землю в оранжерее. Пара минут, и один из них доходит как раз до того места, где мы с Адой спрятали кристалл. Не дыша смотрю, как поднимается пласт земли и...

Ада

Иногда люди меня удивляют. Причем сильно. Вместо того чтобы поднять шум и позвать стражей Аскорэора, Айрис лишь молча подходит ко мне. Ее изумленный взгляд прикован к кристаллу, который я держу в руке.

— Как ты это делаешь? Почему у тебя нет ожога?!

— Я толстокожая.

Интересно, дочка посла узнала меня или нет? Виделись мы давно.

— Что ты собираешься с ним сделать?

— Вернуть на место.

Несколько секунд молчания, и...

— Я помогу.

Вот так просто и незатейливо жизнь резко меняет направление, а вместе с ним и мое мнение о человеке.

— Чего ради?

Слова даются Айрис с заметным трудом:

— Я твоя должница, Ада. Не думай: я не забыла, ты спасла мне жизнь. И я... благодарна.

Да... Люди порой удивляют.

Будь моя воля, я бы не приняла помощь от дочери посла Ромеро, который и втянул Эвана в авантюру с кристаллом. Но в данной ситуации особого выбора нет. Айрис либо сдаст меня, либо прикроет. Предпочитаю рискнуть, выбрав второй вариант.

Самое странное, что Айрис действительно помогает. Это благодаря ей нам с Дерекком удастся беспрепятственно пройти все посты Аскорэора без досмотра. Никто из стражей не осмеливается остановить дочку посла Земного Альянса. Наши пути расходятся лишь у самого выхода из замка.

— Спасибо. Дальше мы сами.

Хочу уйти и все же останавливаюсь. Бросаю на несостоявшуюся подругу прощальный взгляд.

— Спасибо за помощь.

Айрис как-то странно и невесело усмехается.

— Не за что. Передавай привет Эвану.

Дочка посла быстро разворачивается и исчезает в глубине замка.

Что и требовалось доказать: в этой жизни ничего не бывает просто так. Наивная! А я в какой-то момент и правда подумала, что Айрис двигает благодарность за спасенную шкуру, но куда там...

Эван.

Она прикрывала альтаирца, а не меня. Кристалл был спрятан на территории их дипломатической миссии. Быстро же она все сопоставила!

Недооценила я Айрис. Недооценила.

Невольно задумываюсь: если даже спустя столько времени, минуя замужество и вдовство, Айрис не перестала думать о моем муже, может, это и есть настоящая любовь? Впрочем, меня это не должно волновать. Эван мой. И я его никому не отдам!

Ускоряю шаг, стремясь унести злополучный кристалл подальше от Аскорэора. От Эвана. Надеюсь, у Айрис хватит ума умолчать о том, что она сегодня видела.

Дерек хочет отвезти меня в подземный город, но с кристаллом в рюкзаке я прекрасно понимаю, что это не самая лучшая идея. Что толку выносить кристалл из оранжереи, если его найдут в квартире альтаирца? Нет! Так дело не пойдет. Если уж перепрятывать кристалл, то в правильное место, где его точно никто не додумается искать. На счастье, я знаю такое.

Мои попытки убедить землянина идти без меня в подземный город успехом не увенчиваются. Настырный Дерек отказывается выпускать меня из поля зрения, так что приходится взять этого зануду с собой. Первым делом мы покидаем современную часть города, направляясь к извилистым улочкам, расположенным в старых кварталах.

— Может, все-таки объяснишь, куда мы идем? — в который раз спрашивает Дерек, когда мы оставляем центральные улицы мегаполиса позади. — Я обещал Эвану присмотреть за тобой, но ты, кажется, опять собираешься во что-то вляпаться. Что я ему тогда скажу?!

— Ничего. Ни во что мы не вляпаемся, обещаю, — отмахиваюсь я от зануды-землянина. — Мне просто надо перепрятать одну вещицу, которая может доставить Эвану кучу проблем.

Больше вопросов Дерек не задает.

Дорога занимает куда больше времени, чем я предполагала. Нам требуется почти два часа, прежде чем мы выходим в древнюю часть Аскорэора — старую столицу. Хорошо, что я в прошлый раз хорошо запомнила, где расположен нужный дом!

Старый, я бы даже сказала — древний. Нет. Не особняк. А так, небольшой коттедж не слишком жилого вида, затерянный в глубине беспорядочно разросшегося, заброшенного сада.

Здесь нет охраны, потому что она не нужна. Вряд ли хоть один здравомыслящий человек рискнет по собственной воле сунуться сюда — в дом самой Верховной Ведуньи Дарийской империи. Другое дело, что в сложившейся ситуации меня здравомыслящей вряд ли можно назвать.

* * *

— Ну и местечко! — Дерек настороженно оглядывается, проходя в пыльную мрачную

гостиную. — А-а-а!

Дикий возглас разлетается на весь дом. Ну и нервный этот землянин. Подумаешь, наткнулся на сушеную голову драга, висящую на стене. Делов-то. Нашел из-за чего голосить! Вот если бы он увидел, например, саму Глэдис, тогда заголосила бы и я.

— Чего орешь как резаный? Хочешь, чтобы воины Руара сбежались? Их в округе пруд пруди, они квартал охраняют, — ворчу я, исследуя стены гостиной, пытаюсь обнаружить хоть какое-нибудь местечко, которое можно использовать в качестве тайника. Ну должно же быть у Верховной Ведуньи мало-мальски путное укромное место, куда можно на время засунуть кристалл.

— Ничего я не хочу! Зачем мы сюда приперлись?!

— Я тебя с собой не звала! Сам увязался, так что терпи.

Как же он меня достал! И надо было Эвану отправить меня именно с этим нервным нытиком!

— Сам увязался?! — передергивает недовольный землянин. — Можно подумать, у меня был выбор! Мне еще перед Эваном за сохранность твоей дурной головы отчитываться.

Толстяку надоедает стоять, поэтому он плюхается в ближайшее старое кресло со старомодной обивкой. Тут же громко чихает от поднявшейся пыли.

— Ну и дыра! Кто здесь только живет?

— Тебе лучше этого не знать.

— Тогда молчи, — с готовностью отзывается Дерек, морщась, нюхает фиолетовую жидкость в графине на столике.

— Я бы на твоём месте не рисковала это пить, — по ходу отпускаю замечание я, заглядывая под ковер.

Хоть бы какой-нибудь завалявшийся сейфик!

— И давно ты дружишь с дочкой посла Ромеро? — вольготно развалившись в кресле, интересуется Дерек, с интересом наблюдая за моими манипуляциями. — Я и не подозревал, что у тебя такие высокопоставленные подруги, хотя... — Толстяк задумчиво мрачнеет. — Если вспомнить, кто твой муж... И когда вы только успели пожениться?! Почему я пропустил сие знаменательное событие?!

— Давно. В Катаре. Нас обвенчал отец Марк. Апчхи!

От поднявшейся от ковра пыли щекотно в носу.

— И не с кем я не дружу. Айрис — это так... Старая знакомая.

— Ну-ну... — Очевидно, толстяк не особо-то мне верит. — Может, все-таки расскажешь, что мы здесь делаем? — по-новой начинает он занудную «песнь». — Зачем ты притащила нас сюда? Не лучше ли было бы послушаться Эвана и...

Мне так надоедает брюзжание землянина (и без того нервы на пределе), что я достаю из рюкзака кристалл, в открытую демонстрируя его зануде.

— Не лучше! Мне надо перепрятать вот это! Но если ты настаиваешь, мы можем вернуть его обратно в Аскорэор.

При виде кристалла Дерек в шоке начинает беззвучно открывать и закрывать рот, отчего становится поразительно похожим на рыбу-пузыря, которую выбросило во время шторма на берег.

— Нет! Я не настаиваю!

Перепуганный Дерек подскакивает с кресла. Я в напряжении ожидаю, что он начнет причитать и нудить, но вместо этого парень внезапно мобилизуется, активно подключаясь к поиску подходящего тайника.

— Что ж ты сразу не сказала?! — Он судорожно оглядывается. — Здесь нельзя прятать!

Найдут! Давай под крыльцо засунем. Обычно обыск устраивают в самом доме, про вход частенько забывают.

Однако выйти на крыльцо мы не успеваем, потому что в этот момент во дворе отчетливо слышатся приближающиеся к дому голоса. И дай-то бог, чтобы эти голоса не принадлежали стражам Аскорэора.

* * *

— Это просто неслыханно! Вы заверили меня, что кристалл у альтаирского принца! — Кукольное личико разъяренной госпожи Боро, кажется, вот-вот выпрыгнет из огромного голографического экрана.

— Все так и есть. — Посол Ромеро, не отваживаясь смотреть в глаза не на шутку разгневанной Верховной, старательно изучает носки начищенных до блеска лакированных ботинок. — Кристалл точно у мальчишки. Я лично оставил сундук с ним в его комнате. Насколько мне известно, все вещи принца были еще вчера доставлены из Руара обратно в Аскорэор.

— Так почему его до сих пор не нашли?! Вы хоть понимаете, что Дэмониона сейчас интересует не только кристалл, но и человек, укравший его. Император рано или поздно вычислит и того, кто анонимно сообщил о подмене. И когда это произойдет... О-о! Я бы не хотела быть на вашем месте. О чем вы только думали, Ромеро, когда столь откровенно подставляли принца?! Все, что от вас требовалось, — вывезти кристалл за пределы планеты, и тогда Дарий в считанные часы был бы наш!

— Но я всего лишь выполнял ваш приказ. — Голос не на шутку напуганного Ромеро звучит сбивчиво, сдавленно.

Айлит закрывает глаза. Пара-тройка глубоких вздохов, и на ее лице вновь сияет непробиваемая улыбка.

— Какой приказ? — Безупречно невинное выражение личика Верховной буквально сквозит искренностью. — Я никаких официальных приказов вам, Стив Ромеро, не давала. Вы что-то путаете... А теперь простите, у меня дела.

Экран гаснет. Посол медленно оседает на софу. Ноги подкашиваются сами собой. Руки трясутся.

Тридцать лет.

Тридцать лет безупречной службы. Фанатичной верности.

И все лишь для того, чтобы однажды услышать эти слова. Она не отдавала приказа?! А чьи же тогда повеления и пожелания он безропотно выполнял все эти годы? Свои?! О нет! Ее!

В этом вся Айлит Боро. Точнее, даже не она. В этом вся политика, в которой ради великих глобальных целей нередко жертвуют такими верными «винтиками», как Стив Ромеро. О том, сколько раз он сам поступал именно так же со своими подчиненными, в случае необходимости пуская их в расход, посол предпочитает не думать.

Сейчас надо спасать собственную шкуру. Что ж... Тяжелые времена требуют непростых решений. Если его дипломатическая карьера на Дарии подошла к концу, хорошо, он уйдет. Но сделает это так, что его запомнят надолго. Пора... Пора перестать быть серой «тенью» своих высокопоставленных хозяев, которым он служил верой и правдой столько лет и которые отвернулись от него при первой же ошибке. Уход Стива Ромеро — блестящего политика и стратега — войдет в учебники истории! И не важно, что его будут вспоминать как человека, сумевшего развязать межгалактическую войну между Дарием и Альтаиром. Пропади оно все

пропадом! Главное — спасти себя, свалив кражу кристалла на альтаирцев, остальное Ромеро абсолютно не волнует.

Ада

Ничего не понимаю! Что он здесь забыл?!

Нервный. Трясущийся. Бледный. Вернее, даже не столько бледный, сколько серо-зеленый какой-то...

Дэус Бэр.

Правильно! Если так пить, то и выглядеть будешь соответственно. Диву даюсь, как шустро он оклемался после вчерашней попойки! Я-то думала, Верховному Лекарю неделю отходить придется.

Осторожно выглядываю сквозь щелку старого шкафа, куда мы с Дерексом утрамбовались, чтобы ненароком не попасть на глаза нежданному гостю.

Через мутное окно, выходящее на веранду, видно, как Верховный Лекарь почти бежит к дому. На нем вчерашний изрядно помятый, пафосно пестрый праздничный костюм. За Бэрсом неотступно следует троица столь же нелепо разодетых слуг.

— Стойте здесь! Если кто появится — сообщите, — приказывает раздраженный, злой, как стая голодных драгов, дэус Бэр и залетает в дом Глэдис, неуклюже круша все на своем пути. Умудряется с ходу разбить какую-то, на мой взгляд, хоть и уродливую, но все же весьма древнюю вазу и даже не обратить на это внимание.

Интересно, что ему здесь надо в столь ранний час? Еще Только забрезжил рассвет. Я-то думала, изнеженный Верховный Лекарь, славящийся страстью к комфорту и роскоши, не встает раньше полудня, за исключением абсолютно чрезвычайных случаев. Видимо, сегодня как раз и есть тот самый случай.

— Куда эта старая карга могла ее подевать? — Дэус Бэр, словно одержимый, носится по дому в поисках невесты чего, то и дело возвращаясь в гостиную.

Надеюсь, у него хватит ума не открыть наш шкаф.

Увы. Ума не хватило.

Верховный Лекарь распахивает шкаф, где прячемся мы с Дерексом. Замирает как вкопанный, в ужасе взирая на нас. Ничего более умного, чем улыбнуться и сказать «привет», в этой до нелепости глупой ситуации я не придумываю. Но даже этого хватает, чтобы Верховный Лекарь женоподобно ойкнул, закатил глаза и снова как подкошенный рухнул на пол.

Мне кажется или я на него все-таки как-то странно действую? Интересно, почему?

Конечно, неплохо бы узнать, что с таким рвением искал в доме Глэдис дэус Бэр, но тревожить Верховного Лекаря, когда он в очередной раз валяется в отключке, честно говоря, не очень хочется. Шансы, что он, когда придет в себя, среагирует на меня адекватно и не устроит истерику, на которую сбегутся все его прислужники, весьма невелики, поэтому мы с Дерексом как можно быстрее покидаем дом через «черный» выход.

Пробираясь через разросшийся сад, замечаю заброшенный флигель. Сюда точно давно никто не заглядывал. Ну чем не идеальное место для тайника? Оно настолько элементарное и в то же время у всех на виду.

Дерек помогает аккуратно оторвать от крыльца дощечку. Засовываю кристалл в образовавшееся отверстие, затем землянин возвращает оторванную доску на место. Что ж, даже если наш тайник и обнаружат, то в любом случае пусть уж лучше кристалл найдут в саду Верховной Ведуньи, чем в квартире Эвана. Глэдис-то по-любому выкрутится, а вот мой альтаирец навряд ли.

Сон? Явь? Бред? Или пить все же надо меньше?

— Наверное, все-таки надо меньше пить, — именно к этому умозаклучению приходит Верховный Лекарь, лежа в одной из гостевой спален дома Глэдис на старых, пропахших сыростью простынях. Сюда Бэра перетащили прислужники, когда, заволновавшись, что хозяина слишком долго нет, все же отважились заглянуть в дом, где и обнаружили его тушку, валяющуюся на полу. Хорошо еще, что в свое время Бэр додумался обучить приближенных слуг первой медицинской помощи. Правда, он не предполагал, что когда-нибудь эта помощь будет оказываться ему самому.

— Неужели нельзя привезти сюда серых прислужниц, чтобы они привели дом в порядок? — Верховный Лекарь, морща нос от запаха сырости и старости, с трудом приподнимается на кровати.

И что это было?

Что?

Точнее — кто?

Если бы все это произошло с ним в Сумрачном лесу, у Бэра не было бы ни единого сомнения, что с ним играют отголоски. Но это Адейра! Потому вариант с отголосками полностью исключен.

Голова предательски кружится. Кровь пульсирует в висках. Да еще одышка, будь она неладна! Давно было пора сесть на диету. Уж ему ли, Верховному Лекарю, не знать, что собственное здоровье совсем сдает. Но легко сказать «диета», особенно когда ты большой любитель вкусно покушать и выпить.

Как раз с последним надо точно завязывать.

Так что это было? Вернее — кто?!

Слишком знакомое лицо. Второй раз за последние сутки! Но самое страшное — до боли знакомые глаза.

Неужели на почве алкоголя начались галлюцинации? Скорее всего так оно и есть... О другом варианте думать не хочется... Потому что... Нет! Они с Глэдис не могли так ошибиться. И то, что он искал в доме Верховной Ведуньи, должно было подтвердить это... Иначе...

Впервые за долгие годы дэусу Бэру, который уже давно научился ничего не принимать близко к сердцу, становится не по себе. От нервов немеет мизинец на левой руке. А это плохо, очень плохо. Руки — его работа. Без рук не проведешь ни одной операции, так что соберись, Бэр, соберись! И думай, думай, думай!

Если это не «пьяные» галлюцинации, не видения, то тогда им конец! Ему и Глэдис. Потому что зачинщицей всего была именно она! Только как теперь это докажешь? Никак! Прошлого не вернешь! Ошибок не исправишь!

Идиот! Ну зачем он послушался Глэдис?! Надо было сразу посмотреть те анализы, а не отдавать ей на хранение для истории. Куда?! Куда она дела этот проклятый конверт?!

Дэус Бэр судорожно вытер о простыню мокрые от пота ладони. Провел рукой по лбу. Жара нет, но он весь в испарине. Немудрено! Любой бы затрясся, увидев перед собой ту, существование которой — заведомо смертный приговор и для него, и для Верховной Ведуньи.

Ада

Жду Эваначас, два, три... Время уже близится к вечеру, хотя понять могу это только по

циферблату часов. Окон в квартире альтаирца нет. В подземном городе чувствую себя запертой в клетке. В случае облавы далеко точно не убежишь.

Не знаю, сколько проходит времени, но каждая минута ожидания кажется вечностью. Еще немного — и я начну сходить с ума. От тревоги, неизвестности, безысходности, собственного бездействия и бессилия. Как же я ненавижу такое состояние! Когда ты ничего, абсолютно ничего не можешь сделать, в то время как вокруг рушится твой мир и близкие находятся в опасности.

Вечером приходят Дерек и отец Марк. Приносят новости от Эвана. Пока все в порядке. Кристалл не найден. Прямых улик, которые бы указывали на причастность альтаирской дипломатической миссии к его похищению, тоже нет. А значит, еще есть надежда, что хрупкий мир между двумя империями все же будет сохранен.

— Ада, тебе надо поспать. Ты вторые сутки на ногах! — В голосе отца Марка отчетливо слышится беспокойство.

Вторые сутки! Я и не заметила.

— У меня сна ни в одном глазу.

— Сделай сонную инъекцию, — предлагает Дерек. — Успокоишься. А когда проснешься, Эван уже будет рядом.

Время. Сейчас именно оно мой самый злейший враг. Тянется предательски медленно. Лучше я и правда приму снотворное, чем окончательно сойду с ума в ожидании моего мальчишки-альтаирца.

— Хорошо. Только разбудите меня сразу же, как придет Эван.

— Договорились.

Отец Марк достает из аптечки успокоительное, которое безболезненно впрыскивается под кожу микрошприцем. Почти сразу зеваю. Чтобы не заснуть где попало, иду в спальню.

Прежде чем окончательно отключиться, успеваю принять теплый душ в призрачной надежде, что вода хоть немного отвлечет меня от тревожных раздумий. Но куда там! Дурные мысли неотступно преследуют даже в ванной.

Надеваю вместо ночнушки футболку Эвана, забираюсь под одеяло. Веки постепенно тяжелеют. Пара минут — и я проваливаюсь в крошечную темноту...

Странно все это. Очень странно.

Темно. Ничего не вижу. Меня шатает из стороны в стороны. Звук такой... Словно я нахожусь в воде, а кричат откуда-то с берега.

Не ругаются. Именно кричат.

От боли.

Но по-настоящему мне становится страшно, лишь когда истошный женский вопль внезапно обрывается и на меня обрушивается мертвая тишина, порождающая панический страх.

Удушье. Задыхаюсь.

Уж лучше бы незнакомка кричала.

Потому что тишина именно мертвая. Другого определения я просто не нахожу. И она постепенно высасывает из меня саму жизнь, точнее — желание жить. Душа наполняется пугающим равнодушием ко всему. И это равнодушие душит меня.

Перепуганная, резко открываю глаза, жадно хватая ртом воздух.

Темно. Но уже не пугающе. Я в спальне. Но главное — чувствую у себя на талии его руку. А еще такой родной, едва уловимый запах мяты и чего-то цитрусового.

Осторожно оборачиваюсь, стараясь не разбудить вымотанного за день Эвана. Так и есть, мой мальчишка-альтаирец спит рядом, прижав меня к себе. Душу переполняют радость и легкий укор. Ну я и соня! Проспала его приход! Впрочем, это уже абсолютно не важно. Главное, здесь и

сейчас он со мной. Обо всем остальном я подумаю завтра. Осторожно поворачиваюсь к Эвану, удобнее устраиваюсь на его груди и снова засыпаю.

На этот раз безмятежно, спокойно... Ведь рядом он.

Не знаю, сколько проходит часов. Просыпаюсь от его взгляда.

— Привет, — с нежностью шепчет Эван. Он лежит на подушке рядом со мной. — Я соскучился.

Я тоже соскучилась. Но не говорю ему ничего. А просто целую, не давая мужу ничего возразить...

* * *

Этой ночью я поняла одно: какой же это был глупый страх, что дарийка и альтаирец несовместимы! Просыпаюсь такая счастливая, правда, тут же расстраиваюсь...

Мало того, что Эван должен срочно вернуться в Аскорэор, он еще с ходу «радует» меня, что я срочно улетаю с его семьей на Альтаир.

— Ты сошел с ума! Да я без тебя с места не сдвинусь! К тому же как ты без меня собираешься вернуть кристалл Дэмониону?

— Инкогнито сообщу императору о том, где он спрятан. Пусть сам заберет.

— Как у тебя все просто! — Меня переполняет возмущение. — А если тебя заподозрят или поймут?! Что тогда?! Думаешь, Дэмониону с помощью его ведуний так сложно вычислить этого «инкогнито»?!

— Но Ромеро же до сих пор не вычислили.

— Или не захотели вычислить, чтобы не устраивать международный скандал!

— Это уже не играет никакой роли.

Мальчишка-альтаирец, видя мою непреклонность, пускает в ход «тяжелую артиллерию». Притягивает возмущенную перепуганную меня к себе, нежно целует. Ну вот как с ним спорить прикажете, когда от его поцелуя все тело ватным становится, а голова отказывается соображать?

— Ада, я тебя люблю. И я хочу, чтобы ты во время всех этих политических передраг была в безопасности. Только тогда я смогу спокойно, хладнокровно мыслить. Поэтому... Пожалуйста, пообещай мне, что полетишь с отцом на Альтаир. Тебя там встретит мама. Я с ней разговаривал. Она тебя ждет. Ты же знаешь, моя мама очень хорошо к тебе относится. Ада, я очень прошу... Я умоляю. Если ты меня по-настоящему любишь... Не создавай мне еще больше проблем. Выполни мою просьбу. Ты должна сегодня вечером улететь с моей семьей на Альтаир. Обещаешь?

Эван снова целует меня. Мой разум окончательно отказывается сопротивляться мужу.

— Обещаю, — едва слышно шепчу в ответ, крепче вцепляясь в моего мальчишку-альтаирца. Я понимаю, что должна отпустить его. Но не могу! Не хочу и не могу! А должна.

* * *

Никогда не думала, что это когда-нибудь случится. И что это будет так сложно. Мы с Анигаем всегда были вместе. Рядом. Но вот, кажется, и пришла пора расставаться.

Навсегда.

Мы с братом сидим на опушке на окраине Адейры. Задумчиво смотрим на медленно плывущую к горизонту звезду Сатаба. У меня есть примерно час, чтобы попрощаться с Анигаем,

а затем Дерек должен будет снова отвезти меня в Асморэор. Передать из рук в руки Эвану, которого я не видела с самого утра. Он ушел почти сразу, как только мы проснулись. Даже позавтракать со мной не успел.

— Значит, улетаешь...

— Угу...

Снова молчим. Наивная, я думала, что перед расставанием мне надо будет сказать брату так много, а оказалось... Зачем говорить, когда и так все понятно без слов?

— Тебя искал Карл. Хочет, чтобы ты вечером пришла к нему. Подозреваю, у него важный разговор. Скорее всего будет отчитывать, что ты Мэд не дала дело проверить.

— Она уже нажаловалась?

— Скорее всего. Ты же знаешь: в Руаре своя шкура дороже чужой.

— Знаю.

— Поэтому и улетаешь?

— Нет. Просто я... — Неловко даже признаваться в таком братцу, но надо, чтобы все расставить по своим местам. — Я его люблю...

Брат раздраженно хмыкает. В его голосе звучат непривычные для меня нотки.

Нотки ревности.

— Пропади пропадом тот день, когда святоша притащил в Катар твоего альтаирца. Я сразу понял, что он тебя уведет.

Бросаю удивленный взгляд на брата. Даже мне такой расклад в детстве никогда в голову не приходил. Так с какого перепугу Анигай подумал об этом?

— С чего ты это решил?

— С того, что он всегда смотрел на тебя такими дурацкими влюбленными глазами. Ты всегда была для него самой лучшей, несмотря на все твои закидоны и отвратный характер.

Слова брата тешат мое женское самолюбие. Он-то сам всю жизнь только и занимался тем, что критиковал меня.

— Разве это плохо?

— Для тебя — нет. Для меня — да. — Анигай пытается отогнать невеселые мысли. — С чего мне любить зятя, если он забирает у меня сестру? Навсегда увозит с родной планеты!

— Может, и не навсегда.

Произношу слишком неуверенно и робко.

— Сама-то в это веришь?

— Нет, — честно признаюсь я.

Снова сидим молча, наблюдая, как огненный диск звезды Сатаба уже наполовину скрылся за горизонтом. На душе постепенно становится как-то неуютно. Тоскливо, паршиво... Спасибо братцу, умеет поддержать перед дальней дорогой! Поднять настроение.

— Так что сказать Карлу?

— Ничего. Скажи, что не нашел меня. Все равно вечером я уже буду далеко отсюда.

Брат невесело усмехается.

— Да... В твоих интересах быть подальше. Как только ты в назначенный час не явишься к Верховному Воину, это будет трактоваться как неповиновение и побег. Последствия сама знаешь.

Еще бы я не знала! На мои поиски сразу же будут подняты все воины Руара. Если поймут, достанется участь серой прислужницы. В лучшем случае. Худший вариант предпочитаю не рассматривать.

— Не представляю, как ты уживешься на чужой планете... — внезапно говорит брат, озвучивая мои тайные страхи. — Там же все будет другим! Воздух и тот иной концентрации. Помнишь, как альтаирцу по первости было тяжело дышать на Дарии? Теперь из-за него тяжело

дышать будет тебе.

Слова брата попадают точно в цель. Я пока даже думать не хочу, как буду приспособливаться к Альтаиру. Но рядом будут Эван, его семья, вернее — МОЯ СЕМЬЯ, а значит, вместе мы справимся со всеми трудностями. По крайней мере мне искренне хочется в это верить.

* * *

Пару часов спустя я вновь оказываюсь в Аскорэоре. Дерек оставляет меня наедине со свекром, сам тут же ретируется. Видимо, он побаивается отца Эвана не меньше моего. В принципе я понимаю толстяка. Сама в полной растерянности, не зная, с чего начать разговор с этим хмурым синеглазым исполином. Благо свекор первым нарушает затянувшуюся тишину:

— Можешь называть меня папой.

М-да... Более недовольным тоном отец Эвана, конечно, эту фразу произнести не мог. В очередной раз окинув меня оценивающим взглядом, альтаирец обреченно вздыхает.

— И приведите, наконец, хоть кто-нибудь мою невестку в порядок!

И чем ему не угодил мой дорожный костюм?!

Уже через несколько секунд возле меня словно из-под земли возникают три фрейлины. Нервно кошусь в их сторону: и как их различать прикажете? Все три светловолосые, голубоглазые, бледные, как поганки... Нет, они, конечно, красивые. На свой лад. Но такая утонченно-рафинированная красота не по мне. Я люблю, чтоб кровь с молоком... Да и вообще... Зачем мне фрейлины? Я что, сама одеться не в состоянии?

— Позаботьтесь о том, чтобы моя невестка выглядела соответственно своему статусу. Негоже в таком виде отправлять ее на Альтаир.

Какому еще статусу?! Ничего не понимаю, но вопросы свекру задавать не рискую. Просто позволяю фрейлинам увести себя в спальню.

Спустя два часа стоя перед зеркалом и рассматривая свой новый «статус», отчетливо понимаю — вопросов только прибавилось. Если честно, не знаю, как и реагировать на собственное отражение. Потому что та девушка, которую я вижу в зеркальной глади, лишь очень отдаленно напоминает Адамаск.

Длинное пышное алое платье, усыпанное рубинами. Браслет, кольцо, серьги, но что меня напрочь убивает, так это рубиновая диадема, подозрительно смахивающая на корону. Отар меня побери! Если бы сама себя похитила, то сразу же стала бы несказанной богачкой! Да за эти камешки (похоже, они настоящие!) нехилое количество дар выручить можно! Одно плохо: все они явно альтаирской огранки. Любой скупщик сразу неприятные вопросы задавать начнет: мол, что и откуда? Так и до стражей Дэбэра недалеко.

Стоп! И о чем моя бедовая голова думает?! Чуть сама себя не продала! Похоже, я не на шутку разнервничалась.

Продолжая рассматривать себя в зеркале, я, пожалуй, впервые всерьез жалею, что не расспросила Эвана, какое место при дворе альтаирского императора занимает его семья. Нет, я, конечно, всегда подозревала, что мой муж не бедный родственник, но чтоб до такой степени! Признаться, все это начинает меня не на шутку напрягать. Невольно задаю себе вопрос, который стоило бы озвучить еще в самом начале нашего знакомства: а насколько хорошо я вообще знаю своего мальчишку-альтаирца?

Вот только, к сожалению, поговорить с ним у меня так и не получается. Время вновь оказывается не на нашей стороне. Оно несется с молниеносной скоростью, наотрез отказываясь замедлить свой сумасшедший бег. Не успеваю я и оглянуться, как наступает пора прощаться с

мужем. Дипломатический крейсер готов к возвращению на Альтаир.

Мне так обидно. Наше прощание с Эваном происходит как-то слишком быстро. Слишком скомканно.

— Тебе очень идут альтаирские наряды. — Эван с нежностью касается рукой моих волос, диадемы. — Ты такая красивая. Такая... моя.

Эван осторожно целует меня, не стесняясь присутствия отца, братьев, Дерека. Мне неловко и сладостно одновременно. Ловлю себя на мысли: как же быстро привыкаешь к поцелуям любимого мужчины. Как быстро оказываешься в сладкой зависимости от них.

— Пора, — голос свекра возвращает в реальность.

Муж отрывается от моих губ, и меня тут же охватывает отчаяние, похожее на панику. Мне вдруг кажется, что я смотрю на Эвана в последний раз. Что мы больше никогда с ним не увидимся. И от этого становится так страшно.

Смотрю и силюсь запомнить его таким, какой он есть... Здесь и сейчас. Мой любимый мальчишка-альтаирец. Добрый, чуткий, ранимый, равнодушный, с обостренным чувством справедливости.

Он лучшее, что есть во мне.

Дурное, очень дурное предчувствие сковывает все тело. Хочу закричать, сказать, что я никуда не лечу, но... не могу этого сделать. Лишь молча наблюдаю, как Эван прощается с братьями, с отцом.

— До скорой встречи на Альтаире! — как можно жизнерадостней восклицает шутник Радиэль, но мне почему-то слышатся в его голосе плохо скрываемая тревога и неуверенность.

Чушь! Бред! Сумасшествие!

Стоп!

Пытаюсь обуздать панику, взять себя в руки. Не хватало только устроить Эвану истерику на прощание, зачем его еще сильнее расстраивать — и так на парне лица нет. Все это просто мандраж перед моим первым космическим полетом, перед разлукой. Все это просто глупость.

— Вот увидишь, мы совсем скоро снова будем вместе. И на этот раз уже навсегда, — торопливо шепчет Эван, судорожно прижимая меня к себе. — Ты и соскучиться по мне не успеешь. Ада, ты мне веришь?

— Верю, — шепчу я, с трудом сдерживая слезы. Точнее — хочу верить. Но почему-то... не могу.

И снова торопливые поцелуи, объятия. И снова голос отца:

— Пора.

* * *

Черный плащ с алой меховой подкладкой и широким капюшоном, скрывающим мое лицо от посторонних глаз. Я иду в общем потоке альтаирского дипломатического корпуса. Главное, чтобы меня не увидел Карл. Иначе прости-прощай побег с Дария. Неприятности будут такие, что не позавидуешь!

Ноги предательски трясутся. Трудно даже дышать. И, подозреваю, это не из-за туги затянутого корсета, а из-за нервов.

Невольно оглядываюсь, не поднимая капюшона. Хочу убедиться, что в толпе провожающих нет Верховного Воина или кого-то другого, кто мог бы меня узнать. Чувствую, как от страха вспотели ладони. Главное — добраться без приключений до звездолета. Дальше будет проще.

Я уже ничего не понимаю в происходящем! Абсолютно ничего! Почему семью Эвана

провожают с такой помпезностью?! Я за всю жизнь не видела столько министров и дворян в одном месте.

Иду чуть позади отца. По бокам от меня, словно два верных стража, — старшие братья Эвана, с которых мальчишка-альтаирец взял слово, что они будут беречь меня как зеницу ока. Похоже, Радиэль и Грэгори решили со всей ответственностью подойти к выполнению задания. Они действительно не оставляют меня без присмотра ни на секунду.

Еще раз украдкой оглядываюсь. Я знаю: Эвана нет в толпе провожающих. Мы договорились, что он останется в замке. Ни к чему прилюдное прощание. И все же мне так хочется увидеть его еще раз.

Куранты на главной башне бьют девять раз. Ну вот и все, прощай, моя прежняя жизнь. Прощай, Руар. Потому что именно с этого момента — с девяти часов вечера — я официально числюсь беглянкой, так как не пришла в назначенный час на встречу с Верховным Воином.

Прощай, Дарий, и здравствуй, Альтаир.

* * *

Звездолет поражает своими габаритами. Мне выделяется просторная каюта, оснащенная по последнему слову техники, с кучей сенсорных кнопок, в которых я ничего не понимаю. Но похоже, мне в них разбираться и не надо. За меня это довольно шустро делают три фрейлины, которых зачем-то приставил ко мне отец. Будто я сама одеться-раздеться не в состоянии! Эти три бледные дамочки, похожие на привидения, неотступно следуют за мной повсюду. Признаться, изрядно нервируют. Я не привыкла к такому повышенному вниманию со стороны незнакомых людей. Да и со стороны знакомых тоже. Поэтому...

Кому я вру?

Фрейлины не виноваты в моем неврозе. Все мои мысли сейчас только об Эване, который остается на Дарии. Не понимаю, почему он не может сразу улететь с нами? Зачем ждать еще почти неделю до Дня Солнцестояния?

На душе воют драги. Никого не хочу видеть. Незаметно для фрейлин, занятых развешиванием моих альтаирских платьев, выхожу в коридор. Хочется побыть одной. До старта еще примерно полчаса. Однако побыть одной не получается — мимо то и дело снуют обслуживающий персонал, каждый раз останавливаясь, чтобы склониться передо мной в почтительном поклоне. Странные они все-таки, эти альтаирцы. И привычки у них странные. Зачем перед женщиной сгибаться в три погибели, когда можно просто сказать «привет»?

Сворачиваю за угол, оказываясь в довольно просторной серебристой комнате с приглушенным неоновым освещением. Ну слава богу, хоть здесь смогу побыть одна! Привести сумбурные мысли и чувства в порядок, а заодно поплакать. Слезы с утра стоят комом в горле. Перед Эваном сдерживалась из последних сил, чтобы не зареветь. Понимала, что нельзя — ему и без моих слез тошно от расставания, зачем добивать? Но здесь моего мальчишки-альтаирца нет, значит, можно дать слабину. Однако не выходит, потому что...

— Плохо, что Эван не летит с нами. — Тихий напряженный голос Грэгори, доносящийся откуда-то слева, заставляет вздрогнуть от неожиданности.

— Я до последнего надеялся, что нам все же разрешат забрать его с собой, — откликается Радиэль.

Мне совсем не нравится, с какой интонацией он говорит это. Боль, раздражение, отчаяние, злость перемешиваются в голосе старшего брата Эвана, образуя страшный коктейль.

Дурное предчувствие парализует. Хочу выйти к парням, сказать, что я здесь — за углом. Но

не могу. Страх окончательно сковывает мои мышцы.

— Когда мы его снова увидим?

— Не знаю.

— Да и увидим ли вообще.

— Не говори так. Мы должны верить в лучшее.

— В лучшее?! — Голос Радиэля пронизан горьким сарказмом. — Грэг, может, пора посмотреть правде в глаза? Дэмонион никогда не отпустит Эвана. По крайней мере живым... И знаешь, что самое поганое? Брат всегда знал, что его шансы выбраться живым с проклятого Дария равны нулю! И все равно пошел на это... Хотя на его месте должен был быть я! Я старший! Я обязан был его уберечь!

— Не смей так говорить! Шансы есть всегда! — Грэгори изо всех сил пытается не поддаваться отчаянию брата, но, судя по тону, не получается. — Дэмониону не обязательно убивать Эвана. Он может просто продолжать держать его при себе, как делал все эти годы. В качестве гаранта, залога...

— Чего?! Да после этой истории с кристаллом...

Мое сердце замирает от ужаса. Отказывается биться. Жуткое осознание горьким ядом пропитывает каждую клеточку моего разума, моего тела...

Эван обманул меня! Он с самого начала знал, что не сможет прилететь на Альтаир! Потому что ему не позволят покинуть Дарий! Он навсегда останется на моей Темной планете, в то время как я...

Эван

...Вот уже больше часа стою на просторной террасе Аскорэора. Порывы обжигающе-ледяного северного ветра настолько сильны, что кажется, еще немного — и они сорвут с меня развевающийся плащ. Типичное дарийское лето. Погода меняется с пугающей скоростью. Пожалуй, в этом и есть весь Дарий. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от него. Поэтому, наверное, и хорошо, что несколько минут назад моя семья навсегда покинула Темную планету.

Я дал себе слово, что не буду провожать их даже взглядом, но выполнить обещание оказалось выше моих сил. Поэтому я здесь. Молча наблюдаю, как в вечернем небе Дария растворяется яркая звезда — альтаирский дипломатический крейсер. Мгновение — и яркая точка-вспышка окончательно сливается с темно-сиреневым ночным небосводом, превращаясь в одну из миллиарда безмятежных звезд.

Трудно прощаться с теми, кого любишь. Еще труднее знать, что, возможно, больше никогда не увидишь своих родных. Конечно, я бы очень хотел, чтобы моя семья, моя жена всегда были рядом! Но я не имею никакого морального права просить их об этом. Слишком эгоистично с моей стороны. Слишком...

— Думаешь о ней? — Проникновенный женский голос раздается за моей спиной слишком внезапно. Вздрагиваю от неожиданности. — Кто она, Эван?

Я настолько погрузился в свои невеселые мысли, что и не заметил, как на террасу вышла Айрис. Я всегда хорошо относился к дочке посла Ромеро, но сейчас она все же выбрала не лучшее место и время для душевных бесед.

— Ты о ком?

— О той, которая шла по трапу с твоим отцом и братьями. Кто она, Эван? Прости за бестактность, но я заинтригована. В какой-то момент мне показалась, что она... дарийка.

Впечатляющая женская наблюдательность! Подозреваю — вперемишку с ревностью. Видимо, Айрис действительно находится под сильным впечатлением от Ады, раз отважилась

нарушить все правила этикета и задать мне напрямую столь бестактный вопрос.

Признаться, мне настолько тошно от расставания с близкими и от жизни в целом, что абсолютно не хочется общаться с давней приятельницей. Жаль, что пресловутый этикет не позволяет просто повернуться и уйти.

— Зачем тебе это знать?

— Она мне показалась знакомой.

Честный ответ на прямой вопрос. Интересно, где и когда Айрис могла пересекаться с моей Адой? Может, видела на днях в Аскорэоре?

Молчание затягивается. Настырная Айрис не уходит. Неужели она не понимает, что мне и без нее тошно? Что я хочу побыть один? Что ж... Если единственный способ избавиться от общения с дочкой посла Ромеро — прямой ответ на поставленный вопрос, она его получит.

— Да, Айрис. Она не альтаирка. Ее зовут Ада. И она моя жена.

— Жена?!

Девушка произносит фразу на полувыдохе. Почти испуганно.

— Как жена?!

Для меня никогда не было секретом, что я нравлюсь Айрис. Как мужчина. И это всегда несколько осложняло наше общение. Я рассчитывал, что ее брак с высокопоставленным чиновником сведет на нет подростковую влюбленность в меня, но, похоже, ошибся.

— Ада?!

Айрис растерянно отступает к двери, запинаясь о ножку стола, чуть не падает.

Все это как-то глупо и неуклюже.

— Ада...

Не могу понять странную интонацию, с которой она произносит имя моей жены. Горькая ирония, боль вперемешку со... смирением.

— И давно вы женаты? — Надо отдать Айрис должное, она довольно быстро берет себя в руки.

Скрывать детали нашего брака нет смысла. Все равно отец официально признал мою жену. СМИ и так скоро растреляют о моей Адамаск. Вот только какое дело Айрис до всего этого?

— Три года.

— Три?!

Не понимаю, почему Айрис принимает все так близко к сердцу.

— А мне ты так и не дал шанса быть счастливой рядом с тобой, хотя наверняка догадывался о моих чувствах к тебе. — Девушка уже и не пытается скрыть горечь.

Честно... Мне не хочется ранить чувства Айрис, но я уже изрядно подустал от бессмысленного разговора. В конце концов, я тоже живой человек. У меня может быть плохое настроение! Я просто могу хотеть побыть один! Особенно в такой вечер. Сил быть вежливым, дипломатично продумывая каждое слово, уже просто не осталось, поэтому...

— Айрис, прости. Я не хотел задевать твои чувства, но я люблю свою жену. И всегда любил только ее.

Светло-голубые глаза становятся похожими на застывшие кристаллы из-за накатывающих слез. Расстроенная, она отступает к двери. Я уже готов вздохнуть с облегчением, все же разговор выдался не самый приятный, как внезапно Айрис останавливается.

Странные все же существа эти женщины. Переменчивы, как дарийский ветер. По мере того как ледяные северные порывы, несущиеся с Катарских гор, сменяются теплым морским бризом, взгляд Айрис меняется. На смену стеснению, печали внезапно приходит пугающая меня отчаянная решимость. Я видел такую и раньше. Но не в мирное время, а в бою. Такой взгляд бывает у человека, которому уже нечего терять. Даже самоуважения.

— Я всегда любила тебя, Эван. Жаль, что мне не хватило смелости сказать тебе об этом раньше.

С нескрываемым удивлением смотрю на Айрис, которая откровенно идет ва-банк.

— Я знаю, что мне уже не суждено стать твоей женой, но... — Последняя фраза дается девушке явно непросто. — Я хочу, что бы ты знал. Дверь моей спальни всегда открыта для тебя.

И дочь посла Ромеро уходит с террасы.

Стою и не знаю даже, что думать. Вернее — я вообще не хочу думать об этом. Прозвучит, конечно, цинично, но сейчас меня меньше всего волнуют душевные переживания Айрис, потому что та, которую люблю я, с каждой минутой становится все дальше и дальше от меня.

Ада

Как же я сердита! Нет! Не сердита! Я зла! Очень зла на Эвана!

Почему он так поступил со мной?! Отправил на Альтаир, даже не соизволив сообщить, что сам и не собирается покидать Дарий?

Точнее — хотел отправить.

Спасибо за понимание отцу. В самый последний момент он все же позволил мне покинуть звездолет. Один Бог знает, чего стоило упротить его и братьев Эвана отпустить меня. Поначалу они были непреклонны. Я даже всерьез опасалась, что новоиспеченная родня силой запрет меня на время полета в отсеке. Но в конечном счете уговоры, угрозы, мольбы все же возымели действие.

— Я не буду жить без Эвана на Альтаире! Я все равно найду способ вернуться к нему! Одно дело расстаться на неделю и совсем другое — на целую жизнь!

Понимая, что угрозы не действуют, перехожу на мольбу:

— Папа, ну пойми: хоть кто-то из нас должен быть рядом с ним! Ему одиноко на Дарии без родных! — И тут же угрожаю: — Я не умею жить без Эвана! И не буду!

Не знаю, что именно из моих слов заставило свекра поменять решение. Но это уже не важно. Главное — он позволил покинуть звездолет, взяв перед этим с меня слово, что мы с Эваном этим же вечером свяжемся с ним по видеосвязи.

Дальше все происходило быстро, сумбурно. Уже спустя несколько минут я в сопровождении двух альтаирских офицеров почти бегом спускаюсь с трапа, опасаясь, что свекор в последний момент все же передумает и вернет меня обратно. Но этого, слава богу, не происходит. Звездолет взмывает в ночное небо, растворяясь в нем, а я остаюсь на Дарии.

Рабочие, обслуживающие взлетное поле, постепенно расходятся. А я, сама не зная почему, продолжаю стоять на окраине платформы, не замечая ни опустевшего ангара, ни гаснущих огней.

Невероятно, но за эти несколько дней семья Эвана умудрилась стать и моей семьей тоже. Настоящей! И такой родной! Семейей, которая, несмотря на все аргументы «против», приняла меня. От этих альтаирцев я видела куда больше тепла и понимания, чем от родной матери. Жизнь все-таки очень странная штука...

Смотрю на звездное небо, тщетно пытаюсь угадать, в какую из мерцающих звезд превратился альтаирский корабль... Невольно накатывают грусть и непонятная тоска вперемешку с тревогой. Старательно гоню их прочь. Сейчас не время для грусти. Время для радости. Ведь скоро! Совсем скоро я буду рядом с моим Эваном!

2. У СУДЬБЫ СВОЯ ПЕЧАТЬ

Скоро оказаться рядом с мужем у меня, увы, не получается, потому что в Аскорэоре внезапно гремит взрыв. Причем вполне приличный. Как раз в том крыле, где находится хранилище.

Я совсем забыла в предотлетной суматохе, что мы сами же и заложили немного взрывчатого вещества в лаборатории дэуса Бэра, чтобы отвлечь внимание стражников.

Отвлекли! Ничего не скажешь!

В замке поднимается такая жуткая суматоха, что я понимаю: какое-то время в Аскорэор лучше не соваться, а то еще начнут выяснять, что и как... Дарийка в дорогом альтаирском наряде непременно привлечет к себе ненужное внимание. Переодеться я явно не успею, да и вся моя одежда улетела на Альтаир. Мне не до вещей было. К тому же не стоит забывать, что Карл наверняка уже объявил меня в розыск, а с воинами Руара лучше не шутить. У них разговор с беглянками короткий — ведь доставить в обитель беглеца можно как в живом, так и в мертвом виде. Лучше не рисковать. Поэтому я решаю подождать Эвана в подземном городе. Рано или поздно мальчишка-альтаирец все равно туда придет. Вот и устрою ему сюрприз! Надеюсь, он не слишком сильно рассердится за то, что я нарушила данное ему слово и не улетела с его семьей.

Накинув на плечи предусмотрительно прихваченный дорожный плащ, надежно скрывающий мое богатое альтаирское платье от взглядов зевак, пониже надвинув на лицо капюшон, направляюсь к прозрачному лифту.

Ловко лавируя в потоке вечно спешащих, загруженных своими делами и проблемами жителей Адейры, направляюсь на окраину столицы. Туда, откуда несет запахами сточных вод, где под ногами то и дело шуршат крысы, где нищие, калеки, придурковатые с перекошенными лицами настырно просят милостыню, а веселые девки, вроде моей мамыши, стоят вдоль узких каменных улочек, предлагая прохожим за гроши свое тело и «любовь», на деле даже не зная истинного значения этого слова.

«Благочестивые» жители столицы старательно обходят злачные районы стороной, ведь и дураку ясно — ничего хорошего там не жди: обкрадут, ограбят, снасильничают, убьют... Я — другое дело. Для меня эти залитые помоями и пропитанные нищетой улочки и есть с детства привычный, хорошо знакомый мир, в котором я по невеселой иронии судьбы чувствую себя куда более комфортнее и безопаснее, чем в богатом и сытом Аскорэоре или в Руаре. По крайней мере здесь никто не лицемерит. Не прячет гнилую сущность за красиво размалеванными лицами и дорогими одеждами. На это просто нет ни сил, ни желания. Все такие, какие есть.

Внезапно меня довольно грубо хватают за локоть. Рефлекторно выхватываю дред, но мужчина ловко блокирует мой выпад.

— Давно не виделись, Адамаск!

Чтобы приподняло и пришлепнуло этого дэуса Карла! Он-то как здесь оказался?! Следил за мной?!

Вид у Верховного Воина, надо сказать, довольно странный. Вздуродораженный какой-то, я бы даже сказала — нервный. Никогда раньше не видела его в таком состоянии. Случилось, наверное, что...

Торопливо опускаю взгляд. Единственное, что сейчас может спасти, — абсолютное «незнание» того, что он меня искал.

Незнание и покорность.

— Дэус Карл, мое почтение!

— Я ждал тебя два часа назад в Аскорэоре!

Чувствую, терпение Верховного Воина на исходе. Из всех сил стараюсь изображать невинность:

— Простите, дэус Карл, я не знала, что вы меня ожидаете.

— Анигай тебе не передал?

— У меня не получилось увидеться с ним.

Не уверена, что Карл поверил моему лепету, но хватку все-таки ослабил. Видимо, ему что-то очень сильно от меня нужно, иначе бы уже давно свернул мне шею.

— Возвращайся к своему хозяину-альтаирцу. И будь постоянно при нем. Ты меня поняла?

— Как прикажете, — вновь покорно опускаю голову.

Собственно говоря, именно это я и собиралась сделать.

Быть рядом с Эваном, чтобы никогда больше с ним не расставаться.

— Пошли. — Все еще не отпуская из цепких лап, Карл тянет меня обратно к замку. — Когда я дам тебе знать, подсыпешь альтаирцу в питье вот это.

Верховный Воин протягивает небольшую запечатанную колбочку с каким-то порошком. Я не дура. Мне нет необходимости спрашивать у наставника, что там. Любой, даже самой юной шатере и без всяких слов понятно: в колбе яд.

Яд, которым я должна отравить собственного мужа. И если я не сделаю это, то отправлюсь к Отару сама.

— Не извольте беспокоиться, дэус Карл. Сделаю все в лучшем виде!

* * *

Естественно, травить собственного мужа я не собираюсь, но и отказать дэусу Карлу не могу, иначе Верховный Воин подойдет к Эвану с ядом кого-нибудь другого. Сейчас моя цель побыстрее предупредить альтаирца о надвигающейся опасности. Надо во что бы то ни стало убедить Эвана покинуть Аскорэор, а еще лучше — Дарий. Не понимаю! Ну почему он не мог сразу улететь с отцом и братьями?! Тогда бы всех этих проблем у нас просто не было!

Наши пути с Верховным Воином расходятся в центральном холле Аскорэора. Напомнив еще раз о задании, дэус Карл направляется в крыло, где располагаются личные покои императора Дэмониона. Я же, подобрав полы длинного платья, шустро взбегаю по лестнице, ведущей в дипломатическое крыло.

Увы, мне снова не везет. Эвана нет в его покоях. Видимо, он ночует в подземном городе. Хочу пойти туда, но не решаюсь. За окном уже хоть глаз выколи — господствует ночь. Вдобавок Аскорэор бурлит, как разворошенный муравейник. И все из-за проклятого взрыва, будь он неладен! Все воины Руара, служащие при замке, подняты по тревоге. Не думаю, что мне стоит попадаться сегодня им на глаза, поэтому решаю переночевать здесь в надежде, что утром Эван сам вернется в Аскорэор. Уставшая, изрядно вымотанная непростым днем, отправляюсь в нашу спальню. Там-то меня и ожидает не слишком приятный сюрприз: Айрис.

Вот уж кого бы я не хотела видеть в комнате Эвана, так это ее — мою несостоявшуюся подругу.

Дочь посла стоит у открытого окна спиной ко мне. Длинная полупрозрачная ночнушка, кружевной пеньюар, распущенные волосы — не надо обладать повышенным интеллектом, чтобы понять, зачем она пришла сюда. Моего мужа от смертоубийства спасает лишь тот факт, что его самого в этот момент нет в замке. Разочарованная Айрис, как и я, не нашла альтаирца в его покоях.

— Не помешала? — внаглую интересуюсь я, чувствуя, что терпение подходит к концу. Мне

надоело, что в спальню моего мужа то и дело заглядывают непрошенные гости!

Айрис резко оборачивается и застывает с открытым ртом, словно только что увидела привидение.

— Ада?! Ты?! Ты жива?!

По-моему, откровенно глупый вопрос! С какого перепуга я должна быть не жива?

Или я что-то опять пропустила?

* * *

— Что значит «жива»? — Я захожу в комнату, откидывая капюшон.

Перепуганная Айрис едва заметно пятится. Не могу понять, почему она так странно реагирует на меня. Будто я какой-то отголосок, а не реальный человек.

— Ты же... ты же должна была улететь с ними... С его отцом... — Перепуганная Айрис бледнеет на глазах, если так пойдет и дальше, то нервная дочка посла Ромеро неминуемо грохнется в обморок.

Все же она странно себя ведет. И это, признаться, начинает нервировать меня саму.

— Должна, — соглашаюсь я. — Но, как видишь, не улетела. Я передумала.

— Так ты жива?!

Пожалуй, более тупого вопроса я не слышала за всю жизнь. Что ж, какой вопрос — такой и ответ.

— Более чем. Кстати, можно поинтересоваться, что ты забыла ночью в спальне моего мужа? Да еще в таком виде! И только не говори, что он сам пригласил тебя к себе в постель. Прости, но не поверю.

Смотрю на смятение несостоявшейся соперницы и невольно получаю моральное удовлетворение. Все-таки в этом что-то есть: еще не так давно я была телохранительницей Айрис, прислужгой, а теперь... Впрочем, я сама толком не знаю, кто я теперь. Но уж точно не ее служанка. Что несказанно радует. Никогда не любила прислуживать и подчиняться.

— Так ты ничего не знаешь? — Тихий дрожащий голос Айрис окончательно выбивает меня из колеи. Похоже, новость о том, что мы с Эваном женаты, не изумила ее. Зато удивлена я. Откуда она могла узнать о нас с альтаирцем? Но все размышления очень быстро уходят на второй план.

— Я пришла, чтобы поддержать Эвана. Выразить свое, — девушка запинается, с трудом произнося следующее слово, — соболезнование.

И вот тут мне становится по-настоящему не по себе. Что за чушь несет эта ненормальная? Какое еще соболезнование? Типа шутка: соболезную, что ты женился на Адамаск?

— И по поводу чего соболезнование, могу я узнать? — с нескрываемым сарказмом интересуюсь я.

— По поводу твоей... преждевременной кончины, — честно лепечет перепуганная Айрис, оседая в кресло.

Самое ужасное, что, глядя в ее небесно-голубые глаза, я отчетливо понимаю: дочка посла не врет. Она реально посчитала меня мертвой, но, Отар ее поberi, с какого перепуга?!

Эван

Иду по пустынным улицам ночной Адейры. Порывы холодного ветра то и дело норовят сорвать с меня плащ. Иду, сам не зная куда. В темноту. В небытие.

Полчаса назад отец Марк принес дурную весть.

Дурную — очень мягко сказано.

Сначала я подумал, что это какая-то неудачная шутка, от которой в душе остается неприятный привкус глубокого недоумения, смешанного с разъедающей горечью, потому что...

Произошла ошибка! Бред! Так не бывает! Не должно быть! Нельзя потерять сразу все. Точнее — всех.

А затем пришла боль. Вперемешку с моим собственным диким криком. Он до сих пор стоит в ушах, хотя я уже давно молчу.

Молчу, а боль не проходит. Она такая сильная, что темнеет в глазах. Мне кажется, это единственное, что я теперь смогу чувствовать.

Боль. А еще безысходность.

Не понимаю... В голове не укладывается, как такое могло произойти? Это какой-то дурной сон... Сон, который вот-вот должен закончиться. Но конца так и нет...

Их звездолет взорвался через полтора часа после старта.

Один нелепый, наверняка заранее спланированный взрыв перечеркнул всю мою жизнь. Лишил любви, надежды, смысла...

Да... Именно смысла. Потому что смысла жить дальше, после того как погибли мой отец, братья, моя жена, я не вижу.

Ада

— Как «погибли»?.. — испуганно выдыхаю я, чувствуя, что начинаю сходить с ума. — Как?!

Сама того не замечая, ору во весь голос, трясая со всей дури перепуганную Айрис. Меня лихорадит.

— Что ты несешь?! Они не могли погибнуть! Я только что их видела! Я говорила с ними! Я...

— Ада! Ада! Отпусти меня! Отпусти! — перепуганный голос дочки посла доносится словно издалека.

Не знаю как, но Айрис все же удается вырваться из моей хватки. Слава богу, у нее хватает ума залепить мне звонкую пощечину, благодаря которой я немного прихожу в себя. Но ненадолго. Истерика, вперемешку с паникой и отчаянием, уже через пару секунд вновь накрывает лавиной.

Я знала семью Эвана лично всего несколько дней. И много лет по рассказам мальчишки-альтаирца. И так уж получилось, что именно они — его отец и братья — смогли за столь короткое время стать и моей семьей тоже. Настоящей семьей, которая приняла меня как родную! Они дали мне за эти дни любви и понимания больше, чем моя собственная мать за всю жизнь! Нет! Я просто не готова терять их! Я отказываюсь верить, что моя новая семья мертва!

Я...

Внезапно до меня доходит: Эван. Вот кому сейчас куда хуже, чем мне. Я должна... Я просто обязана быть рядом с ним!

— Эван... Где Эван? — поднимаю на Айрис обезумевший, заторможенный взгляд. — Он же думает, что я тоже мертва.

— Я не знаю, где он, — шепчет перепуганная Айрис. — Правда, не знаю. Я пришла сюда, чтобы поддержать его... Выразить соболезнования, сказать, как мне жаль, но... Его здесь не было. И это хорошо! — торопливо добавляет она. — Ему лучше быть сейчас подальше от Аскорэора.

— Почему? — Я уже совершенно ничего не понимаю в происходящем. — Из-за того

проклятого кристалла?

Айрис бросает на меня странный, настороженный взгляд.

— Ада, ты что, правда, не понимаешь?

— Что я должна понимать?! — срываюсь я. — Что моя семья погибла?!

Бледная, зареванная Айрис говорит тихо, вкрадчиво, словно объясняя умалишенной прописные истины. Уже от самого тембра ее голоса мне становится не по себе.

— Что после смерти отца Эвану придется занять его место. Других наследников больше нет. Он последний.

— И в чем проблема? — не понимаю я.

Айрис на всякий случай отходит подальше, словно опасаясь излишне бурной реакции на свои слова.

— В том, что отец Эвана — император Альтаира, — тихо произносит она. — У наследника престола не может быть жены-дарийки. Вернее — не должно быть.

Дипломатический крейсер Земного Альянса

Бокал розового игристого вина. Обжигающе холодного, с тонким изумительным послевкусием. О да! Айлит Боро есть за что поднять тост! Жаль лишь, что в особо узком кругу, а так бы хотелось похвастаться великолепно проведенной операцией, поменявшей ход истории всей вселенной.

— За победу!

— За победу, моя госпожа! — Посол Ромеро, чье трехмерное голографическое изображение высвечивается перед главой Земного Альянса, склоняется в почтительном поклоне.

Айлит делает пару глотков и отставляет в сторону недопитый бокал с яркими следами от алой помады. Пытливо смотрит на Стива Ромеро, до странности быстро постаревшего за последние несколько дней.

— Не знаю, как вы это сделали, но... Браво! Одним взрывом уничтожить равновесие сил в галактике. Масштабно мыслите, мой друг! Очень масштабно!

Знала бы она, чего стоило Ромеро протащить на альтаирский звездолет взрывчатку! Вещество было вживлено в организм ничего не подозревающего альтаирского слуги. Люди Ромеро сумели незаметно усыпить его ночью и ювелирно прооперировать.

— В день смерти Иоанн договорился с Дэмонионом, что они подпишут пакт о ненападении. Одна подпись — и перемирие бы превратилось в зацементированный мир, а это... Вы сами знаете, госпожа Айлит, мирное небо противопоставлено нашей военной промышленности. У нас и так на сегодняшний день переизбыток произведенного оружия. Отсутствие рынка сбыта — не лучший экономический посыл для Альянса.

— О да! — Лицо Верховной правительницы озаряет неизменная улыбка. — Кстати, вы уже выяснили, кто еще претендует на альтаирский престол? Надеюсь, претендентов хватает? Уверена, Дэмонион проявит присущую ему мудрость и быстро избавится от прямого наследника. Нам всем на руку борьба за престолонаследие в империи. Ни Земле, ни Дарию не нужен сильный Альтаир.

— Возможно, так и будет, но пока... Молодой император еще жив. Мне кажется, не стоит так сразу списывать его со счетов.

Айлит самодовольно усмехается.

— Ромеро, я вас умоляю. Вы сами не раз говорили мне, что мальчишка слаб здоровьем, далек от политики. Пацифист, музыкант. Его и убивать по большому счету не надо, сам империю развалит. Вдали от родной планеты, без должной охраны и защиты... Всякое может случиться,

не правда ли, мой дорогой друг? — Айлит поднимает на подчиненного хитрый взгляд. — Поговорите с Дэмонионом об этом, намекайте... Подскажите...

— Уже.

— И? — Айлит Боро заинтригованно замирает, превращаясь в само внимание. — Насколько мне известно, Дэмонион всегда по-особому благоволил к мальчишке. Признаться, меня это несказанно удивляло! Вот уж не думала, что Темный император способен хоть к кому-то испытывать симпатию!

Вот он — коронный час Стива Ромеро, который он ждал столько лет! Наконец-то эта крашенная дамочка поймет, с кем имеет дело! Что он не просто слуга! Он политик, стратег, способный не только прозябать на Богом забытом Дарии, но вершить историю вселенной!

— Так и есть: благоволил. Однако Дэмонион, будучи истинным правителем, никогда не поставит личные симпатии превыше интересов империи. А в интересах Дария видеть Альтаир обезглавленным, терзаемым бесконечными междоусобными распрями, поэтому что-то мне подсказывает: мальчишка не будет жить долго. Думается, что правление нового императора Альтаира — Иоанна Дрогварда Второго — войдет в историю вселенной как самое короткое, длиной всего лишь в пару дней.

Довольная Айлит Боро вновь поднимает бокал.

— Я пью за то, чтобы ваши слова, Ромеро, оказались пророческими. Надеюсь, мальчишка-император не доживет и до завтрашнего утра.

— Так и будет, госпожа. Вот увидите: так и будет.

Эван

Такая пронзительно звездная ночь. Темно-сиреневое небо, усыпанное миллиардами серебряных точек. Блеклый Тус едва виден, зато лучезарная Наоки блистает во всей своей огненно-рыжей красе.

Сижу на опушке, расположенной на самой окраине старой части Адейры. Заторможенно смотрю на сверкающие огни столицы и не знаю... Не знаю, ни что делать, ни как жить дальше.

Да и зачем жить? Ради кого?

В душе лишь пустота и отчаяние, разъедающие изнутри. Глаза застилают слезы. Только легче от них не становится.

Я конченный эгоист! По логике я должен был в первую очередь оплакивать смерть моих кровных родственников: отца, братьев, но перед глазами все время стоит она — Ада. Моя жена.

— Эван, какого черта ты здесь делаешь?! — странно слышать такие слова от священника.

Взволнованный встревоженный отец Марк появляется из темноты настолько неожиданно, что я вздрагиваю. Как он меня нашел? Впрочем, глупый вопрос... Эта опушка — мое любимое место в Адейре.

— Неужели ты не понимаешь, какой опасности подвергаешь себя?!

— Отец Марк, простите, но... Я не хочу никого сейчас видеть.

— Зато тебя очень хочет видеть Дэмонион! — чуть ли не с психом шипит священник, хватая меня за руку и заставляя подняться с земли. — Эван, хватит жалеть себя! Хватит оплакивать тех, кого уже не вернешь! У тебя нет времени на такую роскошь! На тебя уже началась охота! Я договорился с нашими людьми. Завтра же отправляемся на Тус. Там на перевалочной базе нас будет ждать военный звездолет. Мальчик мой, тебе надо как можно быстрее вернуться на Альтаир, иначе...

— Да плевать я хотел на Альтаир! — срываюсь я. Не осталось сил врать себе самому. — На все эти ваши войны, на политику!.. Почему я всегда должен платить по чужим счетам?! Это не

моя жизнь!

— А на миллиарды твоих подданных тебе тоже плевать? — Злые слова отца Марка заставляют меня вернуться в реальность. — На стариков, женщин, детей?.. На всех тех, чьи жизни, чье будущее теперь напрямую зависят лишь от тебя?

— Но я не хочу, чтобы от меня кто-то или что-то зависело!

Вот только ответственности за жизни миллиардов незнакомых мне людей сейчас и не хватало! Я со своей-то жизнью не знаю что делать...

— Не важно, чего ты хочешь, Эван! — В голосе отца Марка звучит странная смесь безапелляционности и в то же время понимания и жалости ко мне. — Важно лишь то, что теперь ты правитель Альтаирской империи! В твоих руках судьба множества планет! Эван, прости, но ты не имеешь морального права ставить свою боль превыше интересов целой империи. Хочешь ты того или нет, но теперь ты — император! И поверь, Дэмонион и Земной Альянс сделают все, чтобы твое правление было как можно короче. Им на руку, чтобы на Альтаире наступил хаос, чтобы все, ради чего годами на огромные жертвы шел твой отец, ты сам, оказалось напрасным. Хотя бы в память о них, Эван, об отце, братьях, об Аде... Не сдавайся. Живи! Не дай войне вспыхнуть с новой силой!

— Он убил мою семью! — На смену боли и отчаяния внезапно приходят злость, горечь, гнев. — Вы думаете, я поверю, что их смерть была нелепой случайностью? Что звездолет взорвался просто так?! И вы хотите, чтобы я сохранил мир с человеком, который...

— Я лишь хочу, чтобы смерть твоей семьи не сыграла на руку Земному Альянсу, который спит и видит, что между Дарием и Альтаиром вновь развернется полномасштабная война!

Отец Марк пугающе хладнокровен. Невольно ловлю себя на мысли: вот из кого бы вышел превосходный политик. Все чувства в сторону. Главное — интересы государства. Империи, на которую мне по большому счету плевать.

— Эван, да очнись же ты! Это политика! На кону стоят жизни миллиардов людей! Равновесие сил во вселенной теперь зависит только от тебя. От твоей мудрости! — Отец Марк устало вздыхает, сбавляя тон. — Ты больше не Эван... Понимаешь?

Похоже, у моего наставника подошли к концу все аргументы, раз он начал пороть какую-то чушь. Что значит — я «не Эван»?

— Не Эван? — Невеселая усмешка касается моих губ. — И кто же я тогда?

— Ты Иоанн Дрогвард Второй, император Альтаирской империи, — устало произносит священник и задумчиво добавляет: — Похоже, мой мальчик, это с самого начала и была твоя судьба.

Ада

Так трудно и страшно осознавать правду. Признать, что Айрис все-таки права...

Да... Я могу быть женой младшего, «запасного» сына императора Альтаира, сына, который никогда не взойдет на престол. Но дарийка — дочь своего народа, который веками воюет с Альтаиром, — не имеет никакого морального права быть законной супругой правителя Альтаирской империи. Потому что это нонсенс! Абсурд! Глупость! Это то, что никогда не примут и не простят своему повелителю его же подданные-альтаирцы. И мне это надо четко понять и принять.

Не ради себя.

Ради Эвана.

Ради памяти о его родных, которые так хорошо приняли меня, хотя с легкостью могли бы отвергнуть.

Я не могу их предать, подвести.

Все еще сижу в спальне. Жду десять, пятнадцать, двадцать минут. Полчаса. Час. Наконец появляются они: взбудораженные Айрис и Дерек. При виде живой меня толстяк-землянин меняется в лице. Похоже, он не поверил дочке посла, что я «воскресла».

Это позже, спустя несколько лет, я осознаю, что с точки зрения прагматичного Дерека мой поступок был абсурден: сойти с императорского звездолета в последнюю минуту, чтобы променять роскошную, спокойную жизнь на Альтаире на непредсказуемую, полную опасности рядом с Эваном на Дарии.

Кажется, именно тогда отношение Дерека ко мне раз и навсегда изменилось. Исчезли пренебрежение, высокомерность. На их место пришли уважение, верность и преданность, которые стали фундаментом для крепкой, мало кому известной и мало кому понятной дружбы. Дружбы с будущим генералом Земного Альянса, национальным героем Пятой межгалактической войны. Дружбы, которую мы пронесем втайне от всех через всю жизнь.

Но все это будет потом, а сейчас...

...Я, с трудом сдерживая слезы, смотрю на растерянного, неуклюжего восемнадцатилетнего парнишку. Он делает шаг ко мне... Не выдерживаю: бросаюсь в объятия к Дереку. Хоть один близкий человек, способный разделить со мной боль утраты!

И тут меня прорывает: я реву, реву, реву... И он тоже плачет вместе со мной. Но если у Дерека это слезы боли вперемешку со слезами радости за друга — хоть кто-то из родных Эвана остался в живых! — то у меня это плач о том, чего уже никогда не вернуть. Об утраченной семье, любви и счастливом будущем.

3. АТАРКСИС

Наоки, спутник Дария.

Звездолет Дарийской империи

Клоун. Напудренный, накрашенный, в нелепом модном парике, несуразной вычурной одежде, сшитой по последнему писку земной моды.

Паяц — по-другому не скажешь. Уж точно не таким хотелось бы видеть наследника Дарийского престола.

Но полбеда — клоун. Что еще хуже: глупый, поверхностный, трусливый и безответственный.

Дурак!

Атарксис — непроходящая головная боль и досадное разочарование Верховной Ведуньи Глэдис.

Старуха заходит в опочивальню троюродного племянника Дэмониона как раз в тот момент, когда этот смазливый самовлюбленный мальчишка наслаждается обществом... противно сказать. Ладно бы шатер! Так нет... своего «задушевного» друга — такого же смазливого манерного мальчонки... Отар их поberi! Вот и отправляй после этого подростков на Альтаир, а заодно позволяй им путешествовать на Землю. Такого понабрались — смотреть тошно!

Глэдис брезгливо сплевывает. Звездолет вот-вот должен отправиться на Дарий, а беспечный Атарксис даже с кровати еще не соизволил встать. На часы бы хоть глянул — полдень!

Все-таки надо признать: дэус Бэр прав. В мальчишке нет ничего императорского. Абсолютно ничего! И сей факт неимоверно угнетает Верховную Ведунью. Похоже, императорской династии Дария пришел конец.

При довольно богатой фантазии Верховной Ведунье с трудом удастся представить, как этот фанфарон, паяц, шут выходит в День Солнцестояния на Плато Семи Ветров и на глазах сотен тысяч подданных берет Жезл Власти. Пусть даже и увенчанный фальшивым кристаллом. Да у него духа не хватит! Единственное, что может сыграть на руку Атарксису, — его глупость, самодовольство и зашкаливающее, ничем не подкрепленное самомнение.

Старуха тихо покашливает, чтобы обратить на себя внимание наследника.

— Ваше высочество, извините, что беспокою, но командир корабля попросил занять всех свои места.

Атарксис бросает на Глэдис ленивый взгляд, нехотя отрываясь от своего приятеля.

— А... Глэдис, это ты. Передай командиру, что мы еще не готовы ко взлету. Пусть отложит на полчаса...

— Но...

— Ты что-то хотела возразить мне, старуха? — надменный взгляд и хохот Атарксиса и его дружка.

— Нет, мой господин. — Морщинистое лицо Верховной Ведуньи не дрогнуло. — Я передам командиру ваше пожелание.

Легкий поклон и шаг назад.

— Не пожелание, а приказ, Глэдис! Не забывай: ты разговариваешь с будущим императором Дария!

— Как скажете, ваше будущее императорское величество!

Верховная Ведунья выходит в коридор под звенящий мальчишеский смех. Все-таки зря... Ох и зря она подменила кристалл в Жезле Власти на фальшивку. Потому что с таким соправителем,

как Атарксис, Дарийская империя потерпит крах куда быстрее, чем без него. Этот клоун совершенно не похож на гарант продолжения императорского рода, скорее уж — на его вырождение.

Дарий. Подземный город

Эван

Дорожный рюкзак. Небольшой, но довольно вместительный. Беру только самое нужное, что может пригодиться в пути до Туса. Складываю вещи на автомате. На том же автомате живу и дышу.

Запыхавшийся Дерек прибегает за пару минут до выхода. Вид у друга какой-то странный. Взволнованный, глаза блестят.

— Дэмонион приказал тебя убить! — с порога выдает он, плюхаясь в кресло. — Насколько мне известно, отравить. Так что будь предельно внимателен к тому, что ешь и пьешь, ну и все такое...

Тоже мне новость! Я бы и сам не прочь отправиться на тот свет к своим родным, но, боюсь, отец Марк это не оценит. Откачает, а потом еще и головомойку устроит.

— Откуда информация?

— Из надежного источника. — Дерек беспечно с жадностью пьет воду из графина, совершенно не заботясь о собственной безопасности. — Кстати, с нами на Тус полетит еще один человек. Мой друг, так что надо будет забронировать местечко и для него.

— Кто он? Я его знаю?

Странно. Я думал, что на Дарии единственный друг Дерека — это я.

— Увидишь — узнаешь, — более чем уклончивый ответ.

— Почему ты сразу не привел его сюда?

— Потому что мне его еще уломать надо лететь с нами. Сопротивляется пока. — Дерек нервно смеется. — Ничего! Как миленький полетит! Вот увидишь! Если надо будет — силой притащу и в звездолет утрамбую.

Как-то странно видеть столь довольного Дерека, который еще совсем недавно искренне скорбел вместе со мной из-за гибели моей семьи. Не понимаю, что могло произойти такого экстраординарного, чтобы у друга так резко поднялось настроение. Но выяснять уже нет времени.

— Пора идти! — На пороге появляется отец Марк. Он, как и я, в летном комбинезоне, с накинутым на плечи длинным плащом с капюшоном. Сегодня нам точно не стоит «светить» лица.

Мы приходим в один из самых злачных закутков подземного города. Отец Марк оставляет нас с Дерексом на несколько минут возле какого-то дурно пахнущего заведения. Слегка приподнимаю капюшон. Хочу оглядеться. Вокруг тусуется разный инопланетный сброд. Каждый второй заметно пьян. И обязательно — хорошо вооружен. С такими, даже самыми крошечными по размеру — один инопланетянин, похожий на слизня, например, не достаёт мне и до колена, — лучше не связываться. Словно в подтверждение моих мыслей, крошка-слизень, не поделив что-то с одноглазым громилой, шустро вырубает противника электрошоком, после чего заползает ему прямо на лицо, заполняя слизью рот и ноздри, не давая уже бьющемуся в предсмертных конвульсиях великану дышать. Минута-другая, и одноглазый — задохнувшийся труп.

Делаю шаг в сторону конфликтующих, чтобы успеть спасти громилу, но Дерек

предусмотрительно останавливает меня, отрицательно качает головой. Должен признать, друг прав: это не мой мир, не мои конфликты, я не имею права вмешиваться. Здесь действует закон джунглей — выживает сильнейший. Естественный круговорот природы и жизни... Буквально через пару минут воочию убеждаюсь, что Дерек поступил мудро, не дав мне ввязаться в разборки.

Довольный слизень сползает с лица поверженного противника, начинает шустро вычищать его карманы. Этот микрограбитель настолько увлекается рассматриванием добычи, что упускает момент, когда одноглазый приходит в себя — оказывается, у него на затылке имеются запасные жабры, активирующиеся, когда отключаются остальные органы дыхания. И вот уже слизень со свистом летит через всю площадь и повисает на крюке, торчащем из стены. Проткнутый насквозь, стекает вниз. Но не погибает. Его тело шустро деформируется, соединяясь вновь, а затем... Слизень и одноглазый, вместе поржав над весельем, которое устроили друг другу, отправляются пропустить стаканчик-другой. Вот и пойми после этого иноземцев.

— Знакомьтесь, это Сплин. — Отец Марк выходит из заведения вместе с тощим несуразным очкариком, похожим на сморчок. — Наш сопровождающий.

На вид я бы не дал сморчку больше двадцати лет, но кто знает, каков его настоящий возраст...

— Марк сказал, с нами летит еще один человек? — Парень поправляет пальцем съехавшие очки. — Где он?

— Подойдет чуть позже, — отзывается Дерек.

— Так дело не пойдет. Я дважды рисковать своей шкурой не буду. Мне, как проводнику, платят за один переход. Так что либо тащите прямо сейчас вашего четвертого сюда, либо...

— Хорошо, хорошо! — сдается Дерек. — Дай мне несколько минут.

Друг отходит в сторону, достает прибор дистанционной связи. Интересно, кто этот столь важный для Дерекса человек, которого он во что бы то ни стало хочет вывезти с нами с Дария?

Дарий. Императорский замок Аскорэор

Ада

— Ты сошел с ума! Ты что, не понимаешь, что по этому каналу со мной опасно связываться?! Они же все прослушивают!

Слегка расплуженное лицо толстяка Дерекса, который слишком близко к себе держит компактный передатчик, заполняет весь голографический экран в спальне Эвана. Я все еще нахожусь в Аскорэоре, потому что, если честно, до сих пор не знаю, что мне дальше делать и куда идти.

— Ада, не дури! — тихо ругается землянин, то и дело оглядываясь по сторонам. Видимо, опасается, что наш разговор может услышать кто-нибудь из посторонних. — У тебя есть час, чтобы прибежать сюда. Ты знаешь, где это место.

Дерек бегло проводит рукой с передающим устройством вокруг себя. У меня замирает сердце, когда я вижу шагах в семи от него Эвана. Толстяк-землянин знал, что делает. Он мне не местность, а мужа показывает. Знает же, что сердце не выдержит! Так и получается. При виде Эвана все логические доводы о том, что мне нет больше места в жизни мальчишки-альтаирца, моментально рушатся. Потому что единственное, чего я хочу, — это быть рядом с ним.

— И в роли кого я буду возле него? — озвучиваю последний, не слишком убедительный довод. — Мы же говорили с тобой об этом, Дерек!

— Да ты пойми, тебе же не обязательно везде и всюду с ним появляться, — торопливо

шепчет толстяк. — Будете жить, как жили. Просто в тени. Тебе-то какая разница, кем тебя будут считать при дворе? Как ни крути, ты была и останешься той, кто ты есть, — его женой. По закону твое место все равно не сможет занять другая. И это не изменится, даже если ты останешься на Дарии! Вам нет смысла расставаться. Так что ноги в руки и бегом сюда! Ада, ты никогда не простишь себе, если откажешься от него! Не будь эгоисткой! Ты хоть представляешь, как ему плохо без тебя?! Он жить не хочет! Ты меня поняла?! Все! Никаких возражений! Мы тебя ждем!

— Ты ему уже сказал?

— Нет еще! Но скажу!

Экран гаснет прежде, чем я успеваю возразить. Минуту стою молча, пытаюсь осмыслить слова Дерека. В глубине души понимаю: он прав. Я ничего не теряю. Подданным Эвана не обязательно вообще знать о моем существовании. Пусть думают, что я экзотическая наложница, любовница, да мало ли кто... Главное, мы будем вместе.

От принятого решения душу переполняет радость. Хватаю плащ, бегу к двери спальни, распаиваю ее и... испуганно отступаю, глядя на спокойного, как скала, Карла, за спиной которого стоит несколько воинов Руара.

Я должна была догадаться, что рано или поздно этим все и закончится.

* * *

Время, как всегда, не на моей стороне. Впрочем, кто знает, может, на этот раз оно и к лучшему. Мне все равно нельзя лететь на Альтаир с Эваном. Кого я обманываю? С самого начала было понятно, что нам не суждено быть вместе. Вот только и перспектива превратиться в безмозглую серую прислужницу тоже не слишком радует.

— Увезти ее в Руар! — Приказ Карла сродни смертному приговору. — Она здесь больше не нужна.

Воины Руара — мои бывшие сокурсники — хватают меня под руки. Сопротивляться смысла нет — еще кости переломают.

— Подождите! Да стойте же!

Верховный Воин, игнорируя мои вопли, направляется к выходу.

— Карл, твою мать, остановись! — срываюсь я. — У меня есть то, что тебе очень нужно!

Мужчина останавливается. Медленно оборачивается. Не спеша подходит ко мне...

Ну слава богу! Прислушался! Мне надо потянуть время, чтобы Эван успел покинуть Дарий... Ведь наверняка видеосвязь прослушивалась.

Тем временем Карл размахивается и со всей дури бьет меня по лицу.

Губа рассечена. Я вся в крови. Как еще зубы не выбил — удивляюсь.

— После того, как ты предала Руар! Императора! Переметнулась в стан врага... Ты правда считаешь, что тебе есть что мне сказать? И что мне, Верховному Воину Руара, что-то от тебя нужно? — Надменная усмешка касается его жестких губ.

Поднимаю голову, внаглую смотрю ему в глаза.

Надо же! Не выдерживает — отводит взгляд. Не привык ты, Карл, к прямым взглядам. Не привык! Потому что все, с кем ты общаешься, либо в твоём подчинении и не отваживаются смотреть тебе в лицо, либо ты сам подчиняешься кому-либо и опускаешь голову. Зато мне терять уже нечего! Могу смотреть в глаза кому хочу! Хоть один приятный момент во всем этом дерьме!

— Нужно, и даже очень! Вели своим вонючим драгам отпустить меня! Пусть выйдут! Поверь, ты сам не захочешь, чтобы они слышали наш разговор!

Карл, поражаясь моей наглости, усмехается и вновь направляется к двери, явно не намереваясь выполнять мою просьбу-приказ.

— У меня есть то, что все вы так ищете! То, из-за чего вы перевернули весь Аскорзор!

Подействовало! Верховный Воин замирает.

— Откуда?

— Спроси Глэдис.

Невольно наслаждаюсь растерянностью Верховного Воина. Добро пожаловать в нашу дырявую лодку, которая дрейфует посреди Северного океана. Потому что где Глэдис — там Руар, а где Руар — там и сам Верховный Воин. И попробуй докажи, Карл, что ты стоял в стороне и не содействовал нам со старухой в краже кристалла.

— Оставьте нас, — едва слышный приказ.

Воины Руара исчезают в коридоре.

— И где кристалл?

Разминаю неприятно ноющие запястья, подолом алого платья вытираю с лица не менее алую кровь.

— Мы с Глэдис оставили кристалл в доме дэуса Бэра. Ну знаешь, такой разнаряженный и вечно жующий толстяк-выпивоха...

— Я прекрасно знаком с Верховным Лекарем! — рычит наставник, у которого, похоже, подходит к концу терпение. — При чем здесь Бэр?! И при чем здесь ты?!

— Я при том, что Глэдис приказала мне украсть кристалл. А насчет Бэра — представления не имею! Спроси у Верховной Ведуньи сам. Я всего лишь исполняла ее приказ. — Верчусь у зеркала, пытаюсь понять, не сломан ли у меня нос. — На фига было так по лицу бить?!

— Даю минуту объяснить в деталях весь твой бред, иначе от лица останется одно лишь месиво! — Душка Карл может быть очень убедителен.

— Я не знаю, зачем Глэдис потребовалось хранить кристалл именно у Бэра! Знаю лишь, что он отдал его послу Земного Альянса дэусу Ромеро, а тот под видом гостинцев с Дария попросил Эв... — осекаюсь.

Вновь и вновь забываю, кто такой на самом деле Эван.

— Попросил альтаирского принца вывезти эту «посылочку» с планеты. Я случайно обнаружила кристалл среди вещей альтаирца, когда ты сам послал меня к нему.

— Хочешь сказать, кристалл был на взорванном альтаирском корабле?!

Чувствую, что у Карла от ужаса перехватывает дыхание. Видимо, ему тоже известно, что кристалл генерирует силовое поле Дария.

— Нет. Эван... То есть... альтаирский принц хотел вернуть кристалл на место. Поэтому мы и полетели в Адейру. Он хотел избежать конфликта между нашими империями. Ромеро его подставил.

Защищаю Эвана, как могу. Но не очень похоже, что Карл мне верит.

— Ты хоть понимаешь, какую чушь несешь?! Думаешь, я поверю в такой бред?! Как ты могла изначально украсть кристалл с Жезла Власти, если к нему невозможно прикоснуться?!

— Я много чего могу, Карл! — раздраженно парирую я, понимая, что дальнейшие «мирные» переговоры с Верховным Воином уже не имеют смысла. Иду ва-банк. — Ты можешь верить мне, можешь не верить, но кристалл с Жезла Власти находится у меня. Я надежно его спрятала. И если ты не хочешь, чтобы он покинул планету, то ты сделаешь все, Карл... Слышишь? Абсолютно все, чтобы альтаирский принц... Вернее — новый император Альтаира беспрепятственно покинул Дарий. Иначе мы втроем окажемся в Дэбэре: я, Глэдис и ты. Потому что я клятвенно заверю Дэмониона, что действовала исключительно по твоей указке. Как ни крути, но мой прямой наставник все же ты, Карл, а не Верховная Ведунья.

Слов о том, что кристалл с Жезла Власти умыкнула я, оказывается, недостаточно для Верховного Воина. Перед тем как § вернуться со мной в Руар, он решает устроить мне проверку.

Заходим в ангар Аскорэора, где стоят императорские звездолеты. Здесь же, в отдельном помещении, находятся хранилища с топливными кристаллами. По приказу Верховного Воина нам открывают одно из них. Заходим внутрь. С любопытством осматриваюсь. Все помещение снизу доверху заполнено мерцающими топливными кристаллами, лежащими в специально оборудованных ячейках-капсулах, откуда их достают специальным механизмом.

Дождавшись, когда охрана выйдет, подхожу к первой попавшейся капсуле. Мне требуется чуть больше минуты, чтобы сообразить, как вытащить из нее кристалл. Когда он наконец оказывается у меня в руках, перевожу взгляд на ошеломленного Карла.

— Дать поддержать? — перекидываю кристалл из руки в руку.

Изумленный мрачный Верховный воин на всякий случай отступает от меня. Еще бы! Ему не хочется, чтобы я этим камушком прожгла в нем дыру.

— Как ты это делаешь? — выдыхает Карл.

— Не знаю. Врожденная аномалия. Мамуля не по-детски бухала и на тандуриме сидела, когда нас с братом вынашивала, — отшучиваюсь я. — На Жезле Власти был похожий кристалл, просто помощнее. К самому Жезлу я прикасаться не могу — он, я так поняла, усиливает мощь кристалла в тысячи раз, а вот к самой стекляшке...

— Не смей называть его стекляшкой! — взрывается Верховный Воин, для которого все, что связано с императором, священно. Мое откровенное пренебрежение этими святынями Карлу явно не по душе.

— Теперь ты мне веришь?

Верховный Воин поднимает на меня мрачный взгляд.

— Верю.

— Тогда отпусти альтаирца, и кристалл Власти твой.

Эван

Таинственный друг Дерека так и не появился. Несмотря на всю опасность ситуации и спешку, мы прождали его вместо одного часа — два. Видимо, человек не слишком хотел покидать Дарий, раз так и не появился.

— Что-то случилось! Иначе бы он пришел! — Мельтешение Дерека из стороны в сторону уже начинает нервировать.

— Если это для тебя так важно, мы можем подождать еще, — устало предлагаю я.

Мне настолько все равно, что со мной дальше будет, что гори оно уже все синим пламенем. Однако отец Марк не разделяет мой настрой.

— Ждать больше нельзя, — отрезает священник. — Прости, Дерек, но время не на нашей стороне.

Друг понуро кивает.

Тощий проводник-землянин Сплин ведет нас замысловатыми путями к центру небольшого подземного ангара, где мы садимся в шестиместную капсулу, которая на огромной скорости уносит нас по немыслимо разветвленному подземному тоннелю в неизвестном направлении. Конечным путем оказывается огромный старый ангар, загруженный звездолетами всех мастей, включая и откровенно «доисторические» экземпляры. Вне сомнений, требуются

исключительное умение маскировки объектов и изрядное количество дар, чтобы организовать вылет звездолета контрабандистов в космос, минуя радары Дарийской военно-космической службы. Но за деньги на Темной планете можно организовать почти все, а уж за большие деньги — и того больше.

— Мы что, реально полетим на одной из этих жестянок? — недовольно присвистывает Дерек. — Может, лучше сразу с собой покончить, чтобы в космосе во время разгерметизации одной из этих консервных банок не мучиться?

Надо признать: мой друг — конченный оптимист.

— Мы все еще в Адейре? — интересуется отец Марк у проводника, который ведет нас в дальний угол ангара к какой-то весьма непривлекательной космической рухляди.

Начинаю всерьез задумываться: может, Дерек в чем-то прав? На таком корыте мы до Туса вряд ли доберемся.

— Нет. Над нами Сумрачный лес. Его естественное силовое поле перекрывает радары военно-космической службы Дария. Особенно когда Тус и Наоки в полночь максимально близко подходят к планете. За счет изменяющихся магнитных колебаний нам и удастся покидать Дарий практически незамеченными, — со знанием дела объясняет парень, делая какой-то знак одному из механиков ангара.

И все же в его логичном рассказе кое-что не сходится.

— Но после преодоления атмосферы звездолет все равно неминуемо попадает под радары.

— Да, но поэтому путешествие на наших звездолетах столько и стоит, — хмыкает «сморчок», вновь поправляя съехавшие очки. — Дать на лапу диспетчеру военно-космической службы, чтобы тот вовремя отвернулся от радара, удовольствие не из дешевых.

Мы подходим к жестянке, на которой нам, видимо, и предстоит совершить путешествие до Туса, как вдруг провожающий останавливается. Хмуро смотрит на вспыхнувший экран своего средства дистанционной связи, после чего поворачивает дисплей к нам.

— Друзья мои, кажется, стоимость нашего путешествия только что возросла втрое.

И я понимаю почему. С небольшого экрана на меня смотрит мое собственное лицо, которое медленно поворачивается в анфас и профиль. Но самое главное — внизу ярко высвечивается баснословная сумма, обещанная в награду тому, кто обладает хоть какой-то информацией о пропавшем госте императора.

Ада

Руар. Снова этот проклятый Руар! Даже не верится, что когда-то я сама мечтала попасть сюда. Будь моя воля — дала бы деру. Но кто меня отпустит? Да и воли, честно говоря, уже не осталось.

Несмотря на договоренность с Карлом о возвращении кристалла, это слабо отразилось на условиях пребывания в Руаре. Максимум, что я смогла вытребовать, — чтобы меня не запирали в одной из камер подземной тюрьмы, а разрешили остаться у себя в комнате. Хоть выплусь с комфортом. Правда, Верховный Воин поставил такую охрану, что и вздохнуть-то свободно нельзя, не то что сбежать.

— Что ты здесь делаешь? Я думала...

Плевать мне хотелось на то, что думает обескураженная Мэд, появившаяся вечером на пороге нашей комнаты. Не хочу ее — предательницу — ни видеть, ни слышать. Нет ни единого сомнения: именно она рассказала Карлу о моей привязанности к альтаирцу. Хорошо еще, что я не выболтала «бывшей» подруге про свое замужество. Верховный Воин неминуемо бы воспользовался этой информацией против Эвана по полной.

Молча переодеваюсь в ночнушку, заваливаюсь на кровать. Хочется реветь, но держусь. Толку истерить? Все равно уже ничего не исправить.

Ни-че-го!

Понимая, что каши со мной не сваришь, Мэдлин скрывается в ванной. Слышу журчание набирающейся воды.

Да пошла она лесом, эта Мэд! Злюсь... Сильно злюсь на предательницу-подругу. С другой стороны, что с нее взять? Она шатера. И никогда это не скрывала. Всегда была шатерой, шатерой и останется. Нельзя требовать от бешеного драга, чтобы он вел себя как пушистый кролик.

Закрываю глаза. Чувствую, как накатывает безысходность вперемешку с тревогой за Эвана. Как он там? Что с ним? Смог ли улететь с Дария или...

Об «или» думать не хочется.

— Я правда хотела помочь, — тихий голос Мэд выводит меня из состояния полудремы.

Открываю глаза. Шатера уже сидит в кружевном пеньюаре перед зеркалом, нервными резкими движениями расчесывает волосы. И еще имеет наглость выговаривать мне что-то...

— Не понимаю, о чем ты только думала, когда ввязывалась во все это? Почему ты сразу не ушла из Руара?! Тебе, идиотке, надо было спасти первым делом свою никчемную шкуру...

Глупая Мэд. Она не понимает: зачем мне моя шкура без моего мальчишки-альтаирца. Без Эвана.

— Молчишь? Молчи, — продолжает сама с собой разговаривать раздраженная шатера, но тут же не выдерживает — бросает расческу на стол, садится рядом со мной на кровать. Злая, нервная... Никогда раньше я не видела ее такой.

— Ты действительно думаешь, что Карл сдержит слово?! — едва слышно шипит Мэд. — Дура! Последняя дура! Я думала, ты умнее, подруга! Нашла кому доверять!

Ну надо же! Так мы, оказывается, подруги? Интересно, откуда она про нашу договоренность с Верховным Воином узнала! Впрочем, чему я удивляюсь? На то она и шатера, чтобы добывать информацию.

Мэдлин нервно оглядывается. В спальне нет никого, кроме нас, но в Руаре везде уши. Наверное, поэтому шатера хватает меня под локоть и вытаскивает на балкон.

Хлесткий ледяной ветер заставляет ежиться от обжигающего холода. Дикий шум волн Северного океана, с гулом разбивающихся у подножия Руара, смешивается с завыванием ветра, создавая невообразимую какофонию. В таком гуле слова собеседника непросто разобрать, не то что подслушать издалека.

— Они на твоего альтаирца ориентировку уже по всему Дарию разослали, — судорожно шепчет мне на ухо Мэд. — Я слышала, как министр обороны, с которым я... ну, ты понимаешь... разговаривал с Карлом. Они уже вычислили звездолет, на котором Эван должен добраться до Туса. Но как только он соберется улетать со спутника, его будет ждать неприятный сюрприз. Дэмониону важно, чтобы твой альтаирец погиб за пределами Дария. Не знаю, чем уж ему так насолил Эван...

От такой новости становится тяжело дышать. Чувствую, как подступает паника.

— Я могу потребовать, чтобы Карл позволил Эвану улететь с Туса. — Меня начинает бить озноб. Не от холода, а от отчаяния.

— Да ничего ты не можешь! Слишком большие ставки! — взрывается Мэд. — Дэмонион лично отдал приказ убить мальчишку. Так что это будет сделано любой ценой, невзирая ни на какие твои договоренности. Карл не посмеет проигнорировать приказ императора. Тебе ли не знать?! Ему легче будет просто убрать тебя! Я не знаю, чем ты умудрилась зацепить Карла, но вряд ли достаточно, чтобы Верховный Воин осмелился пойти против Дэмониона. Да Карл сам скорее сдохнет...

Самое страшное, что в словах взволнованной шатеры четко прослеживается железная логика. Отстраняюсь от Мэд. Смотрю в глаза.

— Зачем ты это делаешь? Тебе приказал Карл? Прости, «подруга», — иронизирую я, — но я в жизни не поверю, что ты способна принять хоть одно решение самостоятельно. Пойти против Руара... Нет. Ты на такое не способна. Духа не хватит.

Шатера невесело усмехается. Похоже, что мои слова все-таки задели Мэдлин за живое.

— Не путай меня с серой прислужницей, Адамаск. Я лишь хотела помочь. Как ни крути, но ты единственный не чужой мне человек.

— Даже в тот вечер, когда решила подменить меня в постели моего альтаирца? — откровенно язвлю.

— Особенно в тот вечер.

Слова Мэд звучат подозрительно искренне, и это пугает.

— Я знала, что ты не сможешь его убить, а задание надо было выполнить. Иначе Карл пустил бы в расход тебя саму. Считаю меня эгоисткой, но я не хочу тебя терять. Так уж получилось, что кроме тебя, идиотки, у меня в жизни больше ни одного близкого человека нет.

Мэд уходит с балкона, оставив меня стоять на ледяном ветру в полном недоумении. Что ни говори, а люди иногда умеют удивлять.

* * *

Простояв еще какое-то время на ледяном ветру, заметно подостыв и приведя мысли в порядок, возвращаюсь в комнату.

Мэд спит. Вернее — делает вид.

— Карл приставил тебя шпионить за мной?

— Естественно, — не оборачиваясь, фыркает подруга. — Думаешь, после всего, что ты натворила, он бы оставил тебя без присмотра?

Сажусь на край кровати Мэдлин.

— Что еще сказал этот твой министр?

Слегка помедлив, обиженная шатера садится. По ней заметно: Мэд не нравится быть в ссоре со мной. Она не соврала: кроме меня, у нее больше никого нет.

— Что любой звездолет, стартующий с Туса, будет уничтожен при одном лишь подозрении, что на его борту будет... сама знаешь кто.

Предусмотрительная Мэд права — имен в комнате лучше не называть.

Плохой расклад. Очень плохой.

Дэмонион в любом случае не позволит Эвану живым добраться до Альтаира.

— Ада, смирись. — Тихий голос Мэд выводит меня из оцепенения. — Ты ничем не сможешь ему помочь. Отменить приказ об уничтожении звездолета может лишь сам император. Больше никто на Дарии не обладает такой властью...

— Атарксис... — внезапно вспоминаю я. — Завтра же День Солнцестояния! Племянник Дэмониона должен взойти на престол! Он станет соправителем, а значит... — Я хватаюсь за эту мысль, как за спасательную ниточку... — Атарксис, будучи соправителем, сможет наложить на приказ Дэмониона вето! И тогда Эван останется жив.

Эта безумная идея возрождает надежду, от которой становится легче дышать. Сердце уже не так сильно сковывают тиски отчаяния. Вот только Мэд, увы, моментально гасит проблеск надежды на корню неожиданно искренним звонким смехом.

— Атарксис?! Я тебя умоляю! Ада, ты его видела?

Отрицательно качаю головой. Признаться, я несколько удивлена столь бурной реакцией Мэд. Обычно моя приятельница бывает куда более сдержанна и тактична во всем, что касается императорского двора.

— Что не так с наследником?

— Да все не так! — раздраженно фыркает шатера, прекращая смеяться. — Трусливый избалованный извращенец!

Удивленно приподнимаю брови. Ничего себе характеристика! Да еще из уст предельно лояльной в таких вещах Мэд.

— Ада, чтобы понять, надо его видеть! Конченный недалекий эгоист. Атарксису плевать на Дарий, на своих подданных. Единственное, что интересует наследника, — развлечение, роскошь и смазливые мальчики. Тьфу! — Мэд брезгливо сплевывает. — Неудивительно, что Дэмонион его на дух не переносит. Подозреваю, если бы был другой наследник, император собственноручно избавился бы от племянника. К тому же еще не факт, что он удержит Жезл Власти, — с надменной усмешкой добавляет она. — Так что я бы на твоём месте на Атарксиса не рассчитывала!

С изумлением смотрю на подругу. На что это она намекает?! Мэд понимает меня без слов.

— Мой министр как-то проболтался, а ему спьяну Бэр... Они в карты играли вместе. Кровь, говорит, уж больно разбавленная...

— То есть он может окаменеть на Плато, как остальные?!

— Скажем так, насколько я поняла, Бэр допускает эту мысль.

И тут у меня наконец-то сходятся все карты.

— Но наследник престола все равно нужен! Надежды, что у Дэмониона будут дети, практически нет. Так вот что задумала Глэдис! Она решила подстраховаться!

Настает черед настораживаться Мэдлин:

— Ты это о чем?

— Не важно. Я все равно найду выход!

Встаю с кровати. Нервно прохаживаюсь по комнате. И думаю, думаю, думаю...

— Какой выход? Ада, ты даже выйти из комнаты не можешь! Ты хоть представляешь, какую охрану Карл к тебе приставил? — Скептицизм Мэд бьет ключом. — Даже я и то — часть этой охраны!

— Выхода нет только из гроба, так что еще повоюем, — хмыкаю я и заваливаюсь на кровать.

Если честно, представления не имею, как буду выпутываться, но утро вечера мудренее. Так что самое умное, что я сейчас могу сделать, — это как следует выспаться, набраться сил, потому что, чую, завтра они мне ой как пригодятся!

Эван

— Может, оно и к лучшему, что мы не улетели!

Я с удивлением смотрю не на шутку развеселившегося уже слегка поддатого Дерека. Приятель на нервной почве умудрился выпить пару бокалов местного эля и, видимо, не подрассчитал свои силы.

Мы втроем сидим за столиком в дальнем углу плохо освещенного развеселого заведения. Капюшоны позволяют скрыть лица от любопытных глаз. Ждем, когда вернется Сплин, который ушел договариваться с новым кораблем, капитан которого не будет задавать лишних вопросов. За дополнительную плату, разумеется.

У меня нет никаких оснований доверять этому тощему пронырливому парню, но ему по каким-то причинам верит отец Марк. Мне этого достаточно, чтобы сидеть спокойно за столом и

ждать.

Дерек залпом выпивает содержимое очередного здорового бокала, ставит его на стол, после чего на одном дыхании начинает нести какой-то абсурд.

— Значит, так, друг мой! Расклад такой... — Дерек громко икает. — Сообщаю тебе это, чтобы потом не прослыть предателем в твоих глазах. Хоть, заметь, я и оказался между двух огней! Тобой и ею!

— Ею?! — Не понимаю, о ком он.

— Адой. Твоя жена жива. Она не улетела на Альтаир.

Слова пьяного друга производят на меня эффект выстрела.

Что он несет?! Неужели на Дерек так сильно подействовал эль? Нет, землянину явно надо заканчивать с дарийской выпивкой!

— Дерек, ты соображаешь, что говоришь? — укоризненно произносит священник, делая отрицательный жест рукой подбежавшему официанту, который заметил пустой бокал у нас на столе и спешит его наполнить. — Ему больше не наливать.

— Ада жива, — уперто повторяет поддатый друг. — Она не смогла улететь без тебя и ушла со звездолета, незадолго до старта... Твои братья проболтались, что ты, возможно, не прилетишь вслед за ними... Вот она и...

Настороженно переглядываюсь с отцом Марком. Может, Дереку в эль добавили чего?

— Дерек, ты пьян, — единственное, что могу сказать другу, при этом чувствуя, как начинаю злиться на него. И без того тошно. Зачем лишний раз беречь раны? Зачем давать призрачную надежду?

— Не верите мне — спросите Айрис, она тоже ее видела, — громко икая, упирается Дерек. — Там, в Аскорэоре.

Сердце начинает судорожно биться. Надежда на чудо заставляет меня вновь хотеть жить. Не выдерживаю: вскакиваю, хватаю толстяка за грудки.

— Как жива?! — почти ору я. — Как жива?! Дерек, если это так... Почему ты молчал?!

— Тише! Тише! — Священник заставляет нас вернуться за стол.

— Да вот так! Жива! — вторит мне икающий друг, одновременно подзывая официанта. — А еще она знает, кто ты... И между прочим, сильно на тебя злится. За то, что ты раньше не сказал, чей ты сын.

— То есть... Ты хочешь сказать, что Ада только из-за этого не хочет больше меня видеть?..

Все происходящее доходит до меня с большим трудом.

Впрочем, все это уже не важно. Меня переполняет ощущение абсолютного счастья. Это чудо, о котором я не смел даже мечтать... Как же все-таки хорошо, что моя жена всегда поступает по-своему! Ведь послушайся она меня, отправься вместе с моей семьей на Альтаир, Ады уже не было бы в живых.

— Я хочу ее видеть! Я хочу к ней!

Мне плевать на собственную безопасность, на то, что мне нельзя «светиться». Сейчас самое главное — найти мою Аду, забрать ее с собой.

— Я бы тоже очень хотел ее видеть! — ворчит Дерек. — Но она, очевидно, не разделяет с нами это желание. Иначе бы пришла!

— Так ты ждал ее?! — подключается к разговору удивленный отец Марк, до которого только сейчас доходит, что Дерек не шутит насчет Ады. — Почему ты сразу нам все не сказал?

— Потому что она взяла с меня слово! — срывается пьяный друг. — И я, дурак, дал его.

— Но почему она не пришла?! — Меня начинает одолевая нешуточная тревога.

Дерек пожимает плечами, но заметно: вариант ответа у него есть, только не слишком ему нравится.

— Ада была, мягко говоря, не в восторге от новости, что она — дарийка! — теперь супруга императора Альтаира. Я кое-как уговорил ее не исчезать из твоей жизни. Объяснил, что вы вполне можете жить вместе и при этом не афишировать, что женаты.

— И что она? — Я чувствую, что снова не могу дышать от напряжения. Еще немного, и у меня на нервной почве точно начнется спазм легких, как в детстве.

— Вроде бы согласилась с моими доводами, — растерянно мямлит Дерек. — Но видимо, не до конца, раз не пришла... Это ее решение, друг. Боюсь, единственное, что тебе остается, — простить и отпустить ее. Ты же знаешь Аду, если она приняла решение, то...

Метель. В душе, в сердце. Катарская. Завьюженная. Ледяные снежинки застилают глаза, попадают в рот. Словно во сне, перед моими глазами возникает Катар, заснеженный двор перед домом священника. И одиннадцатилетняя смеющаяся Ада, бросающая снежок в растерянного меня, родившегося там, где нет такой непроходимой зимы.

Девочка-дарийка кружится, раскинув в стороны руки, наслаждаясь снегопадом. То, что мне казалось страшной непогодой, ей приносило радость.

Странная. Непредсказуемая. И такая живая...

Да... Именно живая.

Все остальное не важно.

4. ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Адейра. Дом дэуса Бэра

Давно уже Глэдис так не переполняли эмоции. Не успела Верховная Ведунья вернуться на Дарий, как неприятные новости посыпались на нее словно из рога изобилия. Вот уж действительно: век живи — век удивляйся людям!

Но кто бы мог подумать?! Бэр! Трусливый Бэр! Просто немыслимо! Чтобы это ничтожество осмелилось пойти против нее — Верховной Ведуньи! Он что, совсем страх потерял?! Жить надоело?! Да как он мог рассказать о подмене кристалла?! В том, что это сделал именно Бэр, Глэдис не сомневалась. Больше просто некому. Иначе как бы Дэмонион узнал о том, что было тайной лишь их двоих? Девчонку-шатеру в расчет брать не стоит — она не имеет доступа к императору, в отличие от болтливого Верховного Лекаря.

Кованая старинная дверь, ведущая в полузаброшенный сад Бэра, едва слышно скрипнула. Ступив на выложенную оранжевым камнем дорожку, Верховная Ведунья остановилась. С нескрываемым удивлением обвела взглядом двор.

С каких пор беспечный Бэр стал так заботиться о своей шкуре — повсюду, куда ни глянь, воины Руара? Он действительно решил, что они смогут помешать ей, Верховной Ведунье, отправить никчемного болтуна к праотцам?!

Но нет... Похоже, у стражи нет задачи препятствовать Глэдис. Они мгновенно расступаются перед Верховной Ведуньей, позволяя ей пройти в особняк.

До нелепости роскошный холл, вычурные залы с баснословно дорогой и модной, но при этом абсолютно безвкусной обстановкой. Кабинет...

— Фу!

Жесткий запах перегара заставляет разгневанную старуху брезгливо поморщить нос. Подозрения оправдываются: невменяемо пьяный Бэр валяется на диване в окружении кучи пустых бутылок. Все вокруг указывает, что в таком скотском состоянии он прохлаждается здесь уже не первые сутки.

На щеках многодневная щетина. Смотрится она откровенно нелепо, учитывая густо напудренное лицо Верховного Лекаря. Ох уж эта адейрская мода! Шикарный домашний халат накинут поверх мягкого пестрого праздничного костюма.

Глэдис взмахом руки, не прикасаясь, плотно закрывает за собой тяжелые двери.

Злая, разгневанная, разъяренная!

— Ата! Санди! Дэрис!

Едва заметное звуконепроницаемое поле, вылетающее, словно паутина, из сморщенных ладоней старухи, накрывает куполом кабинет. Лишние уши ни к чему. Хватит и того, что весь императорский двор шушукается: кристалл исчез! Кристалл исчез!

— Бэр! Как Дэмонион узнал о кристалле?!

Ответ — нечленораздельное мычание.

Старуха хватает графин с водой, стоящий неподалеку на столике. Одним махом выливает его на голову заплывшего жиром дэуса.

— Бэр!!!

Верховный Лекарь нехотя потягивается, трет руками мокрое лицо, окончательно размазывая по щетине пудру и румяна.

— Бэр... — На этот раз голос Глэдис звучит гораздо тише: разочарованно, обреченно. — Как ты мог проболтаться?

Пьяница с трудом открывает глаза. Тупо уставляется на Верховную Ведунью. Пару раз махнув ладонью возле лица, будто отгоняя кошмарное видение, дэус Бэр со стоном человека, умирающего от похмелья, садится на диване.

— А... Это ты, Глэдис. Я ждал тебя. Не вовремя ты улетела, не вовремя...

— А я жду ответа. — Металл в голосе старухи явно не предвещает ничего хорошего.

— Не я. Ромеро, будь он неладен.

— Посол Ромеро?! Он-то здесь при чем?! — Первоначальное удивление Глэдис вскоре сменяется понимающей усмешкой. — Ромеро... И сколько ты ему должен?

Теперь оставалось лишь корить себя: она должна была догадаться, что рано или поздно этот алчный, азартный пройдоха окажется в чьих-нибудь руках. Видно, сильно прижал его прощельга-землянин.

Обманчивое спокойствие старухи придает Верховному Лекарю напрасную самоуверенность. Впрочем, он был бы честен с ней в любом случае. Бэра можно назвать как угодно: пьяницей, распутником, жадным до денег, но не дураком. А лишь дурак стал бы врать пронцательной Верховной Ведунье, особенно когда та на взводе.

— Пятьсот тысяч.

— Сколько?! — Обычно удивить Глэдис достаточно сложно, но Бэр справился с легкостью. — Бэр! Разорви тебя стая драгов, ты что, планету в карты заложил?! Да ты за всю жизнь столько при дворе не заработал!

— То-то и оно, — невесело хмыкает Верховный Лекарь, торопливо отводя взгляд от разъяренной ведуньи, и продолжает поспешно оправдываться. — Ромеро уверил, что его цель — поспособствовать восхождению на престол Атарксиса и возобновлению войны с Альтаиром. Мы же сами хотели этого, Глэдис! Давай не будем врать сами себе: Дарию ни к чему перемирие... Мы — великая держава...

Договорить он не успевает. Взмах старческой руки — и перепуганный толстяк с поросычьим визгом отлетает метров на десять, со всей мощью своего немалого веса вписываясь в стену.

— Я лишь хотел... — не то отчаянный визг, не то плач.

Но Глэдис уже глубоко наплевать, чего хотел Бэр.

Идиот! Моча гиподрила! В погоне за деньгами он забыл, что отвечать за кристалл придется не перед старой приятельницей Глэдис, с которой они опрокинули не один бокал эля. О нет! Ему придется держать ответ перед той, которая вырастила и возвела на престол императора Дария. Той, чья мощная магия уничтожала целые поселения Древних. Той, чье спокойствие и расположение весьма обманчивы. Потому что именно она — Верховная Ведунья — вот уже несколько столетий вершит и контролирует судьбу Дарийской империи.

Она и никто другой!

Увы, Бэр, стремясь решить накопившиеся финансовые проблемы, видимо, напрочь забыл, с кем имеет дело.

— Где кристалл?!

— Я не знаю! — вскрик, переходящий во всхлип. — Но у Ромеро его больше нет. Он пытался вывезти его с Дария, спрятав в вещи альтаирского принца, а тот... исчез. И никто теперь не знает, ни где принц, ни где кристалл.

Глэдис закрыла глаза.

Усталость — огромная, всепоглощающая — в один миг лавиной обрушивается на нее.

Она прожила так много и так долго — века! — и все же до сих пор не смогла привыкнуть... Не смогла перестать удивляться человеческой алчности, глупости, недалёковидности...

Подставить целую империю из-за какого-то долга...

Да... На этот раз Бэр превзошел сам себя.

Но что еще хуже: звезда Сатаба уже склоняется к закату. Ровно через сутки на Плато Семи Ветров должен будет выйти Атарксис и предъявить свое право на Жезл Власти, а вместе с ним — и на второй трон соправителя Дарийской империи.

Но теперь, когда весь двор знает, что кристалл поддельный, задумка Верховной Ведуньи посадить на престол троюродного племянника Дэмониона, не имеющего в жилах и капли императорской крови, теряет смысл. По древнему закону завтра любой желающий — даже простолюдин — сможет точно так же выйти на Плато и предъявить право на Жезл Власти. И с легкостью возьмет его в руки, потому что настоящего кристалла, генерирующего силовое поле Дария, у них больше нет.

Страшно представить, сколько людей, зная, что кристалл поддельный, отважится в День Солнцестояния бросить вызов Дэмониону! И что самое ужасное: тот, кто первым прикоснется к Жезлу, станет соправителем Дария. Наверняка найдутся те, кто опередит Атарксиса. И это будет началом конца Дарийской империи. Потому что нарушить закон Древних — не признать соправителем того, кто удержал в руке Жезл Власти, — Дэмонион не посмеет. Ведь в противном случае пошатнется его собственная власть, которую император получил точно таким же способом — покоров Жезл.

— Что ты наделал, Бэр...

Кряхтя и постанывая, еще не до конца протрезвевший Верховный Лекарь кое-как встает на ноги. Ковыляет к бару, залпом выпивает бокал с чем-то крепким. Морщится.

— Дело сделано, Глэдис. Сглупил — признаю.

— Сглупил?! — Кажется, еще немного, и ведунья начнет смеяться.

— Да, сглупил, — мрачно бросает Бэр. — У Ромеро на меня компромат. Узнай Дэмонион о моих делишках, мне не жить.

— Тебе и так не жить, Бэр. — Верховная Ведунья устало садится в кресло, принимая из рук толстяка бокал с элем. — Боюсь представить, что начнется на Плато Семи Ветров. Чую, в этот раз от претендентов на Жезл Власти не будет отбоя... И тогда наступит хаос... Хаос... Хаос... — Старуха невесело хмыкает, отпивает глоток, морщится. — Дрянь! Дело полная дрянь!

Верховный Лекарь плюхается в кресло напротив ведуньи. Нормально стоять на ногах он не может — шатает из стороны в сторону. Вид как у побитого драга. Видимо, Бэр действительно не предполагал, что его попытка погасить долги превратится в катастрофу для целой империи.

Как и Глэдис, ему не все равно, что будет с Дарием. Но о себе Бэр всегда заботился больше. Впрочем, есть еще кое-что, на фоне чего все остальные проблемы, даже похищенный кристалл, отступают на второй план.

— Глэдис, ты сохранила конверт? Тот, что не дала мне открыть, потому что дело уже было сделано.

Верховная Ведунья медленно поднимает усталые глаза. Пожалуй, этот вопрос — последнее, что она хотела бы услышать сейчас.

— Почему ты спрашиваешь об этом? Спустила столько лет...

Стеклянный, задумчивый взгляд Бэра вливается в пустоту. На лице ни следа эмоций.

— Ты никогда не задумывалась, вдруг мы... ошиблись? Что, если девчонка обвела нас вокруг пальца? Что, если это не она, а мы сами, по незнанию, предали его? Что, если все это входило в ее извращенный план мести?

Тихо. Давно в этой комнате не было так тихо. Жизнь и время словно замерли в ожидании своего приговора. А затем... Взмах руки Верховной Ведуньи — и дэус Бэр вновь отлетает на противоположную сторону кабинета. Но теперь бьется головой о стену с такой силой, что без сознания замирает на полу в луже собственной крови.

— Не смей! — Самообладание окончательно покидает Верховную Ведунью. — Даже думать об этом не смей! Мы все сделали правильно! — И все же в голосе проскальзывают предательские нотки сомнения, сплетенные с ужасом и отчаянием. — Правильно!

Адейра. Подземный город

— Я не собираюсь подставлять Альтаир, но и без своей жены я никуда отсюда не улечу!

— Да стой же ты! Упрямец! — Запыхавшийся Дерек хватает за руку Эвана, который решительно направляется к выходу. — Где ты ее искать собираешься? Она же как сквозь землю провалилась! На связь не выходит!

— В Руаре. Больше ей негде быть.

Спокойный взгляд альтаирца говорит лучше любых слов: Эван уже принял решение и теперь его не остановить.

К парням подходит встревоженный отец Марк:

— Не упоминайте здесь обитель.

Покинув кабак, мужчины сворачивают в неприметный пустынный переулок. Мрачно, сыро, пахнет зловонными отходами, но зато рядом ни души. Можно спокойно поговорить.

— Послушай, я тоже не горю желанием улетать без Ады, но если тебя схватят... — Нервно оглядываясь, Дерек переходит на громкий шепот: — Назад пути уже не будет... Без тебя Альтаиру конец! Ты хоть понимаешь, что несешь ответственность за будущее целой империи?! За равновесие сил в галактике. Если ты подставишься — все рухнет!

— Значит, надо сделать так, чтобы не схватили. — Эван достает передатчик. — Ты сказал, с вами была Айрис? Значит, она должна знать, куда исчезла Ада.

Пара секунд, и в метре от них вспыхивает трехмерное голографическое изображение дочери посла Земного Альянса. От неожиданности девушка испуганно вздрагивает.

— Эван?! — Кажется, изумленная, взволнованная Айрис вот-вот заплачет. — Ты сошел с ума! Они прослушивают почти все каналы связи в Аскорэоре! Зачем ты так рискуешь? Умоляю тебя, поскорее улетай с Дария... Они... Эван, они хотят тебя убить!

Бледная, перепуганная, от всего сердца переживающая за судьбу альтаирца. Какой бы ни была Айрис, но в эту минуту она искренна, как никогда.

— Ада с тобой?

Девушка замирает. До нее запоздало доходит, что Эван, рискуя жизнью, вышел на связь не для того, чтобы попрощаться с ней — с Айрис, а чтобы найти ту — другую.

Дарийку. Нищую прислугу. Шатеру... Которую он поставил превыше ее — Айрис Саманты Ромеро дель Фьюри!

Больно, обидно и так... глупо.

Глупо любить всем сердцем того, кто никогда не ответит тебе взаимностью.

— Куда она ушла? — Вопрос Эвана выводит из оцепенения.

Все-таки странные и страшные существа эти женщины.

Разум и чувства у них всегда переплетаются в замысловатый, запутанный клубок, и разобраться в нем не могут подчас даже они сами.

Ревность, отчаяние, злоба.

Любовь к мужчине, желание спасти и защитить его.

Логические доводы и здравый смысл.

Все смешивается и противоречит друг другу. Увы, побеждают в заведомо неравной борьбе, как правило, не доводы рассудка, а желания женского сердца...

Жажда любить и быть любимой, даже невзирая на то, что чувство не взаимно.

— Айрис, хоть ты образумь его! — встречается в разговор отчаявшийся Дерек, мелькающий за спиной альтаирца. — Если он покажется в Аскорэоре, то не проживет и пяти минут! А в Руаре и подавно...

Тук. Тук. Тук.

О женщины! Ваше сердце бьется лишь тогда, когда вы сильно, до фанатизма любите. А еще когда вы оказываетесь загнанными в угол. Когда есть всего лишь секунды для принятия решения. Решения, которое, возможно, спасет жизнь любимому мужчине.

А может, перечеркнет эту самую жизнь.

— Да. Я видела ее. Она ушла с Верховным Воином. — В голосе Айрис ни тени фальши.

— Я же говорил, Аду схватили! Она в Руаре! — От спокойствия Эвана не остается и следа. — Спасибо, Айрис...

Но прежде чем Эван отключает связь, девушка успевает выкрикнуть:

— Подожди! Ты не понял! Аду не схватили!

— Что значит «не схватили»? — В разговор вмешивается не менее обеспокоенный священник. — Ты же сама только что сказала...

— Ада пошла с ним сама! По доброй воле.

В воздухе висит напряженная тишина.

— Что?!

Айрис поднимает на Эвана полный решимости взгляд. С каждой последующей фразой ее дрожащий голос обретает уверенность. Потому что назад пути уже нет. Да и терять, честно говоря, больше нечего. Зато спасти еще можно... Эвана и многолетнюю любовь к нему.

— Я слышала их разговор. Верховный Воин хвалил Аду, что она великолепно справилась с заданием. — Слова Айрис вводят альтаирца и остальных в состояние ступора. — Эван, это она пронесла на борт звездолета взрывчатку! Это Ада убила твоего отца и братьев! Она знала, что им не суждено долететь до Альтаира, потому и покинула звездолет до взлета! Поэтому она единственная осталась жива!

Откровенно абсурдное заявление. Но при детальном рассмотрении оно внезапно становится не столь уж и абсурдным. Увы, в словах Айрис прослеживается пугающая логика.

Адамаск действительно единственная осталась в живых.

И да... Она заблаговременно покинула звездолет до взрыва.

Но как поверить, понять и принять такое?!

— Что за чушь ты несешь?! — Кажется, еще немного, и Эван начнет орать на девушку. — Ада бы никогда...

— Адамаск — шатера! Хочешь ты этого или нет! — Отчаявшаяся Айрис идет ва-банк. — Думаешь, ты один был знаком с ней раньше?! Да будет тебе известно, два года назад Ада была у меня в услужении. Ты хоть раз видел, как она убивает? Нет?! А я видела! Жестоко! Безжалостно! Хладнокровно! Она при мне вспорола животы пятерым мужикам и даже не поморщилась! Ты бы смог так? Подозреваю — нет. А она смогла! И сделала это с нескрываемым удовольствием!

Бледный Эван, сам того не замечая, отрицательно качает головой. Айрис сошла с ума! Несет какую-то ахинею.

— Сейчас же замолчи!

Но дочку посла уже не остановить.

— Да пойми же ты наконец! Открой глаза! Твоя Ада — истинное порождение Руара! Лицемерная, двуликая, лживая и при этом полностью преданная Руару и императору! Все, что происходило с тобой за последние дни, — просто спектакль! Разыгранный как по нотам план Дэмониона, единственная цель которого — уничтожить альтаирскую династию и возобновить войну между вашими империями! И Ада великолепно сыграла свою роль! Знаешь, зачем ей

потребовалось встречаться с Дерексом после взрыва? Чтобы вычислить твоё местонахождение! Я же тебе сразу сказала, что все каналы связи прослушиваются! Наверняка воины Руара уже вышли на ваш след! И все благодаря этой предательнице! Эван, Ада предала тебя! Она убила твою семью! Она...

— Я был лучшего мнения о тебе, Айрис. — Мрачный Эван, не дав девочке договорить, отключает видеосвязь. Переводит взгляд на священника. — Зачем она наплела все это?

Однако отец Марк не успевает ответить. Его опережает испуганный Дерек.

— Если бы просто наплела... — едва слышно шепчет он, резко затаскивая спутников за угол.

И очень вовремя, потому что секунду спустя в нескольких метрах от них проходят стражи Руара, показывающие всем встречным голографическую ориентировку на Эвана.

5. ВЫБОР ШАТЕРЫ

Руар

Ее не было в Руаре меньше недели, но произошло столько неприятных событий, что остается лишь диву даваться, как сам замок еще остался цел! Вот и полагайся после такого на Карла!

Давно Верховная Ведунья не была так зла! Опираясь на посох, Глэдис с поразительной для ее древнего возраста скоростью пересекает длинный каменный коридор, поднимается по витой узкой лестнице в обитель Верховного Воина.

Вокруг одни предатели! И как с этим прикажете жить?

Первый — Атарксис, избалованная тряпка! Недоразумение, а не наследник Дарийского престола! Знала бы она заранее, в какого клоуна превратится за годы, проведенные вне Дария, племянник императора, не стала бы лоббировать его интересы. Пусть бы этот самоуверенный шут окаменел на Плато Семи Ветров от одного прикосновения к Жезлу Власти на радость Дэмониона! Потому что толку от Атарксиса ни для Глэдис, ни для империи все равно никакого! Мальчишка не желает прислушиваться к ее советам! Воспринимает Верховную Ведунью как прислужницу! Зачем Дарию такой недалёковидный, глупый правитель, который вдобавок за годы, проведенные на чужой планете, хорошо прикормлен Земным Альянсом. Айлит Боро — вот кто спит и видит, чтобы Атарксис взошел на престол, чтобы с помощью этой марионетки постоянно накладывать вето на решения Дэмониона, неудобные Альянсу, и тем самым существенно ограничить его власть.

Второй предатель не многим лучше. Бэр. Алчный азартный трус! Конченный игрок, поставивший на кон и честь, и дом, и даже судьбу Дария! Чем он только думал, передавая кристалл Ромеро? Уж точно не головой! Надо было добить его сегодня, но... Ладно, пусть еще немного поживет. Все же лучше иметь Верховным Лекарем своего человека, которого знаешь со всеми его грешками и потрохами. Еще не известно, как другой себя поведет. Да и слишком много тайн связывает Глэдис с Бэром. Слишком...

Третий предатель, вернее, предательница — Адамаск. Сволочь, а не девка! Прикормила себе на погибель! Впрочем, как раз от нее и можно было ожидать нечто подобное. Девчонка никогда по-настоящему не была частью Руара. И всегда, абсолютно всегда поступала так, как ей заблагорассудится. Глэдис сама закрывала на это глаза. Вот и пожинает сейчас плоды.

Старуха без стука входит в полупустую обитель Верховного Воина.

— Где она?

Карл едва заметно кивает стоящему возле двери воину. Уже через минуту перед Глэдис предстает дочка Таисьи. Шатера, которая сделала свое дело, подменив кристалл на Жезле Власти, а затем...

— Как ты посмела проявить самовольство?! — Тихий старческий голос звучит страшнее разгневанного крика.

Никогда раньше Глэдис не была так зла на Адамаск.

Да кем возомнила себя эта соплячка?! Видимо, Карл все же был прав! Глэдис дала слишком много воли девчонке, и та решила, что может поступать так, как ей заблагорассудится! Но ничего! Она быстро напомнит Адамаск ее место!

— Я лишь хотела вернуть кристалл, не дать вывезти его за пределы Дария.

Что-то не похоже, чтобы в голосе девчонки прозвучали страх или раскаяние.

Нахалка! Хоть бы опустила взгляд! Так нет! Смотрит прямо в глаза, словно ей уже терять

нечего!

— Где он?

— Скажу в обмен на гарантию, что вы сделаете все, чтобы альтаирский принц смог беспрепятственно покинуть Дарий!

Пожалуй, первый раз в жизни кто-то осмеливается не просто перечить ей, Верховной Ведунье, а еще и выдвигать ультиматум! И тут надо же! Выискалась одна такая! Еще и шантажировать пытается!

Глэдис слишком зла, слишком заведена, слишком... Все слишком! Не в тот день и не в тот час Ада посмела перечить Верховной Ведунье.

— Девочка, ты правда думаешь, что я не найду кристалл без твоего содействия? Что я не смогу самостоятельно покопаться в твоих мозгах, в памяти и найти лазейки, которые приведут меня в нужное место? — мягко, почти по-доброму звучат слова Глэдис, и не по себе становится даже Верховному Воину. — Родная, да ты сама приведешь меня не только к кристаллу, но и к альтаирцу, который тебе почему-то так дорог! Поверь, я сделаю все, чтобы от этого мальчишки не осталось и следа. Что касается тебя...

Глэдис оборачивается к Верховному Воину:

— Карл, помнится, ты недавно мне говорил, что тебе нужна еще одна серая прислужница?

Наконец-то в глазах девчонки мелькнул испуг. До нее, видимо, только сейчас дошло, кого она хотела переиграть!

Делает шаг к двери...

Едва заметный взмах старческой ладони, и тяжелая дубовая дверь с гулким грохотом намертво закрывается перед Адамаск.

Вот и все, девочка. Вот и все! Ты сама подписала себе приговор.

Ада

Еще в Катаре, в своем незавидном голодном детстве я отчетливо поняла: выбор есть всегда. Даже в самой, казалось бы, безнадежной ситуации все равно остается выбор: по какому пути идти. Ты можешь, рискуя жизнью, воровать топливные кристаллы под самым носом у стражей Дэбэра, меняя их потом на еду, или, как Акраба, продавать свое тело в кабаке за миску похлебки, а можешь просто лечь в сугроб и сдохнуть от голода. И это тоже будет твой выбор.

Ты можешь остаться в Катаре рядом с мальчишкой-альтаирцем или исполнить свою мечту — уехать в «сказочный» Руар, который на проверку окажется не таким уж и волшебным.

Ты можешь безропотно лечь в постель к хозяину, которого тебе подсовывает император, можешь усыпить альтаирского принца и, обчистив его, сбежать, обретя долгожданную свободу, а можешь, наплевав на свободу, остаться рядом с ним — с мальчишкой-альтаирцем — навсегда.

И даже сейчас ты можешь превратиться в механическую, бездумную серую прислужницу, которая в два счета выдаст Глэдис все тайны — по первому требованию расскажет не только, где спрятан заветный кристалл с Жезла Власти, но и где сейчас находится Эван, а можешь...

На самом деле это так просто...

Хлесткий, завывающий, родной катарский ветер непрошеным гостем врывается через распахнутое окно в обитель Верховного Воина, принося с собой солоноватый привкус Северного океана.

Холодно до дрожи. И радостно внутри.

Выход действительно есть всегда.

Закрываю глаза. Прислушиваюсь. Совсем рядом, у подножия башни, в которой находится обитель Карла, бушуют мощные, дикие волны, то и дело разбиваясь об острые скалы. Жестко,

монотонно, как в ту, самую первую ночь в Руаре, когда я отправила к ним тело убитого мною война-подростка.

Губ едва заметно касается легкая улыбка. Я вдруг отчетливо понимаю, что все это было предопределено с самого начала. Да! Именно так все и должно было быть.

Вернее — закончиться.

Нет, Глэдис. Тебе не удастся сделать из меня тупую безропотную серую прислужницу. Как и не удастся выведать, где находится Эван, потому что за любимых надо бороться. До последнего вздоха. До последней капли крови. До последнего «Я тебя люблю...». Иначе все остальное просто теряет смысл.

И это и есть мой выбор.

Выбор шатеры.

Прежде чем Глэдис и Карл успевают среагировать, я оказываюсь у распахнутого окна. И, оттолкнувшись от подоконника, раскинув руки, отдаюсь во власть сумасшедшего ветра...

Ошеломляющее чувство абсолютной свободы переполняет меня, когда я с огромной высоты падаю в пучину бушующего ледяного океана, прекрасно осознавая, что там, внизу, ждет неминуемая смерть.

Эван

Сплин ведет нас извилистыми подземными коридорами. Я даже не пытаюсь спросить, куда мы идем. Честно говоря, мне уже все равно. Мои мысли, несмотря на опасность ситуации, витают далеко отсюда.

В это трудно поверить. Я не могу, не хочу, но... Факты — жестокая и упрямая реальность.

Мои родные погибли.

Выжила лишь Ада.

И только она после последнего разговора с Дерекком знала, в какой части подземного города мы находимся. И вот сейчас здесь на нас устроена настоящая облава.

Только она...

Неужели Айрис права? Ада с самого начала предала меня?

Нет... Я просто отказываюсь в это верить.

И все же невольно прокручиваю все, что произошло в моей жизни за последнее время. Откуда вообще взялся этот кристалл? Его принес Ромеро? Но я не видел этого... Зато точно знаю, что лишь Ада способна безнаказанно взять кристалл в руки... Что ей мешало самой подложить его в мои вещи?

Невольно вспоминается наше детство.

Руар! Вот что всегда было страстью Ады. Она так мечтала стать шатерой. Всегда грезила, бредила этим. Изменилась ли мечта с годами? Не стала ли она истинной слугой императора Дэмониона?

Нет! Я не могу, не хочу верить, но...

Но факты — страшная реальность. И они говорят против Ады.

Мы идем какими-то извилистыми темными коридорами-туннелями, затем спускаемся в канализационный люк. Надо же! В подземном городе есть свои инженерные коммуникации.

— Скорей! Скорей! — нервно торопит Сплин.

Смотрю на этого сморчкообразного парня и понимаю: люди иногда удивляют.

Интересный человек. Сначала, узнав, что нас разыскивают воины Руара, он назначил нам за спасение тройную цену, а потом, узнав, кто я на самом деле...

— Ваше императорское величество?!

Никогда не думал, что встречу в логове контрабандистов и преступников человека, которому не все равно...

Отец Марк рассказал мне о нем чуть позже, когда парень убежал договариваться с одним из сопровождающих. Несмотря на молодость, Сплин — человек с бурной биографией. Дико талантливый. Истово верующий в свое правое дело. Бывший военный журналист, некогда восхвалявший в громких репортажах Земной Альянс. Разжигавший пламенными статьями войну в сердцах и душах людей, особенно в новобранцах.

Он, молодой да ранний, сам выбил командировку на передовую, мечтал получить за серию репортажей «Золотое перо», а там...

Там Сплин воочию увидел все то, о чем не должен рассказывать в своих статьях репортеру, преданному Земному Альянсу.

Страх, отчаяние совсем юных солдат — мальчишек, которые абсолютно не понимают, за что, за кого и, главное, против кого они воюют. И за что умирают.

Хаос. Боль. Непонимание. И пустота. Вот с чем пришлось столкнуться Сплину на передовой. А еще с горьким осознанием того, что все, о чем он писал раньше, — пропагандистский обман. Фикция. А он сам — винтик в огромной агитационной машине Земного Альянса, потому что его идеалистические репортажи о войне совершенно не соответствовали действительности.

А потом был плен. Дарий — Катар и рудники. И побег — чудом, волей случая. Так Сплин и оказался в подземном городе Адейры. Без родины. Без любимой профессии. Без идеалов. Зато с четким осознанием того, что война — это зло. Бессмысленное и беспощадное. Зло, которое возобновится, если на Альтаире наступит хаос с престолонаследием и тем самым нарушится расстановка сил во вселенной.

Лишь спустя годы в одном из наших дружеских разговоров Сплин признается, что в тот день спасал не меня и даже не равновесие между Дарием и Альтаиром. Он спасал себя — остатки своей веры в то, что эту жизнь все же можно изменить к лучшему.

— Скорей! Скорей! Сюда!

Дальний ангар. Потрепанный, явно повидавший лучшее время звездолет.

— На старую обшивку не смотрите. Начинка суперсовременная. А главное — с антисиловым полем. Если не будет осечки, сможем покинуть Дарий незамеченными. Не засекут.

— А если осечка все-таки будет? — нервно интересуется Дерек.

Сплин философски хмыкает:

— А вам уже не все равно?

Переглядываемся. Как ни печально, но Сплин прав. Выбора нет. Возвращаться нельзя. Даже за Адой, чтобы поговорить... Выяснить все... Я просто не смогу добраться до нее живым. А подставив себя, подставляю слишком многих. Моя смерть повлечет за собой возобновление войны, хаос... И это слишком высокая цена за любовь.

— Ну, так мы летим? — Настырный голос Сплина выводит меня из задумчивости.

— Да.

Пожалуй, только сейчас я в полной мере понимаю отца, для которого интересы империи всегда были важнее собственных. Больше всего на свете мне хочется найти Аду — но я не имею права рисковать собой. Отец Марк прав, — я уже не Эван. Не альтаирский мальчишка, влюбившийся в маленькую дарийку. Я — Иоанн Дрогвард Второй, император Альтаира, обремененный не только властью, но и ответственностью за миллиарды людей. Слушать сердце — роскошь для императора. Он должен полагаться только на рассудок.

Видимо, это с самого начала и была моя судьба.

Самоубийства Ады не ожидал никто.

Невольное уважение и зависть — вот что испытала Верховная Ведунья, видя, как бушующие волны поглощают тело Адамаск.

Этой девчонке всегда было доступно то, что никогда не было подвластно самой Глэдис, — свобода.

Свобода выбора.

Старуха отошла от окна.

— Дура, — прошелестела старуха и быстрым шагом покинула обитель. — Ей бы жить да жить...

Тоска внезапной, непрошенной лавиной обрушилась на Верховную Ведунью. Она хотела напугать строптивицу, вытащить из нее информацию, но не убивать! По какой-то непонятной для самой Глэдис причине Адамаск была для нее...

Кем? Ведунья не могла сформулировать даже для самой себя. Но то, что странная, неконтролируемая девчонка была для Глэдис не просто одной из воспитанниц, старуха знала всегда.

После того как Верховная Ведунья ушла, Карл еще долго стоял у распахнутого окна, глядя, как внизу свирепствуют волны Северного океана, с грохотом разбивающиеся о скалы.

Он смотрел на волны и не мог понять, почему в тот момент, когда Ада выпрыгнула из окна, больше всего на свете ему хотелось броситься за ней, чтобы спасти.

Даже ценой собственной жизни.

Вопрос, так и оставшийся без ответа...

Весть о гибели девчонки из касты воинов довольно быстро облетела Руар. И застала врасплох Мэд. Шатера до последнего надеялась и верила, что сообразительной Аде все же удастся выбраться из всей этой заварухи живой. Но у судьбы, увы, оказались свои планы.

Нет, она не плакала — потому что просто не умела. Мэд разучилась реветь давным-давно, еще в младенчестве. Лежишь в люльке, рядом с другими, точно так же оторванными от родителей детьми, и плачешь, плачешь, плачешь, пока вдруг отчетливо не осознаешь — бесполезно. К тебе все равно никто не подойдет, не пожалеет... Ты никому не нужна. И тогда ты замолкаешь.

Навсегда.

Закрываешься внутри себя. Потому что так не больно.

Но Ада умудрилась пробить эту броню. Броню, которую шатера старательно возводила в душе годами — и правильно делала! Если бы она не позволила Адамаск стать близким ей человеком, то сейчас наверняка не было бы так нестерпимо больно.

Нет, Мэдлин не плакала. Она просто заторможенно сидела на краю все еще расправленной кровати подруги и тупо смотрела в одну точку. Пока вдруг отчетливо не осознала: Анигай! Вот кому сейчас по-настоящему должно быть плохо! Она, Мэд, потеряла подругу. Но он лишился куда большего — родной сестры.

Шатера нашла мальчишку в общей столовой. Наряду с другими воинами он ел и веселился, травя пошловатые байки, слушая мужские скабрзные анекдоты. Их взгляды пересеклись лишь на мгновение.

Мэд не увидела в глазах Анигая ни боли, ни сожаления. Он смирился. Забыл Аду, как проблемный сон. Освободился от сестры, за которую надо вечно переживать, подставляться. А подставлять свою шкуру под удар Анигай не любит. Что ж, похоже, Руар воспитал его правильно.

Здесь действительно выживает лишь сильнейший, тот, кто ставит собственное благополучие превыше всего. Кто любит себя больше близких.

Жаль лишь, что Мэд, похоже, утратила способность мыслить так же, как Анигай. Иначе бы на душе у шатеры сейчас не была стая раненых драгов. Не было бы так противно слышать смех Анигая, который с пугающей скоростью сумел вычеркнуть из памяти родную сестру.

Ада была лучшим, что случилось в жизни Мэдлин. Это Ада показала ей, что в жизни можно полагаться не только на себя, но и на близких людей. Что все-таки не всем на тебя плевать. Это Адамаск пришла на не слышный никому плач Мэд. И шатера, в отличие от Анигая, никогда этого не забудет.

Ада

Холодно. До дрожи. До озноба. Острые камни режут спину. С трудом открываю глаза. Не могу понять: жива или уже нет...

Звездное небо. Такое же холодное, как и мое насквозь мокрое, местами уже обледенелое алое платье.

Сначала я почти ничего не чувствую. А потом приходит боль.

Боль, раздирающая изнутри, а вместе с ней осознание — жива!

Собрав последние силы, с трудом приподнимаюсь на локтях. Левую руку почти не чувствую. В спину будто воткнули штырь, но... двигаться все же могу. Кожа местами содрана в кровь. Не спеша ощупываю себя: вроде переломов нет. Правда, каким чудом — не знаю. Упасть с такой высоты и не разбиться об острые скалы... Только сейчас понимаю: просто несказанно повезло, что я выпрыгнула из окна во время сильного прилива, иначе бы точно от меня осталось одно лишь воспоминание.

Оглядываюсь. Не могу понять, куда меня вынесло волной. Но это уже не Руар. Сумрачный лес? Скорее всего. Первая хвойная поросль начинается метрах в трех от меня.

И что теперь делать? Куда идти? Если мое ковыляние вообще можно назвать «идти». Все же должна признать, выживание после такого падения не входило в мои планы. Наивная, думала — отмучилась, а тут... Похоже, моя судьба никак не уймется. Недаром Акраба всегда говорила, что у меня поразительная живучесть. Сама диву даюсь, что выжила и на этот раз.

С невероятным трудом поднимаюсь на ноги. Платье от воды и льда почти неподъемно, но и снять его нельзя. Сухой одежды-то нет. После пары неудачных попыток мне удастся отломать от ближайшего дерева толстую ветку, на которую я могу опираться как на посох. Хотя толку от этого посоха... Босые ноги зябко ступают по покрытой вечерним инеем земле. Не замерзну насмерть, так сожрут драги в Сумрачном лесу. Даже дреда при себе нет — Карл, сволочь, отобрал еще в Аскорэоре.

Радует лишь одно: сомневаюсь, что после такого полета в бездну океана Карл или Глэдис будут меня искать. Даже смешно: чтобы обрести долгожданную свободу, мне надо было просто умереть.

Вот только что теперь делать с этой свободой? Вопрос, ответа на который я не нахожу.

* * *

Дурной день и не менее дурная ночь. И сон... Все тот же проклятый сон, который почему-то неотступно преследует Верховную Ведунью, стоит ей только закрыть глаза.

Нет никаких сомнений — это снова она. Тот же знакомый силуэт. И та же императорская

корона.

Арасэли.

Будь она проклята!

Нет. Глэдис не видит лица. Но этого и не надо. Жесты, манера, осанка — все ее.

И голос нетрезвого Бэра... Верховная Ведунья даже чувствует тошнотворный запах его перегара.

— Что, если девчонка обвела нас вокруг пальца? Что, если она никогда...

— Нет! — С диким воплем старуха резко садится на своей узкой аскетической кровати. — Нет... Она не могла это сделать... Она бы просто не посмела... Она...

Ада

Мне несказанно везет. Хотя в чем-то... Течение выбросило меня на берег неподалеку от дороги, ведущей через Сумрачный лес в Адейру. На мое счастье, одной семье поселян взбрело в голову именно в это время поехать в Сариту — городок, расположенный на окраине столицы. Тощий старик-поселянин — еще тот болтун и балагур — и его дородная розовощекая жена с жалостливым сердцем. Оно-то меня и спасло.

— Деточка! Ты жива? Открой глаза! Патрик! Смотри! Она уже коркой льда покрылась!

Ну да, покрылась. Потому что идти по дороге, опираясь на посох, я долго все-таки не смогла и рухнула на обочине. Как долго я пролежала в отключке — не знаю. Очнулась, лишь когда меня обнаружило это семейство.

Старик напоил меня каким-то обжигающим пойлом, от которого внутри сразу разгорелся нешуточный огонь. Не прошло и минуты, как я начала чувствовать пальцы рук и ног. Его жена тем временем, порывшись в узле с одеждой, выудила оттуда довольно грубо сшитое, но зато добротное теплое платье.

— А ну-ка давай примеряй! Дочке везла. Она у нас, правда, покрупнее тебя будет. Ну да ладно, чай, не утонешь в нем. Главное, чтоб тепло было. А лохмотья снимай давай! Простынешь же совсем и помрешь!

Заведя меня за повозку, поселянка шустро помогла переодеться, при этом то и дело цокала языком, разглядывая мое покрытое синяками тело.

— И кто тебя так, деточка? Не муж ли отдубасил?

— Нет. Не муж... — с трудом мямлю я и как последняя дура начинаю рыдать. Видимо, нервы сдают окончательно. — Не муж, — истерично всхлипываю я. — Нет у меня больше мужа.

Я рыдаю, как идиотка, на груди незнакомой дородной поселянки, стоя на обочине дороги. А она, сама со слезами на глазах, гладит меня по заледеневшим волосам.

Я плачу, плачу, плачу, с горестью осознавая, что моя жизнь никогда уже не будет прежней, как и я сама.

* * *

Падение в бездну каким-то непостижимым образом заставило удачу встать на мою сторону. Давненько такого не бывало. Сначала поселяне, которые подвозят до Сариты, затем планолет возле таверны — мне удастся незамеченной пробраться в него. И вот спустя всего час я уже в Адейре.

С сегодняшнего дня я официально мертва, поэтому иду по городу спокойно. Никто меня не ищет. Пусть так и будет. Тем более что это недалеко от истины. Возможно, физически я еще

жива, но в душе... Пугающий холод, пустота и больше ничего. Странное ощущение: тело еще живет. А вот душа... Нет. Лучше не думать. Не могу. Не хочу! И не буду...

Иду по извилистым улочкам старой Адейры. Сама не знаю куда... Не замечаю, как ноги сами приносят меня к ней... К той, которой я никогда не была нужна. К беспутной Акрабе.

Моей матери.

В этом даже что-то есть. Больше мне идти и не к кому. Жизнь, с присущим ей чувством юмора, вернула меня к той, от которой я сама же когда-то и убежала. К той, которая себе на беду родила меня.

За окном полночь. Мы сидим в дальнем углу полупустого кабака. Молча пьем какую-то обжигающую горькую настойку. Дрянь, а не пойло. Но на душе почему-то становится не так горько, я бы даже сказала — весело, и по продрогшему телу разливается тепло. Кажется, я начинаю понимать Акрабу. Если местный эль дает забвение, то...

— Еще пару кружек!

— Не налегай. С непривычки поплохее, — хмыкает мать, пристально, я бы даже сказала, несколько озабоченно глядя на меня. — Случилось что?

— С каких пор тебя стала интересовать моя жизнь?

— С тех пор, как я плачу за твой эль.

Усмехаюсь. А ведь она права...

— Случилось.

И снова молчание. Первой не выдерживает мать.

— Анигай жив?

Вопрос звучит как бы между прочим, но я все равно улавливаю напряженные нотки в ее голосе. Ну надо же! Неужели нашей беспутной мамаше не наплевать на нас?!

— Жив.

Сын хозяина борделя, дородный детина средних лет, выпроваживает последнего, пьяного в хлам клиента. Бросает на меня вопросительный взгляд.

— Мы закрываемся.

— Она со мной, — устало отзывается Акраба. — Моя дочь. Пару дней поживет у меня. Если ты, конечно, не против.

Я и забыла, что мамуля, даже обретя свободу, так и не смогла ею самостоятельно распорядиться. Впрочем, чему удивляться. Акраба никогда по-настоящему и не была свободной. Сначала Руар, следящий за каждым твоим шагом, затем Катар... Живя здесь, в комнатухе на чердаке борделя, Акраба, по сути, является собственностью хозяина сего веселенького заведения. Интересно, меня ждет та же участь?

— Отчего же я должен быть против? — хмыкает заинтригованный парень, подходя к нам. — Девка-то вроде красивая.

То ли от выпитого эля, то ли просто оттого, что у меня сдают нервы, начинаю глупо хихикать.

Сын хозяина с интересом без малейшего стеснения разглядывает меня с ног до головы.

— Новенькая? — интересуется у моей мамыши.

Та отрицательно качает головой. Только сейчас замечаю, какая же на самом деле Акраба уставшая и постаревшая.

— Остынь, Каригар. Она тебе не по зубам.

Но парень, похоже, не слишком верит Акрабе. Вплотную подходит ко мне. Господи, как же у него воняет изо рта! Он когда-нибудь зубы чистил?

— У нас здесь простое правило, детка: хочешь жить в одной из комнат — милости просим! Но платить за жилье придется натурой.

Хозяйский сын с удивительной для его не маленькой комплекции ловкостью притягивает меня к себе. Самое обидное, что у меня нет даже дреда, чтобы как следует проучить придурка. Хотя... пара стаканов выпитого эля заставляют меня всерьез задуматься: а есть ли смысл конфликтовать с ним? Моя жизнь все равно кончена. Сейчас я как никогда похожу на саму Акрабу, когда ту, накачав тандуримом, бросили в Катаре на растерзание пьяных мужиков из местного кабака. Выбора-то особо и нет. Окажись я сейчас на улице, куда идти? В Руар? Меня там точно ждут с распростертыми объятиями! В подземный город? Я даже не смогу туда самостоятельно попасть — дверь открывалась, просканировав ладонь Эвана или Дерека. Без сопровождающего туда никак. Да и нет там уже никого из моих знакомых. Уверена: они все уже покинули Дарий. Если бы Эвана убили, я бы знала — тут же начался бы громкий международный скандал. Так куда мне, никчемной и никому не нужной, деваться? Обратно в Катар? В кабак на место мамули?

Ну уж нет! Только не туда!

В голове мелькает до обидного невеселая мысль. Неужели в Катаре все же правы, говоря, что от судьбы не уйти? Что если родилась дочерью потаскушки, то тебе ею и быть?

Отхлебываю эля. Морщусь. Хочу забыться, уйти от реальности, как это всегда делала Акраба. Убежать: от проблем, от жизни, от себя... Потому что не знаю, как мне дальше жить. Честно. Не знаю. Да и не уверена: хочу ли я жить вообще.

Вот только забыться не получается. С улицы внезапно доносятся заунывные, пронзительно громкие рулады труб.

Труб, возвещающих начало Солнцестояния.

— Поговаривают, кристалл на Жезле липовый, — язвительно смеется выпившая мамуля. — Надо будет сегодня сходить — посмотреть, думаю, от претендентов на Жезл отбоя не будет. — Показывает свою культипку. — Может, и мне еще раз рискнуть. Вот Дэмонион обрадуется!

Со всеми этими неприятностями я и забыла, что сегодня ночью звезда Сатаба выйдет на небосклон и осветит своими лучами Плато Семи Ветров. Сегодня Атарксис должен будет взять Жезл Власти с подложным кристаллом, и благодаря мне... Да! Именно благодаря мне этот избалованный, изнеженный, абсолютно никчемный, по заверениям Мэд, мальчишка станет соправителем Дария. Или кто другой — додумавшийся опередить его, а затем... Ни Дэмонион, ни Атарксис не отзовут приказ об уничтожении корабля Эвана, если его, конечно, уже не взорвали в космосе, как отца и братьев.

Видимо, Эвану все же изначально было суждено погибнуть от рук дарийцев.

«Суждено» — какое премерзкое, отвратительное слово!

«Суждено».

Мне — пойти по стопам матери: стать потаскушкой. Эвану — повторить судьбу отца: быть убитым во имя процветания чужой ему империи.

От невеселых мыслей меня отвлекают руки хозяйского сынка, который присаживается рядом и начинает меня беззастенчиво лапать. Смотрю на него — пухлощекоего, с мелкими бегающими глазками, а вижу одного из постоянных клиентов моей мамыши — того самого кузнеца, которого я лично отправила к Отару.

Смотрю и отчетливо понимаю: не хочу! Не хочу повторять ее судьбу.

Он даже не успевает ничего сообразить. Одно молниеносное движение руки, и я перекрываю ему сонную артерию. Парень тяжелым мешком падает на пол. Спасибо Карлу. Верховный Воин лично обучил меня точечным боевым приемам. Благодаря им мне не нужно иметь дред, чтобы справиться с противником.

— Ты что наделала?! — визжит перепуганная Акраба, бросаясь к хозяйскому сынку, у которого уже закрылись глаза, а тело начало биться в мелкой судороге. — Ты... ты его убила!

Что я теперь скажу его отцу?! Он же меня на улицу вышвырнет.

Мать в своем репертуаре. Плевать она хотела на хозяйского сынка. Ее своя шкура куда больше беспокоит.

Это так странно, но лишь до конца осознав всю безнадежность ситуации, я обретаю долгожданное спокойствие. Терять-то мне все равно уже нечего.

— Не вышвырнет. Через час-другой оклемается. Сядь.

Надо же! Мать машинально выполняет мой приказ. Видать, осталась руарская привычка — когда приказывают, выполняй все молча и не спрашивай зачем да почему.

Отчаяние и безысходность породили в моей голове безумный план. Я прекрасно понимаю: шансы, что он сработает, — мизерные. Но терять мне уже нечего. В конце концов, формально я и так уже мертва.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас пошла к Глэдис. В ее дом. Тот, что на окраине старого города. Вызови ее. Я знаю, старуха умеет перемещаться в пространстве, когда ей это очень нужно. Скажи, что я оставила то, что она ищет, под крыльцом заброшенного флигеля.

Акраба бросает на меня испуганно-заинтригованный взгляд.

— Только сама не додумайся лезть туда — лишишься последней здоровой руки, — даю напоследок дочерний совет. — Пусть Дэмонион сам заберет и вернет это на место. Или не вернет — решать ему. Но только поспеши. Надо успеть до начала церемонии Солнцестояния.

По мере того как я говорю, глаза Акрабы округляются от ужаса и удивления. Мать, видимо, решила, что у меня совсем поехала крыша, раз я так спокойно говорю о Верховной Ведунье и самом императоре.

— Да ты совсем рехнулась! Чтобы я...

Но я не слушаю верещания перепуганной Акрабы. У меня на это нет ни сил, ни желания.

— Будет спрашивать, откуда ты узнала, скажешь, что я проболталась, когда на днях заходила к тебе в Адейре. О том, что видела меня сегодня, молчи. Если, конечно, хочешь остаться в живых.

— Я никуда не пойду! — Взбудораженная Акраба возвращается за стол, равнодушно перешагивая через трясущегося у ее ног хозяйского сынка. — Не хватало мне еще Дэмониону на глаза попадаться. Спасибо, но мне нашей с ним прошлой встречи хватило!

Мама со злой усмешкой демонстрирует культяпку по локоть обрубленной руки.

— Как миленькая пойдешь, — хмыкаю в ответ. — Иначе я скажу Глэдис, что ты мне помогала. И тогда ты лишишься уже не руки, а головы.

— Помогала в чем?! — взвизгивает мать и тут же начинает активно жестикулировать. — Нет! Лучше молчи! Я не хочу ни о чем знать.

— Придется. Я по приказу Глэдис подменила кристалл с Жезла Власти на фальшивку. А сейчас хочу вернуть его на место. — Усмехаюсь. — Ты же сама хотела посмотреть интересное представление на Плато. А оно будет куда занимательнее, если кристалл окажется настоящим.

Мать в шоке смотрит на меня. Похоже, пары алкоголя окончательно выветрились из головы мамули.

— Что ты сделала? — медленно переспрашивает Акраба.

— Что слышала.

Мамуля молча берет огромный бокал с элем, залпом выпивает его до дна. Я жду истерики, верещания, сопротивления — в общем, чего угодно, но только не... спокойного расчета.

— С каких это пор тебя заботит судьба дарийского престола? — первой нарушает затянувшуюся тишину Акраба. — Зачем ты хочешь вернуть кристалл на место? Тебе не все равно? Дело сделано.

— Не все равно. Я хочу отсеять лишних.

Мать пристально вглядывается в мои глаза, словно силясь прочитывать мои мысли.

— У тебя не получится, — наконец выдает она. — Я пыталась. Ты уже была в тот момент у меня под сердцем. Топливные кристаллы — это даже близко не Жезл Власти. Не повторяй мою ошибку.

Но мне не нужны ее доводы.

— Не важно. Лучше не теряй время, иди к Глэдис. Иначе...

— Я уже поняла, что «иначе», — недовольно бурчит Акраба, неуклюже выбираясь из-за стола, по ходу споткнувшись за хозяйского сынка и раздраженно пиная его в живот. — Вырастила себе на погибель.

— Не льсти себе, — фыркаю вслед. — Родила — возможно, но вырастила — нет.

* * *

Как же нудно и неприятно ломит тело после перемещений в пространстве. Именно поэтому Глэдис так редко прибегает к телепортации. Слишком много сил и энергии занимают манипуляции со сжиманием пространства. Поэтому, если бы не такая прекрасная новость, Верховная Ведунья наверняка отправила бы зарвавшуюся, невесть откуда взявшуюся пьяненькую Акрабу к Отару. Но новость стоила мук от перемещения в пространстве.

— Держи.

Обещанный кошель с дарами летит в трясущиеся руки счастливой Акрабы. Безусловно, Глэдис не дура: чутье нашептывает ей, что в слишком складном рассказе бывшей шатеры есть нечто искусственное, надуманное... Чтобы мозговитая Ада вот так просто проболталась пьянчужке-матери, с которой никогда не ладила, где находится кристалл с Жезла Власти?! Да ни в жизнь! Впрочем... Верховная Ведунья подумает об этом после. Сейчас самое главное, что слова Акрабы оказались правдой. Кристалл найден. Трон соправителя вновь под защитой магии Древних.

Что до самой Акрабы — она, безусловно, давно отработанный материал, но... Пусть поживет, помучается. Вряд ли у беспутной хватит ума начать направо и налево рассказывать об украденном кристалле. Инстинкт самосохранения у бывшей шатеры еще не до конца пропит.

Да... Пусть живет. Хотя бы в память о той сумасбродной девчонке, благодаря которой кристалл возвращен.

Старуха невольно усмехнулась. Ирония жизни.

Словно какие-то невидимые, неподвластные разуму нити самым абсурдным образом незримо переплели судьбы Верховной Ведуньи Дарийской империи и маленькой нищенки из поселения каторжников и военнопленных. И этого Глэдис так и не смогла понять.

Тус, спутник Дария

Эван

Звездолет приземлился на песчаный Тус, чтобы сделать дозаправку, еще несколько часов назад. Но мы не успели ни пройти обязательный плановый техосмотр, ни получить разрешение на взлет.

Сплин заметно нервничает — то и дело отстукивает пальцами незамысловатую мелодию по приборной панели в рубке пилота. Я знаю: все с самого начала пошло не так. И это мне совсем не нравится.

В соседней рубке играют в шахматы отец Марк и Дерек. Священник, в отличие от остальных, держится молодцом, не поддается неумолимо приближающейся панике. Зато Дерек даже и не пытается скрыть, что весь на нервах. Его очередной вопрос «Ну когда же нам дадут разрешение на вылет?!» заставляет выругаться даже предельно спокойного и тактичного отца Марка.

— Дерек, вместо того чтобы задавать пустые вопросы, лучше сосредоточься на игре. Тебе шах и мат.

— Это не мне шах и мат! А нам всем! — фыркает толстяк. Резко поднимаясь с кресла, начинает мерить шагами каюту. — Не понимаю, как вы можете так спокойно сидеть?! До вас что, не доходит?! Нам труба! Конец! Мы торчим в этой Богом забытой песочнице уже несколько часов, а нам до сих пор не дали разрешение на вылет. И задницей чую, что и не дадут!

— Дерек, оставь свою задницу в покое. За окном песчаная буря, может, из-за нее вылет и отложили, — пытается успокоить разнервничавшегося землянина священник, взглядом показывая на иллюминатор.

Действительно, по всей грязно-голубой поверхности песчаного Туса равномерно распределились пылевые завихрения, похожие на торнадо.

— Отец Марк, вы — физик! Давайте смотреть правде в глаза: этот ветерок не играет никакой роли при взлете звездолета. У нас слишком мощные двигатели, к тому же на Тусе постоянно такая погода. Они просто не хотят нас отпускать отсюда! Вы что, еще не поняли?! Мы в ловушке!

Переглядываюсь со Сплином. Парень торопливо отводит глаза. Хоть вслух и не говорит, но я и сам прекрасно понимаю: Дерек прав. Вряд ли нормально, что отозвали разрешение на вылет, которое Сплин исхитрился получить, еще будучи на Дарии. Но даже не это заставляет меня всерьез забить тревогу. Полчаса назад я разговаривал с Кар-Эльгизом — советником моего отца, его правой рукой, который до моего возвращения исполняет обязанности Верховного правителя Альтаирской империи. Он сообщил, что наш дипломатический крейсер уже вошел в нейтральное космическое пространство, в котором может находиться не больше двенадцати часов. Последний шанс покинуть пределы Дарийской империи. И если мы не успеем добраться до крейсера...

Слова Кар-Эльгиза, с одной стороны, обнадеживают, но с другой... После предательства Ады, если оно имело место, я никак не могу заставить себя вновь начать верить даже близким мне людям. Отсюда и очень большие сомнения: не пошел ли Кар-Эльгиз на сделку с тем же Дэмонионом или Верховной Земного Альянса Айлит Боро? Не хочет ли он отправить меня вслед за отцом и братьями, чтобы самому претендовать на престол?

Да... Должен признать: вместе с Адой из моей жизни исчезла и вера в людей. Но нет худа без добра. Своим предательством Ада сделала огромное одолжение всей Альтаирской империи. Во мне появились хладнокровие и равнодушие. Как будто я тоже погиб вместе с моей семьей в том звездолете, который взорвала Адамаск. Осталась лишь оболочка: пустая, почти бездушная, но зато способная анализировать сложные ситуации и принимать волевые решения.

— Мы никуда не летим.

— Что?! — Дерек подпрыгивает от удивления на кресле. — Ты что, совсем ошалел? Я не собираюсь быть заживо похороненным здесь под толщей песка!

— Что слышал. — Я подхожу к иллюминатору, невольно любуюсь причудливыми узорами, которые рисует на дюнах песчаная буря. — Все это... Весь этот полет на Тус, ожидание вылета для стыковки с крейсером, который отправил за нами Кар-Эльгиз... Слишком похоже на ловушку. Мы чересчур легко покинули Дарий. Просто так Дэмонион бы меня не отпустил.

— Вы хотите сказать, что я предатель?! — обиженно и устало отзывается Сплин. — Только

уж учтите, я с вами сейчас в одной лодке. Случись что со звездолетом, мы вместе отправимся к праотцам.

Священник аккуратно убирает шахматы в выдвижной отсек. Не спеша оборачивается.

— Я доверяю Сплину.

— Я тоже. Не думаю, что Сплин кто-то посвящал в чьи-то глобальные планы. Слишком мелкая сошка. — Бросаю взгляд на нашего сопровождающего. — Без обид.

Парень лишь пожимает плечами, философски усмехается.

— По мне — так лучше быть мелкой сошкой, чем предателем.

Невесело усмехаюсь в ответ.

— Тоже верно.

— Эй вы, двое! — взрывается не на шутку перепуганный Дерек. — Кончайте друг другу комплименты отвечать! Если вы оба такие умные, то, может, скажете, что нам делать?! Не знаю, как вы, но лично я не собираюсь погибать в самом расцвете сил! Я еще, может, жениться хочу!

— Не советую, — хмыкаю я, направляясь к выходу. — Пошли. И оружие прихватите. Дэмонион точно знает, что мы здесь. Он просто не хотел пачкать руки перед мировым сообществом: одно дело убить меня на Дарии и совсем другое — на нейтральной территории. Там с него взятки гладки.

— Да подожди ты! — Прихватив куртку, Дерек несется вслед за мной.

Отец Марк и Сплин, не задавая вопросов, достают из потайного отсека, в котором, видимо, обычно перевозят контрабанду, дистанционное оружие.

— Что делать-то предлагаешь? — не унимается Дерек.

— Угонять другой, не маркированный звездолет, имеющий допуск на вылет, — как ни в чем не бывало отзываюсь я, вводя код открытия люка.

Мне не надо смотреть на Дерека, чтобы понять по затянувшемуся молчанию: он в шоке от обычно правильного меня. Что ж, извини, друг, что разочаровываю, но на войне — как на войне. Увы, другого плана нет. Как и времени. Осталось меньше двенадцати часов, чтобы произвести стыковку с альтаирским крейсером. Если не успеем, то крейсер будет вынужден покинуть буферную зону, согласно регламенту, прописанному в условиях договора. Потому что невыполнение соглашения будет трактоваться Дарием как официальное нарушение перемирия, а это приравнивается к возобновлению войны. И у Дэмониона будут все основания без предупреждения открыть огонь по дипломатическому крейсеру, и никто ему и слова не скажет. Потому что закон будет на его стороне. Возможно, император Дария, вступив в сговор с Земным Альянсом, только того и ждет. Официальной причины уничтожить альтаирский крейсер, а вместе с ним и меня — последнего из рода правителей Альтаира. Поэтому нам стоит поспешить...

Ада

Пробраться сквозь многотысячную толпу зевак, окружившую Плато Семи Ветров, оказывается делом не из простых. Приходится изрядно поработать локтями.

— Эй, куда прешь, оборванка! Не видишь, что ли, там места для знатных, — то и дело доносится из толпы в мой адрес, но я не обращаю на эти окрики внимания и продолжаю упрямо пробираться к цели — огромной каменной плоской возвышенности, которая словно открытая сцена возвышается над равниной.

К самому Плато подобраться не получается — не пропускает охрана. Приходится довольствоваться вторым оцеплением.

Лишь здесь, у подножия, в полной мере понимаю, почему Плато Семи Ветров названо так, а не иначе. Ветра — ледяные, теплые, с запахом моря, ароматом леса, сухостью пустынь — окутывают со всех сторон, создавая завихрения. Пара минут, и ты замерзаешь до дрожи. Не спасает даже грязно-серый старый дорожный плащ Акрабы, который я забрала у мамыши перед уходом. Надо же было во что-то закутаться, чтобы спрятать от посторонних глаз поселянский наряд, абсолютно не вписывающийся в современную пеструю Адейру. Поэтому-то я в глазах толпящихся вокруг меня адейрцев — зарвавшаяся нищенка, которая с наглой рожей пробирается к подножию Плато, туда, где стоят более знатные горожане.

Возмущенные возгласы зевак не смолкают — всем хочется поближе увидеть «представление» вокруг Жезла Власти, но мне на это плевать. Все, чего я хочу сейчас, — собственными глазами убедиться, что мой план сработал и вместо чинного возведения на императорский престол безмозглого Атарксиса будет представление с прилюдным окаменением липового наследника.

Снова гортанно режут трубы. Народ замолкает. Скоро... Совсем скоро начнется шоу: дележка права занять второй трон Дарийской империи.

Насколько я знаю по рассказам Мэд и других шатер, не проходит и одного Солнцестояния, чтобы какой-нибудь сумасшедший не объявил себя сонаследником престола. Неудивительно, что на Плато столько каменных изваяний, некогда бывших живыми людьми. Дарийцы никогда не отличались особым мягкосердечием, поэтому процесс превращения человека в камень вызывает у них весьма живой интерес.

— Эй, красавица! Ставки делать будешь: окаменеет или нет? Сколько самоубийц вызовется в этот раз? — неприятно заискивающий мужской голос отрывает меня от раздумий.

Смотрю на ушедшего мужичка в неприметной одежде горожанина, который носится в толпе с небольшим плоским экраном в руках, принимая ставки. Неподалеку замечаю еще несколько таких же прощелыг. Я и забыла про букмекеров. Каждый раз перед началом Солнцестояния возле Плато Семи Ветров делаются ставки, и порой довольно крупные: сколько сумасшедших осмелятся бросить вызов Дэмониону? Окаменеют ли они сразу от прикосновения к Жезлу Власти или процесс окаменения будет проходить медленно? Дадут окаменеть до конца или отрубят окаменевшую конечность, как Акрабе, отправив затем несчастного в ссылку типа Катара? В общем, народ развлекается как может. Я бы тоже дорого дала, чтобы знать исход сегодняшнего представления. Но, увы, предугадать ход событий не в моей власти.

В голове невольно мелькает мысль: а что, если Глэдис не скажет Дэмониону про кристалл? Или вдруг император сам не захочет возвращать его на место, чтобы не устраивать прилюдной шумихи? Все-таки Атарксис, каким бы извращенцем и придурком он ни был, — единственный официальный наследник престола. Не будет его — на Дарии начнется хаос. Дэмонион не вечен. Что, если...

И это «что, если...» сводит меня с ума. Мне надо знать наверняка!

Гулкие трубы сменяются набатом. Сердце замирает. Началось! Толпа стихает. На Плато с многочисленной свитой выходит Дэмонион и лично выносит Жезл Власти. Ставит его в центр, на специальную площадку, после чего занимает один из двух каменных тронов, искусно высеченных прямо в скале. Среди свиты приближенных замечаю Глэдис и Карла.

Темное ночное небо заливается ярко-оранжевым светом вышедшего на ночной небосклон дневного светила — звезды Сатаба. Огромный огненный диск замирает в окружении Туса и Наоки.

Туса... Именно на этой песчаной планете сейчас находится мой Эван.

Хотя кому я вру? Уже не мой.

Три часа. Осталось всего три часа — ровно столько еще может находиться в нейтральной зоне крейсер Альтаирской империи. Три часа до того момента, когда он должен будет вновь войти в гиперпространство, забрав с собой последнюю надежду на наше спасение.

Три часа до начала возобновления войны между Дарийской и Альтаирской империями, если крейсер нарушит соглашение и задержится в нейтральной зоне хотя бы на минуту.

Эти проклятые и неизбежные три часа.

Но что еще хуже — у нас самих осталось меньше часа, чтобы покинуть Тус, потому что до крейсера еще надо добраться. Как это сделать — пока непонятно. Ангара, в котором помимо нашего звездолета находится еще пара сотен таких же, полностью заблокирован. Разрешение на вылет не дается никому. Видимо, Дэмонион предугадал ход моих мыслей. Даже если мы завладеем другим звездолетом, нам все равно не выбраться с Туса живыми. Впрочем, терять тем более уже нечего.

И в голове мелькает шальная мысль.

— А что, если... Что, если с Туса стартуют все звездолеты одновременно?

— Чего?..

Изумление Дерекка можно понять, идея действительно звучит абсурдно, но все же.

— Если нам удастся пробраться в рубку управления ангара и дать разрешение на вылет сразу всем ждущим звездолетам, то в небе начнется сумятица. Дарийские военные не будут знать, по кому стрелять. Возможно, они вообще не откроют огонь. Здесь слишком много кораблей Земного Альянса. На конфликт с ними они точно не пойдут, и тогда у нас появится хоть мизерный, но все же шанс убраться отсюда.

Священник, Дерек и Сплин переглядываются.

— Идея в целом неплоха, — констатирует отец Марк.

— Другой у нас нет, — фыркает Дерек. — Господи! Как жить-то хочется! Ну да ладно... — Друг поворачивается к Сплину. — Показывай, где у них тут рубка управления находится? Я подожду, пока вы завладеете кораблем. Лучше берите звездолет Земного Альянса — больше шансов, что по нему огонь не откроют, а затем...

— Не ты, а я, — вмешивается в разговор Сплин. — Я сам постараюсь пробраться в рубку, а вы улетаите. В конце концов, это мой мир, а не ваш.

Не нравится мне все это. Я не собираюсь спасать свою шкуру, жертвуя при этом другими людьми.

— Так дело не пойдет. Сначала разберемся с рубкой, а потом...

— Потом вы не успеете добраться до звездолета и улететь, — констатирует Сплин, отступая к выходу из ангара. — Дарийцы не идиоты. Из рубки так просто не выпустят. Так что поторопитесь с звездолетом, об остальном позабочусь я.

— Слушайте, я ему не верю! С какого перепуга такое самопожертвование? Ты же нас даже не знаешь! — Дерек одаривает Сплина хмурым взглядом.

В принципе я согласен с другом. С чего это вдруг провожатый, который вызвался помочь нам за определенную плату, решает фактически пожертвовать собой. Ведь и дураку ясно — шансов уйти живым из рубки практически нет. Чего ради?

— У меня с этой войной свои счеты, — невесело усмехается парнишка, поправляя вновь съехавшие на нос очки. — В свое время я слишком много сделал, чтобы сильнее разжечь этот пожар. Я же хочу попробовать его хоть немного затушить.

Не давая нам опомниться, Сплин исчезает в лабиринте серебристых подземных коридоров, которыми испещрен Тус (на его поверхности жизни нет). Нам не остается ничего другого, как на свой страх и риск довериться парню и попытаться завладеть одним из приграничных звездолетов Земного Альянса, базирующихся здесь же, в общем ангаре.

* * *

Глэдис все-таки это сделала! Передала кристалл Дэмониону! Иначе бы сейчас на глазах довольной улюлюкающей толпы не корчился с дикими воплями какой-то сумасшедший самоубийца, додумавшийся бросить вызов императору и прикоснуться к Жезлу Власти. Брезгливо морщусь. Все же неприятное зрелище — видеть, как живой человек на твоих глазах превращается в изуродованную, распухшую каменную статую.

Минута-другая, и несостоявшийся соправитель Дария застывает, окончательно окаменев в несуразной позе. Мне кажется или его глаза еще сохраняют способность смотреть?

Оглядываюсь. Похоже, на сегодня желающих попробовать взять в руки Жезл Власти больше нет. Если, конечно, не считать самодовольного Атарксиса, который стоит там же, на Плато Семи Ветров и надменно ржет, глядя на окаменевшую жертву.

Придурок! Он даже не подозревает, что в самое ближайшее время его, возможно, самого ждет та же самая участь.

Внезапно в голове мелькает дурная мысль: а что, если этому идиоту все же удастся удержать в руках Жезл хотя бы минуту? Что, если Бэр все-таки ошибся?

И мне это не на руку. Сомневаюсь, что этот самодовольный болван решит воспользоваться правом вето, которое полагается соправителю при его вступлении на трон, и, соблюдая древние традиции, объявит сутки тишины — сутки, в которые нельзя никого убивать.

В день восхождения на престол соправителя испокон веков отменялись даже запланированные казни — их заменяли ссылкой. Если бы Атарксис решил соблюсти традиции, то Эван был бы спасен. Никто из дарийских военных не отважится нажать на спусковой курок в такой день, иначе вся империя попадет под проклятие Древних. Но Атарксис не из тех, кто чтит традиции. Не уверена, что он о них вообще знает. Этого избалованного наследника интересует только он сам и больше никто.

Если же все выйдет так, как предполагают Глэдис и Бэр, и в липовом наследнике не окажется ни капли императорской крови, которая смогла спасти его от окаменения, то тогда... Дня Тишины не будет. И моего мужа по-любому убьют.

Я настолько ухожу в невеселые мысли, что и не замечаю, как погода резко меняется. Небо заполняют черные грозовые тучи. Обжигающе ледяной северный ветер безжалостно хлещет по ногам и рукам, то и дело норовя сорвать старый плащ, в который я кутаюсь из последних сил. Но этот ветер — ничто по сравнению с пугающим отчаянием, которое выужит в моей душе.

Господи! Как бы дорого я дала, чтобы предупредить Эвана об опасности!

И тут мне на глаза попадает очередной букмекер, все еще принимающий ставки и одновременно говорящий с кем-то по видеосвязи.

Как же я раньше не сообразила! Ну конечно! Я же запомнила вызывной код Дерека!

Дождавшись, когда букмекер засунет прибор видеосвязи себе в задний карман и начнет подбивать на ставки очередного зеваку, я незаметно вытаскиваю прибор.

Торопливо набираю номер Дерека. Только бы ответил! Только бы ответил!

Мне несказанно везет. Звонок достигает адресата. Очевидно, что они все еще находятся в пределах Дарийской империи, иначе бы связь прервалась.

— Дерек! Дерек! — Я всматриваюсь в очень плохое, трясущееся изображение. — Где вы? Если на Тусе — вам нельзя улетать! Дан приказ уничтожать любой звездолет...

— Ада?! Где ты? Это правда, что сказала Айрис?! Это ты пронесла взрывчатку на звездолет императора?

Не могу понять, что за чушь несет Дерек.

— Какую взрывчатку? Я ничего никуда не приносила! Не садитесь в звездолет! Не покидайте Тус...

— У нас меньше часа, чтобы улететь. Иначе альтаирский дипломатический крейсер уйдет... Нет выбора!

Опять этот проклятый выбор.

Который есть всегда.

Ветер продолжает завывать. Толпа шумит. Атарксис, сбросив плащ, с видом победителя собирается идти к жезлу.

За спиной Дерек раздаются выстрелы.

— Не говори обо мне ничего Эвану...

Связь обрывается. И моя жизнь тоже. Все еще шипящий передатчик вываливается из рук.

Неужели это все? Конец? Неужели ничего больше нельзя сделать, чтобы спасти Эвана? Если только... Взгляд, полный отчаяния, падает на Жезл Власти.

Я совру, если скажу, что эта абсурдная мысль не посещала меня...

Жезл — не кристалл.

Это верная смерть.

Но зачем мне жизнь без Эвана?

Мой полусумасшедший от отчаяния и безнадёги взгляд блуждает по пестрой, разношерстной толпе дарийцев. В основном мужчины — горожане, ремесленники, воины. Впрочем, хватает и женщин, детей. Те, что побогаче, стоят ближе к Плато — занимают привилегированные места. Те, что победнее, — там, где и я, поодаль.

Стража, охраняющая Жезл Власти, немного сместилась, и теперь я могу беспрепятственно рассмотреть императора, восседающего на троне. Рядом с ним стоит второй трон — пустующий. Трон соправителя.

Неужели сегодня Атарксис займет его?

Мои раздумья прерывают громогласные трубы. Народ с неподдельным интересом взирает на то, как единственный законный наследник Дарийского престола направляется к Жезлу Власти. Поднимаю голову и я с содроганием понимаю, что сейчас решается не только судьба всей Дарийской империи. Сейчас решается судьба Эвана, чья жизнь висит на волоске, и ее счет идет на минуты.

Отчаяние. Безысходное и всепоглощающее. А еще злость.

На жизнь, на судьбу, на себя. Такую беспомощную и никчемную.

И страх. Страх оттого, что все уже predetermined и я абсолютно ничего не могу изменить.

Страх, перерождающийся в боль, которая стирает чувство самосохранения. Потому что внезапно отчетливо понимаю: терять уже нечего. У меня и так забрали все. Что осталось? Никчемная жизнь? Проклятая судьба? Отчаяние? Смирение?

Никогда не любила это слово — смирение. По мне, так оно убивает куда лучше дреда.

Перед глазами, словно за минуту до смерти, пролетает вся моя до смешного несурзная жизнь.

Любовь Эвана, которую я, что греха таить, ничем не заслужила.

Равнодушные алкоголички-матери, у которой я все же умудрилась снискать странное уважение, порожденное страхом передо мной. Еще бы — могу дредом и горло перерезать, если

приспичит...

Нищета, голод и пробирающий до костей холод Катара.

Сытость и роскошь Руара, за которую приходилось платить слишком высокую цену.

А еще — моя почти зачерствевшая душа.

О да! Я могла бы до конца раствориться в Руаре. Я могла бы стать частью его. Моя рука не дрогнула бы, убивая. Я могла бы, не моргнув, предавать, лицемерить, играть чувствами других, если бы...

Если бы в моей жизни не было тех, кто мне по-настоящему дорог.

Если бы не было Бога, с которым меня познакомил отец Марк. А еще — любви, которую создал этот самый, не вписывающийся в уклад Дария, милосердный и любящий Бог землян.

Любви к ближним... К Эвану, к брату, к Мэд и даже к беспутной мамаше. Ведь какая бы ни была Акраба — она все же моя мать, которая не сбросила нас с Анигаем после рождения в обрыв, как делали в Катаре остальные. А ведь могла бы...

«Бог есть любовь», — именно так всегда говорил отец Марк.

О, эта проклятая любовь! Это она перетасовала все мои карты! Разрушила все четко выверенные планы! Как же она подвела меня! Сделала уязвимой! Зависимой от жизни других, дорогих мне людей! Это любовь вынудила ставить интересы близких людей выше собственных. Это любовь привела меня сюда, на Плато Семи Ветров — нищую оборванку с никчемной судьбой, чтобы здесь в полной мере я смогла ощутить то, что называется отчаянием и обреченностью. Ведь я абсолютно ничем не могу помочь тем, кого по-настоящему люблю. Спасти их! Или...

...Могу?

Самодовольный Атарксис подходит к Жезлу Власти. С какой самоуверенностью избалованный гордец протягивает руку к Жезлу! В его глазах нет ни капли сомнения в том, что еще немного — и он станет соправителем Дария.

И только тут до меня доходит: весь фокус с Жезлом Власти заключается вовсе не в императорской крови! Вернее — не только в ней! Дело в этой самой фатальной, наглой самоуверенности в том, что ты достоин быть повелителем Дария. Не кровь Древних дает тебе власть над Жезлом, а вера в собственные силы, убежденность, что ты — и никто другой! — должен занять трон.

Назло!

Наперекор!

Вопреки всему и всем.

Только это достойно императора! Вера, что ты — правитель. Ты. И никто другой!

Но хватит ли этой уверенности трусливому Атарксису? Одно дело — глупая самоуверенность, и совсем другое — инстинкт самосохранения.

Интуиция не подводит меня. Рука наследника замирает в сантиметре от Жезла Власти.

Невольно выдыхаю. Атарксис находится слишком далеко, чтобы я в деталях видела его лицо. Но мне и так понятно: даже если в его жилах и течет императорская кровь, Атарксис все равно не станет правителем. Потому что трус!

Даже стоя здесь, в стороне, я чувствую его неуверенность. Страх. Паническую боязнь смерти.

В последнее мгновение инстинкт сработал. Это он заставил наследника замереть с вытянутой рукой в сантиметре от Жезла Власти. В одном миге от титула соправителя Дарийской империи. Собственная жизнь оказалась куда ценнее престола. Надо признать: парень не конченный дурак. Немного мозгов у него все-таки осталось.

Перевожу взгляд на веселящегося дэуса Бэра, который, несмотря на судьбоносность

ситуации, не перестает жевать курицу. Затем на разочарованную Глэдис, недоумевающего Карла, Дэмониона, одаривающего племянника надменным, презрительным взглядом.

Атарксис разочаровал многих, но зато он остался жив.

— Еще не время! — громогласно произносит несостоявшийся сопровитель и делает шаг назад.

Надо же! Даже нужные слова к случаю подобрал!

Время... Его-то как раз у меня и нет.

Поднимаю взгляд на небо. Еще немного, и Тус и Наоки исчезнут, окончательно уступив место звезде Сатаба. Церемония закончена, а значит, Дэмонион вернется к своим делам. А дела таковы, что правитель Дария ни за что не даст Эвану живым покинуть пределы империи. Из тридцати минут осталось двадцать.

* * *

Атарксис струсил. Что ж, этого и следовало ожидать. Верховная Ведунья покрепче облокотилась на посох. Все тело нестерпимо ломило после недавнего перемещения в пространстве. Да еще эти гуляющие по Плато ветра. Наверняка ее сегодня продует, и лечи потом спину. Хорошо еще, что она в прошлый раз не убила в сердцах Бэра. Надо будет вечером заглянуть к нему — пусть пропишет лекарства, мази. Магия — магией, а со здоровьем шутить нельзя. Не те уже годы.

Глэдис выпятила взглядом в пестрой свите Верховного Лекаря. Тут же усмехнулась. Как всегда, непотопляем. Синяки, оставшиеся после их прошлого общения, тщательно забелены пудрой. И даже здесь, на Плато Семи Ветров, обжора Бэр не изменяет себе — смачно жует жирную куриную ножку. Да когда он наконец нажрется-то?! И как в него все это влезает?

Верховная Ведунья уже хотела отвести взгляд от лекаря, как вдруг с ним начало происходить что-то странное. Сначала Бэр выпучил глаза, словно увидел отголосок, затем подавился, закашлялся, но глаза так и не оторвал от какой-то точки.

Интересно, что такого мог усмотреть непробиваемый пройдоха-циник, которого обычно очень трудно чем-либо удивить?

Заинтригованная Глэдис проследила за шокированным взглядом Бэра и застыла сама. Прямо на них, по каменной дороге, ведущей к Жезлу Власти, шел призрак. Нищенка, катарская оборванка, дочка беспутной мамы, которая однажды осмелилась проделать то же самое...

Адамаск.

Вот же живучая стерва!

* * *

Курочка была весьма вкусной. С зажаренной хрустящей корочкой, которую было приятно макать в чесночный соус. Плевать, что потом будет не слишком приятно пахнуть изо рта. Придворные дамы переживут, ведь у дэуса Бэра — Верховного Лекаря императора Дэмониона — хватает денег, аромат которых с легкостью перекрывает самые омерзительные запахи.

Признаться, Бэр был худшего мнения об умственных способностях Атарксиса. Он никак не ожидал, что у того хватит мозгов не дотрагиваться до Жезла Власти. Но главное, как красиво вышел из ситуации! «Еще не время!» И статус наследника сохранил, и сухим из воды выбрался. Молодец, мальчик, ничего не скажешь. Жаль лишь одного — такое могло быть шоу! Такой

переполох! Шутка ли: племянник императора окаменел! Вот бы было пересудов!

Верховный лекарь в очередной раз поежился от порыва холодного ветра — от сквозняков на Плато Семи Ветров не спасали и дорогие одежды. И собрался уже жестом приказать слуге, что они уходят, как вдруг... Многотысячная толпа вновь забурилась, после чего расступилась, пропуская к Плато какую-то маленькую оборванку в грязном сером плаще, наброшенном поверх простенького платья. Босая, худенькая, можно даже сказать, тощая...

— Самоубийца, — фыркнул Бэр, потянувшись за очередным куском ароматной курицы. — Что ж, досмотрим представление до конца.

Оборванку не воспринял всерьез ни народ, ни императорская свита. Смех, улюлюканье и одиночный, жалостливый женский окрик:

— Девочка, остановись! Умрешь же, дурочка! Ты же молоденькая совсем... Тебе жить да жить!

Но девчонка, не обращая внимания ни на пронизывающий ледяной ветер, ни на свистящую вслед толпу, ни на насмешливый взгляд императора, продолжала упорно подниматься по ступеням, ведущим к Плато Семи Ветров. Шаги давались непросто, учитывая, что шла она босиком, ступая окровавленными пятками по острой каменистой насыпи.

— На башмаки денег нет, а ей Жезл Власти подавай! — хмыкнул кто-то из придворных неподалеку от Бэра. — Тоже мне — императрица!

Придворные громко заржали.

К этому моменту маленькая самоубийца поднялась на край Плато. До Жезла Власти ей оставались какие-то сто метров.

Дэус Бэр, не прекращая жевать, прищурился. Ему не терпелось получше разглядеть лицо сумасшедшей. Вот только не получалось — мешал капюшон ее старого плаща.

О да! Верховный Лекарь был весьма заинтригован. Кто та сумасшедшая нахалка, которая решила бросить вызов императору и отправиться к Отару сразу же после прикосновения к Жезлу Власти? Интересно, что толкнуло ее на столь отчаянный шаг? Неразделенная любовь? Нищета? Отчаяние?

— А ведь она идет умирать... И хорошо понимает это, — усмехнулся Бэр, обращаясь к слуге, своему вечному молчаливому слушателю. — Вот и пойми женщин. Не могла придумать другого способа покончить с собой? Представление устроить захотелось?

Очередной порыв северного ветра сорвал с головы незнакомки капюшон. Бэр бросил на девчонку беглый взгляд и судорожно закашлялся, подавившись непрожеванным куском курицы. Жадно хватая ртом воздух, отталкивая подоспевшего на помощь слугу, дэус Бэр с трудом отдышался, после чего вновь поднял взгляд на приближающуюся к Жезлу Власти самоубийцу.

О! Если бы остальные видели то, что сейчас видел Верховный Лекарь! Паника, страх, ужас бурей поднимались в его душонке, сметая все остальное. Потому что прямо на него шла та, которой не должно было быть. Ошибка! Насмешка судьбы! Просчет своей матери! Проклятие отца! Безродная нищенка, которая должна была умереть в Дэбэре еще до своего рождения.

Ошарашенному, шокированному Бэру оставалось лишь гадать, знала ли мать девчонки, кто был настоящим отцом ее ребенка? Или она сознательно соврала ненавистному мужу об измене, чтобы тот лично приказал убить свое собственное, столь долгожданное и еще не рожденное дитя?

О да! Скорее всего она знала правду! Она не могла ее не знать! И самое страшное: она использовала их с Глэдис, как слепых котят, чтобы их руками отомстить мужу.

О женщины! Какой же извращенной порой бывает ваша месть! Как быстро ваша всепоглощающая любовь может превратиться во всепоглощающую ненависть. Но ненавидеть настолько, чтобы принести на алтарь смерти собственного ребенка?! Это было слишком даже

для циника Бэра.

Как же она подставила его!

И теперь Бэр должен молчать. Обо всем, что произошло в императорской тюрьме Дэбэр много лет назад. Иначе ему самому не сносить головы. Ибо есть вещи, которые не прощаются...

А девчонка тем временем все шла и шла. И с каждым ее шагом панический страх Верховного Лекаря возрастал. Он уже без труда мог разглядеть каждую черточку ее лица.

Сомнений не оставалось.

Счастливицы! Дэмонион, Глэдис, Карл, императорская свита, многотысячная толпа зевак, ожидающих представления. Они не видели в этой нищенке то, что видел до смерти перепуганный Бэр. Потому что прямо на него шла...

...Арасэли.

Лишь копна густых каштановых волос и редкого цвета фиалковые глаза, доставшиеся девчонке от отца, делали ее не похожей на мать.

Да! Это была она! Императрица!

Какая все-таки получилась идеальная месть!

А нищенка все шла и шла, неумолимо приближаясь к Жезлу Власти. Шла под дикий смех толпы. Усмешку Дэмониона.

— Дура, — с непонятной жалостью и обреченностью прошептала Глэдис, стоящая неподалеку от Бэра.

И даже она — Верховная Ведунья, обладающая даром предвидения, — не смогла предугадать то, что сумел почувствовать дэус Бэр. В отличие от Глэдис, императора, свиты, затихшей толпы Верховный Лекарь сумел расслышать за легкими окровавленными шагами маленькой нахалки тяжелую поступь страшного и в то же время грандиозного века расцвета Дарийской империи. Века правления неординарной, жестокой, амбициозной императрицы, которая войдет в историю Вселенной как Адамаск Великая.

* * *

Десятки ярких точек одновременно покинули Тус. Несмотря на то что центр управления полетами был захвачен, с Дария так и не поступило приказа открыть огонь на поражение по сбежавшим со спутника кораблям.

Полчаса спустя один из небольших научно-исследовательских звездолетов Земного Альянса произвел стыковку в нейтральной полосе с дипломатическим крейсером Альтаирской империи.

Гиперпрыжок, и...

Новый император Альтаира стоял возле огромной прозрачной стены, разделяющей конференц-зал дипломатического крейсера с открытым космосом, и задумчиво смотрел вдаль. На сияющую необычным и таким манящим светом изумрудно-синюю планету. Туда, где осталась девчонка, которая смогла изменить ход истории. Перевернула всю его жизнь. И предала его.

В императорском одеянии, увенчанный короной, Иоанн Дрогвард Второй лично отдал приказ брать курс на родную планету и волевым решением навсегда вычеркнул из памяти катарскую нищенку и свою любовь к ней.

* * *

Кошмары все же сбываются. И сегодня Глэдис убедилась в этом воочию.

До неуютности темно. Старые, уже давно утратившие былую зоркость глаза предательски подводят Верховную Ведунью, не давая в деталях рассмотреть ту, что стоит всего в нескольких метрах от нее у распахнутого окна. Знакомый женский силуэт на фоне огромного диска ночного светила Дария — лучезарной Наоки. Традиционное для дарийской знати богатое, струящееся в пол платье. Цвет не разобрать. Лишь контуры. Поверх длинных волос, перехваченных изящной драгоценной цепочкой, — вуаль. И корона.

Корона императрицы Дария.

Глэдис нет нужды смотреть в лицо этой совсем юной женщине, чтобы понять: перед ней — она...

Императрица.

Императрица Адамаск.

Насмешка судьбы. Ирония жизни. Девчонка, которую она сама же привела в Руар и которую ей так и не удалось подчинить себе.

Если бы кто сказал Глэдис, что однажды она — Верховная Ведунья Дарийской империи — преклонит колени перед этой катарской нищенкой, — старуха бы рассмеялась.

Но сейчас ей совсем не до смеха.

Потому что перед ней стоит она — императрица Адамаск.

Ее новая госпожа. Ее императрица, которая даже не удосуживается обернуться, словно не желая отвести взгляд от ночного звездного неба.

Несмотря на боли в спине и ногах, Верховная Ведунья склоняется перед молодой повелительницей, боковым зрением улавливая еще какое-то движение.

Из темноты появляется Карл. Он, как и Глэдис, в полном смятении. Возможно, будь его воля, он бы мог убить зарвавшуюся девчонку, осмелившуюся бросить вызов целой империи, но... Неподвластная им, древняя, как сама жизнь, сила неотвратимо тянет обоих к юной повелительнице, которая всего лишь пару часов назад на глазах многотысячной толпы и изумленного Дэмониона подчинила себе Жезл Власти.

Странное, давно забытое, щемящее душу чувство переполняет души Верховной Ведуньи и Верховного Воина. Они испытывали его лишь однажды — когда присягали в верности самому Дэмониону. Ни до, ни после в их жизни не было ничего подобного. И вот сейчас они клянутся верой и правдой служить той, которую считали ниже себя... Той, за которую теперь, не задумываясь, отдадут собственную жизнь.

Юная императрица медленно оборачивается, и только сейчас до Верховной Ведуньи в полной мере доходит то, что она не могла уловить в Адамаск все эти годы. Так вот почему там, на Плато Семи Ветров, от ужаса парализовало Бэра! Он увидел то, что сейчас видит Глэдис.

С забранными под корону волосами, в императорском платье, девчонка до парализующего ужаса походит на ту, которую Глэдис ненавидела всей душой, ту, которая сломала Дэмониону жизнь, — на свою родную мать, императрицу Арасэли.

День восхождения на престол императрицы Адамаск вошел в историю Вселенной как День тишины. Невесть откуда взявшаяся самозванка, сумевшая подчинить себе Жезл Власти, воспользовалась традиционным правом вето и запретила в День Солнцестояния убивать — чтобы не навлечь на империю проклятие Древних. Именно благодаря столь удивительному стечению обстоятельств новому императору Альтаира Иоанну Дрогварду Второму и его друзьям удалось покинуть пределы Дарийской империи, не нарушив условия перемирия.

История о катарской девчонке и альтаирском принце будет старательно погребена в памяти всех, кто к ней причастен. Ибо эти двое, правители враждующих империй, уже никогда не смогут быть вместе.

По крайней мере не должны...

Но у Бога свои планы. И словно вопреки самой судьбе пути императора Альтаира Иоанна Дрогварда Второго и императрицы Дария Адамаск Великой еще не раз пересекутся.